

*Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера СО РАН*

Русские арктические старожилы Якутии

Сборник научных статей

*г. Якутск
2019 г.*

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
«ЯКУТСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК»
ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
И ПРОБЛЕМ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА

РУССКИЕ АРКТИЧЕСКИЕ СТАРОЖИЛЫ ЯКУТИИ

Сборник научных статей

Якутск
2019

УДК 94(571.56)+39(=161.1)(571.56-22)
ББК 26.89(2Рос.Яку-2)
DOI 10.25693/RusStarozil.2019

Рецензенты

д. ист. н. Н.И. Бурнашева
д. социол. н. У.А. Винокурова
д. филол. н. А.Н. Ларионова

Редколлегия

к. ист. н. С.Е. Никитина (отв. ред.)
к. ист. н. Е.П. Антонов

Р 89 Русские арктические старожилы Якутии : сборник научных статей ; [электронный ресурс] / редакционная коллегия: С.Е. Никитина (отв. ред.) , Е.П. Антонов] . – Якутск : ИГИиПМНС СО РАН , 2019 . – 288 с.

ISBN 978-5-902198-47-5

УДК 94(571.56)+39(=161.1)(571.56-22)
ББК 26.89(2Рос.Яку-2)

URL:<http://http://igi.ysn.ru/files/publicasii/RuskiyearchticheskiyestarozhilyYakutii.pdf>...

Настоящий сборник научных статей составлен на основе результатов двух проектов: «Русские арктические старожилы Республики Саха (Якутия): культурно-созидательный опыт хозяйственного и научного освоения Арктики (с. Русское Устье и с. Походск). 2012–2013 гг.» и «Лингвокультурологическая экспедиция в с. Походск Нижнеколымского улуса (района) Республики Саха (Якутия), с. Русское Устье Аллаиховского улуса (района) Республики Саха (Якутия). 2014 г.» по Государственной целевой программе «Сохранение, изучение и развитие государственных и официальных языков Республики Саха (Якутия)». В 2013 г. в рамках проектов состоялась Всероссийская научно-практическая конференция «Язык и культура русских старожилых Арктики как феномен этнокультурного взаимодействия народов Республики Саха (Якутия)», посвященная 375-летию Русского Устья Аллаиховского улуса (района) Республики Саха (Якутия), материалы которой также вошли в сборник. В книге представлены статьи профессиональных исследователей истории, этнографии, антропологии, фольклористики и лингвистике а также краеведческие материалы русских арктических старожилых с. Русское Устье и с. Походск.

Издание предназначено как для специалистов-гуманитариев, так и для широкого круга читателей.

ISBN 978-5-902198-47-5

ИГИ и ПМНС СО РАН, 2019

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 2012–2014 гг. по инициативе Департамента по делам народов Республики Саха (Якутия), Министерства образования Республики Саха (Якутия) сотрудники Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН в сотрудничестве с учеными Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая выполняли научно-исследовательскую работу по проектам: «Русские арктические старожилы Республики Саха (Якутия): культурно-созидательный опыт хозяйственного и научного освоения Арктики (с. Русское Устье и с. Походск)» и «Лингвокультурологическая экспедиция в с. Походск Нижнеколымского улуса (района) Республики Саха (Якутия), с. Русское Устье Аллаиховского улуса (района) Республики Саха (Якутия)» в рамках Государственной целевой программы «Сохранение, изучение и развитие государственных и официальных языков Республики Саха (Якутия)». В ходе научных экспедиций выполнены антропологические, диалектологические, историко-культурологические, этнографические исследования по языку и культуре русских арктических старожилов Республики Саха (Якутия), проведена Всероссийская научно-практическая конференция. В 2014 г., как планировалось проектом, из-за финансовых трудностей организаторов конференции, публикация сборника материалов ее участников не смогла состояться. Предлагаемый сборник научных статей включает статьи, подготовленные по результатам исследований участников экспедиционных отрядов проекта, а также в него вошли материалы конференции, состоявшейся в рамках проекта.

Русское старожильческое население сел Русское Устье и Походск сохранило уникальную по самобытности культуру, законсервировавшей архаизмы северорусской культуры XVI в. У истоков этих островков российской культуры в XVII в. были русские казаки из отряда Реброва и семьи крестьян-поморов. Из-за труднодоступности арктических районов, практически отрезанные от генеральной российской государственности и цивилизации, эти группы населения вступили

во взаимодействие с традиционной культурой аборигенных народов. Научный интерес обоснован значимостью обобщения исторического опыта сохранения самобытной культуры русского старожильческого населения, явившегося первичным проникновением в отдаленные территории Северо-Востока Азии не «государственным», а «крестьянским» интересом в поиске новых земель.

Состоявшиеся экспедиции в Русское Устье и Походск позволили собрать интереснейшие материалы, которые и поставили вопрос об организации научного форума для обмена мнениями по актуальной проблеме сохранения самобытной культуры и перспектив традиционного природопользования русских арктических старожил в условиях рыночной экономики. Научный опыт доказывает, что конференции расширяют представления о значимости и масштабности обсуждаемых вопросов, способствуют сосредоточению исследовательских усилий на значимых направлениях науки и практики.

5-6 декабря 2013 г. состоялась Всероссийская научно-практическая конференция «Язык и культура русских старожил Арктики как феномен этнокультурного взаимодействия народов Республики Саха (Якутия)», посвященная 375-летию Русского Устья Аллаиховского улуса (района) РС (Я). Организаторами конференции были Совет по языковой политике при Президенте Республики Саха (Якутия), Министерство образования Республики Саха (Якутия), Департамент по делам народов Республики Саха (Якутия), Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН.

В работе конференции приняли участие более 100 чел., среди них ученые, преподаватели высших учебных заведений, представители органов законодательной и исполнительной власти из Москвы, Архангельска, Великого Новгорода, Якутска, учителя и активисты общественных организаций с Русского Устья и с. Походска. Всероссийский статус конференции обусловлен участием 11 российских иногородних докладов, в том числе 6 очного участия, и 2 зарубежных ученых: Аймар Вентцель (Университет Тарту), Дженаан Фергюсон (Университет Антверпен, Канада). Активный отклик ученых на приглашение принять участие в работе конференции в очередной раз доказал, что русское старожильческое население арктических сел Русское Устье и Походск, которое сформировало в течение столетий уникальную материальную и духовную культуру, вызывает повышенный интерес среди российской и мировой научной общественности.

Конференция открылась Приветственным словом Владыки Рома-

на, Епископа Якутского и Ленского, благословившего работу и участников пожеланием светлых мыслей и добрых свершений! Руководитель Департамента по делам народов РС (Я) А.Е. Сергучев рассказал о подготовке и проведении юбилейных мероприятий, состоявшихся в празднование 375-летия в июле 2013 г. в с. Русское Устье, где приняли участие вице-губернатор Новгородской губернии В.А. Смирнов, советник Президента Российской Федерации Н.А. Толстой, Президент Республики Саха (Якутия) Е.А. Борисов, Владыка Роман, Епископ Якутский и Ленский. Директор Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН А.Н. Алексеев пожелал плодотворной работы участникам конференции, задачи которой определялись научным интересом к сохранению уникальной культуры и самобытного языка, традиционных промыслов арктических русских старожилов Индигирки и Колымы. Проблемы и трудности традиционного природопользования, с которыми в повседневности сталкиваются русские старожилы Арктики, стали основным содержанием выступления главы Администрации муниципального образования «Нижнеколымский район», коренного походчанина, И.П. Суздадова.

В работе конференции обсуждались вопросы по основным направлениям: формирование этнотерриториальных арктических групп русских старожилов; правовой статус, исторический опыт социально-экономического и этнокультурного взаимодействия русских старожилов и коренных народов Арктики; антропологические аспекты изучения арктических русских старожилов и коренных народов Якутии; язык и фольклор арктических русских старожилов Якутии.

Широкий спектр тем, вынесенных на пленарное и секционное заседания, позволил состояться обмену мнениями по истории формирования и образования этнической территории русских в Арктике, научному изучению русского населения в арктических районах Якутии; проблемам этнокультурного взаимодействия, сохранности историко-культурного наследия, особенностям языка и фольклора русскоустыинцев и походчан; по имеющемуся мировому, российскому и региональному опыту законодательного закрепления и защиты прав жителей арктических территорий. Работа конференции показала необходимость усиления внимания к изучению исторического опыта адаптации русских арктических старожилов и их роли в культурно-созидательном, хозяйственном и научном освоении Арктики.

Было подчеркнуто, что этот процесс адаптации происходил во взаимовлиянии и взаимодействии с традиционными культурами коренных народов Арктики, в результате чего был сформирован феномен синкретизма традиционных хозяйственных занятий коренных арктических народов, русского домашнего быта, православной культуры, старорусского языка и фольклора.

Важными представляются включенные в сборник материалы учителей МОУ «Русско-Устьинская основная общеобразовательная школа» с. Русское Устье Аллаиховского улуса (района), именно они являются достоверными свидетельствами повседневной работы среди ребят старшего дошкольного возраста и школьников общеобразовательной школы по сохранению уникальных по историчности и самобытности языка и фольклора русских арктических старожилов.

В рамках конференции состоялся Круглый стол «Правовой статус и этническая идентичность арктических русских старожилов Республики Саха (Якутия)», на котором были подняты актуальные вопросы современного общественно-политического, социально-экономического и этнокультурного состояния и перспектив развития этой самобытной этнической общности Северо-востока Азии. В центре внимания были проблемы законодательных коллизий по определению правового статуса русских арктических старожилов в распространении на них федерального законодательства по традиционному природопользованию, являющегося необходимой основой их жизнеобеспечения. Актуальность сохранения этой уникальной культуры ставит перед государственными структурами и учеными, особенно нашей республики, задачи по углубленному изучению и научному обоснованию государственных программ, вплоть до федерального уровня по сохранению традиционного быта и занятий русских арктических старожилов.

Хотелось бы выразить надежду, что предлагаемый сборник научных статей и материалов конференции привлечет внимание научной общественности и государственных органов к проблеме государственной поддержки этой уникальной арктической культуры традиционного природопользования, явится импульсом к дальнейшему изучению вопросов традиционных промыслов, культуры, языка и фольклора русских арктических старожилов Республики Саха (Якутия).

кандидат исторических наук С.Е. Никитина

РАЗДЕЛ 1:

**ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ
АДАПТАЦИИ РУССКИХ АРКТИЧЕСКИХ СТАРОЖИЛОВ
ЯКУТИИ**

УДК 94(=161.1)(571.56)(091)

Е.А.Строгова

**Формирование постоянного русского населения
и образование этнической территории
на севере Якутии в XVII–XVIII вв.¹**

Аннотация. В статье представлены результаты комплексного исследования направленного на выяснение происхождения локальных групп русских арктических старожилов Республики Саха (Якутия). На основе археологических, этнографических, фольклорных и архивных материалов показано, что основу русского старожильческого населения на севере Якутии заложили осевшие здесь промышленные люди, родиной которых были преимущественно восточные районы Русского Севера и Предуралья.

Ключевые слова: Арктика, русские арктические старожилы, Республика Саха (Якутия), историческая этнография, социальная антропология

Е.А. Strogova

**The Establishment of the Permanent Russian Population and
Formation of Ethnic Territory in the North of Yakutia
in the XVII – XVIII Centuries¹**

¹ Статья подготовлена в рамках исполнения ГЦП «Лингвокультурологическая экспедиция в пос. Походск Нижнеколымского улуса (района) Республики Саха (Якутия), пос. Русское Устье Аллаиховского улуса (района) Республики Саха (Якутия)» контракта № 198 от 3 сентября 2013 г.

¹ This article was prepared in the project of implementation of STP “Linguistic and cultural expedition in the village Pokhodsk of the Nizhnekolymsky ulus (district) of the Republic of Sakha (Yakutia), the village Russkoye Ustye Allaikhovskiy ulus (district) of the Republic of Sakha (Yakutia)” of the contract No. 198 dated September 3, 2013

Abstract. The article presents the results of a comprehensive study aimed at elucidating the origin of local groups of Russian Arctic old-timers in the Republic of Sakha (Yakutia). The basis of the Russian old-time population in the North of Yakutia was laid by industrial people settled here, whose homeland was mainly the eastern regions of the Russian North and the Urals based on archaeological, ethnographic, folklore and archival materials.

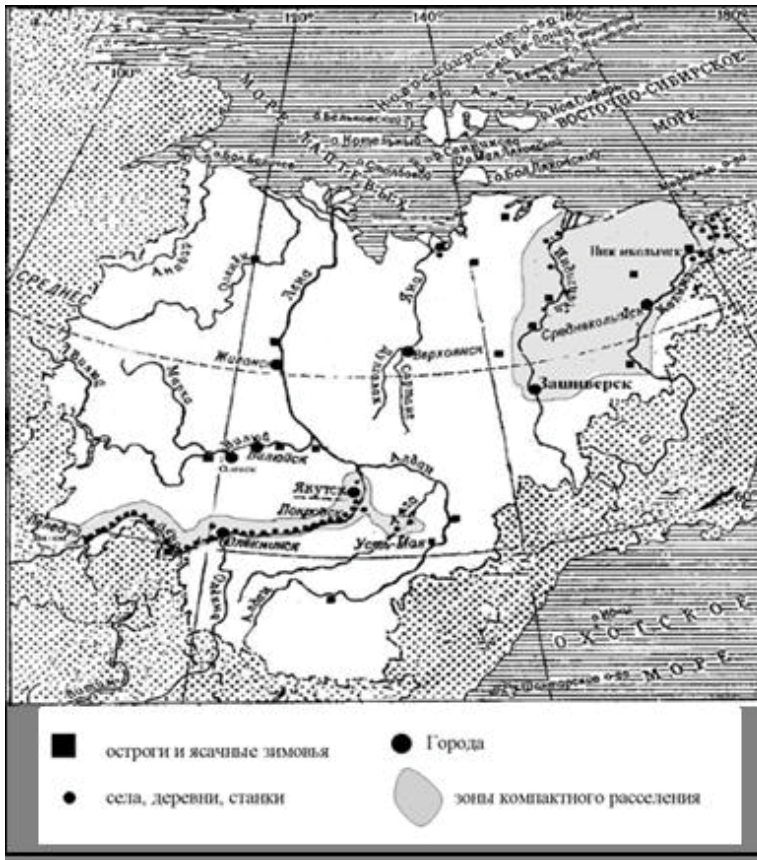
Keywords: Arctic, Russian Arctic old-timers, Republic of Sakha (Yakutia), historical ethnography, social anthropology

Сегодня половину населения Республики Саха(Якутия) составляют этнические русские. В большинстве своем это люди, прибывшие в республику в 30–80-е годы XX в. во времена активного промышленного освоения края и их потомки, часть русского населения Якутии составляют русские старожилы. Русские старожилы в Якутии – составная часть всего русского народа, которая складывалась на протяжении столетий, начиная с XVII в., когда Якутия вошла в состав Российского государства.

Несмотря на то, что с сер. XVIIв. до сер.XX в. русские составляли меньшинство населения Якутии (в 1917 г. их было 24.923 чел. или 8,2% населения)[Петрова, 1992] они оказывали в целом прогрессивное влияние на уровень социально-экономического и культурного развития края, а так же, по мнению некоторых исследователей, “именно наличие русской национальной группы определяло в прошлом, определяет и сегодня характер межнациональных отношений среди всех национальностей, проживающих на территории Якутии, в том числе коренных народов” [Игнатъева, 1992, С. 90].

Картографирование русских поселений, возникших в XVII – начале XVIII вв. позволило выделить две зоны компактного проживания русских в Якутии того времени (рис.1). Первая – южная – включает побережье р. Лены от поселка Витим (граница с Иркутской областью) до г. Якутска и поселения по р. Амге, а так же возникшие в конце XVIII в. поселения на р. Мае. К этой зоне тяготели и русские поселения по Вилюю.

Вторая – северная – расположена в низовьях рек Колымы и Индигирки, включая г. Зашиверск, существовавший до 60-х годов XIX в. Несмотря на большую площадь, район между низовьями р. Индигирки и р. Колымы с расположенными здесь русскими поселениями может считаться зоной компактного проживания, так как между жителями населенных пунктов существовали тесные

Расселение русских в Якутии к концу XVIII в.

связи в разных областях жизнедеятельности. Интерес вызывают причины появления этой зоны компактного расселения.

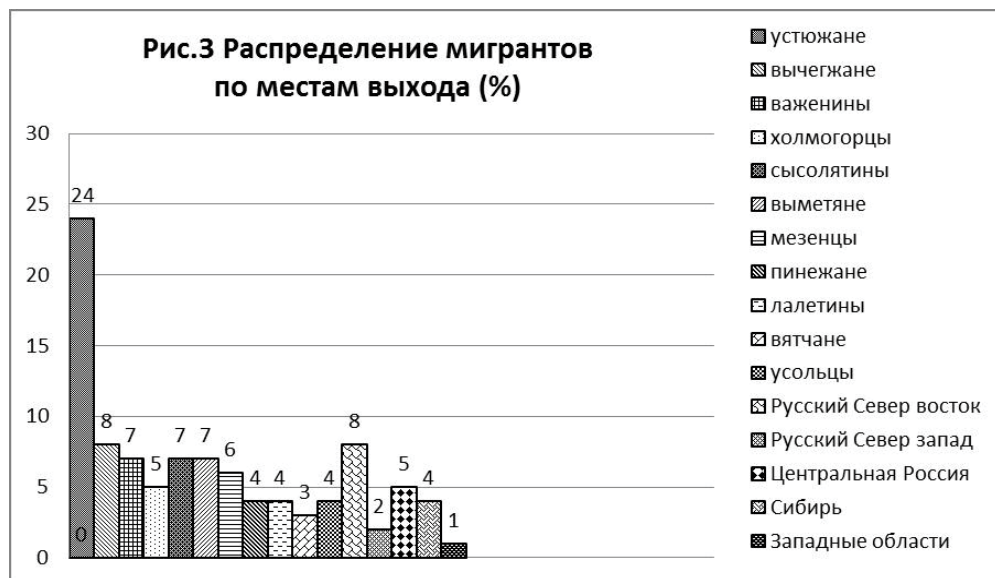
Первые русские поселения в указанном районе появляются в конце 30-х годов XVII в. а к концу столетия весь север Якутии уже покрыт сетью «ясовых» и «промышленных» зимовий, большинство из которых перестало существовать к началу XVIII в. «Якутского уезда роспись дальним и ближним ясовым острожкам и зимовьям», составленная в 1675 г. [ДАИ, 1857, - С. 401-408] показывает, что постоянного русского населения в них не было. Такое положение не вполне соответствует действительности. Промышленники, которые и вправду отличаются чрезвычайно высокой подвижностью в силу самой специфики их деятельности все же оседали если и не в конкретных зимовьях, то на определенных территориях. Причины оседания промышленников и служилых на северных реках хорошо показаны Ф.Г. Софроновым в книге «Русские промыслы торги на Северо-востоке Азии» [Сафронов, 1980].

Несколько лет назад была создана база данных, аккумулирующая сведения массовых таможенных документов таможен XVII в., расположенных на территории Якутии – таможенных росписей и выписей. Эти документы содержат сведения о перемещениях представителей разных категорий русского населения, как по территории Якутии, так и за ее пределы. Работа над базой данных еще не закончена, но некоторые выводы делать уже возможно. На диаграмме (рис.2) отражен социальный состав русских людей мигрировавших на севере Якутии (низовья Лены, Индигирка, Колыма, Оленек) в 40-е годы XVII в.

Как видим, 90% мигрантов, составляют охотники-промысловики, считая не только самостоятельных промышленных людей, но и зависимые категории и крестьян, занимавшиеся теми же промыслами. Это лишний раз подтверждает мнение В.А. Александрова, считавшего, что именно промышленники стали основой для формирования постоянного русского населения на севере Якутии на первоначальном этапе его освоения [Александров, 1963, С. 236].

Диаграмма 2 (рис.3) показывает из каких регионов России происходили русские люди жившие в изучаемом регионе в 40-х годах XVIIв. Бросается в глаза огромное количество выходцев из района Великого Устюга – устюжан (их 24%), остальные районы восточной части Русского Севера представлены приблизительно равномерно по 4-8%. Западные районы этого региона представлены плохо и состав-

ляют всего 2% от общего числа мигрантов (в том числе новгородцев среди них 4 человека, чуть больше 1%). В то же время общая сумма выходцев с Русского Севера впечатляет – 89% от общего числа мигрантов. Другие регионы русского государства представляют жители Центральной России – москвичи, ярославец, нижегородцы, всего 5%, западные окраины два галичанина и вислянин, что составило 1%. Сибирь представляли в основном служилые люди и здесь речь идет скорее о месте службы, нежели о месте выхода, и все же сибиряки составили 4% от общего числа мигрантов.

Таким образом, основу русского старожильческого населения на севере Якутии заложили осевшие здесь промышленные люди, родиной которых были преимущественно восточные районы Русского Севера и Предуралья.

Вероятно, значительную роль в образовании русских поселений в этом районе сыграло то, что с конца XVII в. Алазейский и колымские остроги были опорными пунктами в пути на Анадырь, а с начала XVIII в. и далее – на Камчатку. Высокая активность государства в этом направлении, связанная с сопротивлением народов этого региона русской колонизации [Зуев 1995, 1998; Кузьминых 1994], вызвала перемещение большой массы людей через колымские остроги, необходимость тылового обеспечения военных действий и т.п. Это, в конечном счете, привело к оседанию здесь посадских и разночинцев из бывших служилых людей и промышленников и образованию зоны

компактного расселения русских в, казалось бы, совершенно неподходящих природных условиях.

К середине XVIII в. в интересующем нас районе, согласно официальным данным 1736 г., существовали зимовья Жиганское, Устьянское, Верхоянское, Уяндинское, Алазейское, Нижнеколымское и Зашиверский острог, [РГАДА, ф.119, л.168]. Однако другие документы, например метрические книги, показывают, что в этом районе находились и другие поселения, население которых было приписано к указанным выше пунктам. Индигирщики, например, считались зашиверскими мещанами, а обитатели заимок по нижней Колыме – нижнеколымскими.

В материалах I-й ревизии (1719-1727 гг.), опубликованных И.Кирилловым постоянное русское население упоминается в Зашиверске – 40 человек «жилых людей», Алазейском зимовье – (15 человек) в трех колымских зимовьях – 500 служилых [Кириллов, 1831, с.98]. «От Якутска в левую сторону к Камчатке – река Яна великая по которой судовой ход имеется, впадает своим устьем в море Ледовитое, на той реке Верховское зимовье в вершине, ходу до того на Лошадях верхами пять недель; в то зимовье присылаются на зиму приказчик и 7 человек служилых людей, толмач, подъячий и целовальник. . . Устьянский острог деревянный от Верхоянского ходу водою вниз две недели, а от моря в двух днях; в тот острог посылается приказчик, толмач, подъячий и 10 человек служилых людей и бывают погодно» [Там же, с. 96].

Материалы Г.Ф.Миллера сообщают, что и в 30-е годы XVIII столетия многие русские поселения не имели постоянного населения, такое указано лишь в Зашиверске. Как видим, чиновники, предоставившие информацию академику, ошибались, но о Верхоянском зимовье сообщают по прежнему: «по три – четыре на житье приезжающих для збору ясаку зборщиков и служилых людей» [РГАДА, ф. 119, л. 216]

В составленном еще через 12 лет (в 1748 г.) списке постоянное население указывается уже в большинстве населенных пунктов Севера Якутии – Зашиверске, Жиганске, всех колымских зимовьях и на Алазее, здесь проживают посадские, разночинцы и служилые; в Верхоянске постоянное население отсутствует, но Устьянском зимовье уже показаны посадские Портнягины (РГАДА, ф.1177, оп.4, д. 1782, л. 1-18).

Изучение документов XVIII в. о русском населении Якутии позволило сделать ряд наблюдений в области ономастики.

Большинство русских людей разного звания в конце XVII – первое десятилетие XVIII вв. проживали в г. Якутске, это отражает и рас-

пространение фамилий. В списке жителей г. Якутска, составленном в 1700 г. можно обнаружить практически все фамилии, распространенные в Якутии и до сего дня. К 40-м годам XVIII в. наблюдается “расползание” фамилий и по другим поселениям. В это же время появляются и группы фамилий, встречающиеся только в определенных населенных пунктах, но не в г. Якутске, так, в 1748 г. трое Шестаковых упоминаются уже в качестве разночинцев, проживавших в Среднеколымском остроге, Перфильевы в том же качестве в – Алазейском остроге, а Суздаловы – как мещане Зашиверского острога (Там же).

В документе 1748 г. упоминаются: Стадухины – Василий Стадухин с сыном Михаилом и еще один Василий Стадухин – среднеколымские разночинцы, нижнеколымские посадские – Русаковы, Котельниковы, Матвеевы, Селивановы; посадские Алазейского острога – Турпановы, Воронцовы. В Усть-Янске поселились посадские Портнягины, в Зашиверске – посадские Черемкины, Шкулевы, Лебедевы, там же в 80-е годы упоминаются мещане, Голыженские.

Большая часть фамилий сохранила ареал распространения - Шкулевы, Портнягины, Суздаловы, Черемкины, Голыженские и поныне проживают на Индигирке и Колыме.

Во второй половине XVIII столетия большая часть русского населения Якутии имела семьи и большинство браков (77,8%) заключалось в своей среде. Предпочтение брачных отношений в своей среде показывают, что к середине XVIII столетия образовался достаточно мощный слой местного русского населения, дававший такую возможность. Однако плотность этого слоя не везде была одинаковой. Наибольшее количество браков в среде русского населения в северных районах Якутии приходится на районы Зашиверского и Нижнеколымского острогов, где браки с русских мужчин с якутками и юкагирками не часты, а браки русских женщин с якутами и юкагирами чрезвычайно редки. В районах, где русского населения было мало – Жиганский острог, Верхнеколымский острог, межнациональные браки представляли собой обычное явление и процент русских женщин, вышедших замуж за крещеных представителей коренных народов довольно высок (до 40%). Такое положение привело в дальнейшем к размыванию в этих районах и без того тонкого слоя русского населения.

Крестьянские поселения в заполярных районах Якутии появляются только в конце XVIII в. Их появление связано с законодательной деятельностью Екатерины II по упорядочению сословной структуры общества.

Согласно требованиям «Жалованной грамоты городам»: “мещане все должны жительствоваť при городах” жители ряда населенных пунктов были перечислены в крестьяне по причине невозможности переселения их в города. Так появились Усть-Оленекское крестьянское поселение, где проживало около 70 крестьян, крестьянское поселение Усть-Янск, в нем проживало около 20 крестьян, на р. Индигирке – Шанское крестьянское поселение (бывший Шанский пост) и Ожогинская деревня, несколько крестьянских семей проживали и на Колыме, в частности в 70-х годах XVIII в. по документам фиксируются «Нижеколымского острогу пашенные крестьяне»[НА РС (Я), дд. 1-4]. Основным занятием крестьян приполярных районов Якутии было не земледелие, а охота и рыболовство и в этом их хозяйство по-прежнему было схоже с хозяйством посадских и разночинцев этого района, от которых живущие в заполярье крестьяне не отличались и по образу жизни.

Таким образом, основой для образования постоянного русского населения на севере Якутии стали промышленники, которые открывали и осваивали эту территорию с 30-х годов XVII в. Подавляющее большинство мигрантов на север Якутии этого времени были выходцами из восточных районов Русского Севера, среди них больше всего устюжан и поморов. Ко второй половине XVIII в. постоянное русское население на Колыме и Индигирке образует уже сравнительно мощный слой, который, конечно, тоньше, чем на средней Лене, но значительно больше, чем на нижней Лене и Яне.

В течение второй половины XVII-начала XVIII в. в низовьях Лены, Оленека, Яны, Индигирки и Колымы из осевших здесь промышленников и казаков стала складываться группа населения, считавшаяся верхоянскими, зашиверскими и нижеколымскими мещанами, но ведущая образ жизни рыбаков и охотников. В конце XVIII в. здесь сформировалось крестьянство, сложившееся из тех же мещан, переписанных в крестьянство согласно законодательству того времени.

В XVII – начале XVIII в. основную роль в формировании и приросте русского населения Центральной Якутии играли мигранты из России и Сибири. Особенностью северного района является то, что со второй половины XVIII в. основная роль в формировании русского населения переходит к естественному приросту, что способствует высокой степени метизации.

В то же время старожильческое население арктической зоны – «индигирщики», «колымчане», при практически полной утрате антропологического типа смогли сохранить своеобразный русский говор, зна-

чительную часть материальной культуры, религиозные представления и национальное самосознание. Речь не идет здесь об отсутствии заимствований, они имели место в области как материальной, так и духовной культуры и языка – дело в интенсивности и уровне «творческой переработки» заимствований. Ярким примером такого пути адаптации можно считать группу русских старожилов, проживающую в селе Русское Устье в низовьях Индигирки и в с. Походск в низовьях Колымы.

Литература и источники

- 1) Александров В.А. Русские промышленники в Якутии до образования Якутского воеводства (1641 г.)// Проблемы общественно политической истории России и славянских стран, М., 1963
- 2) ДАИ, Т.6, - Спб, 1857, - С. 401-408
- 3) Зуев В.Н. К вопросу об изучении так называемой “чукотской войны” (30 – 70-е гг. XVIII в.) // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII – XIX вв. (Историко-археологические исследования). – Т. 2. – Владивосток, 1995.;
- 4) Игнатьева В.Б. Русское население Якутии (по материалам всесоюзных переписей населения)// Национальные отношения в регионах страны: история и современность . – Ч.1. – Якутск, 1992
- 5) Кириллов И. Цветущее состояние всероссийского государства, М., 1831
- 6) Кузьминых В.И. Неизвестная война. Чукотка 1649 – 1755 гг. // Материалы XXXII Междунар. науч. студенч. конф. “Студент и научно-технический прогресс”: История. – Новосибирск, 1994.
- 7) НА РС(Я), Ф.226, оп. 13, дд. 1-4
- 8) Петрова Т.П. Русское старожильческое население Якутии (к постановке проблемы)// Национальные отношения в регионах страны: история и современность, Якутск, 1992, ч.2.
- 9) РГАДА, ф.119, оп 2, д. 481, ч.7, л.168, 216
- 10) РГАДА, ф. 1177, оп 4, д.1782, л. 1-18
- 11) Сафронов Ф.Г. Русские промыслы и торги на Северо-Востоке Азии в XVII – середине XIX в. – М., 1980

УДК 94(=161.1)(571.56)

С.Е. Никитина

**Русские арктические старожилы
Республики Саха (Якутия):
проблемы сохранения уникальной культуры²**

Аннотация. В статье исследовано современное состояние уникальной культуры русских старожилков Арктики Республики Саха (Якутия). Проанализированы процессы адаптации русских с XVII в. в иную культурную ландшафт и трансформации культуры в советское и постсоветское время. Особое внимание уделено проблеме сохранения языкового и культурного феномена русских арктических старожилков.

Ключевые слова: Республика Саха (Якутия), русские арктические старожилы, взаимовлияние культур, старорусские культура, язык и фольклор.

S.E. Nikitina

**Russian Arctic Old-Timers of the Republic of Sakha (Yakutia):
Problems of Preserving a Unique Culture²**

Abstract. The article examines the modern state of the unique culture of Russian Arctic old-timers of the Republic of Sakha (Yakutia). The processes of adaptation of Russians from the XVII century in the ethno-cultural landscape and transformation of culture in the Soviet and post-Soviet times are analyzed. Special attention is paid to the problem of preservation of the linguistic and cultural phenomenon of Russian Arctic old-timers.

Keywords: the Republic of Sakha (Yakutia), Russian Arctic old-timers, mutual influence of cultures, old-Russian culture, language and folklore.

Русские арктические старожилы Республики Саха (Якутия) представлены субэтническими группами русского населения, компактно

² Статья подготовлена в рамках исполнения ГЦП «Лингвокультурологическая экспедиция в пос. Походск Нижнеколымского улуса (района) Республики Саха (Якутия), пос. Русское Устье Аллаиховского улуса (района) Республики Саха (Якутия)» контракта № 198 от 3 сентября 2013 г.

² This article was prepared in the project of implementation of STP“Linguistic and cultural expedition in the village Pokhodsk of the Nizhnekolymskyulus (district)of the Republic of Sakha (Yakutia), the village RusskoyeUstyeAllaikhovskiyulus (district) of the Republic of Sakha (Yakutia)” of the contract No. 198 dated September 3, 2013

проживающими в с. Русское Устье Аллаиховского улуса на устье р. Индигирки и с. Походск Нижнеколымского улуса на устье р. Колымы за 71°с.ш. Природно-географический ландшафт этой арктической территории сам по себе вызывает определенные социальные фобии, поэтому актуален исторический опыт адаптации рассматриваемого анклава русских старожилов с XVII в. Возможный путь транспортного сообщения только по реке, доступность этих мест ограничивается сезонными природно-климатическими обстоятельствами даже в современных условиях транспортного разнообразия. (Так Закон РС (Я) от 20 февраля 2004 г. Ст. 4 решающим критерием арктической зоны выделил транспортную недоступность больше чем 180 дней в течение года).

В 2012-2013 гг. состоялись комплексные экспедиции в с. Русское Устье и с. Походск, в которых приняли участие сотрудники Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения РАН (г. Якутск) и Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (г. Москва). Были проведены соцопросы, интервьюирование, анкетирование, антропометрические замеры, сбор фото-, аудио- и видеоматериалов. Собраны лингвистические, фольклорные, историко-этнографические, социолингвистические материалы.

Русские арктические старожилы явились феноменом адаптации в инокультурный ландшафт суровых северо-восточных территорий в XVII в. при сохранении своей изначальной культуры, законсервировавшей архаизмы северорусской культуры XVI в. которые в середине XX в. еще в целостности застали научные экспедиции. При этом суровая экосистема Арктики определила кардинальные трансформации хозяйственных занятий, материальной и духовной российской цивилизации. Экстремальные условия природно-географической среды диктовали поселенцам формирование полярного типа природопользования, отличающегося высокой рациональностью жизнеобеспечения традиционной культуры коренных народов Севера при сохранении генеральной русской самоидентификации.

Адаптация арктических русских старожилов в условиях новой экосистемы и иноязыковой среды прошла не просто в восприятии традиционных форм хозяйствования местных жителей, но в приспособлении этих знаний и умений к стандартам русской материальной культуры XVI-XVII вв. При том, что в условиях Арктики они не могли не вос-

пользоваться достижениями местных традиционных культур тундренных юкагиров, оленных эвенов и северных якутов, что не могло не привести к многочисленным заимствованиям слов, бытовых предметов, одежды, традиционных промыслов арктической цивилизации.

В условиях географической изоляции, вызванной транспортной недоступностью и дальностью расстояний, происходили постоянные контакты с местными юкагирскими племенами, при этом заключаемые брачные союзы приводили к растворению юкагирского компонента в русском населении. Уже к середине XVIII века сформировалось смешанное потомство, особая общность, в жизни которой равнозначными доминантами стали русский язык, православие, русский фольклор и свойственные аборигенам края материально-хозяйственный быт рыболовов-охотников, почитание духов-хозяев окружающей природной среды, унаследованные от предков материнского рода жизненные каноны и мифологические представления. Так сложился оригинальный русскоустинский анклав среди арктических народов, они называли себя «местные русские», «досельные», отличая себя от приезжих «тамосных» русских. Исследователи Русского Устья отмечали в антропологическом портрете русскоустинцев некоторые монголоидные черты, это разрез глаз, скуластость, черные прямые волосы, редкая растительность на лице, темная кожа, но подчеркивали, что у монголоидов не бывает голубых глаз, довольно часто встречающихся у русскоустинцев. В годы активного промышленного освоения Севера регулярные еженедельные авиарейсы включили далекие арктические села в активную по внешним контактам жизнь, это нашло отражение в семейно-брачных отношениях с приезжающими с «материка», в миграционном процессе покинувших свои села. Современные русскоустинцы лишь частично сохранили монголоидные этногенетические маркеры.

Близость к Чукотке нашла свое отражение и в антропологическом портрете походчан, особенностью является включение в большей степени чукотского компонента (чукчи, юкагиры, эвены, якуты). В послевоенные годы (1950-1970-е гг.) регулярное авиасообщение так же, как в случае с русскоустинцами, способствовало семейно-брачным союзам преимущественно с приезжающими из Центральной России, что сказалось на возрастании европейского компонента. При этом внешний облик походчан несомненно сохраняет следы азиатских этномаркеров.

В исторической традиции появление русских казаков на р. Индигирке связывают с отрядом Ивана Реброва в 1638 г., когда ими были заложены два острожка. В низовья р. Индигирки дошли первые промышленные люди, которые проявили коммерческий интерес к традиционным промыслам местных жителей, а также к сбору мамонтовой кости. Исторические источники фиксируют в 1642 г. на р. Индигирке – 142 человека (устюжане, вятичи, усольцы, холмогорцы, новгородцы и чердынцы) [1, с. 72]. В устье Колымы казаки Михаила Стадухина и отряд Зыряна Ярило вошли в 1643 г. В 1647 г. на р. Колыме уже 396 промышленных людей уплатили оброк (налог за свой промысел) в казну [2, с. 156]. В Российской империи административно русскоустинцы были отнесены к верхоянским мещанам. Колымский анклав русских старожилов формировался не только за счет мещан, крестьян, но в большей степени за счет казаков. Главную службу нижнеколымских казаков составлял ежегодный поход в составе 25-30 чел. к Островной крепости на Анюе, где они отвечали за общественный порядок на Анюйской ярмарке. Казаки обеспечивали сопровождение почты, грузов, ссыльных, собранной ясачной пушнины и другого государственного имущества.

До XX в. на р. Индигирке и р. Колыме на висках (притоках, речушках – прим. С. Никитина) были дисперсно расселенные многочисленные русские населенные пункты, в каждом из них было от двух до семи дворов. Так, на Индигирке – Ожогоино, Полоусное и Шанское находились в лесной зоне, а все остальные в дельте р. Индигирки – это Русское Устье, Косухино, Лобазно, Стариково, Кузьмичево, Осколково, Марково, Косово, Федоровское, Станчик и др. На Станчике арктическими жителями была построена самая северная церковь. На Индигирке нами была отмечена интересная особенность, люди заселяли берега реки Индигирки, но рыхлый грунт постоянно подмывался водой, берега рушились, а с ними, с угрозой уйти под воду, насиженные места и погосты прадедов. Жители Русского Устья старательно переносили их вглубь тундры, но и там постоянная заболоченность почвы не особо позволяла предавать земле захоронения.

Традиционное жилище представляло низкую избу с плоской крышей, строилось с сенями, делались две двери, распахивающиеся внутрь, на противоположные стороны, на случай занесения выхода снегом. Подсобные амбары строились с клетью на деревянных подпорах, помимо амбара ставилась уруса (конусообразное сооруже-

ние), баня, обязательные вешала для просушки юколы (сушеное филе белой рыбы – омуля, чира). В вечной мерзлоте, не подмываемой рекой, рылись ледники. Найти такое место было довольно трудно. Рыба летнего улова замораживалась двойным способом: в первом леднике рыба должна была заморозиться, после ее переносили в ледник длительного хранения.

В период колхозного строительства как центральные усадьбы были созданы села Русское Устье, Походск, в 1960-1970-е годы почти все северные административные центры совхозов приобрели современный вид, шло активное строительство школ, детских садов, многоквартирных жилых домов. Вековые зимовья и заимки продолжали служить в качестве охотничьих и рыболовных участков.

С XVII в. сложилось арктическое комплексное хозяйство русских старожилов. После истребления соболя, основного пушного промысла для сдачи ясака, уже в конце XVII в., жители Русского Устья в арктических условиях так же, как и коренные народы, занимались песцовым промыслом, речным рыболовством, ездовым собаководством, но, переняв промысловый опыт аборигенов, применили свои навыки охотников Европейского Севера. Здесь использовались давящие конструкции с приманкой – пасти, которых ставили до 300 штук, объезжая их зимой с целью промысла, летом для ремонта охотничьего снаряда, постоянно в любую погоду и покрывая расстояния в 200-300 кв.км. Белый песец был основным промысловым видом пушных зверей, имевшим товарную ценность, до перестройки 1990-х гг. в течение нескольких столетий составлявшим единственную доходную статью жизнеобеспечения жителей Русского Устья. Переход к рыночной системе экономических отношений уничтожили устоявшуюся хозяйственную стабильность арктической системы жизнеобеспечения. Белый песец перестал быть востребованным, рухнули торгово-посреднические связи с заготовительными организациями. Охота из основного бюджетоформирующего промысла перешла в разряд подсобного, сохранились традиционные формы охоты на диких оленей и пернатую дичь.

Непосредственно с охотой на белого песца было связано ездовое собаководство, которое представляло важное хозяйственное занятие в цепи арктического жизнеобеспечения. Для прокорма одной собачьей упряжки необходимо было заготовить 3 тонны рыбы – для 8 собак, 4 тонны – для 10 собак. Это обусловило важность рыболовецкого

промысла в традиционном хозяйстве русских старожилов. С прекращением охоты на белого песца и появлением снегоходов необходимость в собачьем транспорте отпала, и индигирские собаки как особая порода исчезли. Нарты, считается, что это, также привнесенное русской старожильческой культурой и перенятое местными народами (кочевавших верхом на оленях), средство передвижения. Нарты до сих пор используются в хозяйстве со снегоходами.

В прошлом, особое занятие составлял сбор плавника, принесенного рекой, для очагов, а также для строительства избы и подсобных строений. Ведь полярная тундра, которую русскоустыинцы ласково называют сендуха, радует жителей довольно скудной растительностью. Весной баграми вылавливали плавник из реки, собирали все, что приносило с водой, складировали и вывозили зимой на нартах. Это тоже был очень важный промысел в цикле хозяйственных занятий, дрова и строительный материал до сих пор представляют очень значимую ценность.

Отдельный промысел хозяйственной деятельности арктических русских представляло рыболовство. Рыба была основной пищей для поддержания их жизнедеятельности, 95% блюд готовились из рыбы, на р. Индигирке слово «рыба» равнозначно слову «еда», «на стол» традиционно рыбачили женщины. Равнозначное русскому «здравствуй», якутскому приветствию «капсе» – у индигирщиков «как еда?», вопрос-пожелание про улов, с которым связаны надежды на благополучие. Русскими старожилами был впервые использован невод в речном рыболовстве и впоследствии перенят окружающими местными народами.

В настоящее время рыбодобыча является основной и единственной основой материального благополучия жителей низовьев Индигирки и Колымы. Новые рыночные условия организации и регулирования рыболовства в Арктике создали чрезвычайно сложные препятствия без того трудного промысла. Без государственной поддержки по развитию и укреплению материально-технической базы рыбопромысла, а также, по организации системы заготовки и реализации рыбодобычи традиционная отрасль испытывает огромные трудности. Экстремальные природно-климатические условия, труднодоступность рыболовных участков, высокая стоимость хранения, доставки, переработки и сбыта рыбной продукции – это тот круг вопросов, который приходится решать при промышленном вылове. Квотирование

и лицензирование рыболовства на территориях традиционного природопользования лишает русских старожилов Арктики возможности потребительского рыболовства для «еды». По Федеральному закону о землепользовании при промышленном лове рыболовные участки распределяются путем аукционов, условия которых выводят «арктическую провинцию» из участия в них.

С целью защиты и сохранения среды обитания и права на традиционное природопользование, национальные промыслы и ремесла, возрождения национальной культуры и языка, удовлетворения духовных запросов и создания условий социально-экономического развития коренных малочисленных народов Севера (эвенков, эвенков, долган, юкагиров, чукчей, русских старожилов) в местностях их компактного проживания был принят Закон Республики Саха (Якутия) от 17 мая 2000 г. 3 № 193-II «О статусе национального административно-территориального образования в местностях (территориях) компактного проживания коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия)». Однако, прокуратура РС (Я), проведя проверку Закона на соответствие Федеральному Закону от 30 апреля 1999 г. № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» по несоответствию пункту 1 ст. 1 ФЗ, по которому основным и необходимым условием признания коренным малочисленным народом является указание его в Едином перечне коренных малочисленных народов Российской Федерации, так как народность «русские старожилы» отсутствует в Перечне, вынесла определение: «к русским арктическим старожилам не могут быть адресованы нормы законодательства о малочисленных народах, предоставляющие им определенные права и обязанности».

Усилиями народных депутатов РС (Я), основываясь на ред. Федерального Закона от 05.04.2009 №40-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» п. 3 ст. 3 «Положения настоящего Федерального закона могут распространяться на лиц, не относящихся к малочисленным народам, но постоянно проживающих в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности малочисленных народов, в порядке, установленном законами субъектов Российской Федерации был принят Закон РС (Я) о приравнивании русских арктических старожилов к статусу коренных малочисленных народов Севера по традиционному природопользованию.

В настоящее время правовое положение регламентируется Законом Республики Саха (Якутия) «О распространении положений Федерального закона от 30 апреля 1999 г. № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации «на русских арктических старожилов Якутии (походчан и русскоустинцев)» (в ред. Закона РС (Я) от 15.10.2009 743-З №377-IV). Однако русские арктические старожилы до сих пор в своем традиционном хозяйствовании не имеют таких же прав, как их соседи – юкагиры и эвены, что представляет собой правовое ущемление. В интервью жители делились своими тревогами о перспективах своего села, благополучие которого всецело зависит от успехов основного промысла. Беспокойство вызывает невозможность рыбачить на «коренных» своих участках, где испокон веков промыслили их деды и отцы.

В Русском Устье основная трудовая деятельность мужского населения – промышленное рыболовство. Председатель рыболовецкой бригады Сергей Алексеевич Суздалов, он потомственный русскоустинец, из семьи, испокон жившей и рыбачившей на Яру. 29 мужчин, жителей Русского Устья работают рыбаками в этой бригаде. Выловленную рыбу хранят в специально построенном леднике, строительство которого профинансировало правительство. С.А. Суздалов уверенно руководит трудовым процессом вверенной ему бригады, контролирует техническое оснащение снегоходами, моторными лодками рыбаков, предоставляя различные скидки и льготы в их приобретении, снабжении нефтепродуктами и т.д. Финансовая стабильность бригады сказалась на материальном благополучии рыбаков, уже который год они получают ежемесячную зарплату. В селе один магазин принадлежит рыболовецкой бригаде, доставляющей в село продукты по оптовым ценам.

Интересно, русские старожилы, освоив многое из традиционных занятий коренных народов Арктики, не занялись оленеводством. Как отмечено С.И. Бояковой, даже в период становления советских колхозов, когда русских старожилов пытались включить в плановое развитие оленеводства, они нанимали вместо себя представителей коренных народов. Причина видится в том, что оленеводство связано с, неприемлемым для русской культуры, кочевым образом жизни [3].

У походчан, так же, как у русскоустинцев, сформировался комплексный тип хозяйства, включавший традиционные занятия: охотничий промысел, приносящий основной доход, транспортное собаководство как необходимое условие дальних объездов по пастям,

рыболовство как систему жизнеобеспечения пищей, составлявшей также 95% еды, и кормом для собак. С утратой спроса на белого песка здесь с большим трудом перестроили хозяйственный уклад на промысловое рыболовство. В отличие от русскоустинцев колымчане до сих пор испытывают трудности со сдачей рыбы, сдают посредникам по очень низким закупочным ценам. Имеющийся кооператив, 8 рыбаков, с трудом выдерживает конкуренцию, только благодаря дотационной политике республиканского правительства. Остальные рыбачат по контракту, сдают и в кооператив и посредникам, где закупочные цены чуть выше. Оплату своего труда, в отличие от Русского Устья, рыбаки получают по реализации рыбы, получается два раза в год. При этом большая часть ее уходит на содержание рыбопромысла: снегоход приобретается в кредит, его техническое состояние и горючее обходится в большие суммы, одежда (по большей части меховая традиционная, однако, в некоторых интервью отмечено, что предпочитают легкие, не сковывающие движения современные модели), ремонт и приобретение снастей.

В годы советской власти, которые вспоминаются старожилами как годы наибольшего благоприятствования, высоко оценивался ударный труд охотников-промысловиков на белого песка. Летом рыбаки сдавали улов приходившему два раза в неделю катеру. Снабжение полярных сел осуществлялось напрямую из Москвы, с которой соединяли прямые рейсы Москва-Чокурдах, Москва-Черский. Сейчас вопросы снабжения продуктами решают коммерческие доставки семейного бизнеса земляков. Завозят, в основном, по зимнику, цены на завозимый товар запредельные. Поэтому овощи, картошку, капусту закупают из планового северного завоза. Транспортные трудности находятся в прямой зависимости от поставок нефтепродуктов, которые доставляются в короткий летний период северной навигации, проблему пассажирских и грузовых перевозок решают летом – моторки, зимой – снегоходы, автомашины.

В современном Русском Устье традиционная одежда продолжает утрачивать свой знаковый характер и присущие функции этноразделителя, чему способствовало повсеместное распространение одежды и обуви, преимущественно фабричного производства, даже зимой – пуховики. Этническая специфика прослеживается в проверенной веками зимней одежде и обуви, без которой немислимо участие в традиционных отраслях (охоте и рыболовстве), это меховые штаны, дундук (верхняя одежда типа рубахи из оленьего меха без застежки),

малахай (шапка), рукавицы, меховая обувь – плеки, шиткари. Традиционный русскоустинский костюм в стилизованной форме используется лишь на различных торжествах, в выступлениях фольклорно-этнографических ансамблей. В традиционном костюме отмечено отсутствие орнамента, все украшение представлено только лентами вдоль подола юбки и опушкой песцом у верхней одежды.

Традиционное питание у русскоустинцев состояло из продуктов рыболовства, охоты, ягод. Удивительно, что в отличие от русских центральных областей «досельные» не употребляли грибов, отсутствие грибов в пище характерно для традиционного питания коренных народов Севера, в современной кухне русских Арктики грибы используются. Самыми распространенными национальными кушаньями являются рыбные блюда (95%), в первую очередь, строганина, сушеная юкола, уха «щерба», рыба жаренная, копченая, охотники брали с собой толченную сушеную рыбу (барча), которую разводили кипятком, и заряжались теплом и энергией в зимнюю стужу. Для профилактики цинги, вспоминают старожилы старшего возраста, ели «кислую», квашеную рыбу. Особенностью кухни арктических русских является приготовление блюд, характерных для мучной стряпни русской национальной кухни, но из местных продуктов – рыбы: филе, икра. Это оладьи (барабаны), блины из икры, тельно (пирог, где вместо теста сбивается филе муксуна, по середине закладывается начинка – филе чира или омуля, жарится на сковороде), при стабильном северном завозе продуктов, в том числе и муки, стряпают блюда с начинкой из рыбы: пельмени, пирожки, котлеты. Также готовят изумительные блюда из мяса водоплавающих птиц и диких оленей, например, «кавардак» из гуся, из дикоросов собирают ягоды, морошку, голубику, смородину, а из напитков очень любят и пьют по несколько чашек – чай. Оценивая рацион питания в целом, следует отметить, что он обеспечивал полноценное поступление в организм всех необходимых витаминов и минералов.

Популярные средства и приемы народной медицины использовались практически в каждой русской семье. Происхождение болезней русские старожилы связывали с влиянием сверхъестественных сил, злых духов, сглаза, порчи. Несмотря на огромную значимость современной медицины, не забыты и традиционные методы лечения у русскоустинцев, так же, как у походчан. В этой практике используются лекарственные растения, средства животного происхождения, интересные рецепты лечения простудных заболеваний – рыбьим жиром за-

капывают ухо и обертывают сухим теплом, так лечили отиты, ангины, насморк. Особое внимание уделяется гигиене – бане, различным растираниям с применением настоек и отваров. Ими пользуются при лечении простудных заболеваний, ломоте суставов и других болезнях. Многие из этих способов сохранились до настоящего времени. Народные лекари лечили ушибы, вывихи, переломы.

Широкое распространение в прошлом у походчан, как и у русскоустыинцев имела деятельность шаманов, направленная на предохранение от различных болезней, сглаза и т.д. Необходимо отметить взаимовлияние представлений в области верований русских, юкагиров, эвенов и якутов. Все это способствовало тому, что у русских старожилов сформировалась оригинальная сложная синкретическая картина мира, связанная не только с православными традициями, но и с язычеством в форме шаманизма, кормления огня, духа местности, для удачи в охоте и др.

Язык и фольклор Русского Устья являются историческим памятником старорусской культуры XVI–XVII вв. В годы советской власти образовательная политика стандарта грамотности и литературного русского языка привела к тому, что поколения школьников Русского Устья, начиная с 1940-х гг. подвергались интенсивной языковой ассимиляции современным русским языком. Так, выявленные в Нижнеколымском районном архиве, протоколы заседаний бюро райисполкома свидетельствуют о жестком административном контроле «за чистотой и грамотностью речи учащихся, необходимости правильного произношения и ответственности родителей за домашние разговоры на своем диалекте» [4]. Веками бережно сохраненный язык в настоящее время представляет «уходящую натуру». Необходимо заметить, что в повседневной практике русскоустыинцев присутствуют отдельные слова, присущие старорусскому языку. Так, уху они все называют «щерба», тундра – с(ш)ендуха, удивление, восторг, восхищение выражают словом «иилуга», испуг – «букишки» (в годы «борьбы за правильный русский язык» слово «букишки» служило пейоративным псевдоэтнонимом, так называли русскоустыинцев) и др.

Наши экспедиции 2012-2013 гг. выявили, что язык русских старожилов уже не является языком массового общения, он известен только отдельным представителям пожилого возраста (70–80 лет), которые максимально стараются на фольклорных занятиях в школах, кружках, записать на видео- и аудиотехнику, составляют диалектоло-

гические словари. В первую очередь, это труды патриота Русской Арктики, историка-краеведа, русскоустинца Алексея Гавриловича Чикачева, написавшего более 300 книг, брошюр, научных и популярных статей, инициировавшего съемку четырех документальных фильмов о Русском Устье. Это сестра А.Г. Чикачева, Юлия Гавриловна Кузьмичева, живет в п. Чокурдах, ведет предмет национальной культуры в школе п. Чокурдах, занимается с ребятами в летнем лагере труда и отдыха «71 параллель», активно участвует в пропаганде фольклора в Чокурдахском ансамбле «Русское Устье». Это, Мария Гавриловна Портнягина, она, практически единственная, кто говорит по-русскоустински в повседневной практике (именно у нее брали интервью Е. Головки и П. Швайцер – прим. С. Никитина). Это, Варвара Серафимовна Омельченко и Евдокия Серафимовна Киселева, они много делают, чтобы сохранить и передать знания материальной и духовной культуры Русского Устья. В.С. Омельченко сама сшила и собрала коллекцию одежды и обуви: верхней, повседневной, нарядной, нижней женской, детской, мужской, эту коллекцию из 159 предметов можно экспонировать в качестве самостоятельной выставки. Ими составлены сборники стихов, наглядных пособий на русскоустинском диалекте для занятий национальной культурой учащихся. В школах п. Чокурдах (районный центр Аллаиховского района, где в настоящее время проживают около 200 человек из Русского Устья) и с. Русское Устье введено преподавание предмета «Национальная культура». В школьном музее с. Русское Устье, представлены прекрасно сохранившиеся предметы быта и домашнего обихода, снаряжения традиционных промыслов. В летнее время занятия продолжают в летнем лагере труда и отдыха «71 параллель», где дети знакомятся на практике с традиционными предметами быта и занятий предков. В лето 2012 г. в лагере отдыхало 15 учащихся. Лагерь расположен на рыболовном участке, домики построены по-русскоустински рубленые с плоской крышей, внутри печь, над ней «градки» для сушки одежды; вокруг дома служебные постройки: баня, балаган, уруса, вешала для юкеры. Ребята сами собирают валежник для печки, ставят сети, рыбачат. Еще здесь педагоги реконструируют до недавнего времени активно играемые детьми Русского Устья, также передаваемые из поколения в поколение спортивные игры на сноровку и прицельность, игры – в городки и лапту. Так в старину, когда собирались несколько семей на церковные праздники, свадьбу, тогда даже взрослые присоединялись

к игре. Это случалось довольно редко, вся жизнь проходила в трудах по жизнеобеспечению семьи топливом, едой, одеждой, все надо было добыть и произвести своими руками.

Проблема сохранения фольклора в с. Походск в настоящее время так же, как у русскоустинцев, вызвала пробуждение интереса к самобытным его формам, реконструкция проявляется в постановках сценок на фольклорном материале, сборе баек у стариков-носителей языка и фольклора, которых осталось единицы. В сельском клубе с. Походска занимаются три фольклорных ансамбля, в том числе детский «Виноградие», взрослые – в коллективах «Рассоха» и «Казачи Колымы». Несмотря на культурную и языковую близость, в лексике индигирщиков и колымчан имеются небольшие различия, которые могли бы стать предметом специального исследования. Имеются особенности колымского говора в его «сладкоязычии», не проговариваемые «р» и «л» перед гласными. Исследователи связывают с влиянием юкагирского языка, так же не имеющего четкого произношения этих звуков. Здесь Борисова Ирина Петровна, сотрудник музея с. Походск, ведет сбор краеведческого материала, публикует диалектные словари, помогает учителям Походской школы в работе по краеведению. Диалектный фольклор сохраняется в топонимах, названиях бытовых предметов, утвари, предметов промысла, одежды и др.

В настоящее время по данным статистики численность населения с. Русское Устье – 148 чел., где коренные местные русские составляют 85 %, в 15% вошли жены и мужья русскоустинцев из приезжих [5]. В с. Походск – 254 чел., среди них коренные походчане составляют 2/3 населения, остальные жители представлены уроженцами Центральной Якутии – молодые специалисты, приехавшие по направлению трудоустройства, внутренние мигранты из других сел района, из Чукотки [6].

В с. Походске и в с. Русском Устье трудоустройство обеспечивают: установленная в селах за последние два года – модульная электростанция, котельная, общеобразовательная школа, детский сад, сельский клуб, рыболовецкий кооператив. В сельской Администрации штат из 2 человек в Русском Устье, 4 человека в Походске, фельдшерский пункт – 1 чел. На селе функционируют частные магазины. В отличие от Русского Устья у Походска нет кооперативного оптового снабжения, северный завоз распределяется через Администрацию села.

Как показали проведенные социо- и антропологические исследования экспедиции 2013 г. жители Русского Устья и их земляки, живу-

щие в районном центре пос. Чокурдахе, по самоидентификации дают довольно интересную картину. Старше 56 лет конкретизируют свою национальность местным происхождением, называются «русскоустинцами» либо «местнорусский». Лица от 40 до 56 лет определяют свою национальность как «русский», мотивируя «говорю на чистом русском языке», при этом родителей связывают с качественным показателем «местный». В интервью некоторые из них рассказывали о случаях во время выездов в Центральную Россию, когда им приходилось доказывать, что они русские. До 40 лет, особенно молодые, от 17 до 35 лет, однозначно отвечают «русский», один из родителей, как правило, оказывается с «материка».

Для русских старожилов Арктики в целом характерны положительные установки на межнациональное общение и активные этнокультурные контакты с другими народами. Наибольшее предпочтение в ходе этих контактов приходилось, в первую очередь, на юкагиров, затем – на эвенов, пришлых русских и, в последнюю очередь, на якутов. О межэтнических контактах можно судить по уровню браков, заключенных с представителями разных национальностей. Так в настоящее время в Русском Устье проживают из приезжих: эвены – 19, русские – 14, якуты – 16, которые породнились с русскоустинцами. Положительным явлением представляется сохранение высокой степени родственных связей, которые усиливаются в диаспорах пос. Чокурдаха, гг. Якутске, Нерюнгри, Москве, Санкт-Петербурге и других городах, а также наличие традиционного способа межпоколенной трансмиссии этнической культуры. Бережное отношение к памяти своих предков, к старшим в семье, родителям, детям является особой чертой характера русскоустинцев. Для жителей Русского Устья русскоустинцы все «наши», у них нет детей-сирот, брошенных стариков, обязательно их возьмут в семью, при разделе добычи и улова каждый занесет равную долю во вдовью семью. Эта особая ментальность близка нормам обычного права, но также может быть объяснена поведенческой культурой русскоустинцев, живущими немногочисленным анклавом в иноязычном окружении. В их лексике ласковое обращение друг другу, к земле, окружающей природе, нет ругательных слов, трезвость – норма повседневности, родителями в ребятишках с детства формировалось уважение к местным народам, особое отношение к юкагирам, как к родным братьям и сестрам.

Таким образом, можно подвести некоторые выводы: около четырех столетий в географической изоляции от генерального этногенеза русского народа России в арктической зоне Северо-Востока Сибири в, кардинально отличающейся от природных условий исторической родины, экосистеме произошло становление арктического субэтноса, приспособившего старорусскую материальную и духовную культуру к реалиям Севера и впитавшего достижения традиционной культуры аборигенов. В настоящее время наблюдается процесс утрачивания традиционных занятий сложившейся системы жизнеобеспечения.

Русские, проживая по соседству с другими народами (чукчами, юкагирами, эвенками, якутами), перенимали у них многие способы приготовления кушаний, обменивались продуктами хозяйственной деятельности, в основном, оленьими шкурами, из которых шили верхнюю меховую одежду и обувь. Суровость жизни, круглогодичный хозяйственный труд сформировали в русских старожилах высокую способность к адаптации, физическую выносливость, силу характера, энергия которого нашла выражение в устном творчестве, музыкальном фольклоре.

Современное этническое самосознание русскоустинцев опирается в основном на общность происхождения, языка, традиций и культуры. С 1990-х годов у них наблюдается рост этнического самосознания, повышение интереса к истории, фольклору, песням своего народа, семейным родословиям. В этнических процессах прослеживается наличие нескольких уровней их менталитета, что выражается в самоидентификации «русскоустинцы–рыболовы» (с. Русское Устье), «поселковые русскоустинцы» (п. Чокурдах) и русскоустинцы городских общин Якутии и России (г. Якутск, г. Нерюнгри и др.).

Наблюдается процесс этнокультурной консолидации. Основными носителями культуры русских арктических старожилов являются жители Русского Устья, Походска и представители диаспор в других местах. В целях сохранения оригинальной и самобытной культуры и традиционных форм хозяйствования следует принять срочные меры для официального признания их особой уникальной субэтнической культуры, обладающей языком, фольклором, материальной и духовной культурой, религиозными воззрениями. Прецедент имеется – это чуванцы – потомки русских старожилов и камчадалы – потомки русских казаков и ительменов.

Уникальность лингвокультурологического материала Русского Устья и Походска определяется сохранностью архаичной северо-

русской культуры. Язык и фольклор красочно демонстрируют то, что русские арктические старожилы являются самобытной моделью российской цивилизации. Как отмечала на данной конференции специалист по музыкальному фольклору Т.С. Шенталинская: «Путешественников и исследователей края всегда поражал неожиданный контраст между монголоидной внешностью местных жителей, северной бытовой атрибутикой – меховая одежда, каюки и нарты, собачьи и олени упряжки и т.п., их приспособленностью к местным промыслам, сезонным перекочевкам, – и их русским говором, вождением русских хороводов на вечерках, традиционно русским обрядом рождественского обхода домов с пением ритуального винограда и даже былинами, бытующими в их среде. И фольклористов, надо заметить, прежде всего, привлекал феномен бытования здесь русского фольклора и сохранения, как это часто бывает на окраинных территориях, жанров и видов утраченных или почти утраченных в метрополии».

В настоящее время можно по праву считать русских арктических старожилов отдельной этнографической группой, заселяющей определенный географический ареал – низовья р. Индигирки и р. Колымы на побережье Северного Ледовитого океана, занимающейся традиционными промыслами, жизнеобеспечение которых полностью находится в зависимости от продуктов традиционных занятий. В данный момент этническая специфика стойко сохраняется в хозяйственной деятельности (преимущественно в рыболовстве) и в духовной сфере. Признание за «русскими арктическими старожилками», жизнеобеспечение которых всецело определяется традиционным природопользованием, правового статуса, включенного в «Перечень ... народов Севера», гарантирующий правовую защищенность для традиционного природопользования, позволит им более успешно осуществлять свою экономическую деятельность в сфере рыболовства и охоты, пользоваться такими же льготами, как другие арктические этносы.

Ныне следует принять срочные меры по разработке с помощью ведущих специалистов–диалектологов учебной и методической литературы для преподавания «национальной культуры русских старожилов Арктики», что станет гарантом сохранения их оригинального языка и фольклора, введения его преподавания в школах с. Русское Устье и с. Походск. Без принятия этих экстренных мер грозит полное исчезновение языка и фольклора народа в ближайшем будущем.

*Участники экспедиции (июль-август 2013 г.)
Чокурдах – Русское Устье Аллаиховского улуса РС (Я): Никитина С.Е., к.и.н.,
руководитель Плужников Н.В., к.и.н., аудио- визуальный этнолог,
Аксянова Г.А., к.б.н., антрополог*

*Экспедиция (ноябрь 2013 г.) Черский – Походск Нижнеколымского района
РС (Я). На приеме у главы Администрации района Суздалова Ивана Павловича
(коренной походчанин). Рядом с ним С. Никитина, руководитель экспедиции.
Далее глава с. Походск Дарья Илларионовна Вострикова (якутка, жена
походчанина), рядом с ней Борисова Ирина Петровна (коренная походчанка).
Участники экспедиции: Егор Антонов, к.и.н., Вячеслав Шадрин, вице-президент
Ассоциации малочисленных народов Севера РС (Я) .*

Литература и источники.

1. Гурвич И.С. Русские на северо-востоке Сибири в XVII веке. // Труды Ин-та этнологии. М., 1963.
2. Белов М.И. История открытия Северного морского пути. М., 1966. Т. 1.
3. Боякова С.И. Русские старожилы Якутии: культура и ландшафт. // Арктика и Север. 2012. №9./ narfu.ru/aan/article_index_years.php?SECTION_ID=2035. Дата-обращения 25.09.2013.
4. Нижнеколымский улусный архив. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5. Л. 174-176. Нижнеколымский райисполком депутатов трудящихся ЯАССР. 1929-1940 гг.; Там же. Ф. 8. Оп. 1. Д.2. Л. 54-61. Отдел образования. 1931-1953 гг.
5. Текущий архив Администрации МУ «с. Русское Устье». Статистика.
6. Текущий архив Администрации МУ «с. Походск». Статистика.

639.2(571.56-37)

В.И. Шадрин, С.Е. Никитина

Проблемы традиционного рыболовства русских арктических старожилов устья р. Колымы³

Аннотация. Традиционное природопользование русских арктических старожилов Якутии является основой жизнеобеспечения и сохранения их уникальной культуры. Авторами рассмотрены проблемы экологического и антропогенного воздействия на водные ресурсы северных рек Индигирки и Колымы. Наибольшие опасения вызывают современные вопросы законодательного решения возможностей традиционного природопользования арктических жителей, трудности отсутствия гарантированной системы сбыта добытой рыбы, оплаты рыболовецкого труда и др.

Ключевые слова: Арктика, традиционное природопользование, рыболовство, русские арктические старожилы.

³ Статья подготовлена в рамках исполнения ГЦП «Лингвокультурологическая экспедиция в пос. Походск Нижнеколымского улуса (района) Республики Саха (Якутия), пос. Русское Устье Аллаиховского улуса (района) Республики Саха (Якутия)» контракта № 198 от 3 сентября 2013 г.

³This article was prepared in the project of implementation of STP“Linguistic and cultural expedition in the village Pokhodsk of the Nizhnekolymskyulus (district)of the Republic of Sakha (Yakutia), the village RusskoyeUstyeAllaikhovskiyulus (district) of the Republic of Sakha (Yakutia)” of the contract No. 198 dated September 3, 2013

Russian Arctic Old-Timers' Problems of Traditional Fishing in the Kolyma River Mouth

Abstract. Traditional nature management of the Russian Arctic old-timers of Yakutia is the basis of life support and preservation of their unique culture. The authors consider the problems of ecological and anthropogenic impact on the water resources of the northern rivers Indigirka and Kolyma. The greatest concerns are caused by modern issues of legislative solution of the possibilities of traditional nature use of Arctic inhabitants, difficulties of absence of the guaranteed system of sale of the extracted fish, payment of fishing work, etc.

Keywords: Arctic, traditional nature management, fishing, Russian Arctic old-timers.

Рыболовство на арктических широтах Российской Федерации, имея свои экономические особенности, находится в центре правового государственного и рыночного интереса. Налаженный хозяйственно-экономический комплекс северного рыболовства в СССР был системно организован от плана улова рыбы, ее хранением в качественных подвалах, процессом пищевой обработки, регулярного вывоза и до поставок готового продукта потребителю. Были продуманы: забота об оплате труда, материальное и моральное стимулирование, обеспечение орудиями лова, социальный пакет для рабочих, занятых в рыболовстве и вспомогательных службах. Развал СССР тяжело сказался на рыболовной отрасли в целом, и на рыбацких коллективах.

В 2009 году принципиально изменилась система регулирования рыболовства в России. Приказом Росрыболовства № 219 установлен новый перечень видов рыб, на который устанавливаются общие допустимые уловы (ОДУ)[1]. По объектам промысла, выведенным из этого перечня, отменяется долевой принцип распределения квот и освоения ресурсов. Взамен введена заявительная система промысла, регулируемая временными и техническими параметрами в соответствии с утвержденными правилами рыболовства.

Промысел подавляющего большинства биоресурсов регулируется техническими мерами, то есть – разрешенной величиной прилова, орудиями лова, сроками и районами промысловых работ. Введение

новых правовых норм по природопользованию и землепользованию утяжеляют без того регрессирующее рыболовство. Наиболее болезненными являются нормы регулирования рыболовства: установление Перечня видов рыб, на который устанавливаются общие допустимые уловы; по объектам промысла, выведенным из этого перечня, отменяется долевой принцип распределения квот и освоения ресурсов; взамен введена заявительная система промысла, регулируемая временными и техническими параметрами в соответствии с утвержденными правилами рыболовства.

Перед экспедицией 2013 г. в с. Походск Нижнеколымского улуса (района) Республики Саха (Якутия) авторами данной статьи была поставлена задача исследовать современное состояние рыболовства как отрасли, выявить проблемы русских арктических старожилов низовьев р. Колымы, традиционно занимающихся рыболовством, собрать полевой материал, провести анкетирование. Большой удачей явилось пребывание вице-спикера Государственного Собрания (Ил Тумэн) А.А. Добрянцева в с. Походск Нижнеколымского улуса (района), совпавшее с днями нашей экспедиционной командировки. Нам удалось принять участие на встрече А.А. Добрянцева с населением с. Походск, где прозвучали злободневные вопросы по проблемам рыболовства.

На севере Республики Саха (Якутия) рыболовство больше чем просто занятие. *Для походчан, как и для всех коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, рыболовство является основой самобытного уклада жизни, без которого невозможно их развитие. С XVII в. у походчан сложилось системное традиционное природопользование, основными занятиями которого были рыболовство и песцовый промысел. Рогатого скота и лошадей походчане не держали, как и не занимались оленеводством, в отличие от их соседей юкагиров и чукчей. Для передвижения в зимнее время использовали ездовых собак. С утратой значения песцового промысла, с обеспечением современным техническим оснащением, потеряло свою роль разведение ездовых собак, рыболовство из подсобного стало основным занятием жизнеобеспечения походчан. В конце XIX в. в Колымском округе добывалось до 9 тысяч тонн рыбы, заготавливалось 16,5 тонн икры и 23,8 тонн клея. После падения рыбопромыслов в годы гражданской войны в 1926-1932 годы валовой вылов рыбы в ЯАССР составил в среднем около 2,5 тысячи тонн.*

В 2013 –2014 гг. в с. Походске значилось 8 кадровых рыбаков. В муниципальном архиве Нижнеколымского улуса (района) были выявлены паспорта с. Походска за 2005, 2007 гг., где было обозначено 3 кооператива с числом рабочих от 7 до 10 человек, занимающихся рыболовством. Во время нашей экспедиции анкетированием было охвачено все взрослое (от 17 лет) население села. На блок вопросов о традиционных занятиях и системе жизнеобеспечения большинство респондентов ответили, что сейчас основным традиционным занятием и источником питания является рыболовство. На вопросы о возможностях развития рыболовства ответ был однозначный – невыгодно, местные кооперативы не выдержали конкуренции, при этом все жители села рыбачат для обеспечения семьи едой, женщины - коренные походчанки в том числе. В качестве основного заработка мужчины трудоспособного возраста называли трудоустройство в школе, детском саду, ЖКХ, администрации наслега, электростанции. Рыболовством занимаются 8 мужчин пенсионного возраста, и заработная плата складывается от объемов сданной рыбы по очень низкой закупочной цене и выплачивается только по реализации два раза в год весной и осенью.

Основой питания колымчан является белковая пища: оленина, дичь, но прежде всего рыба. Рыба служила и служит походчанам основной пищей круглый год, помимо таких распространённых на севере рыбных блюд как строганина у колымских старожилов существовали и необычные рецепты. Так А. Гедеонов в книге «За Полярным кругом» в 1896 году пишет о блинах (у походчан, не знавших муки), выпеченных из толчёной икры на рыбьем жиру [2]. Колымские старожилы помимо приготовления также знают много способов консервации рыбы. Использование походчанами прокисшей рыбы являлось древней традицией: «квашеная» рыба спасала людей от цинги.

Современное состояние рыбного богатства реки Колымы включает 30 видов и подвидов рыб, в том числе проходных и полупроходных рыб. Озера и виски значительно повышают биологическую продуктивность реки. Из рыб обычными являются сиг, налим, щука, окунь, карась, и ерш, а из полупроходных – нельма, омуль и ряпушка.

В антропогенном воздействии ученые рассматривают физический, химический и биологический урон, наносимый системе природопользования. Физическое воздействие включает следующие формы: зарегулирование речного стока, водопотребление, действие турбин,

тепловое загрязнение, лесосплав и вырубка прибрежного леса, уничтожение малых рек, судоходство, добыча полезных ископаемых и строительных материалов, дноуглубительные работы. Химическое воздействие обусловлено сбросом тактических веществ и эфтрафикацией. Биологическое воздействие определяется биологическим загрязнением, климатизацией, искусственным воспроизведением, саморасселением, промыслом.

В 1994 году Колыма в верхнем течении была перекрыта плотиной ГЭС. Зарегулирование речного стока существенно изменило гидрологический, гидрохимический и гидробиологический облик водоема и внесло заметные изменения во всю его экосистему. На встрече с вице-спикером Государственного собрания РС (Я) (Ил Тумэн) А.А. Добрянцевым рыбаки с. Походск уже в который раз поднимали вопрос о сбросе технических вод гидроэлектростанцией в сезон хода рыбы. Эту проблему на местном уровне решить невозможно, только республиканские власти могут урегулировать сроки сброса с руководством ГЭС.

На ихтиофауну реки Колымы значительное влияние оказывается золотодобывающей промышленностью, которое идет по всем основным направлениям: физическое (зарегулирование стока, спрямление русла, водопотребление, увеличение твердого стока и другое), химическое (сброс бытовых и техногенных стоков, эвтрофикация) и биологическое (чрезмерная промысловая нагрузка, вылов поднимающихся на нерест производителей и другое). Возникает угроза утраты рыбохозяйственного значения всего Колымского бассейна.

Река Колыма служит основной артерией северного завоза, судоходство является еще одним мощным источником комплексного антропогенного воздействия на фауну рыб. Общая протяженность эксплуатируемых водных путей Колымы равна 1499 километров. На всем протяжении судоходных трасс происходит разрушение прибрежных биоценозов рек, и тем более сильное, чем крупнее проходящие суда. Волны уничтожают организмы бентоса и планктона, икру и личинок рыб, часть которых выбрасывается на берег, где они гибнут. Интенсивность движения судов, особенно в нижних течениях рек, возрастает во второй половине лета и осени и совпадает по срокам с нерестовыми миграциями омуля, муксуна, ряпушки, которые с приморских участков западают в реки и поднимаются по ним к нерестилищу. Шум винтов пугает рыбу, вынуждает уходить с судоходных трасс,

мешает отдыху, удлиняет миграционные пути и увеличивает траты энергии, не предусмотренные естественными условиями существования. Все это в конечном итоге снижает воспроизводительную способность рыб и, соответственно, численность пополнения.

Эксплуатация судов ведет к загрязнению водоемов углеводородами. При попадании в воду продуктов ГСМ на первом этапе образуются на поверхности воды тонкая пленка из нефтепродуктов, препятствующая обогащению ее кислородом воздуха. Попадая в нефтяную пленку, гибнут организмы фитозoopланктона и личинки рыб. В последующем волнобоем из пленки образуются комочки, состоящие из нефти и донных осадков, которые, оседая на дно, приводят в негодность пастбища и нерестилища рыб. Сброс с судов фекальных масс ведет к биологическому загрязнению водоемов. И хотя он официально разрешен и проводится на специально отведенных участках реки, это не меняет сути дела. С фекальными яйцами в водоемы попадают яйца ланцета широкого, цикл которого идет по схеме: яйца–зоопланктон–рыба–человек (окончательный хозяин)–яйца. Заражение человека идет при употреблении в пищу полусырой рыбы. Большое количество лихтеров и катеров (типа «Ярославец», «Костромич» и другие), работающих на реках, вообще не имеют накопителей жидких отходов, и фекальные массы сбрасываются в реку, увеличивая площади загрязнения.

Немалый вред кормовой базе и рыбам наносит маломерный флот мотолодки. При движении по малым рекам, протокам на небольших глубинах они уничтожают всю водную биоту на своем пути, нарушают нерестилища, загрязняют водоемы ГСМ. Под винтами моторов гибнет рыба.

Значительный урон фауне рыб наносят дноуглубительные землечерпательные работы, проводимые для обеспечения транзитного судоходства. При эксплуатационном землечерпании происходит гибель фито-зоопланктона, зообентоса личинок и молоди рыб, заиливание нерестилищ. Повышенная концентрация взвешенных веществ, создающаяся в результате землечерпательных работ, уничтожает в зонах мутности кормовую базу полупроходных сиговых и морских видов рыб, препятствует прохождению в реку нерестовым стадам омуля, муксуна и ряпушки.

Одной из форм антропогенного воздействия на фауну рыб в водоемах Якутии является перелов рыб. Человек, оснащенный совре-

менными орудиями рыболовства и техникой, способен в кратчайшие сроки изъять из водоема большую часть популяции, нарушить ее структуру и подорвать численность промысловых рыб и ставит ее на грань физического уничтожения. В результате нерационального ведения промысла рыб (перелова) можно подорвать запасы вида в бассейне за 3-5 лет, а для естественного восстановления численности популяции длинноцикловых рыб (осетр, нельма, муксун) до промысловых размеров потребуются десятки лет. Основу уловов составляют сиговые рыбы – муксун, омуль и ряпушка. С первых лет организации Якутского рыбтреста (1939 г.) и до настоящего времени промысел рыб продолжает базироваться на этих видах, особенно интенсивному облову популяции сиговых подвергаются на миграционных путях и местах нагула в дельтах рек и приморских участках. Изъятие из популяций неполовозрелых особей является основной из причин сокращения численности этих промысловых видов.

Регулирование вылова ценных видов сиговых рыб осуществляется введением лимитированного лова, лимиты устанавливаются и изменяются в соответствии с измеренным воздействием на запас. Соблюдение установленной квоты гарантирует получение максимального возможного улова в течение длительного времени. Соблюдение квоты должно стать прерогативой всех рыбодобывающих организаций. Квота – это ограничение вылова, и ни о каком перевыполнении плана добычи лимитированного вида не может быть и речи.

Традиционно лов рыбы походчанами ограничивался нормами потребления, не больше. Современными рыболовецкими кооперативами вылов промышленными объемами наносит огромный вред восстановлению ее биоресурсов, при этом приезжими кооперативами заняты самые промысловые речные территории. Местные рыбаки не могут конкурировать с ними в современных условиях организации рыбодобычи: аукционы, лицензии, техническая оснащенность промысла, доставка улова до потребителя. Рыбаки вынуждены сдавать рыбу кооперативам по самым низким закупочным ценам. При этом реализационная цена возрастает в пять-шесть раз. По данным статистики по состоянию на октябрь 2012 года, уровень заработной платы по рыболовству составил 11,5 тыс. руб., что является самым низким среди всех отраслей производства. На время нашего пребывания в с. Походск особых изменений в этой части у походчан не произошло.

Проблемы северного рыболовства, изученные в Нижнеколымском

улусе (районе), вызывают опасения по наносимому урону сохранению традиционной системы жизнеобеспечения у народов Арктики в целом, у русских старожилов устья Колымы в частности. В Республике Саха (Якутия) ведется работа по оптимизации возникшей ситуации. Экономистами, правоведами, экологами, чиновниками правительства предлагаются конкретные меры. В Республике Саха (Якутия), как и в ряде других субъектов Российской Федерации, рыболовство осуществляется только в пресноводных водных объектах. *Отрасль рыболовства регламентируется достаточно сложным федеральным законодательством, которое почти каждый год меняется. Это Федеральный закон «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов» от 20 декабря 2004 г., «Правила рыболовства для Восточно-Сибирского рыбохозяйственного бассейна», республиканский Закон «О рыболовстве, рыбном хозяйстве и охране водных биоресурсов» и ряд нормативно-правовых актов. Нормативно-правовое поле, которое регулирует рыболовство, в основном ориентировано на морское рыболовство. Поэтому не совсем подходит к условиям нашего республиканского рыболовства. Эти законы требуют серьезных доработок.* Практика заключения договоров о закреплении долей квот, заключенных сроком на 10 лет в отношении пресноводных водных объектов, показала массу негативных аспектов, среди которых можно назвать:

- отсутствие возможности оперативного перераспределения квот;
- ликвидация конкуренции в рыбодобывающей отрасли;
- отсутствие возможности увеличения объемов вылова и перспективы развития для вновь образованных рыболовных хозяйств.

В качестве одного из основополагающих принципов отраслевого законодательства в сфере рыболовства предусмотрен принцип учета интересов населения арктических территорий, для которого рыболовство является основой существования, согласно которому им должен быть обеспечен приоритетный доступ к водным биоресурсам для обеспечения жизнедеятельности населения. Однако на деле данный принцип соблюдается крайне слабо.

С целью обеспечения доступа населения арктических территорий, в том числе коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации к водным биологическим ресурсам, отнесенным к объектам рыболовства и необходимым для обеспечения их жизнедеятельности, предлагается:

– установить преимущественное право коренного населения арктических территорий РС (Я), в том числе русских арктических старожилов, при участии в конкурсах на право заключения договора пользования рыбопромысловым участком для осуществления промышленного рыболовства в пресноводных водных объектах в местах их традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности;

– конкретизировать прямую норму о праве коренного населения арктических территорий РС (Я), в том числе русских арктических старожилов, на бесплатное и свободное рыболовство, что позволит исключить суживание данной нормы в подзаконных актах[3];

– дополнить действующий закон новой статьей в части предоставления возможности представителям коренного населения арктических территорий РС (Я), в том числе русских арктических старожилов, и их общинам осуществлять рыболовство с применением традиционных способов добычи водных биоресурсов.

На данном этапе, 2013–2014 гг., основным пользователем рыболовных участков, выигравшим конкурс, выступает ФГУ «Якутрыбвод», к которому могут обращаться любители-рыболовы за получением путевок на вылов (добычу) рыбы сетными орудиями лова. Ожидается проведение дополнительного конкурса для любительского и спортивного рыболовства из оставшегося резерва, причем главным его организатором выступает Ленское территориальное управление Росрыболовства.

Для получения разрешений на вылов рыбы и выделения рыбучастка необходимо обратиться в управление водных биоресурсов Министерства охраны природы РС(Я), для получения лицензии на вылов омуля – в ЛТУ «Росрыболовство», для получения господдержки – в Министерство сельского хозяйства и продовольственной политики РС(Я)[4]. Для этих процедур нужны личное присутствие, заверение документов, оперативное внесение изменений. Все это создает предпосылки, осложняющие непростое существование небольшого по объему рыболовства индивидуальными хозяйствами. Для эффективной деятельности необходимо создание отдельной программы развития рыбохозяйственной отрасли в Якутии и государственной структуры, которая бы регулировала вопросы в этой сфере.

Утверждение Правил рыболовства по рыбохозяйственным бассейнам не учитывает региональных особенностей каждого субъекта Российской Федерации, входящего в отдельные рыбохозяйственные

бассейны. Республика Саха (Якутия), как и многие другие субъекты, вновь и вновь поднимает вопрос передачи на региональный уровень утверждения правил рыболовства для каждого региона. Кроме того, законопроектом предлагается с целью получения более результативных данных передать полномочия органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации в части проведения рыбохозяйственной мелиорации водных объектов и организации искусственного воспроизводства водных биоресурсов.

В последнее время мы много говорим об усилении власти на местах. В таких отраслях, как рыболовство, это в первую очередь необходимо. Именно органы местного самоуправления располагают более подробной информацией для учета особенностей местного характера. В связи с чем предлагается установить право органов местного самоуправления участвовать в подготовке решений органов исполнительной власти в определении границ рыбопромыслового участка.

Важным представляется вопрос об отсутствии гарантированной системы сбыта добытой рыбы, что напрямую сказывается на конечной реализационной цене рыбы для потребителя. *Также с целью повышения рентабельности необходимо решить вопрос о компенсации части затрат на вывоз из труднодоступных рыбопромысловых участков до улусных центров и далее до г. Якутска.* Выход из этой ситуации видится в деятельности единой организационной вертикальной структуры на основе кооперации по проведению единой политики по руководству и координации деятельности всех участников производственного цикла рыбохозяйственного комплекса, начиная с вылова рыбы на промысловом участке, кредитования закупок, транспортировки рыбы до пунктов сдачи, переработки и реализации рыбы. Такой структурой может стать республиканский сельскохозяйственный перерабатывающий потребительский кооператив.

Учредителями кооператива станут ключевые фигуры в деятельности отрасли: улусные заготовители в виде улусных потребительских кооперативов, перерабатывающие предприятия, финансовая структура типа республиканского кооператива «Сахакредит», транспортники в лице ОАО «Туймаада-Агроснаб» и другие заинтересованные стороны. Сегодня такой кооператив создан – республиканский сельскохозяйственный потребительский перерабатывающий кооператив «Рыба Арктики» [5].

Многие рыболовецкие хозяйства сегодня не кредитоспособны. Раньше проблема финансирования сезонных затрат рыбаков перед летней путинной решалась за счет авансирования средств субсидии. Сегодня в связи с изменением механизма субсидирования – предоставлением субсидии из бюджета по фактически понесенным затратам, данная проблема приняла особую остроту и требует немедленного решения. Отсутствие механизма кредитования рыболовецких хозяйств может привести к снижению объемов официального вылова рыбы, выкупу рыбы у хозяйств коммерческими или иными структурами и неконтролируемому вывозу рыбы за пределы республики, что повлечет обострение социальных проблем в северных и арктических улусах. *В большинстве случаев кооператив не может сразу расплатиться. Иногда бывает, что, сдав рыбу в сентябре, деньги получают только в феврале или в марте следующего года. Поэтому рыбакам приходится изыскивать средства или продукты для того, чтобы как-то прожить.*

Отсутствие кредитования в отрасли – одна из самых насущных проблем. Необходим филиал Россельхозбанка в улусе для кредитования на строительство жилья, на покупку транспорта и т.д. Безусловно, рыбохозяйственной отрасли нужна государственная поддержка.

Таким образом, решение проблем традиционного рыболовства является актуально задачей властей и будет способствовать сохранению этнической группы русских арктических старожилов.

Литература и источники

1. Рыбаков Ф.Ф., Агарков С.А., Бреславец И.Н. Региональные особенности экономического развития рыболовства Северного бассейна. // Вестник МГТУ, том 14, №1, 2011 г. стр.74-78
2. Геденов А. За Полярным кругом. 1896. // Походчане <https://ru.wikipedia.org/wiki/Походчане#>.
3. 15 апреля 2015 г. Конституционный суд Якутии разрешил представителям коренных малочисленных народов Севера (КМНС) ловить рыбу для личного потребления без оформления квот.
4. 18 августа 2014 г. Указом № 2824 Главы республики Е.А. Борисовым был создан Государственный комитет по делам Арктики, уполномоченный орган государственной власти в области рыболовства
5. РСХППК «Рыба Арктики» был создан в 2012 г. и обанкротился в 2015 г.

Е.П. Антонов

**Современное самосознание русских старожилов Походска
в контексте экономической и социокультурной трансформации⁴**

Аннотация. В статье на основе анкетных данных, собранных в ходе экспедиции в Нижнюю Колыму в 2013 г., и исторической литературы анализируется трансформация самосознания русских старожилов. Рассматриваются изменения в их трудовой деятельности, традиционной культуре и говоре, семейных ценностях и религиозных воззрениях.

Ключевые слова: трансформация, русские старожилы, походчане, самосознание, историческое сознание, говор, традиционные промыслы, традиционная культура, религиозный синкретизм, семейные ценности.

E.P. Antonov

**Modern Identity of Russian Old-Timers of Pokhodsk
in the Context of Economic and Sociocultural Transformation**

Abstract. The article analyzes the transformation of the identity of Russian old-timers on the basis of personal data collected during the expedition to the Nizhny Kolyma in 2013. Changes in their work activities, traditional culture and language, family values and religious beliefs are considered.

Keywords: transformation, Russian old-timers, the residents of Pokhodsk, self-consciousness, historical consciousness, dialect, traditional culture, traditional fishing and hunting, religious syncretism, family values.

⁴ Статья подготовлена в рамках исполнения ГЦП «Лингвокультурологическая экспедиция в пос. Походск Нижнеколымского улуса (района) Республики Саха (Якутия), пос. Русское Устье Аллаиховского улуса (района) Республики Саха (Якутия)» контракта № 198 от 3 сентября 2013 г.

⁴ This article was prepared in the project of implementation of STP "Linguistic and cultural expedition in the village Pokhodsk of the Nizhnekolymsky ulus (district) of the Republic of Sakha (Yakutia), the village Russkoye Ustye Allaikhovskiy ulus (district) of the Republic of Sakha (Yakutia)" of the contract No. 198 dated September 3, 2013

Усилившиеся в начале XXI в. процессы глобализации вызывают глубокий интерес к трансформации традиционного образа жизни коренных малочисленных народов. Изменение национальной политики государства по отношению к населению арктических регионов России вызывает большой интерес к вопросам самосознания русских старожилов Республики Саха (Якутии), ведущих вот уже в течение многих столетий традиционный образ жизни – рыбный промысел, а в советское время – песцовый промысел. Самосознание менталитета жителей Походска XXI в. до сих пор остается практически не изученным.

В рамках проекта ГЦП «Сохранение, изучение и развитие государственных и официальных языков РС (Я)» на 2012–2016 гг. состоялась командировка в Походск в 2013 г. Были проведены анкетирование, собеседования с жителями со съемкой на видео, изучены архивные документы муниципального архива и существующая литература.

В ноябре 2013 г. в с. Походск анкетирование было проведено среди 85 человек, в том числе 38 мужчин и 47 женщин. Из 38 мужчин в возрасте от 14 до 25 лет было представлено 9 чел., от 26 до 40 лет – 11 чел., от 41 до 55 лет – 10 чел. и старше 56 лет – 7 чел. Один респондент не указал свой возраст. Из 47 женщин в возрасте от 14 до 25 лет было представлено 16 чел., от 26 до 40 лет – 9 чел., от 41 до 55 лет – 11 чел. и старше 56 лет – 11 человек. Как видим, выборка лиц охватила практически все возрастные категории русских старожилов, и разница между этими группами оказалась почти сопоставимой. По роду занятий из 38 мужчин было зафиксировано учащихся – 1, студентов – 3, работников сферы образования – 1, служащих муниципального управления – 4, работников сферы обслуживания – 11, занятых рыболовным промыслом – 12 и неработающих пенсионеров – 3. Как видим, мужчины – походчане работают на рыбном промысле, сфере обслуживания и муниципальном управлении. По роду занятий из 47 женщин было зафиксировано учащихся – 9, студентов – 4, предпринимателей – 1, работников сферы образования – 10, торговли – 2, служащих муниципального управления – 5, работников сферы обслуживания – 3, работников культуры – 3 и неработающих пенсионеров – 9. Как видим, женщины – походчанки заняты в сфере образования, муниципальном управлении, сфере обслуживания и культуры.

Традиционно под менталитетом подразумевают образ этноса, его самосознание, поведенческий код и другое. Попытка реконструкции ментальности русских старожилов Нижнеколымского улуса РС

(Я) привела к тому, что местно-русский говор назвали родным из 85 опрошенных 12 мужчин и 24 женщин; а русский – 26 мужчин и 23 женщин. Как видим, 36 походчан, или 42,3% от общей численности русских старожилов – довольно высокий процент считают родным местно-русский говор. Из 38 мужчин старожилов ни один не владеет другими языками. Из 47 женщин четверо знают по-якутски, двое – по чукотски и одна владеет двумя языками – чукотским и эвенским. Из 38 мужчин используют дома при обсуждении домашних дел русский язык 20, местно-русский – 10; из 47 женщин русский язык – 24, местно-русский – 16 и якутский – одна.

Старожилы из мужчин охарактеризовали современное состояние своей традиционной культуры, как сохранение традиционных промыслов, поскольку они являются единственной возможной системой жизнеобеспечения – 19, как стремление со стороны старожилов сохранить свою культуру – 16, как неумолимую утрату самобытности из-за глобализации – 7, как значительное возрождение традиционной культуры благодаря поддержке государства – 5. Затруднилось ответить шестеро, один не дал никакого ответа и еще один отметил угрозу исчезновения говора. Старожилы женщины охарактеризовали современное состояние своей традиционной культуры, как стремление со стороны самих русских старожилов сохранить свою культуру – 36, как сохранение традиционных промыслов, поскольку они являются единственно возможной системой жизнеобеспечения – 17, как значительное возрождение традиционной культуры ввиду поддержки государства – 8, как неумолимую утрату самобытности из-за глобализации – 6. Лишь одна женщина затруднилась с ответом на этот вопрос. Отсюда видна озабоченность мужчин состоянием традиционного рыбного промысла, тогда как женщины поставили на первое место стремление походчан сохранить свою культуру. Разница в ответах на последующие три вопроса между мужчинами и женщинами практически отсутствует.

За сохранение традиционного образа жизни русских старожилов Севера, как необходимого для общества и уникального явления высказалось 32 мужчины. Пятеро мужчин затруднилось с ответом, и лишь один мужчина заявил, что не стоит сохранять традиционный образ жизни, поскольку в современном обществе это утратило свою актуальность. Из 47 женщин за сохранение традиционного образа жизни русских старожилов Севера, как необходимого для общества и уникального явления высказалось 46 человек, и лишь одна оставила без ответа этот вопрос.

Из изложенного полевого материала видно, что традиционное сознание походчан представляет собой устойчивую основу сохранения языка и этнокультуры русских старожилов. Генезис самосознания местно-русских Нижнеколымского улуса свидетельствует об адаптации к экономической и социокультурной трансформации. Картина мира и поведенческий код русских старожилов способствовали выявлению особенностей их взаимоотношений с окружающими народами, когда наиболее близкими к ним являются юкагиры, и далее по убывающей шкале – эвены, чукчи, якуты, пришлые русские и иные народы.

Как показывают анкеты, о взаимовлиянии культур в течение нескольких столетий совместного проживания русских старожилов с коренными народами Якутии высказались все без исключения 85 респондентов. Влияние традиционных культур народов Севера они отметили в области традиционных занятий (охоте и рыболовстве), быту, укладе (одежде, утвари, пище, жилище) и смешанных браках. Русские старожилы села Походск трансформировались к началу XXI в. в носителей специфичной материальной культуры, связанной с рыбным и песцовым (в советское время) промыслами, а также духовной культуры. Во взаимоотношениях с пришлым русским населением, а именно по вопросам нового взгляда на земельную собственность, экологию и ценностные установки к природным ресурсам наблюдается ярко-выраженный подход, связанный с оппозицией «мы – они», как особой черты их самоидентификации. В условиях сохранения и развития духовного наследия данного этнокультурного сообщества – традиций, обычаев и обрядов, фольклора, песен и т.д. образы «добра и зла» русских старожилов во многом перекликаются с традиционными установками коренных малочисленных народов Якутии (культ «Сендухи», или «Шендухи», элементы шаманизма, народной медицины и т.д.).

Опросные листы свидетельствуют, что кардинальные изменения в укладе жизни, культуре и языке старожилов из числа мужчин связывали со следующими факторами – с возможностью браков с приезжими из центра России – 22, преподаванием русского литературного языка в школе – 15, политикой власти СССР и РФ – 12, возможностью свободного выезда – 10 и процессами глобализации – 7. Трое мужчин не ответили на этот вопрос. Для мужчин заключение создание семьи с приезжими женщинами оказался основным фактором обрусения, что вполне объяснимо, поскольку в семье передача языка, культуры и обычаев обычно связано с матерью.

Из женщин кардинальные изменения в укладе жизни, культуре и языке старожилов связали со следующими факторами – преподаванием русского литературного языка в школе – 29, возможностью браков с приезжими из центра России – 24, политикой власти СССР и РФ – 11, возможностью свободного выезда – 10 и процессами глобализации – 7. Двое женщин не ответили на данный вопрос. Для женщин основной фактор изменений связан с преподаванием русского литературного языка в школе, что означало русификацию и ускорение процесса утраты говора в быту. Остальные факторы примерно одинаковы, как для мужчин, так и для женщин.

Для сохранения своей традиционной культуры русские старожилы из числа мужчин предложили оказать первоочередную поддержку местно-русскому говору – 30, традиционному образу жизни и промыслам – 24, народному фольклору – 23, традиционным праздникам – 20, традиционной кухне – 19 и религиозным обрядам – 7. Женщины предложили оказать первоочередную поддержку местно-русскому говору – 39, традиционным праздникам – 34, народному фольклору – 33, традиционному образу жизни и промыслам – 30, традиционной кухне – 23 и религиозным обрядам – 5.

Как видим, походчане предложили заняться сохранением в первую очередь местно-русского говора. В советский период именно школа исполняла не только свои прямые образовательные и воспитательные функции, но и являлась инструментом русификации, когда говор стал объектом запрета и насмешек, а детей в принудительном порядке приучали к нормам «правильного» языка. Многочисленные научные экспедиции с участием филологов-славистов занимались изучением лишь особенностей старожильского языка, не предпринимая ни малейших шагов по созданию практических букварей и грамматики, т.е. спасению этого исчезающего феномена. Именно в этом ярко проявилась имперская политика, направленная на полную ассимиляцию данной субэтнической группы с русским народом.

В анкете на второе место мужчины поставили традиционный образ жизни и промыслы, а женщины – традиционные праздники. И те и другие указали в последнюю очередь на необходимость поддержки религиозных обрядов. В условиях трансформации экономических отношений начался процесс отторжения традиционных участков их рыбного промысла, связанного с реализацией пресловутого федерального закона ФЗ№94, в силу которого теперь по итогам конкурсов

и аукционов рыболовные заимки старожилов переходят в руки новых хозяев, развернувших улов рыбы в хищнических масштабах. Следует подчеркнуть, что в Нижнеколымском улусе (районе) РС (Я) ценные виды рыб являются единственным природным ресурсом, обеспечивающей жизнедеятельность северян.

Как показывают источники в начале XXI в. самоуправляющаяся община русских старожилов продолжает оставаться системой традиционных ценностей, позволяющей и поныне являться субъектом экономической деятельности и защиту от негативного влияния извне, регулятором взаимоотношений внутри сообщества русских старожилов и гарантом будущих перспектив сохранения своего этнокультурного наследия. К примеру, достоверно установленным фактом является отсутствие в среде походчан сирот, когда родственники берут на свое попечение детей, оставшихся без родителей.

Система религиозных верований русских старожилов представляет собой совокупность языческих и православных представлений, в результате взаимодействия которых окончательно сформировались оригинальные система веры походчан. Установлено, что языческие компоненты, связанные с охотничьим и рыболовными промыслами, превалировали и замещали символику и содержание компонентов православной религии.

Осознавая дальнейшие перспективы углубленного проблем самосознания русских старожилов следует:

- разработать спецкурсы, программы для школ и учебных заведений республики по изучению духовной и материальной культуры русских старожилов Якутии.

- разработать букварь, грамматику и другие учебные пособия с целью преподавания говора русских старожилов в учебных заведениях Русского Устья и Походска

- разработать с учеными Москвы, Новгорода и Архангельска совместные проекты (гранты) по комплексному изучению русских старожилов арктического побережья России (марковцев, камчадалов);

- расширить комплексные научные исследования ареальных групп русского населения Якутии;

- подготовить кадры из числа выходцев из Походска, которые продолжили бы академические исследования русских арктических старожилов.

Предлагаем разработать государственную целевую программу (ГЦП) по поддержке традиционных систем хозяйствования и эт-

нокультурного развития арктических русских старожилов РС (Я). В рамках этого междисциплинарного проекта будут предусматриваться изучение трансформации традиционного общества русских старожилов Русского Устья и Походска в контексте экономической и социокультурной модернизации. Необходимо проследить историю их формирования и развития в арктической зоне Якутии с XVII в. до XXI в. на фоне процессов межэтнического взаимодействия с юкагирами, чукчами, эвенками и якутами. Особое внимание будет обращено на реконструкцию их сознания: картину мира, самосознание и идентификацию русскоустинцев и походчан. На основе фольклора предстоит проанализировать особенности исторического сознания русских арктических старожилов.

Литература

1. *Гаврилова Е.А.* Трансформация системы традиционных ценностей семейских Забайкальского края в условиях современности : автореф. дис. ... канд. филос. наук / Е. А. Гаврилова. – Чита, 2010. – 23 с.

2. *Люцидарская А.А.* Старожилы Сибири. Историко-этнографические очерки XVII – начало XVIII в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук / А. А. Люцидарская. – Новосибирск, 1997. – 24 с.

3. *Монгуш С.О.* Этническая идентичность и менталитет русских в условиях национальных регионов Сибири. (На примере Республики Тыва) : автореф. дис. ... канд. философ. наук / С. О. Монгуш. – Улан-Удэ, 2010. – 23 с.

4. *Петрова Е.В.* Русское население в этносоциальной структуре республик Сибири: особенности развития в условиях трансформации современного российского общества : дис. ... д-ра ист. наук / Е. В. Петрова. – Улан-Удэ, 2009. – 332 с.

5. *Скрябина Л.А.* Русское население Притомья: взаимодействие культурных традиций старожилов и переселенцев : дис. ... канд. ист. наук / Л. А. Скрябина. – СПб., 1995. – 204 с.

6. *Теленков А.В.* Национальное самосознание русских во второй половине XIX – начале XX в. (По материалам Среднего Урала) : дис. ... канд. ист. наук / А. В. Теленков – Пермь, 2003. – 247 с.

7. *Фурсова Е.Ф.* Календарная обрядность восточнославянских народов в Приобье, Барабе и Кулунде: межкультурные взаимодействия и трансформации первой трети XX в. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук / Е. Ф. Фурсова. – Новосибирск, 2004. – 24 с.

8. *Чикарев А.Г.* Походск. Старинное русское село на Колыме / А. Г. Чикарев. – Иркутск : Папирус, 1993.

9. *Чикачев А.Г.* Русские на Индигирке. Историко-этнографический очерк / А. Г. Чикарев. – Новосибирск : Наука, 1990. – 189 с.

10. *Чикарев А.Г.* Русское сердце Арктики./ А. Г. Чикарев. – Якутск, 2010.

УДК 316(=1.571.56-81)

О.В. Осипова, Е.Г. Маклашова

Идентичности Арктики

(по материалам социологического исследования
в Аллаиховском районе)

Аннотация. На основе социологических исследований устанавливаются особенности этнической самоидентификации в условиях полиэтнической среды. В этой связи, особый интерес для этнологии как науки об этносах представляют арктические территории России. На основе данных по Анабарскому, Усть-Янскому и Аллаиховскому районам Республики Саха (Якутия) установлено, что в Аллаиховском районе наиболее высокая вероятность усложненной, или даже изменчивой этнической идентичности населения. Население периферийных территорий не может не оценивать этническую идентичность как определенную стратегию, обеспечивающую доступ к ресурсам, необходимым для выживания, улучшения условий своей жизни в экстремальных условиях. Выявлено, что территориальная и даже локальная идентичность оказывается более значительной для жителей отдаленных арктических сел и деревень.

Ключевые слова: этническая идентичность, локальная идентичность, коренных малочисленных народов Севера, русские старожилы.

O.V. Osipova, E.G. Maklashova

Identity of the Arctic

(Based on Sociological Research in the Allaikhovsky District)

Abstract. Based on sociological studies, the features of ethnic self-identification in a multi-ethnic environment are established. In this regard, the Arctic territories of Russia are particular interest to ethnology as a science of ethnic groups. Based on data from the Anabar, Ust-Yansky and Allaikhovsky districts of the Republic of Sakha (Yakutia), the highest probability of a complicated, or even variable ethnic identity of the population has been established in the Allaikhovsky district. The population of the peripheral territories cannot but evaluate ethnic identity as a certain

strategy providing access to the resources necessary for survival and improving their living conditions in extreme conditions. It was revealed that territorial and even local identity is more significant for residents of remote arctic villages and settlements.

Keywords: ethnic identity, local identity, indigenous peoples of the North, Russian old-timers.

Введение. Понятие идентичности попало в отечественный научный дискурс в постсоветский период. Оно обозначает тождественность какому-либо образу, в том числе образу национальному, этническому. В тоже время мы привыкли думать, что такая этническая идентичность должна быть у человека одна и на всю жизнь и что она должна передаваться от родителей детям.

Однако может ли это быть применимо к населению Арктики, где, веками происходили смешения различных этносов и понятия национальности, как таковой, до недавнего времени просто не было? В данной статье мы попытаемся ответить на вопрос, какие факторы, оказывают влияние на этническую идентификацию людей проживающих в одном из Арктических районов Республики Саха (Якутия).

Не секрет, что вместе с распространением информационных технологий, «современный мир перетасовываемых ценностей, изменяющихся маршрутов и расплывающихся рамок» [1, С.186-187], описанный З. Баумом, распространяет свое влияние даже в самые отдаленные уголки мира. Оказывает ли он влияние на этническую идентификацию современных жителей Арктики, либо идентичность является продуктом, устоявшейся в России с советских времени, политики этнических идентичностей. Ведь как пишет Дж. Андерсон, в процессах определения этнической идентичности в советский период и сейчас, большую роль играют скорее инструкции, начертанные «невидимой рукой» Москвы, что является отличной демонстрацией того, как привнесенные государством категории все прочнее входят в жизнь людей [2, С. 62]. Корни подобного влияния он связывает с утверждением государства во всех сферах повседневной жизни простых людей. Феномен «принадлежности к национальности» в этом случае может быть понят только в контексте гражданской системы официально утвержденных национальностей, созданной советским государством.

Методика и география исследования. Арктическая территория и в частности Аллаиховский район Республики Саха (Якутия) представ-

ляет особый интерес для этнологии как науки об этносах. Мы посетили данный район в августе 2013 года для проведения социологических исследований в ходе реализации научно-исследовательского проекта.

Одним из вопросов вызывавшим наш неподдельный интерес являлся вопрос об этнической принадлежности населения. Так как объект нашего исследования – этническая принадлежность – является субъективной материей, то мы посчитали важным использование как количественных, так и качественных методов сбора информации. Таким образом, методами, которые мы использовали, были: наблюдение, интервью, анкетный опрос. В качестве инструмента количественного метода была использована специально разработанные анкеты. Одна из них была разработана для молодой группы населения от 14 до 30 лет (общее количество опрошенных составило 105 респондентов). Вторая была подготовлена для взрослого населения от 18 лет до 65 и старше (общее количество опрошенных составило 106 респондентов). Применение количественных методов позволило определить долю людей с однозначной и двойной идентичностью. В свою очередь качественные методы позволили лучше понять мышление людей, при определении ими своей этнической принадлежности.

Наша заинтересованность в Аллаиховском районе была связана не в последнюю очередь с этническим составом именно данной территории. Если для Якутии в целом характерна ситуация, которую В. А. Тишков отнес к регионам 3 типа, в которых среди смешанного населения преимущественно распространена простая (единичная) этническая идентичность, однако население со сложной идентичностью составляет значительную долю, (Такая картина характерна для ситуации урбанизации или освоения новых территорий, с участием выходцев из сложной по этническому составу сельской местности (Дагестан, Кабардино-Балкария, Ставропольский край и Якутия)) то для Аллаиховского района ситуация видится несколько по иному.

Необходимо учитывать, во-первых, то, что наиболее высока доля населения, проживающего в семьях с неоднородным этническим составом, в северных регионах страны, включая Дальний Восток. Во-вторых, длительное совместное проживание русского старожильческого населения, якутов, долганов, эвенков, эвенов, юкагиров. Очевидно, что именно в Аллаиховском районе наиболее высока вероятность усложненной, или даже изменчивой этнической идентичности населения.

Результаты. Первое, что надо отметить, это то, что наша гипотеза о высокой доле смешанного населения подтвердилась тем, что при ответе на вопрос о национальности респондента, среди совокупности всех опрошенных по трем районам: Анабарскому, Усть-Янскому и Аллаиховскому наибольшее количество людей выбравших вариант смешанная национальность достиг 19%, (5% во всевозрастной анкете) в то время как в двух других районах этот показатель не превышал 4% от числа опрошенных. Как нам кажется, процент людей выходцев из семей со сложным этническим составом, скорее всего, является еще более высоким, но так как в обществе распространена идея, что человек должен иметь одну идентичность, то многие выбирают для себя однозначную идентичность.

В тоже время даже зафиксированные нами 19% говорят о сложности этнического состава, а также о том, что человек может причислять себя сразу к нескольким этническим группам.

Существует немало исследований, показывающих, что этническая самоидентификация человека изменчива и зависит от разных обстоятельств, причем нередко – обстоятельств конъюнктурного свойства.

Это особенно хорошо заметно на примере идентичности потомков межнациональных браков. Так, известно, что, имеются значительные региональные различия в определении своей этнической принадлежности потомками этнически смешанных браков. Например, проведенные в 70-е годы исследования в республиках Прибалтики показали, что в семьях где один из родителей принадлежит к коренному этносу (эстонскому, латышскому, литовскому), а другой является русским, половина относилась к местному этносу. В Чувашии же почти 98% подростков относили себя к русским. Иная ситуация в Туркмении. Здесь в туркмено-русских семьях большинство подростков определяют себя Туркменами [3, С. 92]. Таким образом, следует отметить, что различные социальные условия, в которых происходит социализация человека, имеют определяющее значение для его этнического самоопределения.

Необходимо отметить, что большую роль играет сложившаяся государственная позиция относительно этнологической категоризации этносов, дополняющейся таким явлением как иерархизация. В результате в нашей стране разные этносы получают различные статусы (этносы и субэтносы, коренные и некоренные, титульные, государствообразующие и т.д.), кроме того определяется их место в социальном и физическом пространстве.

Данная субъективная позиция, вписываясь в объективные пространственные и институциональные структуры, формирует социальное пространство, в котором существует население. В результате объективизированная классификация начинает оказывать влияние на население. Более всего проявляясь на периферийных территориях, объединяющих в нашей стране в основном, а иногда и исключительно негативные полюса социальных полей.

С этим обстоятельством можно связать три явления, характерные как для Якутии, так и для России в целом на современном этапе:

Во-первых, происходит изменение численности населения различных этнических групп из числа коренных малочисленных народов Севера. Так, в Якутии в сравнении с переписью 2002 года довольно значительно увеличилась численность коренных малочисленных народов Севера: эвенков на 15,2%, эвенов на 29,3%, долганов на 49,8%, юкагиров на 16,8%, чукчей на 11,3%.

Во-вторых, важным надо назвать появление локальных форм самоопределения (например, русские старожилы Русского Устья, ессейские якуты, якуты магаданской области), которые не вписываются в официальные реестры национальностей, но определяют поведение людей и их взгляды на проблемы этнической идентификации.

В-третьих, проявляются процессы актуализации множественных, сложных этнических идентичностей.

Все это ставит вопросы не только перед научным сообществом, но и перед обществом в целом о том какие процессы происходят с этнической идентичностью. Существуют различные точки зрения на то, чем вызваны данные процессы.

Например, в своей статье К.Г. Шаховцов по результатам изучения этнической идентификации в среде селькупов Томской области, указывает, на связь этнического самоопределения со льготами, выделяемыми по этническому принципу, но одновременно утверждает, что не все так однозначно. Он пишет: «Безусловно, экономические льготы не могут быть признаны исчерпывающим объяснением процессов, происходящих в среде селькупов Томской области. Для части информантов быть селькупом означает быть хозяином своей земли, на земле своих предков, вести тот образ жизни, который выберут они сами. С другой стороны, представление о закрепленных законом льготах прочно связано с понятием «коренные народы» в сознании как представителей КМНС, так и численно преобладающего русскоязычного

населения исследуемого региона. К настоящему времени процессы аккультурации и ассимиляции зашли настолько далеко, что можно высказать предположение о том, что право пользования льготами становится этнодифференцирующим признаком, занимая в системе последних место физического облика» [4, с. 157–172].

Дэвид Андерсон в своей книге «Гундровики: экология и самосознание таймырских эвенков и долган» пишет, что «утверждение этнической своеобразности выступает как активная защита стабильности и покоя устоявшейся системы, которая... находится под угрозой» [2, с. 207].

Таким образом, необходимо отметить, что этническая идентичность все чаще связывается с определенной рациональной стратегией отдельного человека.

Чем объясняется в этой связи желание русских старожилов войти в перечень коренных малочисленных народов Севера:

Безусловно, с одной стороны большую роль здесь играет имеющееся культурное своеобразие. Однако с другой стороны нельзя исключать того, что для людей, особенно проживающих в сложных условиях Арктики дополнительные льготы, которые выделяются по этническому принципу, являются также важной причиной.

Когда мы посетили Русское Устье и пообщались с местным населением, стало ясно, что нынешняя политика поддержки коренных малочисленных народов Севера воспринимается как некая несправедливость, в отношении иных жителей Арктики, проживающих в таких же условиях. Можно услышать такие слова «Мы живем в таких же условиях, как и эвены, эвенки, и другие КМНС почему мы не можем претендовать на такую же поддержку со стороны государства».

В этой ситуации этническая идентичность, и все большее внимание к ней оказываемое населением периферийных территорий, не может не оцениваться как определенная стратегия, обеспечивающая доступ к ресурсам, необходимым для выживания, улучшения условий своей жизни.

В этом контексте очень красноречиво прозвучали слова пожилой жительницы села, обращенные к нам после того, как мы сказали, что мы социологи: «Вот приезжаете, изучаете, а мы как жили, так и живем». То есть социологическая и этнографическая деятельность рассматривается также, как источник возможных положительных изменений, улучшения бытовых условий жизни. Это мнение можно понять.

С другой стороны в их ситуации, когда большая часть населения метисирована они могли бы принять идентичность коренных малочисленных народов Севера, это было бы возможно на основании домовых книг. Однако такая перспектива кажется русским старожилам якутской Арктики не верной, поскольку они связывают ее с последующей утерей своего культурного своеобразия.

Таким образом, можно говорить, о том, что политика государства в отношении этнических меньшинств с одной стороны приводит к тому, что наблюдается положительные эффекты, проявляющиеся в том, что этносы включенные в перечень коренных малочисленных народов Севера прибавляются численно, что ведет и к качественным изменениям. Осознанию необходимости сохранения культурного и этнического разнообразия.

С другой стороны такая политика запускает процесс искусственного формирования этнических групп на основе локальной идентичности, дробления существующих этносов, то есть «социальные институты не только ограничивают, опосредуют и направляют социальное действие и социальный выбор, но в прямом значении термина конституируют агентов этого действия (актеров, субъектов) и формируют их интересы» [5, с. 50].

В этой связи хотелось бы вновь вернуться к полученным социологическим данным. Необходимо отметить, что при ответе на вопрос «О каких из перечисленных групп Вы можете сказать «это – мы»?»

Вариант ответа люди такой же национальности оказался наименее востребованным.

Более значимой оказалась группа «жители Севера, Арктики». Это говорит о том, что территориальная или возможно даже локальная идентичность все еще оказывается более значительной для жителей отдаленных северных сел и деревень.

И в дальнейшем государство может столкнуться и с другими случаями, когда те или иные группы будут рассчитывать на выделение их в отдельную этническую группу.

Все это ставит как перед государством, так и перед этнологией несколько вопросов.

- что же все-таки должно быть критерием выделения отдельных этнических групп?

- как дальше необходимо продолжать политику поддержки коренных малочисленных народов Севера?

- необходимы ли этнические критерии поддержки жителей Арктических территорий России?

Литература:

1. Бауман З. Индивидуализированное общество. М., 2002. С. 186–187
2. Андерсон Дж. Тундровики: экология и самосознание таймырских эвенков и долган. Новосибирск. Издательство СО РАН 1998. – 272 с.
3. Галкина Е.М. Этническая идентичность подростков из национально-смешанных семей (по материалам этносоциологического исследования в г. Москве): дис... канд.ист.наук. – М., 1993 – 231 с.
4. Шаховцев К.Г. Льгота ли быть селькупом? // Практика постсоветских адаптаций народов Сибири / Отв. ред. Д. Функ, Х. Бич, Л. Силланпяя. - М., 2006. С. 157 – 172.
5. Соколовский С.В. Антропологическое знание в правовом и политическом дискурсах: дис... докт. ист. наук. – М., 2009 – 389с.

УДК 39(=1.571.56-81)

С.И. Боякова

**Отечественные исследователи XIX – начала XX вв.
о русских жителях низовьев Индигирки**

Аннотация: В статье, на основе архивных документов и материалов экспедиций XIX– начала XX вв., рассматривается вклад российских путешественников и исследователей в накопление знаний и этнографическое изучение субэтнической группы русских арктических старожилов Якутии. Подчеркивается, что именно эти труды определили основные направления дальнейшего историко-этнографического изучения ареальных групп русских Северной Сибири.

Ключевые слова: русские старожилы Арктики, отечественные исследователи, экспедиции, происхождение русскоустыинцев, традиционное хозяйство, этнокультурное своеобразие.

S.I. Boyakova

**Russian Researchers about the Russian People of the Lower
Indigirka in XIX- Early XX Centuries**

Abstract. The article, based on archival documents and materials of expeditions of the XIX – early XX centuries, examines the contribution of

Russian travelers and researchers to the accumulation of knowledge and ethnographic study of the sub-ethnic group of Russian Arctic old-timers of Yakutia. It is emphasized that these works determined the main directions of further historical and ethnographic study of the areal groups of Russians in Northern Siberia.

Keywords: Russian old-timers of the Arctic, domestic researchers, expeditions, origin of the residents of RusskoyeUstye, traditional economy, ethno-cultural originality.

Феномен самобытной культуры русскоустыинцев всегда вызывал особый интерес исследователей и путешественников. Наиболее известным описанием жизни и быта этой самобытной группы русских старожилов Арктики, безусловно, является книга В.М. Зензинова [1], волею судьбы заброшенного в начале XX столетия в старинное селение на побережье «холодного океана». Именно благодаря Зензинову, упомянувшему в своем труде легенду о происхождении русскоустыинцев от беглых новгородцев XVI в., распространилась усилиями краеведа А.Г. Чикачева и писателя В. Распутина версия о пятисотлетней истории их пребывания на Северо-востоке Азии [2]. В то же время целый пласт отечественной научной литературы, посвященной русскому населению Индигирки, остается все ещё невостребованным. Задача настоящей статьи – привлечь новые данные по истории и этнографии русских старожилов Арктики из работ российских исследователей и путешественников, на протяжении XIX–начала XX вв. посещавших низовья Индигирки. Эти сведения можно почерпнуть из дневниковых записей, донесений и отчетов о проделанной работе; зачастую они рассыпаны среди гидрологических, астрономических, метеорологических, геологических и др. наблюдений. Этнографические исследования, как правило, также являлись составной частью проводившихся в Заполярье экспедиций.

В 1808–1812 гг. для сбора сведений о вновь открытых Новосибирских островах была направлена экспедиция М.М. Геденштрома, обследовавшая также морское побережье между устьями Яны и Колымы. В начале 1810 г. М.М. Геденштром от имени зашиверских мещан обратился к сибирскому генерал-губернатору И.Б. Пестелю с ходатайством о разрешении им переселиться на постоянное жительство на «вновь открытые в Ледовитом море острова». Обедневшие русские жители низовьев Индигирки, надеялись таким образом «поправить состояние свое чрез промысел на новой земле». Генерал-губернатор,

а вслед за ним Комитет министров пошли навстречу этим пожеланиям, вполне совпадающим с политическими устремлениями России по скорейшему закреплению и дальнейшему освоению вновь присоединенных территорий. Однако единственное условие, которое выдвинуло правительство переселенцам, – «бездоимочные платежи следующих с них податей и исправление повинностей» по прежнему месту жительства, крестьяне выполнить не смогли, соответственно, их переселение на Новосибирские острова не состоялось [3].

В определенной степени продолжением работ М.М. Геденштрома по описанию северо-восточного побережья Сибири стала экспедиция Ф.П. Врангеля–П.Ф. Анжу 1820–1824 гг. Проводя описание морского берега от устья Колымы до Индигирки, участник экспедиции штурман П.Т. Козьмин с 28 июля до 26 сентября 1821 г. жил в селении Русское Устье. Его путевой журнал вошел в итоговый отчет экспедиции, опубликованный впоследствии Ф.П. Врангелем [4].

По данным Козьмина, селение Русское Устье впервые упоминается в документах с середины XVIIIв.; тогда оно состояло из 6 юрт, где проживало 15 семейств. В начале XIXв. русские в низовьях Индигирки проживали в четырех селениях: Едомка, Русское Устье (4 хижины «с немногими принадлежащими к ним строениями»), Станчик (изба, юрта, ураса и 2 сарая), Усть-Елань или Елонское Устье (две избы и три юрты). «Они все русские, – подчеркивал Козьмин, а вслед за ним Врангель, – и называют себя индигирскими жителями». Промышляли они рыбной ловлей, охотой и сбором мамонтовых костей; на побережье океана ловили «очень искусно песцов». Их шкуры и мамонтовую кость они обменивали на товары у нижнеколымских и якутских купцов. При устройстве ловушек строго соблюдались границы: селению Едомке принадлежала территория до устья Куродагиной, Русскому Устью и Елонскому Устью – между реками Яной и Кондратьевой. Существовала и определенное разделение труда: рыбной ловлей летом (при том, что «рыба составляет почти единственную пищу») занимались только женщины и дети; мужчины же охотились на оленей и гусей, собирали мамонтовую кость. Добытую кость складывали в одном месте, а зимой каждый промышленник вывозил её на нартах домой («не помнят примеров, чтобы охотник завладел чужой кучей»).

Не прошли мимо взгляда пытливых исследователей и вопросы, связанные с происхождением жителей низовьев Индигирки. Они от-

метили многосоставность и длительный характер формирования русского населения края. Интересен в этом плане рассказ о 80-летнем Кочевщикове, прибывшем ещё в подростковом возрасте в первой половине XVIII в. из Киренска вместе с братом в составе группы из 40 мужчин и детей для промысла мамонтовой кости.

В отличие от Колымы Индигирка находилась в стороне от торговых путей, в связи с чем «бедные жители Индигирской пустыни» вынуждены были «продавать свои товары монополистам по самым дешевым ценам». Поэтому, замечал Врангель, «имея склады драгоценных мехов и мамонтовой костей, с трудом доставляют себе индигирцы ежедневное пропитание и часто не в состоянии приготовить запасов на зиму».

Известный исследователь Северо-востока Азии и чиновник по роду своей основной деятельности Г.Л. Майдель посетил Русское Устье в 1866 г., находясь в одной из своих служебных командировок. В опубликованном затем своем отчете по итогам более поздней Чукотской экспедиции 1868–1870 гг. он поместил и материалы, посвященные жителям низовьев Индигирки. Так, относительно их происхождения Майдель, основываясь на документах Верхоянского окружного управления и сведениях, собранных от самих жителей, писал, что ранее мещане Нижней Индигирки жили в Верхоянске и переселились на север после соответствующего обращения и разрешения Российского правительства. Он довольно подробно остановился на расселении, традиционных способах хозяйствования, жилищах, семейно-родственных отношениях, образе жизни индигирщиков. Русские жили в нескольких мелких, в 1–2, реже 5–6 домов, раскиданных по всему нижнему течению Индигирки, поселениях. Центром их считалось селение Ожогоино на реке Полоусной, в котором жил староста, имелись церковь и хлебные магазины, вместе с жилыми здесь находилось всего 10 домов. Русское Устье было примерно такой же величины, как Ожогоино. Русскоустыинцы, по наблюдению путешественника, имели зимние и летние поселения, в последних жили в период путины.

Майдель привел интересный факт, характеризующий самоидентификацию русскоустыинцев: «Вообще люди вполне довольны своим положением, но только они не хотят оставаться мещанами, а желают быть сравнены с плательщиками ясака, на которых совершенно походят образом жизни». По их просьбе Г.Л. Майдель представил соответствующее прошение якутскому губернатору А.Д. Лохвицкому, однако вскоре (1868 г.) сменилось руководство области, а затем и сам

Майдель выехал за пределы Якутской области, вследствие чего этот вопрос так и остался нерешенным [6].

В начале XX в. дважды Русское Устье и другие селения Нижней Индигирки посетил участник Ленско-Колымской экспедиции 1908–1909 гг. астроном Е.Ф. Скворцов. В его дневнике, изданном вместе с другими материалами экспедиции в 1930 г., и докладе, опубликованном в 1914 г., приводятся довольно подробные сведения о природе и населении севера Якутии, способах хозяйствования, образе жизни и социальных проблемах[7].

Основная часть дневника Е.Ф. Скворцова посвящена русским старожилам Индигирки. В начале XX в. здесь находилось около 10 русских поселений, расположенных в низовьях реки и на побережье Северного Ледовитого океана: Аллаиха (здесь имелась церковь), Шевелево, Бурулгин, Русское Устье, Стариково, Станчик, Крута, Коссово и др. Исследователь отмечал удивительную сохранность русского языка старожилов, высказал предположение об их происхождении («среди них есть рассказы, по которым возможно заключить, что они пришельцы из-за моря «архангельцы»»), «возможно, что индигирские русские – потомки ссыльных на север бояр, очень давно перебравшихся на кочах по Ледовитому океану на далекую Индигирку»). Интересные наблюдения ученый привел об одежде, жилищах, их внутреннем убранстве, средствах передвижения (собаки, лошади. Он отмечал, что собак держат из-за отсутствия кормовищ для оленей, к тому же кочевая жизнь «не в характере русских»). Лошадей же русские старожилы Индигирки использовали для гусяного промысла, их было немного, на все Русское Устье – не более 10. На них русские перевозили свой «скарб и ветки, сами же совершали переходы пешком». Скворцов описал пищу старожилов, обратив внимание на рыбу, как главный её компонент, при этом рыбу не солят, «они скорее станут есть несвежую рыбу, чем соленую». Ученый поставил вопрос об отсутствии медицинской помощи и привел информацию о наиболее распространенных болезнях жителей Индигирки, подробно остановился на промыслах (рыболовство, охота на диких гусей, добыча мамонтовой кости, песцовый промысел, охота на белых медведей, «для коих построено на берегу океана несколько пастей в роде песцовых, лишь в более грандиозных размерах» и диких оленей)[8]. Кроме того, в академическое издание 1930 г. вошли иллюстрации, выполненные Е.Ф. Скворцовым: фото-

графии селения Русское Устье, управы, камелька, урасы, карты–схемы с. Русское Устье (рис. 1).

Сведения о русском населении Индигирки были обобщены Е.Ф. Скворцовым и в докладе «О жизни и нуждах наших соотечественников на далеком Севере», представленном в Министерство торговли и промышленности в 1910 г. и хранящемся ныне в Российском государственном историческом архиве. Кроме описания природных условий, расселения, жилищ, средств передвижения, дорог, промыслов, пищи, болезней, психологических особенностей значительное место в докладе уделено социальным проблемам жителей Заполярья. Исследователь обращал внимание на отсутствие медицинской помощи, неграмотность, упадок промыслов вследствие плохого снабжения их орудиями, неразвитость почтовых сообщений. В качестве неотложных мер Скворцов предлагал организовать запасные казенные продовольственные магазины на случай голода; обеспечить орудиями промысла (конским волосом для плетения сетей, ружьями), создать сеть медицинских учреждений с проведением широкой вакцинации населения, построить школы («он разогнал бы тот мрак, в котором живут они – это сделало бы их, быть может, не такими упорными в смысле новшеств, могущих облегчить их же жизнь»), обучить более совершенным приемам ловли рыбы и способам ее сохранения. Доклад Скворцова завершился словами о необходимости облегчить жизнь населения далекого Севера, «лишенного самых важных предметов первой необходимости» [9].

Таким образом, по материалам путешественников и участников экспедиций XIX–начала XX вв. можно проследить динамику заселения и расселения русских в низовьях Индигирки, выявить эволюцию их хозяйственных систем, материальной и духовной культуры под влиянием происходивших в указанный период социально-экономических и социокультурных изменений. Благодаря этим материалам удалось сохранить уникальные сведения о традиционной культуре русских старожилов Арктики, их адаптации и механизмах выживания в экстремальных природно-климатических условиях Заполярья. Исследователи XIX – начала XX вв. определили круг проблем, связанных с дальнейшим историко-этнографическим изучением ареальных групп русских Северной Сибири: этногенез, идентичность, этнокультурное взаимодействие с коренными народами, степень и возможности сохранности этнического своеобразия.

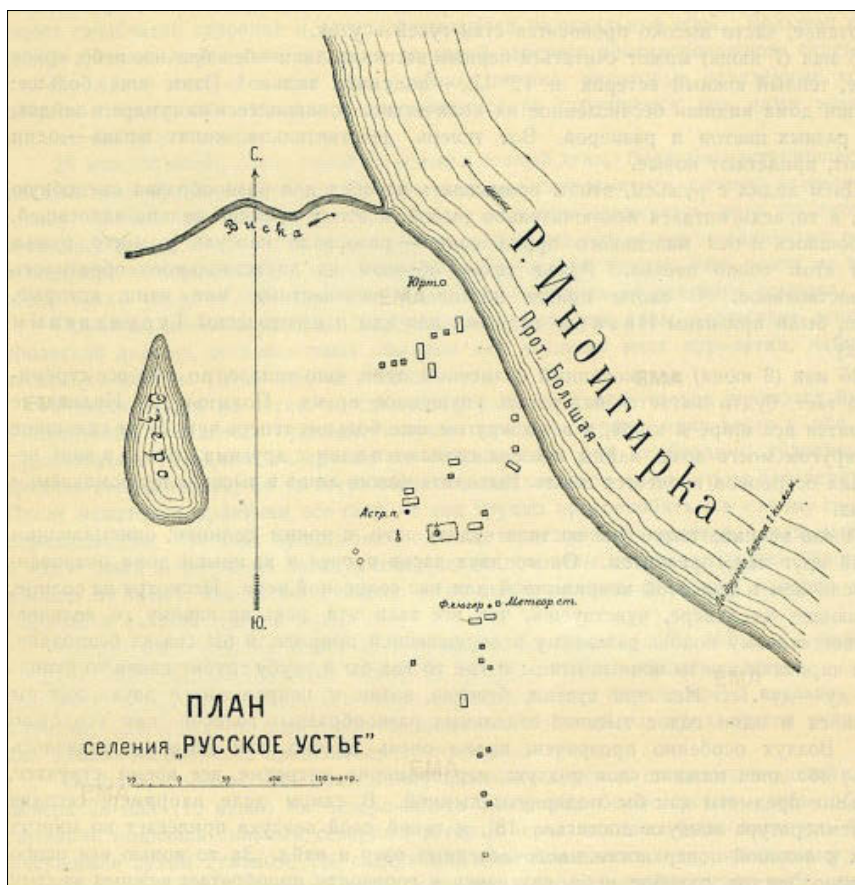

Рис. 1

Литература и источники.

1. Зензинов В.М. Старинные люди у холодного океана: Русское Устье Якутской области Верхоянского округа.– М., 1914.
2. См. подробнее: Вахтин Н., Головкин Е., Швейцер П. Русские старожилы Сибири: Социальные и символические аспекты самосознания.– М.: Новое издательство, 2004.– С. 49–50; Полевой Б.П. [Рец. на книгу А.Г. Чикачева «Русские на Индигирке» (Новосибирск, 1990)] // Книжное обозрение.– 1990.– 9 нояб.
3. РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 20. Л 170– 170об.
4. Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю, совершенное в 1820, 1821, 1822 и 1824 гг. экспедицией под начальством флота лейтенанта Ф.П. Врангеля.– СПб, 1841.
5. См. подробнее об этнографических материалах экспедиции Ф.П. Врангеля–П.Ф. Анжу: Ширина Д.А. Россия: научное исследование Арктики. XVIII – 1917 г.– Новосибирск: Наука, 2001.– С. 82–84.
6. Путешествие по северо-восточной части Якутской области в 1868–1870 гг. барона Гергарда Майделя/ пер. с нем. В.Л. Бианки.– Т. 1.– СПб, 1894.– С. 586–588.
7. Скворцов Е.Ф. Ленско-Колымская экспедиция 1909 г.– Петроград, 1914. – 28 с.; Он же. В прибрежных тундрах Якутии// Ленско-Колымская экспедиция 1909 г.

под начальством К.А. Воллосовича.— Л.: Изд-во АН СССР, 1930.— С. 1–244. Полный текст дневника хранится в СПбФ АРАН, ф. 47, оп. 2, д. 152, л. 1–357.

8. СПбФ АРАН. Ф. 47. Оп. 2. Д. 152. Л. 86–108. Анализ этнографических работ Е.Ф. Скворцова, посвященных жителям низовьев Индигирки см. также: Ширина Д.А. Указ. соч.— С. 154–157.

9. РГИА. Ф. 95. Оп. 18. Д. 1009. Л. 9–20об.

УДК 314(571.56-37)

Л.Н. Жукова

Неизвестная записка Д.Д. Травина о хозяйстве и быте русскоустыинцев⁵

Аннотация. Л.Н. Жуковой была проведена атрибуция документа «Записка о низовьях Индигирки», обнаруженного в архиве Г.А. Попова, определен автор текста и подготовлена его публикация. Документ уникален тем, что автор Д.Д. Травин в течение некоторого времени жил среди русских арктических старожилов и описал свои наблюдения их жизни, быта, занятий и др.

Ключевые слова: Д.Д. Травин, русские арктические старожилы, Индигирка, традиционные промыслы, рыболовство, охота, постройки, быт, утварь.

L.N. Zhukova

D.Travin Unpublished Note on the Economy and Life of Russkoye Ustye locals

Abstract. L.N. Zhukova was carried out attribution of the document “Note on the lower of Indigirka”, found in the archive of G.A. Popov, the author of the text was determined and its publication was prepared. The document is unique in that the author D.D. Travin lived for some time among the Russian Arctic old-timers and described his observations of their life, household, occupations, etc.

Keywords: D.D. Travin, Russian Arctic old-timers, Indigirka, traditional fishing and hunting, buildings, life, things.

⁵ Публикация документа «ЗАПИСКА О НИЗОВЬЯХ ИНДИГИРКИ по вопросам, предложенным научным сотрудником ГУСМП тов. Поповым Г.А.» и вступительная статья подготовлены к.и.н. Л.Н. Жуковой.

Редколлегия по изданию трудов историка Григория Андреевича Попова продолжает готовить к печати его неопубликованные рукописи.

В очередной 5-й том войдут работы, объединенные одной тематикой: народонаселение, экономика, транспорт и прочие вопросы по развитию арктических улусов, написанные в середине 1930-х гг., в период, когда Г.А. Попов являлся штатным научным сотрудником Якутского отделения Всесоюзного Арктического института и Планового отдела Якутского отделения Главного управления Северного морского пути (ГУСМП).

Предлагаемая читателям статья «Записки о низовьях Индигирки: (по вопросам, предложенным научным сотрудником ГУСМП тов. Поповым Г.А.)» принадлежит неизвестному автору и хранится в архиве ЯНЦ СО РАН[1] в папке вместе с безымянной рукописью Г.А. Попова[2]. В рукописи Г.А. Попов освещает некоторые вопросы народонаселения и экономики Индигирского края за период с конца XVII в. по 30-е гг. XX в. Статья не имеет заголовка и окончания. По-видимому, по этой причине статья неизвестного автора дала название всей папке, в том числе работе Г.А. Попова.

Таким образом, в папке архива ЯНЦ СО РАН хранятся работы двух авторов, писавших о бассейне р. Индигирки, территория которого входила в 1930-е гг. в ведение ГУСМП.

Статья неизвестного автора также не имеет окончания, а само ее название свидетельствует о том, что она не принадлежит Г.А. Попову. В документе преобладают сведения этнографического характера о жителях с. Русское Устье (жилища, средства передвижения и транспортные пути, традиционные промыслы – рыболовство и добыча песка, линных гусей, средства и орудия лова); рассматриваются перспективы разведения конно-рогатого скота в низовьях Индигирки). По существу, это этнографический очерк, составленный на основе непосредственных авторских наблюдений, по-видимому, на основании обследования района нижней Индигирки. Неоднократно встречающаяся ссылка на 1928 г., возможно, является указанием на время посещения автором описываемого района.

Найти предполагаемого автора помог документ из семейного архива Поповых, хранящегося у Л.Н. Жуковой. Среди личных документов и переписки Г.А. Попова имеется лист с описью папок, находящихся в Плановом отделе ГУСМП, с перечнем содержащихся в них работ (сотрудников?), рукописных и отпечатанных на машинке. Опись со-

ставлена Г.А. Поповым, по-видимому, в конце 1935–1936 г. В папке № 1 значится работа Травина (без инициалов): «Записка о низовьях р. Индигирки» со схематической картой населенным пунктам Русско-Устьинского сельсовета (рукопись)».

Наличие карты с обозначением населенных пунктов Русско-Устьинского сельсовета косвенно указывает на содержание самой статьи. К сожалению, как уже указывалось, концовка документа, а с ней и прилагаемая карта, по-видимому, утрачены.

Известно, что в 1927–1929 гг. участниками Якутской экспедиции АН СССР братьями Д.Д. и Н.Д. Травиными проведено этнографо-экономическое исследование Верхоянского округа⁶. Руководил экспедицией и вел этнографические работы Д.Д. Травин, его брат Н.Д. Травин выполнял этнографические зарисовки.

По результатам экспедиции Д.Д. Травиным подготовлен отчет в двух книгах: «Русские на Индигирке» и «Материалы о якутах, тунгусах, ламутах и юкагирах» [3]. Низовья р. Индигирки посещены братьями Травиными в 1928 г., что подтверждается также несколькими подписанными акварельными рисунками Н.Д. Травина [4].

Так, благодаря обращениям к различным архивным и опубликованным источникам историкам ИГИИПМНС СО РАН удалось установить, что автором публикуемой статьи этнографо-экономического содержания является Д.Д. Травин.

Литература и источники.

1. Архив ЯНЦ СО РАН. Рукописный фонд. Ф. 4. Оп. 7. Ед. хр. 27. Л. 26–32. Машинопись. Б. автора, б. оконч., без д.
2. Там же. Ф. 4. Оп. 7. Ед. хр. 27. Л. 1–25. Маш/п., с об. Б. назв., б. оконч., б. д.
3. Ермолаева Ю.Н. Этнографические исследования Якутской экспедиции АН СССР // Известия Алтайского госуд. ун-та. – 2009. – № 4-2. – С. 56; Виттенбург Е.П. Комиссия Академии наук по изучению производительных сил Якутской АССР (1925–1930 гг.). – Якутск: Бичик, 2008. – С. 120.
4. Сивцева Э.Э. Акварели Н.Д. Травина в собрании Якутского государственного музея истории и культуры народов Севера // Якутский государственный музей истории и культуры народов Севера. – Якутск, 2003. www.sitc.ru. Дата обращения 25.05.2013.

⁶ Сведения представлены заведующей отделом истории и арктических исследований ИГИИПМНС ФИЦ «Якутский научный центр СО РАН», д.и.н. С.И. Бояковой.

ЗАПИСКА О НИЗОВЬЯХ ИНДИГИРКИ
по вопросам, предложенным научным сотрудником ГУСМП
тов. Поповым Г.А.

[1934]

По мнению местных промышленников, по средней протоке р. Индигирки может пройти не глубоко сидящее судно, как шхуна (быв. «Красный пионер»). В 1928 г. русскоустыинский низовой промышленник Егор Щелканов предлагал провести эту шхуну из Индигирки в море для рейса на Колыму, но не сошёлся в цене с тогдашним представителем Дальгосторга Киписовым. Шхуна пошла самостоятельно в августе, но с полпути вернулась, потеряв фарватер. Она вышла к морю по Колымской протоке, из которой и вошла в Индигирку. Перед выходом в море шхуна подымалась вверх к Аллаихе для принятия балласта.

Неизученность фарватера индигирских протоков является первым затруднением.

Второе затруднение – поздний отход льдов от берега. Та же шхуна находилась в пути от Индигирки до Нижнеколымска 40 дней, из которых 17 затратила на переход при шторме, остальное время искала свободный проход. Обратное, кажется, в конце сентября из Нижнеколымска при благоприятной погоде и безо льдов путь до Индигирки с грузом около 25 тонн сделала в два дня и, разгрузившись, ушла в Нижнеколымск. Разгрузилась на берегу моря около Колесова*, откуда зимой груз вывозился на санях. Способ, конечно, неудобный. Море открыто для навигации, вероятно, 1–1½ месяца. Судовой журнал шхуны, по-видимому, должен находиться в Нижнеколымске. Во всяком случае, там должны знать, куда он делся.

Плавник имеется по берегам моря и р. Индигирки. Морской плавник подбирается для устройства и ремонта песцовых пастей. Количество его достаточное. По р. Индигирке к Русскому Устью и ниже плавник приносится избитый, изглоданный водой, не каждый год в достаточном количестве. Иногда он оседает по берегам значительно выше и является [? часть предложения пропущена] некоторый топливный кризис. Население плавником очень дорожит.

Село Русское Устье (хотя под этим названием объединяют и более северные посёлки) уже в южном конце долины лежит под 715, с.ш. на высоте 6 м над уровнем моря.

По левому берегу мокрая тундра (сендуха), по правому – отроги Алазейского хребта. Плавник, приносимый Индигиркой к Русскому

Устью, годен лишь на постройку юрт, «коломо» и лёгких амбаров. Как топливо он даёт очень много золы и мало тепла.

Строевой материал лучшего качества для рублёнок пригоняли сверху плотами. До раскулачивания этим способом пользовались наиболее зажиточные промышленники, нанимая плотовщиков из русскоустыинцев и сверху. Вероятно, и теперь, указав точное количество, качество, длину, толщину и др. данные, можно заблаговременно заказать доставку сверху из лесной полосы, примерно Алаиховского или, вернее, Абыйского района, плотов строевого материала, подрядив там же и рабочие руки. Наверху же, у Ожогоино, русскоустыинцы заказывают карбасы, сшитые лиственничными кореньями для неводьбы.

Русскоустыинцы имеют постройки трёх типов: «коломо» – постройка с четырьмя толстыми жердями по углам и наверху с четырьмя укрепленными на них толстыми же жердями. Бока обкладывают более тонкими жердями, в свою очередь, обкладываемыми дёрном и зимой ещё снегом, замоченным водой. Вверху оставляется отверстие для выхода дыма. Обогреваются очагом без камелька, т. е. деревянным ящиком, в котором насыпана земля или глина и плотно утрамбовывается до уровня верхнего края. На её поверхности разводится костёр. Коломо обычно небольших размеров и применяется, главным образом, в летних становищах, или «летниках», при неводьбе. В отверстиях над костром вялят юколу.

«Юрта» – обычного якутского типа с камельком, иногда ещё и с железной печкой, она беднее, меньше и хуже юрт более южных широт. Особенность ее та, что все юрты тундрового севера снабжены сенями в защиту от свирепых пург. В сенях зимой помещаются и щенята. На зиму в окна вставляется лёд.

Третий тип – «рублёнки» – постройки, сделанные срубом, иногда в несколько комнат. Вместо двускатной крыши – плоский бревенчатый настил, засыпанный землёй или землёй с глиной. В стенах маленькие окошки из осколков стекол, на лето – из пузыря оленя, налимьей кожи, какой-нибудь лёгкой мануфактуры или мешка. В рублёнках имеются полы. Отапливаются камельком якутского типа, железными печками, или печками, сделанными из железных бочек.

Особенной теплоты зимой ни один из типов построек не даёт, хотя стены рублёнок (лес) снаружи обмазываются глиной с примесью осоки, а зимой «обледеняются», т.е. облепляются сырым снегом.

Железные печи очень неэкономны, как и камельки (хотя последние одновременно с теплом дают и освещение), при древесном топливе, особенно при его ограниченности. Затруднителен его сбор и доставка на собаках. Разумеется, в случае недостатка топлива можно также пригнать плоты плавника, набранного немного выше. Эти печи, чтобы было тепло, надо топить день и ночь. Удобнее железных обычных – железные бочки (из керосиновых бочек), выложенные кирпичом, который можно сделать на месте и снабженные колосниками (их надо завезти). Железных бочек там также не достать, как и листового железа для труб. Можно, конечно, сделать и плиту (доставив печной прибор, проволоку и пр.) и глинобитную печь. Пурги зимой, осенью и весной настолько сильны, что снег пробивает сквозь стены рублёнок (конопатка плоха) и пол. В 1928 г. для постройки маленькой рублёнки вызывался плотник из Бурулгина, но и там он был чуть ли ни в единственном числе.

Квалифицированных рабочих рук очень мало. Русские жители всех низовых посёлков, ниже Бурулгина (якутско-русский посёлок на 40 км южнее Русского Устья), исключительно рыбаки, собаководы, охотники-промышленники (песец, дикий олень, линные гуси).

На языке русскоустыинцев термин «плотник» – высшая похвала вообще мастерству. В Аллаихе (120 км от Русского Устья) плотники не особенно квалифицированные уже есть. Столяры, более близкие к плотникам, также, вероятно, найдутся в Аллаихе. Люди, знакомые с кузнечным и слесарным мастерством едва ли найдутся. Низовые жители умеют шить только «ветки» из пяти досок. Более громоздкие «карбасы» заказывают сверху, у Ожогина.

В 1928 г. в 31 низовом посёлке (считая и «летники»), объединенные общим названием «Русское Устье»), имелось лишь два типа лодок: «ветка» для рыбного промысла и передвижения на промысле мужчин, шитая конским волосом из пяти плавниковых досок, промазанная растопленной лиственничной серой по швам. Длина её 4 м с одним 2-лопастным веслом. «Карбас» заказывается вверху и служит исключительно для неводьбы. Обычно, каждое хозяйство имело один карбас и одну ветку.

На степень состоятельности указывало количество сетей. Карбас и ветка заняты весь сезон на рыбной ловле. Карбас очень широкий с высоким носом. Никаких иных сплавных средств не было. Оба типа очень примитивны и неудовлетворительны. Предполагалась доставка катера с Колымы, но мне не известно – имеется он или нет.

Основной промысел русскоустыинцев – рыболовство и песцовый.

В современных условиях Русского Устья оба промысла необходимо связаны с собаководством. Во-первых, для оленей в русскоустыинском низовье нет достаточных кормов; во-вторых, оленнее хозяйство, отвлекающее на себя внимание и труд, мало совместимо с рыбным промыслом, летом требующим рабочих рук в течение всего дня и ночи. На собаках же совершаются [поездки] для ремонта, установки, вымотра, объезд пастей, главным образом расположенных на берегу моря, где нет ягельников.

Южнее, к Аллаихе, возможно и оленеводство. Летом собаки низовья Индигирки в значительной степени сами добывают себе корм: мышей, птиц, яйца и пр. Индигирские собаки – лучшие собаки всего Севера Якутии. К сожалению, от чумы в 1933–1934 г. пало очень много собак. Много их ежегодно пропадает при весенних голодовках.

Рыбный промысел дифференцирован: сетями из белого конского волоса (завоз которого постоянно недостаточен), с грузилами из мамонтовых бивней из-за отсутствия на берегу гальки. На ветках ловят рыбу мужчины в р. Индигирке и на озёрах.

Неводами из конопля в карбасах у песков неводят исключительно женщины и дети. Вообще, рыбный промысел ведётся круглый год. С весны идут на «лайды», низкие места, заливаемые водой. Ловят на Индигирке в «уловах» (местах встречи двух течений), к осени загораживают «виски» (озёрные протоки). Неводят с ранней весны до поздней осени, заготавливая юколу.

Зимой сетями ловят рыбу подо льдом, делая проруби во льду до 2 м толщины. Улов рыбы зависит: 1) от наличия рабочих рук (которых мало), 2) от орудий производства – сетей и неводов.

Рыба летнего улова большей частью «закисает» в ледниках без вентиляции или приобретает затхлость, часто покрываясь плесенью, а в ямах, куда она складывается в тундре в мерзлоту, она вовсе скисает и образует жижу. Необходимо обратить внимание на устройство ледников. Есть ледники, вырубленные в чистом «вечном» льду. Таков ледник, принадлежащий Ивану Щелканову в Русском Устье. Приспособив к такому леднику вентиляцию, можно создать идеальные условия хранения портящихся продуктов.

Индигирская рыба: первая весенняя – муксун, нельма, омуль, селятка, налим. Озёрная – чир, пелядь.

Сейчас на низовье Индигирки имеется рыболовный и охотничий колхоз.

Рыбный промысел кормит всё население низовья. Наряду с ним, основное значение имеет песцовый промысел. Песца промышленляют пастями и собакой. В 1938 г. (возможно, опечатка: 1928 г. – Ред.) максимальное количество пастей на промышленника доходило до 1000, но объезд их, ремонт и пр. обуславливается разъездными средствами, т.е. собаками, а достаточная упряжка может содержаться при наличии достаточного рыбного корма, добыча которого стоит в зависимости от рабочих рук и достаточного количества сетей, которые изготавливаются из белого конского волоса. На одну сеть требуется 800 грамм волоса, а владелец пяти сетей – бедняк.

Пасти, как говорилось, делаются из толстого морского плавника, требуют наблюдения и ремонта. Их сильно портят дикие олени, когда скоблят о них рога. Приморские пасти портят и белые медведи. Пасти индигирцев доходят до р. Хромы.

Кроме песцового, существует промысел дикого оленя. Весной, после ледохода, дикие олени массой спускаются с Алазейского хребта и вплавь через Индигирку переплываются в тундру, где совершают циклическое движение, поздней осенью возвращаясь обратно в горы. Весной они идут большими стадами, иногда до 600 голов.

Русскоустыинцы окружают их посередине реки на ветках и бьют 2-[метровыми] копиями. Летом и зимой их бьют в тундре ружьями*.

Имеет значение и «гусевание», т. е. промысел диких линных гусей на больших тундровых озёрах. Из сетей устраивают загон, куда их загоняют, окружая в ветках и хлюпая веслом по воде. В 1928 г. на одном из дальних приморских озёр каждому участнику [досталось] по 500 гусей; на ближнем доля была всего по 5 гусей.

В индигирском низовом хозяйстве могло бы иметь значение разведение конного и рогатого скота. Когда-то к проблеме северного животноводства относились очень скептически. В. Серошевский говорил о единственном, влачащем жалкое существование коне на Казачьем. Майдель считал, что местная растительность кладёт предел в Аллаихе животноводству.

Между тем, в Аллаихе коров держат, запасают им осоковое сено на зиму, и коровы дают прекрасное молоко. Коров, правда, мало. В Русском Устье есть лошади. Они крупны, сильны и хорошо себя чувствуют. Летом ими пользуются для передвижения в тундре на промысле: они несут вьюки, волокут ветки. На зиму их собирают в

табун и гонят на зимнее пастбище, с которого они не уходят, находясь всю зиму на подножном корму, без присмотра, т. к. на лайде, где пасутся, много осоки, а кругом моховая тундра. К весне лошади сильно дичают, и за зиму у них отрастает густая шерсть. Лошадей также мало; в 1928 г. было, кажется, до 15.

Молочное хозяйство вести возможно. Осоки очень много, а она составляет основной корм коров и лошадей в Булуне, Казачьем, Аллаихе. У населения вовсе нет навыка к молочному животноводству, они не умеют заготавливать сено, хотя русскоустыинцы косят эту осоку железными лопатками для смешивания с глиной при обмазке стен. Также не умеют строить и тёплый хлев.

Имело бы значение, вообще, иногда практикуемое на севере одомашнивание диких гусей. Они быстро приручаются. Гуси там гнездятся – яиц и птенцов достать легко. Питомник диких гусей, правильно организованный, мог бы дать добавочные мясные ресурсы, равно как и одомашнивание куропатки.

Транспорт низовья Индигирки исключительно собачий, в котором очень ничтожную роль играет...^{7*}

Источники

1. Архив ЯНЦ СО РАН. Рукописный фонд. Ф. 4. Оп. 7. Ед. хр. 27. Л. 26-32 (машинопись). Машинопись. Без автора, без окончания, без даты.

УДК 929Шуб+39(571.56)

Л.Е. Винокурова

Экспедиция Теодора Абрамовича Шуба в Русское Устье

Аннотация. Т.А. Шуб был назначен директором Института языка и культуры в 1941 г. Автором представлена полная картина жизни и деятельности Т.А. Шуба как исследователя. Показан его вклад в организацию экспедиции в Русское Устье (1946 г.). Им были собраны ценнейшие образцы народного творчества русских арктических старожилов.

Ключевые слова: Т.А. Шуб, Институт языка и культуры при СНК ЯАССР, этнографически-лингвистическая экспедиция, фольклор.

⁷ *Здесь рукопись обрывается, следовательно, часть документа утрачена. – Л.Н. Жукова

Theodore Abramovich Shub's Expedition to Russkoye Ustye

Abstract. T.A. Shub was appointed the Director of the Institute of Language and Culture in 1941. The author presented a complete picture of the life and work of T.A. Shub as a researcher. His contribution to the organization of the expedition to Russkoye Ustye (1946) is shown. He collected the most valuable examples of folk art of Russian Arctic old-timers.

Keywords: T.A. Shub, Institute of Language and Culture of Soviet People's Commissar of the Yakut ASSR, ethnographic and linguistic expedition, folklore.

17 сентября 1935 г. была перевернута первая страница истории Института языка и культуры СНК ЯАССР. Директором института был назначен выдающийся государственный и общественный деятель Якутии П.А. Ойунский (Слепцов), первый кандидат лингвистических наук из народа саха. Платон Алексеевич за короткий промежуток деятельности на посту директора провел большую организационно-научную работу по созданию коллектива сотрудников, определению приоритетных направлений исследовательской деятельности, решению вопросов материального обеспечения. Реализовать творческий и научный потенциал ему помешал арест (1938).

15 августа 1941 г. на основании постановления СНК ЯАССР в связи с начавшейся Великой Отечественной войной Институт был временно закрыт. Постановлением бюро обкома ВКП(б) от 4 ноября 1943 г. директором института был утвержден Теодор Абрамович Шуб, ученым секретарем - Георгий Прокопьевич Башарин (занимавший до этого должность заведующего фондами этого института). В штатном расписании числились 10 научных сотрудников, из них только 2 кандидата наук.

Жизненный путь Т.А. Шуба представляет собой довольно типичную для советской России биографию выходца рабоче-крестьянской среды. Он родился 10 ноября 1907 г. в г. Бердичеве в семье рабочего-красильщика. Его трудовая деятельность началась с 1924 г. в родном городе (рабочий-слесарь, слесарь-штамповщик, паяльщик). В 1928 г. Теодор Абрамович поступил в Ленинградский государственный университет и окончил его в 1931 г. По окончании университета поступил в аспирантуру Ленинградского государственного институ-

та философии, лингвистики и истории. В 1934 г. по окончании аспирантуры был назначен заведующим отделом и помощником директора по научно-учебной части, заместителем декана этого института.

Впервые в Якутию Т.А. Шуб – специалист по истории русского языка, попал в 1936 г. В течение службы в Якутском пединституте (1936–1943 гг.) он занимал различные неоднократно занимал различные административные должности (был заведующим кафедрой языка и литературы, деканом и заместителем директора по научной и учебной части). В этот период он защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук по теме: «История причинного союза ибо в русском языке» (1941), а через год получил звание доцента по кафедре русского языка и общего языкознания.

20 января 1944 г. СНК ЯАССР вынес постановление «О переименовании Научно-исследовательского института языка и культуры при СНК ЯАССР в научно-исследовательский Институт языка, литературы и истории ЯАССР и об утверждении его Устава». Был образован Ученый совет: Т.А. Шуб (председатель), члены: Г.П. Башарин, А.П. Окладников, Г.У. Эргис, П.С. Григорьев, Л.Н. Харитонов, В.Н. Чемезов, П.И. Корякин, А.И. Захаров, А.Е. Мординов, Г.С. Тарский, А.С. Салимов, С.С. Васильев. Приоритетные направления деятельности Института были обусловлены разработкой проблем, поднятых в период деятельности П.А. Ойунского.

Т.А. Шуб привлекал к внештатному сотрудничеству высококвалифицированных якутоведов гг. Москвы, Ленинграда, Иркутска и др. 14 ноября 1945 г. учитывая большое значение для диалектологического атласа русского языка графически-лингвистического изучения старожиллов русского населения с. Русское Устье и других селений в низовьях р. Индигирки, СНК ЯАССР принял постановление «Об организации этнографическо-лингвистической экспедиции по изучению старожиллового русского населения в низовьях р. Индигирки». Весной 1946 г. Институт языка, литературы и истории при Совете Министров ЯАССР утвердил программу экспедиции. Теодор Абрамович был назначен начальником экспедиции, члены Н.М. Алексеев – этнограф и Н.А. Габышев – учитель русского языка, живший в те годы в Русское Устье. Экспедиция поставила перед собой задачу изучить местный диалект, как можно полнее охватить устное народное творчество и описать материальную культуру старожиллового русского населения низовьев Индигирки.

Тогда еще Теодор Абрамович об этом писал следующее: «Находясь сравнительно длительное время среди «досельных», объездив все места их расселения на территории наслега, мы имели возможность более обстоятельно ознакомиться с жизнью, бытом местного населения и записать основные образцы поныне бытующих жанров устного народного творчества». По его свидетельству, всего он записал 14 былин и отрывки былин. 111 песен, 62 сказки (отдельно зафиксировав сюжеты незаписанных сказок), 118 загадок, 234 частушки, около 100 пословиц, поговорок. Он изучал фонетический строй и лексику русскоустыинского говора. Н.М. Алексеев вел этнографические изыскания, Н.А. Габышев занимался собственно фольклорными записями.

Экспедиция была проведена с 20 февраля по 20 июня 1946 г. Результатом явились статьи начальника экспедиции: «Старожилое русское население низовьев Индигирки» (1949), «Былины русских старожилов Индигирки» (1956), «Исторические песни из Русского Устья» (1958).

Шуб опубликовал записи былин и исторических песен в 1-м и 3-м выпусках «Русского фольклора» (М.: Л., 1956, 1958). Как писали авторы предисловия сборника «Фольклор Русского Устья» С.Н. Азбелев, Н.А. Мещерский (1986), эта публикация имела существенные недостатки, обнаружившиеся при сопоставлении с архивным материалом записей. Тексты были переданы неточно, внесены отсутствующие в самих записях «диалектизмы», есть «исправления» стиля и даже содержания, иногда две записи объединены в один текст: паспортные данные во многих случаях спутаны; не сообщено, кем конкретно были произведены записи публикуемых текстов. В результате при цитировании этой публикации Шуба стали довольно обычными ошибочные ссылки на него как на собирателя. В сборнике «Фольклор Русского Устья» (1986) все тексты, помещенные в публикациях Шуба, были переизданы по архивным оригиналам.

В результате экспедиции 1946 г. были собраны в большом количестве ценнейшие образцы народного творчества, включая былины, исторические песни, обрядовая поэзия и богатый сказочный эпос. Эти материалы дали достаточно полную картину состояния фольклорной традиции русского старожилого населения низовьев Индигирки. Хотя напевы из-за отсутствия у участников экспедиции звукозаписывающей аппаратуры, остались, к сожалению, незафиксированными, значение произведенных записей трудно переоценить. Как писала в

1966 г. А.М. Астахова в книге «Былины: итоги и проблемы изучения»: «Теперь Русское Устье предстало как один из значительных, очевидно, в прошлом очагов русской эпической поэзии Восточной Сибири. Записи представляют особенно большой интерес для истории фольклора, так как вероятно, донесли до нас сюжеты в редакциях, усвоенных еще предками современных сказителей: жителей Руусского Устья, окруженные инородцами, долгое время находились в значительной изоляции от русского населения Сибири».

Литература и источники.

1. 60 лет научного поиска. Сб. науч. Тр. – Якутск: ИЯЛИ АН РС(Я), 1995. – 112с.
2. Гоголев А.И. Якутия: Век XX (1917–2000 гг.). – Якутск: изд-во ЯГУ, 2001. – 154с.
3. Иванов В.Н., Аргунова Т.В. Связь времен и поколения // Якутия. – 2003. – 23 декабря. – С. 5.
4. Михайлова М.Г. Из истории кафедры русской и зарубежной литературы // Вопросы истории и образования Якутии (По материалам науч.-практ. Конф. «Гуманитарные исследования. Новые аспекты, методология», апрель 1996). – Якутск: Изд-во ЯГУ, 2000. – С. 50–56.
5. Ученые-исследователи Института языка, литературы и истории (биобиблиографический справочник). – Якутск, 1995. – С. 11–12.
6. Фольклор Русского Устья. – Ленинград: Издательство «НАУКА», Ленинградское отделение, 1986. – С. 5 – 14.

УДК 316.346.2-055.2:316.728(1-925.14)

О.В. Чуракова

Северянка как социокультурный феномен: опыт ретроспективного кросс-культурного сравнения женских миров Поморья и Якутии

Аннотация. Север в Поморье и Якутии, являясь пограничным краем, соединял в себе две культуры хозяйствования и природопользования, где женщина играла достаточно значимую роль. В этнокультурологическом исследовании автор статьи применяет понятие *Mundus muliebris*, что означает «мир женщины». В статье автором исследованы вопросы своеобразия пространственных характеристик *Mundus muliebris* жительниц Севера, а также современный кризис этнокультурной и гендерной идентичности.

Ключевые слова: Поморье, Якутия, женская субкультура, кросс-культурные исследования, гендерный дискурс.

O.V. Churakova

**Northern Woman as a Socio-Cultural Phenomenon:
Experience of a Retrospective Cross-Cultural Comparison of the
Women's World of Pomorye and Yakutia**

Abstract. The North in Pomorye and Yakutia is a border region, combined two cultures of management and nature management, where a woman played a significant role. In an ethno-cultural study, the author uses the concept of *Mundus muliebris*, which means “woman’s world”. In the article, the author investigated the peculiarities of the spatial characteristics of the *Mundus muliebris* inhabitants of the North, as well as the modern crisis of ethno-cultural and gender identity.

Keywords: Pomorye, Yakutia, female subculture, cross-cultural research, gender discourse.

Север Евразийского континента – особая зона, формирующая свои особенности этнокультурной и региональной идентичности. Феномен северянина складывался под воздействием особых геополитических, природно-климатических и социокультурных условий региона. Этнокультурологи выделяют следующие черты, определяющие самобытность социокультурной ситуации в регионах Севера: экстремальный характер жизни, традиционализм культуры и гармоничскую организацию социальных групп. Действительно, суровый климат, удаленность от районов, подвергшихся урбанизации, высокий уровень традиционной культуры сформировали особые черты психического склада северян.

Кроме того, на обширном пространстве севера Евразии много веков соседствуют традиционные этнические культуры, оказывая влияние друг на друга, но не сливаясь, сохраняя собственную идентичность, – все это делает данный регион весьма привлекательным для изучения и проведения кросс-культурных исследований. Помимо исследования художественной культуры, традиций, особенностей самосознания на индивидуальном, локальном, региональном, национальном, континентальном и глобальном уровнях для культурологического осмысления феномена Севера важен и гендерный дискурс.

Ученые–гендерологи сходятся во мнении, что северянка – особый социокультурный феномен.

Например, исследователи Л.И. Винокурова, А.Г. Попова, С.И. Боякова, Э.Т. Мьяриянова полагают, что традиционный гендер Якутии можно назвать «северным». «Данный вид гендера – это сложное сочетание хозяйственного и поведенческого паритета полов с атавизмами матриархата при заметном превалировании патриархата в общественных отношениях» [1, с. 188], – подобную характеристику можно отнести и к ситуации Поморья. Кроме того, нельзя не согласиться с мнением, что «из за специфики Севера (невероятно трудный быт, сезонные и постоянные кочевки, промыслы и скотоводство в экстремальных условиях) от интеллекта, хозяйственных навыков и энергии женщины зависела вся жизнь, поэтому универсальный культ матери здесь дополнялся самостоятельной ценностью женщины» [1, с.188-189]. Вне сомнения, северные женщины всегда отличались самостоятельностью и самодостаточностью, что определяет специфику гендерного феномена северянки.

В последние десятилетия в русле гуманизации и антропологизации историко-культурной проблематики учёные все чаще прибегают к рассмотрению событий истории и культуры через призму гендерных категорий, в том числе предпринимают попытку построения гендерной ретроспективы северных сообществ. Как отмечают этнокультурологи, «гендерный порядок отражается в любом проявлении культуры, а этническая культура в свою очередь выступает как основной канал репрезентации гендерных отношений. Гендерные различия конструируются в этнической общности через воздействие традиционных социокультурных установок, в рамках традиционной культуры создаются, осмысляются и распространяются образы гендерной реальности этноса [2, с.4-5].

Изучение женской субкультуры, считает этнокультуролог И.Н.Белобородова, включает в себя распределение социальных ролей и социального статуса, психологические, поведенческие, символические мотивировки, а также – вещный мир традиционной культуры, создание социального и этнического образа [3, с.21]. Но, помимо рассмотрения через призму гендера системы отношений внутри этносоциума, было бы интересным провести кросс-культурное сравнение «женских миров» пограничных этносов. Например, возможно сопоставление женских субкультур представителей славянской культуры (помо-

рок различных конфессиональных ориентаций) женщин Карелии, Коми и коренных, или «малых народов» Европейского Севера России. Еще более плодотворным было бы проведение компаративных исследований традиционной культуры женщин Якутии (в том числе русских старожилов) и Русского Севера. На севере Евразии на протяжении столетий складывалась уникальная этнокультурная и конфессиональная ситуация: шла локализация и взаимовлияние различных народных культур. Интересно было бы выделить общее и особенное в способах хозяйствования, символических репрезентациях женской культуры, мифологизации пространства Севера.

Стоит отметить, что в религиозно-мифологической картине мира народов севера Евразийского континента символика женского в системе координат космоса интерпретируется как материнская ипостась. Соположение северности и женскости основано на их общей прародительской символике порождающего чрева (у якутов это почитание богини плодородия Айыысыт, покровительницы рождения детей, у православных поморов – культы богоматери и Праскевы Пятницы, защитницы женской судьбы и домашнего очага) [4, с.3-4].

С точки зрения осмысления геофизических параметров северной культуры следует отметить наличие здесь как минимум трех доминантных ипостасей: «земли» (сакрализации суши и островов), «дороги» (пути) и моря. Гендерные характеристики этих феноменов неоднозначны, в каждой из стихий присутствуют феминные и маскулинные черты. И все же «земля» и «вода» более наполнены женскими качествами, «дорога» (странничество – особый феномен культуры Севера!) – мужскими. Однако, интересно, что даже если главные боги и культурные герои северной мифологии мужчины, наряду с ними в сакральных текстах Севера – от Норвегии (Северного Пути) до земель Восходящего Солнца присутствует Женщина-прародительница – путеводительница в тех священных картах, которые ведут очарованного странника-паломника в инобытийные пространства.

Север в Поморье и Якутии, являясь пограничным краем, соединял в себе две культуры хозяйствования и природопользования: здесь встречались земледелие и «кормление морем». Как известно, «женскому» – земледельческому типу культуры свойственны такие константы жизненных установок, как консерватизм, желание стабильности, оседлости, общинности, а в религиозной сфере – обрядоверие и ортодоксальность.

Земледелием занимались на севере и поморы, и якуты. Но и поморская, и якутская женщина – «больше чем женщина!» – сочетала в себе черты и феминности, и маскулинности в отличие от женщин коренных народов. В её социальных практиках было больше самостоятельности и меньше табуирования, нежели у соседок. Казус ситуации поморок опровергает теорию американских археологов, главившую, что неравенство социокультурного положения женщин и мужчин появляется тогда, когда начинает доминировать земледельческий тип хозяйства. До этого момента, полагают зарубежные ученые, женщина участвовала в хозяйственной и социальной жизни наравне с мужчинами и вернулась к своему «исконному» равноправию частично в индустриальных и особенно постиндустриальных социумах. Но исключение составляли пограничные зоны со смешанным способом хозяйствования, как, например, северные окраины Евразии, где специфика культуры жизнеобеспечения во многом была обусловлена особенностями хозяйственно-промысловой деятельности.

В Якутии, как и повсеместно в мире, основной сферой женского труда было ведение домашнего хозяйства, но, кроме того, «от успешной работы женщин зависело выполнение решающих задач якутского скотоводства»[1, с.26.]. То самое можно сказать и о положении поморок. Мужчины-поморы на несколько месяцев в году (от Николы Вешнего до Николы Осеннего) уходили на рыбные и звериные промыслы. «Большухи» (так называли старших в доме женщин) нередко делили с супругами «мужскую» промысловую судьбу, а кроме того, выполняли не только свои материнские обязанности, но и всю физическую работу в поле. Известный исследователь Севера С.В. Мартынов в своих заметках так же описывал жизнь северной деревни: «На женщине лежат и все полевые работы. Все мужское население края уходит на промыслы ... обработка земли, косьба и уборка хлеба, лежат на ее обязанностях, и мужчины являются здесь разве только в роли помощника, пособляющего лишь тогда, когда ему лично нечего делать» [6, с. 301–302].

Хозяйственная самостоятельность женщин была закреплена и нормами обычного права в Поморье, по которым приданое жены являлось ее личным имуществом и, например, не подлежало продаже при недоимках домохозяйства. Кроме того, при отсутствии домохозяев женщины могли покупать и продавать недвижимость, скот, прини-

мать участие в сходе, решавшем вопросы передела земельных угодий.

Наибольшую самостоятельность в хозяйственной и социальной деятельности имели жительницы Мурмана. «Кола – бабья воля», – говорили на Мурмане. [7, с. 235–236.]. Подобное положение было и у якутских женщин: даже при сохранение патриархальных установок, жена могла иметь сэмсэ – части приданого, которой женщина могла распоряжаться самостоятельно или, например, быть инициатором расторжения брака. После смерти мужа якутка могла стать владелицей земельного участка и сама уплачивала налоги и ясак. Незамужние дочери получали наследство наравне с неженатыми сыновьями, а вдова получала четвертую часть имущества мужа. Таким образом, паритетный характер семейной экономики северян определял достаточно высокий личностный статус женщин [1. С. 28-29.]. Это касается и Якутии, и Поморья. История севера знает немало примеров незаурядных женских личностей, хотя их биографии до сих пор воссозданы лишь фрагментарно.

Правомерно говорить и о женской субкультуре северянок, так как и поведенческие практики, и одежда женщины на Севере (она была более выразительна по объемно-пластическим формами и ритмической системе построения) имели более глубокий сакральный смысл, нежели у мужчин.

В этнокультурологии вполне может быть применимо понятие *Mundus muliebris*, что означает «мир женщины». Широкое толкование этого понятия: всё то, с чем соприкасается женщина в доме и вне его, что входит в круг её забот и интересов. Своеобразие и ограниченность (предписаниями, табуированием) пространственных характеристик *Mundus muliebris* жительниц Севера свидетельствуют о возможности институционализации данного понятия в культурологическом осмыслении.

Интересным представляется интерпретация женской субкультуры (стилистики («поэтики») женского поведения и визуальных репрезентаций) методами этносемиотики. Этногендерные методики позволяют выстроить целостные социокультурные системы, в которых отражен макро- и микрокосм этнических и гендерных групп, дать расшифровку насыщенных до предела женских знаковых миров. Через призму этносемиотики на примере народов Якутии и поморов возможно рассмотрение таких семиотических структур как «мужчина-женщина», «мать-дети», «отец-дети», «дети-взрослые-старики»,

«человек-природа», «свои-чужие» и пр. Данные исследовательские траектории обращаются к мифу, сказке, ритуалу, обряду, поведенческому стереотипу, различным сторонам жизненного опыта субкультуры, картине мира.

Для исследователя важно то, как северные женщины маркируют себя и свою зону обитания, каково их участие в ритуалах, ответственность, полномочия, какова регламентация их коммуникативных практик.

В любом этносе женщина, прежде всего, является носительницей истинно женской культуры и сохраняет гендерные маркировки в стереотипах бытового поведения, в визуальных презентациях внешнего облика. Народный костюм никогда не существовал сам по себе без привязки к пространственно-предметному миру человека и к нему самому; каждая деталь костюма, как и большинство вещей, окружающих человека, помимо своей основной функции выполняла и роль оберега. Это характерно для всех традиционных северных культур. Разница лишь в том, что отличались материал и технология изготовления, здесь свято чтились традиции предков. Малые народы севера изготавливали одежду из оленьих шкур (внутри и наружу мехом), расшивали и украшали ее шитьем, бисером. Женщины Сибири шили одежду из шкур животных и утепляли её мехом белок, лисиц, песцов, зайцев, рысей. Якуты в особенности чтили бобров, а, кроме того, использовали ровдугу и ткани. Покупные ткани использовались издавна, из них шили не только летнюю, но и зимнюю одежду – кафтаны на меху. Хлопчатобумажными тканями и сукном покрывали верх меховых шуб. Для украшения якутские женщины применяли меха разных цветов (меховая мозаика), бисер, цветное сукно, длинную собачью белую шерсть, олений подшейный волос, конский белый крашенный волос, крашенные ремешки и кисти, металлические подвески, бубенчики и т.п. Поморки меньше уделяли внимание «украшательству», ибо христианская культура не требовала священнодействия в символической репрезентации художественного изделия, а языческие архетипы со временем превращались в десакрализованный декор.

Как известно, любая вещь в народной культуре обладает тремя функциями: профанной-обыденной, сакральной и эстетики. (Интересно, что эти же функции выполняли и сами женщины). Например, главная гендерная маркировка – головной убор (семантическая подмена женских волос) северянок имел помимо прямого назначения и

украшения, еще и бережную, у коренных народов Севера (коми-ижемцы, ненцы, саами, чукчи, эскимосы, коряки) – зоотемную функцию. На шамшурах и девичьих перевязках этих народов закодированы древние божества, что символизирует связь женщины с миром потусторонним. У эвенков, эвенов, юкагиров, долган, якутов меховая мозаика – (чаще всего сочетание это полосок и квадратов на одежде и обуви) использовалась при изготовлении из ровдуги и камуса ковриков (кумаланов). Круглые ковры, символизировавшие солнце, составлялись, как правило, из контрастных по цвету кусочков камуса, орнамент имитировал игру света и тьмы: в центре ковра – небольшой круг, от которого радиусами расходятся темные и светлые лучи. По краю шла опушка жестко-упругого меха с длинным ворсом.

Поскольку посредством зашифрованной в орнаменте информации передается древнее знание (здесь важны и идеограммы, несущие черты далекой архаики, и семантика цвета, и пластические решения форм), налицо семантическое сходство действий женщины и шамана. Это позволяет сделать вывод, что характер женского творчества носит более сакрально выраженный характер, нежели мужские занятия. Кроме того, именно женщины у народов Севера молились духам природы о здоровье и благополучии семьи и рода. Таким образом, правы историки и этнологи, что роль женщин в шаманизме северных народов была весьма существенна.

На примере орнаментации и пластического решения мехового шитья мы можем проследить и процессы взаимовлияния культур. Меховое шитье жителей арктического побережья переняли женщины более южных регионов, но при этом трансформировался или исчезал сакральный смысл орнамента, зачастую осталась только эстетическая сторона рукоделия.

Архитектоника женской одежды также имела сакральный характер, как и все символические репрезентации ее внешних форм. Форма колокола была присуща и костюму женщин коренных народов Севера, и поморкам (для чего поверх сарафана (очень часто – шестиклиники) одевались большие шали, это было важно и для сохранения тепла, и для маркировки – обозначения достоинств фигуры). Таким образом, культурологами может быть «прочитан» костюм северных женщин как культурный текст, тяготеющий к символизации.

Стоит отметить то, что сакральная география женского жизненного пространства ориентирована во-вне, в отличие от мужской. Женщине присуще потребность в интериоризации своего и семейного

мира. *Mundus muliebris* – это и пространство, отведенное женщине в «кота», чуме, веже, тупее, яранге. Здесь важны были и стороны света, и близость к выходу и очагу, регламентация поведения на своей и «чужой» половине. В поморской избе был обязательный «бабий кут» («застенки», «шомуша» и пр.). На этой особой регламентации держался порядок мироздания, а дом представлял собой модель вселенной. И потому поведение женщины строго ритуализовано. Подобная система табуирования, запретов и предписаний существует во всех мировых культурах.

Спорным является вопрос о сакральных свойствах народного танца. Что касается поморок-северянок, то исследователи (Н.М. Теребинхин и др.) полагают, что «храмовые девичьи хороводы-круги не являлись простыми развлечениями молодежи. Напротив, они обладали огромным мироустроительным пафосом. Семантика храмовых хороводов связана с древними магическими представлениями о спасительной силе круга, способного защитить «мир» от хаоса «антимира». В этом смысле троекратное хождение вокруг «мира» посолонь, сопровождавшееся троекратным исполнением круговых песен [4, с. 203]. Интересно было бы провести сравнения магических и эстетических моделей танцев народов Сибири и севера Евразии.

Еще один перспективный исследовательский тренд – женская магия и сакральные женские образы в мифологии народов севера [8]. В реальности и у поморов, и у якутов именно женщины зачастую «являлись хранителями внешних форм религиозной жизни» [9, с. 98, 153].

Таким образом, изучение гендерных особенностей Поморья и Якутии демонстрирует нам сходную для обоих регионов взаимосвязь в женском мире эмоционального и рационального, сакрального и профанного, видимого и невидимого, постижимого разумом, чувствами, либо лишь интуицией (как известно, более развитой у женской половины человечества), основанной на архетипах. Тем не менее, при внешнем сходстве образа жизни каждая из этнических групп женщин обладала своими психологическими характеристиками. Можно предположить, что попытка гармонизировать собственный микрокосм и макрокосмом мироздания заставили северную женщину выработать те стереотипы поведения, которые как наиболее верные, зафиксировались в народной памяти и превратились в обычай и ритуал. Это наиболее важный для человечества опыт, ибо «неправильное» поведение женщины («столпа» мироздания) чревато разрушением традиционной культуры. Так, модернизация и урбанизация XX века, смена

системы социальной иерархии, культурных ценностей, этических норм и предписаний, гендерных координат привели к корреляции автостереотипов северянок и породили кризис этнокультурной и гендерной идентичности. Поскольку гендерный фактор можно рассматривать как демографический, культурологический стабилизатор, следует обратиться к опыту прежних столетий посредством культурологического анализа этногендерных характеристик традиционных культур народов Севера России.

Литература.

1. Винокурова Л.И., Попова А.Г., Боякова С.И., Мрякянова Э.Т. Женщина Севера: Поиск новой социальной идентичности. – Новосибирск, 2004
2. Сорокина С. А. Гендерные аспекты традиционной культуры народов Севера, Сибири и Дальнего Востока: Диссертация кандидата культурологических наук: СПб., 2005
3. Белобородова И.Н. Социальный статус и стереотипные формы поведения в женской субкультуре Архангельского Севера: формирование социо-природных систем (к. XIX – н. XX в.)// Гендерная ретроспектива Российского общества: проблемы и методы изучения. Архангельск, 2000.
4. Теребихин Н.М. Метафизика Севера: Монография Архангельск, 2004.
5. Матонин В.Н. Женщина в Поморье к. XIX - н. XX: опыт психологического портрета // Гендерная ретроспектива Российского общества: проблемы и методы изучения. Архангельск , 2000.
6. Максимов С.В. Год на Севере. Архангельск, 1984.
7. Михайлов А. Очерки природы и быта Беломорского края России. Охота в лесах Архангельской губернии. СПб., 1868.
8. Христофорова О.Б. Колдуны и жертвы: Антропология колдовства в современной России. М., 2010; К вопросу о семантике антропоморфных изображений у северных самодийцев // Вестник РГГУ. Серия «Филологические науки. Языкознание». 2010. № 9. С. 230-239.
9. Бернштам Т.А. Русская народная культура Поморья в XIX-н. XX вв. Л.,1983.

УДК 39(=81/82)(71)

М.Б. Башкиров

Метисы Северо-Запада Канады:

идентичность, правовой статус, политические требования

Аннотация. Данная статья посвящена метисам канадского Запада. Метисы обладают собственной уникальной идентичностью, языковыми и культурными особенностями. Длительное время это этноязыковое сообщество подвергалось политике дискриминации и ассимиляции со стороны колониальных, а затем федеральных властей Кана-

ды. В последние десятилетия метисы обрели особый правовой статус и были признаны как коренной народ Канады. Проблематика, связанная с идентичностью, статусом и политическими требованиями метисов, представляет большой интерес для компаративистских исследованиях Восточной Сибири и канадского Запада.

Ключевые слова: метисы канадского Запада, статус коренных народов, Конституционный акт Канады 1982 г., Национальный совет метисов (MétisNationalCouncil)

M.B. Bashkirov

The Métis of the North–West of Canada: Identity, Legal Status, Political Demands

Abstract. This article is devoted to the mestizos of the Canadian West. Mestizos have their own unique identity, language and cultural characteristics. For a long time, this ethno-linguistic community was subjected to a policy of discrimination and assimilation by the colonial and then Federal Authorities of Canada. In recent decades, mestizos have gained special legal status and have been recognized as the indigenous people of Canada. Issues related to the identity, status and political demands of mestizos are of great interest to comparative studies of Eastern Siberia and the Canadian West.

Keywords: mestizos of the Canadian West, the status of indigenous peoples, the Constitutional Act of Canada 1982, the Métis National Council

Наряду с индейцами и инуитами, метисы относятся к числу коренных народов Канады (или «Первых Наций» –FirstNations/PremièresNations), чей статус закреплён в Конституции страны. При этом многие представители автохтонных народов Канады не зарегистрированы в качестве коренного населения и не имеют соответствующего статуса, их нередко называют нестатусными (Non-StatusIndians). На эту группу не распространяются права и льготы, предусмотренные законодательством о коренных народах, а именно: освобождение от уплаты налогов, льготная медицинская страховка, различные субсидии на жильё и образование и т. д. Важно отметить, что многие франкоязычные метисы Канады относятся именно к этой категории и не имеют соответствующего статуса. В ряде случаев

причиной этого стали политика ассимиляции, проводимая канадскими властями со второй половины XIX века; личный выбор; отсутствие достоверных данных об индейском происхождении; угроза дискриминации. Признанию метисов федеральными властями в 1982 г. предшествовала целая череда событий, при этом нередко трагичных. При этом некоторые законодательные меры федерального уровня препятствовали процессу метисации. Только в 1985 г. парламент страны отменил дискриминационное положение, согласно которому в случае вступления в брак с неиндейцем, женщина и ее дети лишались индейского статуса⁸.

Рождение этнокультурного сообщества метисов на Западе Канады произошло в конце XVIII – начале XIX вв. и окончательно оформилось в период восстаний 1869 и 1885 гг. Метисы канадского Запада происходят от браков франкоязычных канадских «лесных скитальцев» (*coureursdesbois*) с индейскими и инуитскими женщинами. Во французской традиции метисов принято называть «*boisbrûlés*» («обожженное дерево») или «*sang-mêlés*» («смешанная кровь»), в британской – *halfbreed* («полукровка»), а на языке индейцев племени кри метисов называют *Otipemisiwak* («сами себе хозяева»).

Продвижение французов на Запад Канады по многим параметрам напоминало продвижение российских первопроходцев вглубь Сибири. Передвигаясь небольшими группами с востока на запад континента, французы использовали главным образом речную систему. В течение нескольких десятилетий ими были открыты огромные территории Среднего и Дальнего Запада⁹. Отдельного внимания заслуживают открытия Кавалье де ля Саля, проникшего в 1670–1680-х гг. в бассейн р. Миссисипи. Так, уже в 1731 г. возник первый форпост к западу от Великих озер, а в 1753 г. был основан форт Ля Корн на р. Саскачеван. Главным мотивом продвижения французов на Запад являлись поиски пушнины и ее последующая продажа в Европу. Однако если в России главным катализатором для первопроходцев являлось государство, то в Канаде ведущую роль играла частная инициатива, а также деятельность Компании Гудзонова Залива (КГЗ), а затем и Северо-Западной компании (СЗК).

⁸ Подробнее см. Стельмах В. Г., Тишков В. А., С. В. Чешко Тропою слез и надежд: (Книга о современных индейцах США и Канады). М., 1990. С. 85-88.

⁹ Современные канадские провинции Манитоба, Саскачеван и Альберта, а также территория американских штатов Огайо, Северная и Южная Дакота, Миннесота, Иллинойс, Висконсин, Индиана, Айова, Канзас, Миссури, Мичиган, Небраска.

Уже во второй половине XVIII в. районе Красной реки и озера Виннипег стали формироваться первые сообщества людей метисного происхождения. Они отличались одинаковой степенью вовлеченности как во французскую, так и местную аборигенную культуру. Большая часть метисов канадского Запада произошла от браков с представителями индейских племен, населявших современных канадские провинции Саскачеван и Манитоба таких как, ассинебойны, сиу, черноногие, кри и другие. Основу образа жизни метисов составляла мехоторговля, перевозка грузов, торговля и охота на бизонов, в силу чего некоторые группы метисов вели кочевой образ жизни. Важным элементом быта и культуры метисов был пеммикан (pemican) – сушеное мясо оленей и бизонов, имевшее огромное значение в условиях Севера. В то же время часть метисов была приобщена к сельскохозяйственным практикам, привнесенным европейцами и практиковала земледелие. По вероисповеданию метисов можно отнести к католикам, но также они вобрали в себя и элементы местных религиозных культов. Важной особенностью метисов Северо-Запада стало появление собственного языка митчиф (mitchif), вобравшего в себя элементы индейских языков, французского и английского и имеющего ряд диалектов¹⁰.

Предшественницей современной канадской провинции Манитоба стала колония на Красной реке¹¹, основанная лордом Селкирком в 1812 г. Семья Селкирк длительное время управляла Компанией Гудзонова Залива, которой и принадлежала территория вокруг Красной реки. Колония занимала площадь 300 тыс. км² и находилась на территории Манитобы и американского штата Северная Дакота. Первое поселение на Красной реке было заселено иммигрантами из Шотландии, но в течение длительного времени местные метисы продолжали оставаться в регионе большинством. Так, например, по данным переписи 1871 г., в только что образованной провинции Манитоба проживало 9 800 метисов, 1 600 белых, в то время как данные о количестве индейцев отсутствовали¹². Первые годы колония испытывала довольно серьезные трудности со снабжением и самообеспечением продовольствием. Поэтому в 1814 г. администрация колонии выпустила

¹⁰ Papen R. A. La question des langues des Mitchifs: un dedale sans issue? // *Histoires et identités métisses: hommage à Gabriel Dumont*. Sous la direction de Gagnon D., Comnet D., Gaboury-Diallo L. Saint-Boniface, 2006. P. 253-277.

¹¹ Официально эта колония была известна под именем «Ассинебоа» («Assiniboia»), но гораздо чаще ее называют колония Красной реки («colonie de la Riviere Rouge»)

¹² Dickanson O. *Les Premières Nations du Canada*. Quebec, 1996. P. 261.

Прокламацию о запрете вывоза пеммикана за пределы колонии (La Proclamation du pemmican). В условиях канадского Северо-Запада пеммикан играл очень важную роль и в некоторые периоды был основным продуктом питания индейцев, метисов и белых охотников. Такие шаги администрации вызвали недовольство метисов и спровоцировали их ответные действия. В конфликте, временами отмеченном боевыми действиями, принимали активное участие не только метисы и шотландские колонисты, но и представители КГЗ и СЗК. Последняя, имела значительные интересы в данном регионе, и запрет на вывоз пеммикана серьезно осложнял ее промысловую и торговую деятельность. Окончательно боевые действия прекратились в 1821 г., когда обе компании объединились под эгидой КГЗ. Со временем часть метисов переселилась ближе к столице колонии – поселению Сен-Бонифас, где стала заниматься сельским хозяйством. Сен-Бонифас также стал первым католическим приходом в молодой колонии.

Длительное время метисов Северо-Запада связывали тесные торговые отношения с КГЗ, владевшей монополией на торговлю мехом на огромной территории Земли Руперта (нынешние провинции Саскачеван, Манитоба, Онтарио, Альберта и территория Нунавут). Однако монополия привела к тому, что метисы нелегально продавали меха в соседние Штаты. В 1849 г. один из таких торговцев Пьер-Гийом Сауэр и трое других метисов были арестованы колониальными властями, что вызвало взрыв негодования со стороны местного населения. 17 мая 1849 г. около двух сотен разгневанных метисов пришли к стенам суда и потребовали освобождения обвиняемых. Хотя приговор и был вынесен, но наказания не последовало. По мнению метисов, это означало, что торговля стала свободной. В дальнейшем они наладили связи с американскими торговцами из долины Миссисипи на фоне ослабления позиций КГЗ. Этот случай ярко демонстрирует, что уже к середине XIX в. метисы Северо-Запада Канады четко осознавали не только общность своего происхождения, но и общие экономические (а вслед за ними и политические) интересы.

Образование Канадского Доминиона в 1867 г. и покупка Канадой у КГЗ Земли Руперта привели к тяжелейшим последствиям для метисов. Предполагалось, что Земля Руперта будет преобразована в Северо-Западные территории, что исключало возможность для метисов обрести те же права, что и жители канадских провинций. Появление белых колонистов-протестантов, а также строительство трансконти-

нентальной железной дороги, влиявшей на экологическую ситуацию в регионе, стали ощутимыми угрозами. В конечном счете, строительство «Канадиан Пасифик» привело к тому, что стада бизонов откочевали дальше на запад – в сторону нынешней провинции Саскачеван, и часть метисов была вынуждена последовать за ними¹³.

В то же время федеральные власти молодого канадского государства опасались, что англоязычный центр страны окажется зажатым с востока франкоязычным Квебеком и франкоязычной метисной Манитобой с запада. Федеральные власти рассчитывали использовать огромные ресурсы плодородных земель Манитобы и в 1869 г. начали отчуждать пахотные земли у метисных фермеров. В конечном итоге это привело к восстанию, которое возглавил Луи Риэль. Уже при жизни Риэль стал настоящей «иконой» для метисов и пользовался значительным авторитетом среди большей части франкоканадцев Квебека. В наши дни Риэль по-прежнему остается важнейшим символом идентичности для метисов канадского Запада. Требования, выдвинутые метисами, демонстрировали общность их экономических, политических и социальных интересов: признание прав на землю, налоговые льготы, выборное законодательное собрание, требование земель для Католической церкви, признание равенства английского и французского языков. В этот период мы можем наблюдать пример оборонительной этнополитической мобилизации, который стал ответом на угрозу изменения статуса группы и ряд экономических угроз.

Несмотря на то, что выступления метисов были жестоко подавлены, а Луи Риэль был вынужден скрываться в штате Монтана, главным результатом восстания 1869 г. стало создание в следующем году провинции Манитобы, вошедшей в состав Канадского Доминиона. Однако федеральные власти Канады продолжили курс на ассимиляцию и продолжили практику отчуждения земель у метисов. К тому же часть метисов вслед за стадами бизонов откочевала в западный Саскачеван.

К 1884 г. ряд локальных конфликтов и судебных прецедентов спровоцировали второе восстание метисов, которое вновь возглавил Луи Риэль. Однако повстанческая армия в течение нескольких месяцев потерпела ряд поражений от федеральных войск. Восстание окончилось

¹³ Kermoal N. Chasse au bison et politique environnementale, au passé et au présent // Histoires et identités métisses: hommage à Gabriel Dumont. Sous la direction de Gagnon D., Comnet D., Gaboury-Diallo L. Saint-Boniface, 2006. P. 91.

трагично: все лидеры восставших, в том числе и Луи Риэль были казнены. Разгром метисов означал для федеральных властей возможность уже полноценно реализовать ассимиляционную политику. Уже к 1886 г. количество метисов в Манитобе сократилось с 80% до 7%¹⁴. Несмотря на то, что формально Манитоба была образована как двуязычная провинция, уже в 1916 г. английский язык стал единственным официальным языком во всех сферах. Также в связи с иммиграцией в регион англо- и франкоканадцев, ирландцев, шотландцев, немцев и украинцев этнокультурная мозаика региона изменилась до неузнаваемости.

Первая половина XX в. стала наиболее тяжелым периодом в истории метисов канадского Северо-Запада. За редкими исключениями невозможно говорить о существовании компактных метисных поселений в этот период. В отличие от индейцев, метисы были лишены прав на резервационные земли и привилегии. В конечном итоге это крайне негативно сказалось на локальной метисной культуре и образе жизни. Исчез ряд традиционных ремесел. В ряде случаев метисы были вынуждены скрывать свое происхождение, так как постоянно сталкивались с дискриминацией при этом как со стороны канадцев европейского происхождения, так и со стороны индейцев. Для большинства метисов было практически невозможно интегрироваться как в общество «белых» канадцев, так и присоединиться к индейским общинам. При этом нельзя не отметить тенденцию, в полной мере проявившуюся в XX в.: метисы, вобравшие в себя больше элементы евроканадской культуры, занимали более высокое положение в социальной иерархии, нежели метисы, чья идентичность более апеллировала к индейскому происхождению¹⁵. Однако в независимости от этого, метисы в большинстве случаев были вынуждены скрывать свое происхождение. Также важно подчеркнуть, что в ряде случаев метисы сталкивались с проявлениями расизма со стороны представителей этнокультурной общности франко-манитобцев. В первую очередь это было связано с антропологическими отличиями и особенностями французского языка метисов. Это обстоятельство заставляло большинство метисов отказываться от французского языка в пользу английского, так как интегрироваться в сообщество англоканадцев было несравнимо легче, чем франкоканадцев. Стоит добавить, что сами франкоманитобцы в этот период активно подвергались дискри-

¹⁴ Dickanson O. *Les Premières Nations du Canada*. Québec, 1996. P. 315.

¹⁵ Gagnon D. De la dissimulation à la revendication identitaires : l'exemple des Métis francophones du Manitoba // *Autochtonies : Vues de France et du Québec*. Québec : Presses de l'Université Laval, p. 279.

минации со стороны провинциальных властей, продолжавших политику англиканизации региона.

Последствием этих процессов стала индеанизация метисной идентичности. Так, по последним данным оригинальный язык митчиф в последние десятилетия все больше теряет свои французские компоненты в пользу индейских и английских эквивалентов. Как отмечает антрополог Дени Ганьон, среди англоязычных метисов в последние десятилетия доминирует стереотип о том, что метисы эпохи Луи Риэля были исключительно кочевниками-охотниками. Фактически, современные англоязычные метисы игнорируют факт существования в прошлом франкоязычных метисов-католиков, практиковавших земледелие¹⁶.

Важнейшей вехой в истории метисов канадского Запада стало их признание федеральными властями в 1982 г. Наравне с индейцами и инуитами, Конституционный акт Канады причисляет метисов, к автохтонным народам страны. Однако этот, несомненно, исторический шаг не привел к автоматическому решению социальных, культурных и политических проблем метисов. По-прежнему актуальной остается проблема дискриминации.

В том же 1982 г. метисами Канады была создана собственная политическая организация на общенациональном уровне – Национальный совет метисов (Métis National Council – НКМ). Как и большинство организаций автохтонов в Канаде, НКМ имеет 4 уровня управления (локальный (общинный), региональный, провинциальный и национальный)¹⁷. Наибольшую роль в совете играют провинциальные организации Альберты, Манитобы и Саскачевана. НКМ признает существование около 270 000 метисов на территории Канада (в основном канадского Запада) при этом существование около 50 000 метисов Квебека, северных территорий, Приморских провинций и Лабрадора игнорируется Советом. Примечательно, что на французском языке при обозначении этих метисов члены НКМ сознательно допускают ошибку в написании слова «Métis» и пишут его с маленькой буквы «m» и без аксана («metis»).

Одним из предшественников НКМ стала основанная в 1967 г. орга-

¹⁶ Gagnon D. A disturbing identity : ethnogenesis, exclusion and assimilation process among the Métis since the 17th century // Social and Cultural Interaction and Literary Landscapes in the Canadian West. Zacharasiewicz W. et Kirsch F. P. (dir.). Vienne, 2010. P. 82.

¹⁷ Подробнее см. Максимова Д. Д. Соколов В. И. Коренные народы Канады: эволюция отношений с государством // США. Канада: Экономика. Политика. Культура, 2010. т. № 12.-С.55-72.

низация англоязычных метисов «Манитоба Метис Федерейшн» (ManitobaMetisFederation – ММФ). Длительное время эта организация играла ведущую роль в борьбе за права метисов. Но стоит оговориться, что под крыло ММФ попадали только «официальные» англоязычные метисы. Франкоязычные метисы оказались исключены из поля зрения ММФ. По словам президента старейшей организации франкоязычных метисов Манитобы «Национальный союз метисов» Габриэля Дюфо «Быть метисом в последнее время стало проще и легче, но быть англоязычным метисом – гораздо легче, чем франкоязычным. Это связано с деятельностью ММФ, которая сделала все для этого и максимально приблизила метисов к индейцам»¹⁸. Вне всякого сомнения деятельность ММФ повлияла на миноритарное положение франкоязычных метисов, так как последние были меньшинством как по отношению к англоязычному большинству, так и по отношению к англоязычным метисам. Также препятствием для этнополитической консолидации франкоязычных метисов стало отсутствие территорий компактного проживания. Большинство метисов в отличие от индейцев и инуитов не ведут общинный образ жизни, расселяясь преимущественно в городах Манитобы и Саскачевана. Редким исключением является поселение Сен-Лоран на берегу озера Манитоба. Местное метисное сообщество дает яркий пример локальной этнокультурной общности, отличающейся высоким уровнем консолидации¹⁹.

На рубеже XX-XXI вв. мы наблюдаем рост этнокультурного сознания и развитие этнополитической консолидации среди франкоязычных метисов канадского Запада. В первую очередь это связано с появлением новых общественных организаций метисов, заявляющих в основном о своих культурных и гуманитарных целях. В частности, в последние десятилетия в Манитобе появились «Совет Эльзеар-Гуле» (Conseil Elzéar-Goulet – КЕГ), «Группа студентов-метисов» (Regroupement étudiant métis – РЭМ) в Университете Сен-Бонифаса и возрожденная организация «Национальный союз метисов» (l'Union nationale métisse – ЮНМ).

ЮНМ является старейшей организацией франкоязычных метисов канадского Запада, основанной еще в 1887 г. Впервые на институци-

¹⁸ Цит. по Gagnon D. De la dissimulation à la revendication identitaires : l'exemple des Métis francophones du Manitoba // *Autochtonies : Vues de France et du Québec*. Québec : Presses de l'Université Laval, p. 282.

¹⁹ Michaux E. Les Acadiens métis, les Métis magouas et les Métis de Saint-Laurent: context et construction des identités métisses // *L'identité métisse en question. Stratégie identitaires et dynamismes culturels sous la dir. DeGagnonD. etGigueteH.* Quebec, 2012. P. 173

онном уровне ЮНМ заявило о существовании франкоязычного метисного меньшинства в регионе, появление этой организации стало, прежде всего, результатом угрозы ассимиляции, исходившей со стороны англоязычного большинства и провинциальных властей. Главным образом организация пыталась сохранить культурное наследие метисов Манитобы и занималась просветительской деятельностью, в частности, под эгидой ЮНМ был издан исторический труд «Риэль и рождение Мантобы» французского историка Тремодана. Однако в силу ряда причин длительное время, фактически, с 1940-х до 2000-х гг. организация находилась в упадке и не играла существенной роли в жизни провинции. Но с начала 2000-х гг. в связи со сменой руководства ЮНМ начинает заниматься поддержкой, нестатусных метисов, проживающих на территории Манитобы. Важной задачей для ЮНМ стала работа с метисами других регионов Канады, не входящих в состав федерального НКМ и, фактически, исключенных из поля деятельности метисных организации и федерального правительства. В частности, наиболее тесные отношения у ЮНМ выстроились с квебекской организацией метисов «Нация метисов Квебека» (NationMétisQuébec).

«Группа студентов-метисов» консолидирует студентов-метисов в Университете Сен-Бонифаса и оказывает поддержку студентам-метисам в области здравоохранения, социально-психологической адаптации и образования. В частности, речь идет о специальном фонде стипендий для студентов метисов и финансировании исследовательских проектов. В свою очередь, «СоветЭльзеар-Гуле» объединил франкоязычных метисов Виннипега – столицы Манитобы – и стал составной частью «Федерации Метисов Манитобы». Количество членов «Совета» позволило влиять на политику ФММ, так как эта демократичная по своему устройству структура не могла не считаться с одной из своих довольно весомых частей.

Также важно отметить, что в последнее десятилетие можно говорить о ряде судебных прецедентов, повлиявших на положение франкоязычных метисов. В 1993 г. канадская общественности обсуждала громкое «дело Поулей» (arrêtPowley): братья Поулей – метисы по происхождению – были обвинены в незаконной охоте. Однако в суде они сослались на 35 статью Конституционного акта Канады, который защищал право коренных народов охотиться в целях пропитания. В результате длительного судебного процесса в 2003 г., Верховный суд

Канады признал права сообщества метисов в Со-Сент-Мари в провинции Онтарио. Таким образом, фактически, приравненные к индейцам метисы получили право заниматься традиционными промыслами – охотой и рыболовством, чтобы обеспечивать себя пропитанием. А в 2011 г. Верховный суд Канады признал факт нарушения прав метисов после образования и вступления Манитобы в канадскую федерацию. Это судебное решение стало важным прецедентом в дальнейшей борьбе метисов Запада Канады за свои права и привилегии.

Важнейшее судебное решение было вынесено 17 апреля 2014 г. Федеральный апелляционный суд Канады вынес решение, в котором признал права канадских метисов идентичными правам канадских статусных индейцев. Прежде всего, речь идет о праве на создание собственных земельных резерваций и праве на самоуправление. «Метисам и нестатусным индейцам никогда не предоставлялись такие же права и признание, как индейцам, живущих в резервациях»²⁰, – сказала по этому Бетти Энн Лавалли лидер «Конгресса аборигенных народов» (Congress of Aboriginal Peoples). Решение Федерального апелляционного суда Канады имеет огромное значение, однако можно предположить, что федеральное правительство оспорит это решение в Верховном суде Канады. Не приходится сомневаться, что, несмотря на положительный для метисов судебный прецедент, дальнейшее рассмотрение этого дела может занять годы.

Сегодня перед этнокультурным сообществом метисов канадского Запада стоят новые вызовы, связанные с угрозой аккультурации и ассимиляции. Прежде всего, это касается франкоязычных метисов Манитобы и Саскачевана, чья идентичность претерпела значительные метаморфозы с конца XIX в. С другой стороны, очевидно, что рубеж XX-XXI вв. характеризуется успешной практикой этнополитической мобилизации метисов. В хоре коренных народов Канады все громче звучит голос метисов, требующих признания и реализации прав, зафиксированных в канадской Конституции. Консолидация метисов на федеральном уровне заставляет их переосмысливать собственное положение в рамках канадского общества и меняет границы представлений о собственной этнической идентичности.

Литература.

1. Стельмах В. Г., Тишков В. А., С. В. Чешко Тропую слез и надежд: (Книга о современных индейцах США и Канады). М., 1990. 316 с.

²⁰ <http://www.cbc.ca/news/aboriginal/court-of-appeal-upholds-landmark-ruling-on-rights-of-m%C3%A9tis-1.2613834>

2. Максимова Д. Д. Соколов В. И. Коренные народы Канады: эволюция отношений с государством // США. Канада: Экономика. Политика. Культура, 2010. т. № 12. С.55-72.

3. Dickanson O. Les Premières Nations du Canada. Québec, 1996. 511 p.

4. Gagnon D. De la dissimulation à la revendication identitaires : l'exemple des Métis francophones du Manitoba // *Autochtonies : Vues de France et du Québec*. Québec : Presses de l'Université Laval, p. 275-278.

5. Gagnon D. A disturbing identity : ethnogenesis, exclusion and assimilation process among the Métis since the 17th century // *Social and Cultural Interaction and Literary Landscapes in the Canadian West*. Zacharasiewicz W. et Kirsch F. P. (dir.). Vienne, 2010. P. 82.

6. Kermaol N. Chasse au bison et politique environnementale, au passé et au présent // *Histoires et identités métisses: hommage à Gabriel Dumont*. Sous la direction de Gagnon D., Comnet D., Gaboury-Diallo L. Saint-Boniface, 2006. P. 89-115.

7. Michaux E. Les Acadiens métis, les Métis magouas et les Métis de Saint-Laurent: context et construction des identités métisses // *L'identité métisse en question. Stratégie identitaires et dynamismes culturels* sous la dir. De Gagnon D. et Giguete H. Québec, 2012. P. 155-181

8. Papen R. A. La question des langues des Mitchifs: un dedale sans issue? // *Histoires et identités métisses: hommage à Gabriel Dumont*. Sous la direction de Gagnon D., Comnet D., Gaboury-Diallo L. Saint-Boniface, 2006. P. 253-277.

39(=161.1)(571.56)

Н.В. Плужников

Этнография материальной и духовной культуры русских старожилов Русского Устья²¹

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы освоения русскими Арктики Якутской области с XVII века, взаимодействия с традиционными культурами севера. Историческая этнография русских арктических старожилов Якутии достаточно исследована (В.Г. Богораз, В.И. Иохельсон, В.И. Зензинов, А.Л. Биркенгоф, И.С. Гурвич, А.Г. Чикачев и др.). Автором представлены полевые материалы по изучению материальной и духовной культуре русских арктических старожилов Русского устья Аллаиховского улуса (района) Республики Саха (Якутия).

²¹ Статья подготовлена в рамках исполнения ГЦП «Лингвокультурологическая экспедиция в пос. Походск Нижнеколымского улуса (района) Республики Саха (Якутия), пос. Русское Устье Аллаиховского улуса (района) Республики Саха (Якутия)» контракта № 198 от 3 сентября 2013 г.

²¹ This article was prepared in the project of implementation of STP "Linguistic and cultural expedition in the village Pokhodsk of the Nizhnekolymskiy ulus (district) of the Republic of Sakha (Yakutia), the village Russkoye Ustye Allaikhovskiy ulus (district) of the Republic of Sakha (Yakutia)" of the contract No. 198 dated September 3, 2013

Ключевые слова: историческая этнография, материальная и духовная культура, русские арктические старожилы, Республика Саха (Якутия).

N.V. Pluzhnikov

Ethnography of Material and Spiritual Culture of the Russian Old-Timers in the Russkoye Ustye

Abstract. The article deals with the development of the Russian Arctic in the Yakutsk region from the XVII century, interaction with traditional cultures of the North. The historical ethnography of Russian Arctic old-timers in Yakutia has been sufficiently studied (V.G. Bogoraz, V.I. Iokhelson, V.I. Zenzinov, A.L. Birkenhof, I.S. Gurvich, A.G. Chikachev, etc.). The author presents field materials for studying the material and spiritual culture of the Russian Arctic old-timers in the Russkoye Ustye of the Allaikhovskiy ulus (district) of the Republic of Sakha (Yakutia).

Keywords: historical ethnography, material and spiritual culture, Russian Arctic old-timers, Republic of Sakha (Yakutia).

О культуре старожилов Русского Устья написано много. Нередко эта информация дублируется, поскольку тот или иной автор обычно считает существенным описать на бумаге то, что видел своими глазами или, по крайней мере, слышал своими ушами от первоисточника. Основные материалы о традиционной культуре русских индигирщиков – описательного характера. Эта традиционная культура – как в описаниях, так и в воспоминаниях ее живых свидетелей, представляет редкостный сплав хозяйственных и мировоззренческих черт самого разного происхождения, этнически нейтральных или же наоборот – резко обозначенных, вскрывающих сложную историю русского населения сибирского Севера. Очередное ее описание, включающее те немногочисленные новые сведения, которые удалось обнаружить в короткой двухнедельной экспедиции 25 июля–8 августа 2013 г., представляет собой попытку анализа различных сторон традиционной жизни в этом ключе.

История.

Проникновение русского населения на территорию современной Якутии связано с пушным промыслом. Первоначально главным его объектом был соболь, обитающий в лесной зоне этого края. Промысел соболя начался независимо от государственных интересов и вполне

мог возникнуть еще до приведения местного населения к российскому подданству. Поэтому считается, что когда в 1641 году вместе с первыми ленскими воеводами в Якутск прибыл отряд служилых людей, партии промышленников в эти годы были уже на Олекме, Амге, Алдане, Витиме, Вилное, Лене, Оленеке, Яне и Индигирке (Гурвич, 1963, с. 73). Как показывают десятинные и оброчные книги Оленекского, Жиганского, Индигирских и Колымских зимовий, основную массу переселенцев-промышленников составляли выходцы из русских провинций Европейского Севера и Поморья, носители своеобразной промысловой и рыболовной неземледельческой культуры: устюжане, усольцы, мезенцы, белоозерцы, колмогорцы, пинежане. (РГАДА, ф. 1177, оп. 4, д. 390, лл. 1-7, Н. 452, лл. 1-65, Н. 101, лл. 96-100).

В результате успешного промысла на территории необъятной Якутии соболь был практически целиком выбит за несколько десятилетий, и уже в конце XVII века главным предметом вывоза из Якутии стала так называемая «малоценная пушнина», то есть песец, горноста́й и белка (Гурвич, 1963, с.87). Из них только белка занимает лесной ареал, горноста́й живет как в лесной, так и в тундровой зоне; песец обитает в зоне тундры и лесотундры, по большей части, за Полярным Кругом, хотя может мигрировать в таежную зону. Поэтому русское население, занимавшееся в Якутии пушным промыслом, в конце XVII века стало переселяться на север, в низовья крупных и средних рек. В это время, судя по оброчным книгам, несколько семей русских жило в низовьях Индигирки (Гурвич, 1963, с.91). Здесь, в тундровой зоне, для оседлой жизни имелись как свои преимущества, например, в отношении пропитания, так и проблемы, например, по части топлива и стройматериала. Тем не менее, компактные территории расселения русских старожилов сохранились именно тут – в низовьях Индигирки, Колымы и Анадыря.

Колонизация русским населением центральной и северной Сибири, как свидетельствуют архивные документы, связана с добычей сугубо рыночного продукта (пушнины). Поэтому тип русского старожильского хозяйства, который сложился с самого начала, оказался тесно связан с рыночными товарами. Это хозяйство имело натуральные стороны, ориентированные на сезонное появление рыночных товаров (зимнее). В нем были заложены возможности долгого натурального существования, но интенсивная разработка области ездого собаководства (см. ниже) во всем культурном комплексе показывает

ориентированность русскоустьинского хозяйства на рынок, то есть появление русских в низовьях Индигирки было связано с появлением песцовых шкурок на рынке в качестве товара.

Косвенное свидетельство того, что маршрут русского освоения Индигирки лежал с юга на север дает топонимика: название крупного притока Индигирки Елонь, текущей в зоне тундры – к северу от р. Аллаиха в русском сибирском диалекте обозначает «безлесное место». Такое название могли дать только лесные жители, осваивающие новую территорию. На самой же Аллаихе, в зоне низкого лиственного криволесья, еще в 1930-х годах сохранялись отдельные рощицы прямостоящей лиственницы, то есть граница леса на Индигирке раньше захватывала Аллаиху (Биркенгоф, 1972, с. 90).

Появление русского населения с севера при сложившейся ситуации не исключается, но оказывается вторичным и дополнительным. Мотивация движения на низ Индигирки с севера, скорее всего, иная нежели пушной интерес. Больше всего причины этого явления похожи на бегство от административной власти, при том что административная власть должна находиться не дальше Якутска (исходя из масштаба расстояний). А.Л. Биркенгоф просчитывает эту ситуацию и связывает ее с восстанием русских служилых людей в Якутске в 1647 г. (Биркенгоф, 1992, с.91). Однако И.С. Гурвич ничего об этом событии не пишет (Гурвич, 1966), поэтому приведенная информация требует дальнейшего исследования.

Географическое место обитания.

Русским Устьем на карте называется поселок в низовьях Индигирки. Это самая населенная точка, которая в настоящее время представляет поселок из двух с небольшим десятков домов с детским садом, школой, сельсоветом, почтой, домом культуры и магазином. Территория вверх и вниз от поселка на протяжении всей западной протоки заполненная старожильческими населенными точками или заимками имеет то же название.

Устье Индигирки делится на три протоки: западная с середины XVII века называется Русской (на ней и стоит село), а восточная носит название Колымской. Русские старожилы обитали на всех трех, но в разной степени компактности. Например, в Средней и далее – в Колымской протоке с ними издавна соседствовали якуты. Тем не менее, именно там – в населенной точке Станчик сохранилась православная часовня начала XIX века.

Документальные свидетельства о возникновении Русского Устья.

В челобитной 1649 г. первопроходца Ивана Реброва, который плывал морем в сторону Яны и Индигирки сообщалось, что до него на Индигирке русских не было. Первопроходец Иван Ерастов, попавший по морю в низовья Индигирки в 1640-41 годах, сообщает, что узнал о реке Алазее (к востоку от Индигирки) от юкагирского князца, про русских индигирщиков Ерастов не сообщает ничего, соответственно их в это время там еще не было. Отсутствие сведений о русском населении в низовьях Индигирки отмечается и в материалах второго похода Ерастова – с Д.М. Зыряном в 1641-42 годах. В 1649-50 гг. служилый человек Тимофей Булдаков потерпел кораблекрушение на море в районе реки Хромы (к западу от Индигирки) и по льду «со товарищи» достиг устья Индигирки и был вынужден добираться до Уяндинского зимовья, которое стояло в 700 км от моря в лесной полосе. Подобный путь проделал казачий пятидесятник Пантелей Мокрошубов в 1651 г., пытавшийся морем достичь Алазеи. В его отписке впервые протока, на которой стоит Русское Устье, обозначена как «устье – первое с русского конца» (Биркенгоф, 1972, с. 82-84). Таким образом, название Русское Устье возникло еще до появления на нем русских, поскольку эта территория к западу от Индигирки, хоть пустынная и плохо изученная, воспринималась тогда уже как русская.

Соседи

Ближайшая к русскоустыньцам группа потомков русских старожилов проживает на Индигирке до сих пор. Это обитатели села Ожогино в среднем течении Индигирки, расположенном в 380 км от Русского Устья. Как ни покажется странным, в старину русскоустыинцы с ними общались гораздо реже, нежели со старожилами низовья Колымы – жителями Походска, хотя между этими населенными пунктами расстояние составляло около 700 км, и преодолеть его можно было лишь зимой на собачьей упряжке. Разница между Ожогиним и Походском заключалась в том, что Походск, как и Русское Устье находится в географически и, соответственно, экономически сходных условиях: это открытая тундра, где основу жизнеобеспечения давала рыба и переправы крупных стад дикого оленя, а также зимний песцовый промысел. Ожогино находилось уже в лесной зоне – там к общей промысловой основе местного хозяйства добавились другие интересы: постройка из местной древесины лодок – тяжелых грузовых карбасов и легких веток, а также изготовление канатов из ивовой коры и

заготовка листовничной серы для шпаклевки щелей в лодках. Все эти вещи невозможно изготовить в тундре, и они представляли существенную часть местного рынка. Эта разница – в характере ландшафта и хозяйственных интересах, важных для характера менталитета и моделей поведения, согласно истории российского Севера, нередко приводила к напряженным, а зачастую и враждебным отношениям между традиционными лесными и тундровыми культурами. В частности, тундровые юкагиры, живущие на соседних реках, предпочитали общаться между собой, в то время как с ближайшими соседями и тоже юкагирами, живущими в лесной зоне, у них сохранялись напряженные или враждебные отношения. То же самое справедливо и в отношении лесных юкагиров (Гурвич, 1966, с.15-16).

Другой особенностью русских старожилов Ожогина было их существование в якутском окружении – сверху и снизу по Индигирке, причем численность якутов была преобладающей. В начале освоения русскими и якутами Индигирки их количественное соотношение было примерно равным (или же якутов было чуть меньше). В последующие столетия численность русских поселенцев здесь оставалась более-менее стабильной, в то время как численность якутов благодаря последующим миграциям через среднее течение Индигирки с запада на восток сильно увеличилась. Это привело к мощному влиянию на русских старожилов Ожогина и якутского языка, и якутской культуры. Немалую роль в этом процессе сыграли и многочисленные смешанные якутско-русские браки. В 1805 г. был упразднен уездный город Зашиверск (Биркенгоф, 1972, с. 32), административный и русский центр на Индигирке, что тоже в этих местах не способствовало усилению русского культурного влияния.

При рассмотрении фамильного списка старожилов Русского Устья и Ожогина конца 1920-х гг. обнаруживаются по меньшей мере пять фамилий из обоих населенных пунктов (Биркенгоф, 1972, с. 89). Это отражает не только возможность общего происхождения, но и брачных связей, хотя опросные материалы, включая последнюю экспедицию 2013 г. свидетельствуют, что в традиционной жизни Русского Устья (закончившейся к середине XX столетия) предпочтение отдавалось колымским старожилам нежели «верховским» (ПМА). В качестве примера культурной обособленности ожогицев и русскоустыинцев было полное отсутствие музыкальных инструментов у последних (плясали «под язык» (Биркенгоф, 1972, с.68)) и изготовление ожогицами из местного

дерева скрипок – грубых, но настоящих (там же, с.42), при том, что нижеиндигирские старожилы покупали у них лодки (см. ниже).

Взаимоотношения русскоустыинцев и якутов были иные: якуты в низовьях Индигирки оказались в меньшинстве, промысел рыбы, особенно неводной – занятие коллективное, между русскими и якутами нередко возникали крупные трения по поводу использования наиболее удобных для рыбного промысла берегов Индигирки («песков»). Якуты даже в 1831 году написали жалобу в иркутскую Комиссию о переобложении инородцев ясаком – насчет их притеснения русскоустыинцами. В этой жалобе они себя определяли как исконно местное население, обладающее правом претендовать на наиболее удобные для себя рыболовные угодья, в то время как русские были объявлены пришлыми. Возникла письменная тяжба на много лет, которая окончилась ничем (бумаги, обнаруженные по этому поводу, оканчиваются 1840 г.) (Зензинов, 2001, с.30-31). Эта история – наиболее яркое свидетельство общего характера традиционных русско-якутских отношений в низовьях Индигирки. Понятно, что смешанные якутско-русские браки здесь не приветствовались.

Совсем иначе сложились отношения у русскоустыинцев с местными автохтонами – оседлыми юкагирами и кочевыми ламутами. Эти отношения отличались приветливостью и близким партнерством. Здесь браки с этими «инородцами» не осуждались, хотя и не были особо частым явлением. Русскоустыинцы радушно принимали в свою среду и юкагиров, и ламутов, но вывозить молодую семью на постоянное местожительство к себе им не позволялось (ПМА). Особенность существования юкагиров в низовьях Индигирки на момент появления русских в этих местах определяется как минимум двумя важными событиями, сильно сократившими численность местного юкагирского племени, определившего их последующее расселение и частичную русификацию. Первое случилось в 1654 г. до оседания русских промышленников в низовьях Индигирки: это разгром нижеиндигирских юкагиров по обвинению в измене с целью наживы отрядом служилых, торговых и промышленных людей, возглавляемого Кирило Ванюковым: имущество было разделено между участниками похода, женщины и дети уведены в рабство. В результате челобитных, которые были посланы оставшимися в живых и на свободе юкагирами, справедливость была частично восстановлена, но численности юкагирам она не прибавила. Вдобавок часть из них поменя-

ла образ жизни и стала кочевниками (Гурвич, 1966, с.18-19), а значит ушли с низовьев Индигирки, поскольку места там непригодны для содержания оленей (см. ниже). Второе – это две эпидемии оспы 1669 г. и 1693 г., первая сократила численность индигирских юкагиров на 45%, вторая – численность алазейских юкагиров почти вдвое (там же, с.23). В результате на опустевшие земли хлынули новопоселенцы: сначала русские, а потом уже в начале XVIII в. и якуты (там же, с.92).

Чукчи в низовьях Индигирки были экзотическими гостями. По свидетельству В. М. Зензинова, они приезжали в Русское Устье или в Шевелево раз в году зимой с Алазеи, но после 1910 г. перестали (Зензинов, 2001, с. 41-42). По сведениям А. Л. Биркенгофа, в 1920 -х гг. в начале зимы, когда фактория и лавка кооператива были еще заполнены товарами, в Русское Устье ненадолго заезжали ерчинские чукчи (местные окрестности в качестве оленьих пастбищ были непригодны) (Биркенгоф, 1972, с.67).

Основной способ жизнеобеспечения.

Это рыболовство – вид промысла, предполагающий оседлый образ жизни. Соответственно, русские поселенцы в низовьях Индигирки накрыли экологическую нишу тех аборигенов, которые до их появления жили там оседло. Это юкагиры. Как культура более пластичная к перемене образа жизни, ко времени ссылки В. М. Зензинова (начало XX в.), они в большинстве своем существовали уже как оленеводы-кочевники – по тунгусскому образцу, при этом некоторые юкагирские семьи жили по соседству с русскоустынцами и были обозначены как «обрусевшие». Характерные черты архаической юкагирской культуры по части рыболовного промысла, перенятые старожилками Русского Устья, могли иметь отношение к перегораживанию небольших речек, вытекающих из крупных озер, во время нереста рыбы и ее обратного возвращения в море. Однако при этом использовался ставной невод – паек (Чикачев 1990, с.65). Способ перегораживания водоемов относится к древнейшим, и ничего специфически юкагирского в нем нет, разве что сам технологический уровень юкагирской культуры, имевший место к приходу русских. Русское население принесло в эти места сети и невода – новую, гораздо более эффективную технологию, вокруг которой оказалась выстроена система расселения и все специфическое хозяйство, включая транспорт (ездовое собаководство) и кухню. Эта технология сильно расширила местный рыболовный календарь, включив в него подледный сетевой лов. Поэтому об-

русение юкагиров касалось заимствования основной сферы жизнеобеспечения, которое привело к трансформации всего хозяйства. Сюда же относится и принцип расселения: традиционное рыболовство юкагиров не было ориентировано на крупные реки типа Индигирки – их хозяйства могли располагаться на устьях ее небольших притоков с тем, чтобы реку можно было перекрыть стационарной плетеной изгородью и в ней поставить корзиночные ловушки типа морд (Иохельсон, 2005, сс.531, 539, 541). Эффективность подобного хозяйства резко падает, когда на главной реке происходит неводной лов. Вероятно, поэтому большинство юкагирских хозяйств предпочло перейти к тунгусскому образу жизни и уйти из этих мест, а некоторая часть переселилась на главную реку.

Отличительной чертой традиционного рыболовства русских старожилов низовьев Индигирки было то, что им занималось все трудоспособное население: мужчины ловили рыбу сетями, а женщины и дети – неводом в теплое время года, тогда как для аборигенных культур рыболовство было делом женщин, детей и стариков, мужчины занимались охотой и (или) оленеводством.

Якутские поселения на Нижней Индигирке, возникшие следом (Гурвич, см. выше), взяли за основу жизнеобеспечения то же рыболовство по русскому образцу. Поскольку до середины XX в. якутский язык в этих местах был средством межнационального общения, обрусения у этой группы не произошло.

Эта сфера традиционной жизни населения низовьев Индигирки сохранила свою роль в хозяйстве, но к середине XX в. и по сей день получила промышленный масштаб, лишившись многих традиционных черт, один из ярких признаков современного рыболовства (включающий и низовья Индигирки) – начало рыболовного года не по календарю, а по указанию экологов (ПМА).

Промысел дикого оленя.

Эта область культуры целиком заимствованная от местных аборигенов, скорее юкагиров, изначально обитавших ближе к воде, нежели тунгусов, а может быть, и тех, и других. Этот промысел прежде всего касается сезонной добычи оленя на переправах (охота с копьем на ветке (легкой лодке)). Описателями культуры индигирских старожилов он обозначен как нерегулярный и непредсказуемый (мясо на столе индигирщика – редкость (Зензинов, 2001, с.73)). Но тут, вероятнее всего, играет роль общая ориентация хозяйства – на рыбную ловлю, которая

требует больших затрат труда и времени, но при этом более надежна в отдаче продуктом. Результаты от добычи диких оленей на переправах не впечатляют (там же, с.67), хотя при определенной организации промысла они могли бы иметь более внушительный масштаб. А.Л. Биркенгоф, А.Г. Чикачев, да и тот же В.М. Зензинов пишут о нем очень скудно. Создается впечатление, что при большой доле риска в этом промысле (олень ударом копыта легко переворачивает ветку) и при общей осторожности в поведении как черте национального характера, этим промыслом русские старожилы просто не занимались, хотя имели возможность. Переход в недалеком прошлом к моторным лодкам и огнестрельному оружию (еще раньше) сильно обезопасил этот промысел. Современные индигирщики рассказывали, как они были свидетелями переправы гигантских стад оленя (такое стадо могло идти без перерыва целый день), при том что обычно места таких переправ были постоянны. Однако на сегодняшний день этот промысел на Индигирке не практикуется по той причине, что в начале 2000-х дикие олени изменили маршруты своих миграций и соответственно место переправ, ставшее далеким от места обитания человека (ПМА).

Промысел линной птицы

Этот вид промысла не имеет этнической окраски — им традиционно занимались все народы, обитающие летом в зоне тундры. Технологически он связан с русской культурой — поскольку производится рыболовными сетями, но сеть здесь необязательна — она только огораживает пространство. У русских старожилков-индигирщиков существовал обычай: в конце забоя последнюю птицу отпускать на волю, к ней обращались со словами: «Вот мы тебя живого оставляем и на Сендуху выпускаем, ты нам на будущий год приведи сюда побольше своих товарищей» (Зензинов, 1916). Единственной этнической культурой, у которой отмечен подобный обряд, оказались нижнеколымские юкагиры. Он выглядел более развернутым и богатым по содержанию: один из стариков-охотников перед пойманными гусями исполнял песню, в которой говорилось, что смерть подобна сну, и после наступит возрождение. После чего каждый брал одного гуся и выпускал его на волю. Затем происходил забой, последнего гуся выпускали тоже (Крейнович, 1972, с. 80-81). Здесь представляется явным, что русские индигирщики позаимствовали от юкагиров то, что считали для себя существенным и понятным и в то же время в этом сюжете видится, что юкагиры оказались для русских первопроходцев своеобразными учителями жизни в новых условиях. К юкагирским культурным

заимствованиям вполне могут относиться и соревнования на ветках по окончании гусиного промысла (Чикачев, 1990, с.60). Неизвестно, имели ли место подобные состязания в традиционной культуре поморов, но у колымских юкагиров они отмечены (Крейнович, 1972, с.81) – как раз по окончании гусиного промысла. Однако поскольку эта группа юкагиров давно уже перешла на тунгусский образ жизни, то соревнования были другого рода, например гонки верхом на оленях (там же). Соседи русских старожилов по Индигирке — ламуты (тунгусы) и якуты особым умением плавать на ветках не отличались в силу иной хозяйственной ориентации их традиционной культуры.

Промысел линной птицы существовал до середины 1950-х гг. и закончился в связи с его запретом (Чикачев, 1990, с.58).

Промысел нерпы.

Существовал весной для хозяйственных нужд, собачьего корма и пищевого резерва на случай весенней голодовки. Хозяйственные нужды касались добычи жира для освещения (ПМА) и выделки непромокаемой кожи для одежды (шапки, рукавицы – (ПМА)) и обуви. При этом нет сведений о том, занимались ли юкагиры морским зверобойным промыслом – теперь о таких вещах может свидетельствовать лишь археология. Способ добычи нерпы – сетевой, сеть из толстого шпагата крепилась к квадратной раме из жердей и ставилась в виде мешка под отдушиной во льду, которую находила специально обученная собака. Нерпа, вдохнув глоток свежего воздуха, ныряла и запутывалась в сети (Чикачев, 1990, с. 56). Этот вид охоты описан В.Г. Богоразом у чукчей, но сеть вязалась из кожаных ремней (Богораз, 1991, с.63-64). Поэтому такой промысел нерпы представляется местного происхождения, тем более он неизвестен среди ненцев, которые оказались знакомы с русскими поморами гораздо раньше, чем юкагиры и чукчи. Из нерпичьей кожи русские индигирщики шили обувь местного покроя (см. ОДЕЖДА). Может возникнуть вопрос о происхождении этого вида промысла в связи с тем, что сети появились только с приходом русских. Однако это были рыболовные сети из тонкого конского волоса, сети же из кожаных ремней в традиционной культуре сибирских аборигенов Арктики и Северо-востока имели место независимо от русских: нгнанасаны зимой загоняли в такие сети дикого оленя (Попов, 1948, с.36-39), коряки в заливах и устьях рек ставили во время отлива на тюленя сети из нерпичьих шкур, которые крепились к кольям, вбитым в землю на берегу (Иохельсон, 1997, с. 93).

Конец нерпичьего промысла связан с решением пищевых и одежных проблем посредством снабжения русскоустыинцев необходимыми товарами еще в советское время.

Товарный промысел

Русские колонисты появились на севере Сибири именно благодаря своему товарному интересу (см. выше). Это направление деятельности (пушной промысел) определило первоначальный половозрастной состав русских первопроходцев и соответственно характер контактов с местным населением. Это были артели зверопромышленников – молодые и среднего возраста мужчины. В какой степени такие артели сопровождались женским присутствием, сейчас уже представить трудно. Скорее всего, это было исключение, нежели правило. Дети в таких предприятиях оказывались нежелательным обременением, а люди пожилого возраста, имевшие опыт местной жизни, могли при отсутствии женских рук исполнять домашние работы. Таким образом, для постоянного обитания в этих местах было необходимо создание семьи, для которой женщин находили среди аборигенных соседей, главным образом, юкагиров, процент смешанных браков вначале был преобладающим (что ярко отразилось на внешнем облике современных потомков русских старожилов), а с местным населением устанавливались родственные связи.

Пушной промысел на всем российском Севере имел традиционную русскую основу, включая саму технологию, к которой относились производство и установка специальных давящих ловушек — пастей, об этом свидетельствует русская терминология этой области хозяйства. Особенностью пушного промысла среди разнородного по происхождению населения Сибири было отсутствие широкого применения пушнины в быту (если оно и встречалось, то имело случайный и необязательный характер). То есть до появления в центральной и северной Сибири русских, никто пушминой там не интересовался. Судя по календарному времени занятости (зимняя часть года) и распространенностью (им занимались все трудоспособные мужчины, если позволял достаток), на пушной промысел было ориентировано (во вторую очередь после рыболовства) традиционное хозяйство старожилов Русского Устья. Но масштаб рыболовства – по времени и объему пойманной рыбы ориентирован на содержание транспорта: собачьих упряжек, которые, в свою очередь, обслуживали пушной промысел.

Другой вид товарного промысла, которым русскоустыинцы занимались в большей степени, нежели их аборигенные соседи, но подсобным образом – это сбор мамонтовой кости, который совмещался с гусеванием. Обычно это устраивалось при неудачном рыбном промысле и наличии в хозяйстве женских и детских рук, на которые можно было оставить невод (Зензинов, 2001, с. 43). Для сбора кости устраивались долгие экспедиции на побережье. В XIX в. русскоустыинцы добирались даже до Новосибирских островов. В начале XX в. этот промысел упал – купцы брали кость неохотно по причине ее тяжести (Биркенгоф, 1972, с.58). В настоящее время промысел возродился на уровне небольших частных экспедиций (ПМА).

Сухопутный транспорт и ездовое собаководство.

Судя по этнографическим материалам, русские промышленники западносибирского и европейского Севера были знакомы с ездой на нартах, которые везла собачья упряжка. Однако нарты, которыми они пользовались, и тип упряжи были совсем другими, при этом более примитивными: собачья нарта представляла миниатюрную копию ненецкой оленней нарты (Левин, 1946, с. 96-97) (см. картинку), а упряжь (сбруя) в виде хомута надевалась собаке на брюхо – собака тянула нарту задней частью туловища (что для собаки более трудоемко) (там же, с. 90). Этот тип собачьего транспорта распространен среди русских старожилов и их аборигенных соседей по всей Северо-Западной Сибири, включая западный Таймыр. Вся эта область покрыта ненецкой оленеводческой культурой, поэтому сходство конструкции собачьих нарт с оленними вполне понятно. Русские старожилы-индигирщики считают, что собачьи нарты и упряжь у них с юкагирами однотипны, отличаются лишь мелкими деталями (ПМА). Нартенного оленеводства в ближайших окрестностях Индигирки нет, самыми близкими здесь оказываются алазейские чукчи-олeneводы, но их нарта принципиально иной конструкции, хотя размерами она похожа на собачью (см. картинку). Для низовьев Индигирки характерно отсутствие ягеля (Биркенгоф, 1972, с.55), поэтому там оленеводы – редкость. С другой стороны, собачий транспорт и характерный для него образ жизни оседлых рыболовов – общая черта для юкагирской автохтонной культуры перед появлением на их территории тунгусов. То есть вероятность заимствования русскими старожилами ездового собаководства у юкагиров велика. Однако для содержания одной минимальной полноценной упряжки в 8-10 собак требуется такое коли-

чество рыбы, которое можно добыть только неводным ловом (Биркенгоф, с. 55). Если сетевой лов может кое-как соотноситься с заповенным рыболовством, какое было у юкагиров до появления русских, то летний неводной лов рыбы делает возможным существование ездового собаководства в той форме, которая имела место у русских индигирщиков. Поэтому, скорее всего, ездовое собаководство у русскоустыинцев было заимствованным, но благодаря неводно-сетевому рыболовству, получило мощное развитие. Оно заключалось в том, что теперь на собачьих упряжках можно было преодолевать большие расстояния (до Казачьего и в Усть-Янск *** км, до Походска – более 700 км) и перевозить крупные грузы (2-3 центнера в зависимости от количества собак и времени года (Чикачев, 1990, с. 72)). Разведение ездовых собак стало даже стать рынком дохода – индигирские ездовые собаки очень ценились у русских старожилов Колымы, ими торговали на ежегодной ярмарке в Пантелеихе близ Нижнеколымска (Зензинов, 2001, с.46). Чтобы улучшить породу, русскоустыинцы ездили на Яну, брали производителей там (Чикачев, 1990, с. 74). Некоторые особенности содержания собак выглядят скорее русскими, нежели юкагирскими. Так, например, для содержания ощенившейся суки у каждого владельца имелось специальное помещение – стая, где щенки жили до двухмесячного возраста (там же). Когда же весной на снегу возникал наст, то собак обували в специальные «сапожки» или торбоски из прочной ткани, чтобы не ранились лапы (там же, с. 73) – что опять-таки связано с покрытием больших расстояний и многодневными путешествиями (возвращение с колымской ярмарки как раз приходится на эту часть сезона). Ездовое собаководство на Индигирке закончилось с падением пушного промысла – в 1980-х гг (ПМА).

В традиционной старожильческой культуре индигирщиков специфическим видом транспорта оказалась лошадь, при этом не какой-нибудь северной породы вроде якутской, а вполне обычная. Ее использовали летом – для поездок на гусиный промысел (Зензинов, 2001, с. 66) и ремонта пастей (Чикачев, 1990, с. 54; ПМА), которые надо было чинить каждый год после прохода дикого оленя. Их также впрягали в лодки для прохода волоком при переезде на летние заимки (Биркенгоф, 1972, с. 57). Эти лошади содержались на вольном выпасе круглый год, в том числе и зимой, когда им приходилось добывать себе корм из-под снега (там же; ПМА). Во времена ссылки В.М. Зензинова (1910-е гг.) и экспедиции А.Л. Биркенгофа (конец 1920-х) лошади име-

лись лишь в богатых хозяйствах (Зензинов, 2001, с. 46; Биркенгоф, 1972, с. 57), но А.Г. Чикачев пишет, что многие промышленники держали по одной-две лошади (Чикачев, 1990, с. 54), так что времена были разные, и это всегда приходится учитывать при этнографических описаниях. Однако тот же А.Л. Биркенгоф пишет, что лошади в качестве транспорта имелись и у юкагиров-«дудкинцев» – оленеводов, кочевавших зимой в горах близ Алазеи, а летом по тундре в бассейнах рек Шадрон и Вшивая (Биркенгоф, 1972, с. 31), при том что юкагиры по уровню жизни относились к самому бедному населению Якутии. Здесь вполне возможно русское влияние – со стороны русских промышленников на Алазее, эта группа старожилов в XX в. была поглощена местным населением (там же, с. 97).

В настоящее время в Русском Устье нет лошадей – в связи с падением пушного промысла, а также запретом на «гусевание» они стали не нужны, несколько лет назад из-за мелких досаждений местным жителям последние две или три одичавшие лошади были отстреляны (ПМА).

По поводу домашнего оленя в этнографических очерках жизни Русского Устья имеются две разные точки зрения: А.Г. Чикачев приводит анекдотический пример из начала колхозного строя, когда в 1938 г. русскоустыинцев новая администрация обязала заняться оленеводством. В результате – специально привезенных домашних оленей постреляли, приняв их за диких, и на этом оленеводство закончилось (Чикачев, 1990, сс.57-58). Однако во времена ссылки В.М. Зензинова (1910-е гг.) русскоустыинцы разводили домашних оленей, только пасли их в своих стадах юкагиры (на большом отдалении от Русского Устья – опять-таки по причине отсутствия подходящих пастбищ рядом). Эти олени использовались в качестве транспорта для осенней охоты на песца – по первому снегу. «Раньше (конец XIX в.?) их держали много – по несколько сот, но постепенно они перевелись» (Зензинов, 2001, с.46).

Водный транспорт.

Это лодки – на Индигирке они были двух видов: ветки (легкие, на одного человека) и карбасы (грузовые). Производством лодок занимались обитатели лесной зоны – главным образом, те же русские старожилы, жители села Ожогоино (Биркенгоф, 1972, с.42-43). Как показывает этнографический материал, обитатели тундры не делали лодок сами, но покупали их у жителей лесной полосы. Простое объяснение этому

– отсутствие в тундре подходящего древесного материала. При этом лодки были не только в основе летнего рыболовного хозяйства (ветки – для установки сетей или заворачивания невода), но и необходимым транспортным средством для сезонных перемен места обитания – переезд на летнюю заимку для неводного лова и обратно. Для этого необходимо было иметь карбас. Хозяйства без карбаса (и невода) не могли иметь полноценной собачьей упряжки (Биркенгоф, 1972, с.55).

Одежда.

Вся бытовая одежда старожилов Русского Устья представляется заимствованной от аборигенного населения, этого не отрицают сами русскоустыинцы, тем более что и В.М. Зензинов, и А.Л. Биркенгоф пишут об этом, не имея специальной этнографической подготовки. Здесь самый географически отдаленный тип одежды – чукотский, он используется зимой, в теплое время года употреблялся юкагирско-тунгусский вариант (Биркенгоф, 1972, с. 71). Культурные контакты русскоустыинцев с чукчами были экзотической редкостью, поэтому трудно понять, как у русских старожилов появилась чукотская одежда, к тому же весьма сложная по покрою. Она могла прийти к ним от колымских невест из старожильского Походска (на нижней Колыме), имевшего постоянные чукотские контакты. Эти невесты появлялись в Русском Устье время от времени, хотя, судя по расстоянию, не так часто. Другое более убедительное объяснение появлению одежды чукотского покроя в том, что придя в низовья Индигирки, русские этот тип одежды позаимствовали у юкагиров (вряд ли в эти годы тут было много чукчей – немногочисленные документальные свидетельства того времени о них молчат). Поскольку же и юкагиры, и чукчи – автохтоны высоких широт, их одежда должна быть глухого покроя. К тому же на востоке от Индигирки их расселение соприкасалось – вполне вероятно, что их одежда была однотипной, идеально приспособленной к местному климату. Переход основной массы юкагиров к кочевому образу жизни по тунгусскому образцу произошел уже после появления русских на их территории и привел к перемене типа одежды – более приспособленной к верховой езде на олене. Поэтому из жизни юкагиров их автохтонная одежда исчезла, но сохранилась у чукчей, и ее стали обозначать как чукотскую. Юкагирская народная память о заимствованной одежде позволяла называть распашной «кафтан» ламутским (Биркенгоф, 1972, с.73), при том, что обувь – бродни обозначалась как юкагирская (там же). Участник Севе-

ро-Восточной географической экспедиции 1785-1795 гг. И. Биллингс сообщает, что одежда встреченных им верхнеколымских юкагиров была не распахная, а глухая (Этнографические материалы, 1978, с. 22). В.И. Иохельсон, на рубеже XIX–XX веков, описывая бытовую культуру юкагиров Колымы, считает тунгусские (ламутские) кафтаны у них просто модой (Иохельсон, 2005, с.560-561). Отдельный вид летней обуви – сары, непромокаемые сапоги из лошадиной кожи, покупали у якутов (Биркенгоф, 1972, с. 99).

Попытка обнаружить исконное происхождение русскоустыинцев по их одежде и ее деталям оказалась тщетной. Такие признаки могла иметь праздничная одежда, не имеющая прагматической направленности. При этом женская одежда может сохранять более архаические черты, поскольку домашняя область традиционного хозяйства (женская) более консервативна, нежели промысловая (мужская). Поэтому в женской праздничной одежде можно было бы встретить орнаментальные вставки, которые явились бы отчетливым маркером той или иной местности. Однако ни В.М. Зензинов, ни А.Л. Биргенгоф, ни А.Г. Чикачев ничего об этом не пишут, а единственное праздничное платье (но при этом начала XX в.), имевшееся в чокурдахском краеведческом музее, было «городского» покроя и украшено нашитыми шелковыми лентами (ПМА).

Жилище.

Оно однотипно для русских старожилков сибирской тундры – по причине большого дефицита дерева оно строилось без крыши: потолок утеплялся дерном. Этот общий эстетический недостаток имел свое исключение – часовня в поселении Станчик по восточной протоке Индигирки была снабжена крышей (см. фото). Детали конструкции требуют отдельного исследования по другим русским старожильческим областям Арктики (Походск, Марково, Камчатка). К таким деталям можно отнести, к примеру, устройство двух выходных дверей из сеней с противоположных сторон по причине снежных заносов (Биркенгоф, 1972, с.62).

Отдельная важная черта русского жилища на севере Сибири – это отсутствие печи. Вместо нее используется камелек (или чувал), заимствованный у аборигенного населения западной Сибири.

Необычной и знаковой особенностью жилища русскоустыинцев был деревянный флюгер – сорочка, со сквозным изображением креста или утки, который устанавливался на высокой жерди с одного

из углов сеней (Чикачев, 1990, с.83). Эта деталь, скорее всего, корабельного происхождения, то есть появление предков индигирских старожилов со стороны моря на кочах не исключается, хотя логики в этом появлении мало, при том что фольклорные предания говорят именно об этом (Зензинов, 2001, с.26; Чикачев***), но их мотивация выглядит сомнительной.

Для А.Л. Биркенгофа осталось загадкой, как русские старожилы-индигирщики содержали себя в чистоте – он категорически пишет, что «бань здесь не было» (там же, с.70). Однако А.Г. Чикачев сообщает, что у некоторых состоятельных хозяев на зимней заимке банька имелась. Это были сооружения вроде амбара с деревянным полом, шестком, где разводился огонь, и отверстием в потолке в качестве дымовой трубы. В Русском Устье таких бань в конце XIX в. насчитывалось около десятка (Чикачев, 1990, с. 85).

Среди летних жилых построек, которыми пользовались русскоустыинцы стоит упомянуть «русскую урасу», она же – якутская дулга. Это небольшое четырехгранное пирамидальное сооружение со стенами и потолком из плах, в котором сделано дымовое отверстие. Плахи, образующие стены, поставлены вертикально. Четыре каркасные жерди по углам крепятся над потолком в одной точке (см. картинку поварни). Устройство спальных мест чисто якутское – ороны (спальные места по всему периметру жилища, отделенные друг от друга перегородками) (Чикачев, 1990, с.84). Конструкция жилища на самом деле – юкагирская, это чандал или голомо, распространенный по всей тундре от Таймыра до Колымы с внушительным археологическим прошлым (Юкагиры, 1975, с. 92). Другая жилая конструкция на летниках – якутский балаган, он тоже строился из вертикально поставленных плах, у русскоустыинцев назывался «юртушка» (Чикачев, там же). И балаган, и голомо имели наклонные стенки и снаружи обкладывались дерном. С одной стороны, эти виды жилища характерны для северных зон, где крупное дерево в дефиците. С другой стороны (поскольку оба типа жилища встречаются также в лесной зоне), те этнические культуры, у которых они возникли, до прихода русских не занимались крупномасштабной обработкой дерева – юкагиры по причине дефицита железных инструментов, а якуты – в силу скотоводческой направленности их хозяйства. Поэтому якуты освоили юкагирский тип голомо, снабдив его своими оронами. Заимствование русскоустыинцами якутского балагана говорит о том, что якуты при-

шли на Индигирку следом за русскими или одновременно с ними, но не сильно позже. Однако при конструктивном заимствовании этих построек русскими старожилками имелась одна важная деталь отличающая их дом – ориентация по сторонам света: в отличие от своих соседей, сооружающих свое жилище с выходом на восток или на юг, русские всегда ориентировали выход на запад (Чикачев, 2007, с. 45), потому что красный угол с иконами должен быть напротив входа на восточной стороне дома.

Традиционное жилище русскоустыинцев давно и полностью ушло из современной жизни. Однако в пос. Русское Устье сохранились три строения уже в качестве чисто музейных памятников, которым не помешала бы хотя бы частичная реставрация. Это дом, амбар и часовня, где в ранние советские годы размещался клуб, а потом школа (см. фото). Уникальный памятник архитектуры Русского Устья представляет собой часовня начала XIX века, расположенная на рыболовной точке Станчик. По причине дальнего расстояния от пос. Русское Устье и сложности маршрута, а также ограниченных временных рамок экспедиции попасть на это место не удалось.

На рыболовных точках, лишенных центрального отопления, сохраняется существенный элемент традиционной жизни, касающийся теплообеспечения жилища – это сбор плавника по берегам Индигирки и ее притоков, который происходит весной сразу после окончания ледохода. Плавник прежде всего необходим в качестве дров, а также является древесным материалом для разного рода хозяйственных поделок. Он хранится в виде живописных конических сооружений возле каждой рыболовной точки.

Кухня.

Эта область традиционной культуры чрезвычайно интересна для исследователя-историка по причине сохранения в ней крайне консервативных технологий, а также архаических рецептов и вкусовых предпочтений.

Первая специфическая черта индигирских старожилов по сравнению с их соседями – это преобладание рыбных блюд, яркая черта оседлого хозяйства в низовьях крупных рек.

По способу приготовления та или иная еда может отражать конкретную этнографическую культуру или же наоборот – такого культурного компонента не иметь, а представлять, к примеру, определенную природно-географическую зону. В кухне индигирских старожи-

лов это, к примеру, мороженая рыба (строганина), печеная в золе рыба, сушеная рыба (юкола), а также «кислая» рыба или же сырой костный мозг оленя. Такие способы приготовления не имеют этнического маркера: они вполне могли иметь место в «материнской» поморской культуре (может быть, за исключением сырого костного мозга).

«Кислая» рыба обнаруживается у всего циркумполярного населения нашей планеты по сей день, включая скандинавов и исландцев. Поэтому свидетельства В.М. Зензинова о том, что у русскоустыинцев рыба тухнет в погребах только из-за их небрежности и потому что они не додумались набивать погреба льдом (Зензинов, 2001, с.75), стоит принять с оглядкой на их причинную сторону. В этом отношении ему вторит А.Г. Чикачев, который пишет о «кислой» пище очень скромно, но приводит авторитетные свидетельства о том, что ферментированная пища полезна для человеческого организма (Чикачев, 1990, сс. 87, 91; Чикачев, 2007, с. 47). При этом он подчеркивает, что температура в погребе летом не превышала двух градусов ниже нуля (Чикачев, 2007, с. 46), то есть рыба там не могла прокиснуть. Привлекательность и ценность «кислой» пищи показана тем же В.М. Зензиновым в истории о том, как ему на Пасху от русскоустыинского старосты был прислан пирог из настоящей муки (редкостный и дорогой продукт) с тухлой рыбой в качестве начинки (Зензинов, 2001, с. 74). На фоне современной жизни было неожиданностью узнать, что «кислая» пища вышла из употребления русскоустыинцев только в конце 1990-х (Н.П. Киселева – ПМА).

«Культурная» еда отличается более сложной технологией приготовления, добавлением специфических маркеров вкуса, как, например, растительные приправы. Сложная технология приготовления требует оседлого образа жизни, поэтому среди своих кочевых соседей русские старожилы ярко выделялись своей кухней. Вопрос о растительных компонентах старожильческой кухни каждый из описателей решает самостоятельно: А.Л. Биркенгоф считает, что растения отсутствовали полностью (Биркенгоф, 1972, с.67). В.М. Зензинов пишет о детском лакомстве в виде жареного в рыбьем жиру щавеля, а также вареной и толченой макарши, добавляемой в блины, барабаны и кавардак. Сюда еще также относились в конце XIX в. заменители чая – обжаренные бордогон, шкили, брусничный лист (Зензинов, 2001, с. 71–73). В моем опросном материале добавились еще две кулинарные травы: горлянка и «черные коренья» (М.Г. Шелоховская – ПМА).

В самом позднем этнографическом источнике (Чикачев, 1990, 2007) появляется ягода – морошка и голубика, которые заготавливали впрок. Появление ягоды в рационе русскоустыинцев можно связать с глобальным потеплением. Как объясняли старожилы, морошка и раньше была им известна, но тогда она произрастала на небольших участках, весьма далеких от человеческого жилья, заниматься ее сбором просто не было времени (ПМА), поэтому о ней ни В.М. Зензинов, ни А.Л. Биркегоф не сообщают, в настоящее время к ним еще прибавились брусника и красная смородина (ПМА).

Характерной чертой кухни русскоустыинских старожилков было сохранение мучных блюд при общем отсутствии муки и хлебных печей, вероятно, до середины XX в. Прекрасным заменителем рыбной муки оказалась молотая в порошок юкола, сушеная или мороженая рыба икра, однако несмотря на наличие глины, в этой традиции оказалось возможным выпекать различные «мучные» изделия только на сковородке – как блины и оладьи, в качестве масла использовался рыбий и нерпичий (ПМА) жир (тельно, барабаны, переженники). Обзор традиционной кухни народов центральной и северной Сибири показывает, что жарка для нее нехарактерна, вероятно, по причине вредности этой технологии. Поэтому переход русских индигирщиков с духовки (в поморском прошлом) на сковородку можно рассматривать как неизбежное технологическое ухудшение. Но благодаря ему сохранилось удивительное разнообразие русской старинной кухни. В этом отношении интересен культурный опыт обских угров и соседних с ними селькупов – подобно индигирским старожилкам, занимавшимся рыболовством и живущих оседло, но в лесу: эти народы сами пекут хлеб из покупной муки в специальных печах из плетеных прутьев и глины, стоящих во дворе, внешне и конструктивно очень простых (ПМА1990-94), но эта технология, равно как и камелек (чувал) в сибирском жилище (в том числе и русскоустыинском) – южного происхождения, вероятно, татарского. Хлебные печки – черта культуры обских угров и селькупов, дальше на восток они не распространяются.

Верования.

В отличие от материальной культуры, которая трансформировалась у русскоустыинцев к настоящему времени по общему стандарту – даже не столько северному, сколько глобальному, а также фольклора, который стал концертным средством презентации традиционной культуры перед инокультурной аудиторией, эта область будет суще-

ствовать до тех пор, пока человек живет и трудится с риском для жизни в местных неприветливых и опасных природных условиях.

Некоторые стороны традиционной внутренней жизни русскоустыинцев, также как и их соседей, вероятно, ушли навсегда. К ним относится шаманство. По поводу шаманства у обитателей Русского Устья существуют разные мнения. В.М. Зензинов сообщает о якутских, юкагирских и чукотских шаманах, но не пишет, что ими могли быть местные русские (Зензинов, 2001, с. 108). А.Л. Биркенгоф пишет о том, что среди русскоустыинцев тоже были настоящие шаманы и шаманки, имевшие специальную шаманскую одежду (Биркенгоф, 1972, с. 68) и приличную репутацию (там же, с. 155). А.Г. Чихачев пишет наоборот – что две попытки русских старожилов в начале XX в. освоить шаманскую квалификацию вызвали однозначно ироническое отношение своего окружения, поскольку шаманство считалось компетенцией аборигенной культуры (Чихачев, 2007, с. 91). По моим материалам, шаманство у русскоустыинцев реально было, и оно имело реально заимствованные формы, включающие становление шамана (или т. наз. «шаманскую болезнь»). Для ее излечения было необходимо шаманское посвящение от опытного шамана, которого в таких случаях искали у аборигенных соседей. Характерный признак этой болезни – периодическое беспамятство, во время которого большой начинает говорить на местных языках. Такой шаманкой стала Мария Николаевна Чихачева, сестра отца Юлии Гавриловны Кузьмичевой. В ее излечении и посвящении участвовало несколько аборигенных шаманов. В свое время она успешно излечила своего брата от болезни желудка: для этого она разрешила деревянным ножом ему живот и сбросила оттуда в таз несколько горстей черной крови (Ю.Г. Кузьмичева – ПМА). Такой шаманский вид лечения – чрезвычайно древний и универсальный: он отмечен и у чукчей (Богораз, 1939, с. 127), и у филиппинских хилеров, в нем отсутствуют какие-либо специфические стороны конкретной этнической культуры.

У русскоустыинцев отмечено необычное для русской культуры представление о том, что новорожденный может оказаться раннее умершим родственником, вернувшимся «с того света». Для этого есть специальный термин «прийти ояви» (Чихачев, 1990, с. 128). Судя по наличию специального термина, в представлениях русскоустыинцев такая реинкарнация – явление необязательное и потому заимствованное, поскольку в традиционной культуре взаимоотношения с

Миром мертвых, как правило, выстраиваются однозначно. У соседей индигирских старожилков это представление существует лишь среди юкагиров, у ламутов (эвенков) и якутов оно отсутствует. Специальных гаданий над новорожденным по этому поводу у русскоустыинцев нет, в то время как у юкагиров они имеются. Особой чертой юкагирского шаманства были камлания по поводу женского бесплодия и частых выкидышей, из-за которых шаман отправлялся в Мир мертвых, чтобы выяснить причины этих несчастий и их исправить. При этом шаман брал оттуда души будущих младенцев (Иохельсон, 2005, сс. 232-233). В моем полевом материале такое двойное последовательное перерождение касалось русскоустыинской шаманки Марии Николаевны Чикачевой, которая объявила о нем во сне своему брату – отцу девочки, родившейся после ее смерти и умершей в раннем возрасте – с обещанием родиться вновь в скором времени (Ю.Г. Кузьмичева – ПМА).

Последние десятилетия на территории России в различных этнических группах происходит активное возрождение традиционных элементов духовной культуры. Такое возрождение может иметь весьма наивные «самодеятельные» формы, может наоборот отличаться сильной модернизацией. В пос. Чокурдах небольшая группа русскоустыинских старожилков во главе с Ю.Г. Кузьмичевой перед нашим отправлением в Русское Устье проводила «кормление» реки Индигирки: вслед за импровизированным обращением с благодарением и просьбами – в реку бросались кусочки еды, конфеты, цветные ленты (ПМА). Нечто подобное мне описывали верхнеколымские юкагиры, когда в 1999 г. я расшифровывал традиционные песни, посвященные реке Колыме, там этот обряд вместе с такими песнями проводился с первым выездом на реку после весеннего ледохода (ПМА-1999), (Игнатьева, 2005, с. 113–116). Для русской (европейской) традиционной культуры такое почитание реки нехарактерно. У юкагиров же оно естественно, поскольку их изначальное расселение и культура были тесно связаны с речными пространствами, а основными способами жизнеобеспечения являлись рыболовство и добыча дикого оленя на переправах («плавежах»), чукотское обозначение юкагиров описательного характера: веемылыт – «речные люди» (Богораз, 2011, с. 8).

В записках В.М. Зензинова передана с откровенным восхищением встреча с охотником, убившим белого медведя (Зензинов, 2001, с.284), А.Г. Чикачев описывает приемы охоты на него (Чикачев, 2007, с. 36). В противовес этой достоверной информации я записал воззрение о почи-

тании медведя («священный» зверь) и поэтому – о запрете его промысла. В противном случае риску подвергается семья охотника, которой начинают угрожать родичи убитого медведя (М.Г. Шелоховская – ПМА). Это представление явно местного, неякутского, автохтонного происхождения (может быть ламутского, но скорее всего юкагирского). В доказательство его инородности по отношению к русским старожилам служит его частичное, а не повсеместное распространение, поскольку во времена В.М. Зензинова изолированность быта русскоустыинцев обеспечивала сохранность традиционных воззрений, среди которых подобный запрет должен быть для всех обязательным.

Особый комплекс представлений и навыков, отличающий русскоустыинцев в глазах других полярных старожил (походчан и марковцев) – это магическое умение управлять погодой. В этом комплексе А.Г. Чихачевым отмечено использование такого известного эпического памятника как «Садко» – в качестве заклинательного текста (Чихачев, 2007, с.102). В моем полевом материале к «Садко» добавляется в этой же роли историческая песня «Скопин скакал...» (Н.П. Киселева – ПМА). Оба песенных текста связаны с дорогой, поэтому здесь нет смыслового противоречия, необычно же то, что они изначально имели «светское» предназначение.

Язык.

Среди слов, характерных для русскоустыинского диалекта, есть междометие «илуга», которое обозначает выражение зависти (Чихачев, 1990, с.149). В 1999 г. у верхнеколымских юкагиров я расшифровывал записи традиционных песен, собранных ранее в этих местах этномузыковедами. В некоторых песнях, имеющих личный импровизационный характер, часто повторялось слово «йолуга». Мой юкагирский информант и переводчик Л.Н. Дёмина охарактеризовала его как междометие, выражающее жалость, сожаление (в русских народных песнях оно похоже на «эх, жаль!») (ПМА-1999, Игнатьева, 2005, сс.67-69, 111, 113-116). Эти слова несомненно родственные, поскольку относятся к общему смысловому (семантическому) гнезду, тем более что оно касается выражения чувства и стало быть оказывается важным коммуникативным звеном в общении между разноязычными соседями.

Общие итоги экспедиционной работы.

На сегодняшний день группа русских старожил Индигирки и их потомков, существующая в пос. Русское Устье вместе с прилегающим к нему районом и пос. Чокурдах сохраняет свою самоидентифи-

кацию (то есть отличает себя как от прочего местного, так и русского приезжего населения), в пос. Чокурдах они заявляют о себе как выходцах из Русского Устья. Они, как правило, гордятся своей историей и происхождением.

Как особая этнографическая группа русскоустыинцы еще в советское время утратили свою территориальную изолированность, а в современный период, наступивший после перестройки, под влиянием новых экономических условий неизбежно утратили многие навыки традиционного хозяйства. При этом они небезуспешно освоились в современной и особенно трудной для жителей российского Севера экономической ситуации, воспользовавшись таким базовым навыком своей традиционной культуры как рыболовство. Несколько человек из их среды в настоящее время существуют в качестве частных предпринимателей. Несмотря на относительное благополучие на общем фоне жителей Аллаиховского улуса отток из этих мест населения, в том числе и русскоустыинцев, превышает возвращение. Поэтому поддержка государства в виде определенных льгот и дотаций актуальна.

Сокращения

ПМА – полевые материалы автора из экспедиции 2013 г. к русскоустыинским старожилам.

ПМА 1990–1994 – полевые материалы автора из экспедиций 1990-1994 гг. к обским уграм (сургутским хантам).

ПМА 1999 – полевые материалы автора из экспедиции 1999 г. к верхнеколымским юкагирам.

Литература

Богораз, 1939 – Богораз В.Г. Чукчи. Религия. Л., 1939.

Богораз, 1991 – Богораз В.Г. Материальная культура чукчей. М., 1991.

Гурвич, 1966 – Гурвич И.С. Этническая история северо-востока Сибири. М., 1966.

Зензинов, 1916 – Зензинов В. По гуси. // Ежемесячный журнал, издаваемый Миролюбовым. СПб, 1916, №7-8.

Зензинов, 2001 – Зензинов В.И. Старинные люди у холодного океана. Якутск, 2001.

Игнатьева, 2005 – Игнатьева Т.И. Музыкальный фольклор юкагиров. // Фольклор юкагиров. Новосибирск, 2005.

Иохельсон, 1997 – Иохельсон В.И. Коряки. СПб., 1997.

Иохельсон, 2005 – Иохельсон В.И. Юкагиры и юкагиризованные тунгусы. Новосибирск, 2005.

Крейнович, 1972 – Крейнович Е. А. Из жизни тундренных юкагиров на рубеже XIX-XX вв. // Страны и народы Востока. М., 1972, вып. 13, с. 56-92.

Левин, 1946 – Левин М.Г. О происхождении упряжного собаководства. // Советская этнография, М.-Л., 1946, с.75-106.

- Попов, 1948 – Попов А.А. Нганасаны. М.-Л., 1948.
Чикачев, 1990 – Чикачев А.Г. Русские на Индигирке. М., 1990.
Чикачев, 2007 – Чикачев А.Г. Русские в Арктике. Новосибирск, 2007.
Этнографические материалы, 1978 – Этнографические материалы Северо-Восточной географической экспедиции (1785–1795 гг.), Магадан, 1978.
Юкагиры, 1975 – Юкагиры (историко-этнографический очерк). Новосибирск, 1975.

УДК 572(=161.1)(571.56)

Г.А. Аксянова

Русские старожилы р. Индигирки и р. Колымы: антропологический феномен²²

Аннотация. Впервые публикуются результаты антропологического обследования русских старожилых Сибири в низовьях р. Индигирки и р. Колымы. Летом 2013–2014 гг. нами обследовано взрослые и дети п. Чокурдах, с. Русское Устье Аллаиховского улуса (района), п. Черский, с. Походск Нижнеколымского улуса (района) арктического побережья Республики Саха (Якутия). Приведены данные опроса по этнической генеалогии выборки, материалы по ее фамильному и расовому составу.

На карте антропологических типов Сибири русские арктические старожилы представляют эндемичный морфологический вариант группы смешанного происхождения. В его основе европейский комплекс внешности при определенной мозаичности (противоречивости) черт из-за проявлений азиатской монголоидной тенденции. В целом по данным физической антропологии современная выборка русских арктических старожилых Якутии ближе всего к северным коми и русским, а также к национально-смешанным группам европейско-азиатского пограничья.

Ключевые слова: русские старожилы, Якутия, Русское Устье, Походск, физическая антропология, этническая идентичность, фамилии, физический тип популяции, метисация.

²² Статья подготовлена в рамках исполнения ГЦП «Лингвокультурологическая экспедиция в пос. Походск Нижнеколымского улуса (района) Республики Саха (Якутия), пос. Русское Устье Аллаиховского улуса (района) Республики Саха (Якутия)» контракта № 198 от 3 сентября 2013 г.

²² This article was prepared in the project of implementation of STP“Linguistic and cultural expedition in the village Pokhodsk of the Nizhnekolymskyulus (district)of the Republic of Sakha (Yakutia), the village RusskoyeUstyeAllaikhovskiyulus (district) of the Republic of Sakha (Yakutia)” of the contract No. 198 dated September 3, 2013/.

Russian Old-Timers of the Indigirka and Kolyma Rivers: Anthropological Phenomenon

Abstract. For the first time published the results of an anthropological survey of Russian old-timers in Siberia in the lower Indigirka and Kolyma Rivers. In the summer of 2013–2014 we examined adults and children of the Chokurdakhvillage, settle RusskoyeUstye of the Allaikhovsky ulus (district), Cherskyvillage, settle Pokhodsk of the Nizhnekolymsky ulus (district) of the Arctic coast of the Republic of Sakha (Yakutia). The survey data are presented on the ethnic genealogy of the sample, materials on its family and racial composition.

On the map of anthropological types of Siberia, Russian Arctic old-timers represent an endemic morphological variant of a group of mixed origin. It is based on the European complex of appearance, with a certain mosaic (inconsistency) of features because of the manifestations of the Asian Mongoloid tendency. In general, according to physical anthropology, the modern sample of Russian Arctic old-timers in Yakutia is closest to the Northern Komi and Russians, as well as to the mixed national groups of the Euro-Asian borderland.

Keywords: Russian old-timers, Yakutia, Russian Estuary, Pokhodsk, physical anthropology, ethnic identity, surnames, physical type of population, crossbreeding

Межгрупповое антропологическое разнообразие современного человечества базируется на универсальной способности популяций *Homo sapiens* к культурной и биологической адаптации. Однако его причины обусловлены в значительной степени историей генетических контактов между культурными и языковыми общностями разных эпох.

У всех аборигенных народов, традиционно расселенных в районах восточнее р. Енисей, описаны монголоидные варианты, которые представляют одну из двух расовых общностей (рас) – североазиатскую или арктическую. Это разные ветви генетического развития популяций в составе азиатских монголоидов – континентальная и тихоокеанская. Они часто объединяются общим названием «сибирские монголоиды». Очевидно, что представители восточных (североазиатских монголоидных) морфологических вариантов более адаптивны к высоким широтам, чем представители западных (европейских/ европеоидных) вариантов.

Самая полиэтничная и географически обширная за Уралом – это байкальская группа типов (или раса) в составе североазиатской общности (малой расы). В нее включаются характеристики, которые отмечены у тунгусоязычных народов (эвенки, эвены, народы Амура и Сахалина), у северосамодийских народов (нганасаны, энцы), у тюркоязычных тофаларов и тувинцев-тоджинцев, а также у юкагиров и нивхов, чьи языки не имеют в настоящее время близких аналогий. Антропологически наиболее близкими к юкагирам являются эвены. Юкагиров, по мнению М.Г. Левина (1958, 1960) и И.М. Золотаревой (1962, 1968, 1975), характеризует относительно нейтральный комплекс байкальского круга антропологических форм, который предположительно связан с древним палеосибирским населением междуречья Енисея и Лены.

И.М. Золотарева в 1959 г. принимала участие в антропологической экспедиции на р. Индигирке. Сделала фотографии основных антропологических типов.

У тюркоязычных долган преобладают черты центральноазиатской группы типов (расы) той же североазиатской общности, что роднит их прежде всего с якутами. Однако тенденция к сближению с эвенками, одной из прародительских групп этого народа, тоже ясно выражена. Антропологическими материалами подтверждается участие в сложении долган и европейского населения – русских затундренных крестьян (Золотарева, 1965).

Ко времени массового продвижения из Европы в Сибирь русского населения, формирования здесь оседлого старожильческого и староверческого населения, наиболее многочисленной этнической груп-

пой в бассейне Лены стали якуты. В антропологическом отношении этот широко расселившийся народ сохраняет единство расовых среднегрупповых особенностей, таксономически определяемых как особый ангаро-ленский вариант центральноазиатского типа.

Для всех народов Севера и Сибири на протяжении их истории характерно межэтническое и, как следствие, антропологическое смешение. Этот глобальный процесс неравномерно идущий в разных частях человеческой ойкумены, приводит к изменению географии антропологических типов, к уменьшению расового разнообразия, к формированию новых устойчивых во времени комплексов черт, к изменению внешнего облика населения отдельных этнотерриториальных групп и целых регионов, даже к формированию новых этнических общностей (Левин, 1961). Такой вариант исторического развития иллюстрируют такие молодые этносы смешанного происхождения как долганы, чуванцы, камчадалы, а также некоторые новые этнографические группы в составе существовавших уже народов (колвинские ненцы, вадеевские нганасаны, абаканские шорцы, ляпинско-сосьвинские манси и ваховские ханты, северные селькупы).

Интенсивность и диапазон межрасового смешения среди представителей народов Севера и Сибири существенно возросли в XX столетии в связи с массовыми миграциями в районы их компактного проживания русскоязычного населения, отсутствием географических и социальных барьеров для межэтнических брачных контактов, политикой переселения аборигенов в поселки с многонациональным составом жителей, ослаблением действия норм традиционных брачных связей, а также по демографическим и психологическим причинам. Потомков национально-смешанных браков нетрудно встретить в любом из контактирующих этносов, особенно среди жителей городов и крупных поселков.

В азиатской части страны сложились территориальные группы русского старожильческого населения с заметной долей аборигенной примеси (Индигирка, Колыма, Камчатка, Забайкалье). С биологической точки зрения процесс взаимного проникновения генофондов является позитивным для обеих сторон. Однако антропологические результаты этого процесса гораздо более ощутимы для малочисленных популяций. Некоторые аборигенные группы, сохраняя свой этноним, буквально на глазах, в течение 2-3-х поколений, «меняют свое лицо». Это необратимое явление, впрочем, не означает

ухода с исторической арены самой этнической группы как реальной социальной общности.

Русское старожильческое население Сибири впервые вошло в круг научных интересов исследователей на рубеже XIX-XX вв. при изучении коренного населения Якутии (Геккер, 1896; Майнов, 1900, 1912). В 1920-е гг. в ходе масштабной антропологической работы на Алтае обследованы также русские и русско-алтайские потомки (Ярхо, 1947), в 1940-е камчадалы и русские старожилы Камчатки (Дебец, 1951). Позднее эти группы были изучены по новым антропологическим методикам (И.В. Перевозчиков и др.). Дважды обследованы потомки старожильческого и староверческого населения в Забайкалье (И.М. Золотарева, В.В. Бунак). Целенаправленное и широкое изучение сибирских русских проведено сотрудниками Института этнографии АН СССР в 1960-е гг., что нашло отражение в ряде серьезных научных публикаций В.В. Бунака, Г.М. Давыдовой, В.П. Алексеева с соавторами. Тогда были изучены по нескольким методическим программам старожильческие группы на Алтае, Енисее и Ангаре, в Забайкалье, на Олёкме и Индигирке. Наиболее полная публикация этих материалов представлена в хорошо известной специалистам книге «Русские старожилы Сибири» (1973). Небольшой раздел здесь посвящен и русскоустыинцам, кратко рассмотренным как «метисы индигирские». Сравнение этой выборки с енисейскими русскими, якутами и ламутами/эвенами показало значительное приближение к сибирским народам, особенно к якутам.

Задача исследования: получить антропологическую характеристику потомков русских старожилых Заполярья в Якутии – русскоустыинцев.

Объект исследования: антропологический состав популяций русских старожилых северных районов Якутии.

Предмет исследования: взрослое и детское постоянное население нижнего течения Индигирки.

Методы исследования: расовая морфология (соматология), одонтология, отдельные биологические маркеры, антропологические фото. Вариационная статистика, графический анализ.

Эмпирическая база:

По постоянному населению Аллаиховского улуса Респ. Саха (Якутия), пгт. Чокурдах и с.Русское Устье, июль-август 2013 г. N=215 чел., полевые материалы автора.

Взрослые 17-65 лет – потомки русских старожилых Индигирки (русскоустыинцев): 57 мужчин и 44 женщины;

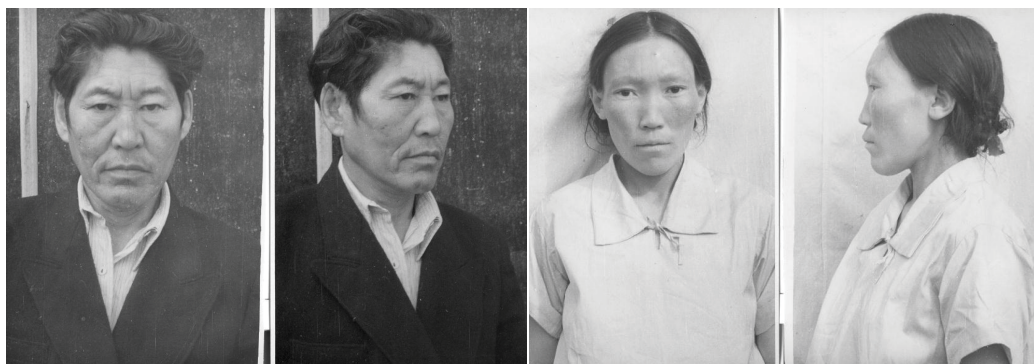
Дети 7-17 лет, оба пола: этнические русские, якуты, эвены, юкагиры, в том числе потомки национально-смешанных браков: 101 чел. в Аллаихе и 14 чел. из других арктических р-нов РС (Я).

Начало антропологического изучения сибирских народов относится к концу XIX в. Тогда же получены первые сведения по «русским якутянам» на Амге (Н.Л. Геккер, обработано И.И. Майновым).

Основная часть материалов получена в советский период, начиная с 1945г. – с монографического исследования Г.Ф. Дебеца на северо-востоке страны. В 1959 г. И.М. Золотарева работала в составе комплексной Юкагирской экспедиции на Колыме и Индигирке. Фотографии из ее архива показывают представителей разных народов региона.

Юкагиры (Нижняя Колыма). Снимки И.М. Золотаревой.

Якуты (Нижняя Колыма и Индигирка), снимки И.М. Золотаревой

Среди аборигенного населения Сибири выделено несколько различающихся групп антропологических типов (рас): байкальская, центральноазиатская, арктическая, уральская, южносибирская.

Чукчи (Нижняя Колыма) снимки И.М. Золотаревой

Нганасаны (п-ов Таймыр) снимки Г.А. Аксяновой

На примере русских старожилов обсуждалась проблема метисации европеоидных и монголоидных расовых типов. Г.М. Давыдова отметила признаки смешения с соседними аборигенными народами (кроме старообрядцев), увеличение размеров лица, невозможность сблизить только с одной группой русских Восточной Европы.

Главное направление расогенетического процесса – ослабление аборигенной примеси вследствие современных миграционных процессов.

В Русском Устье и соседних поселках экспедиция п/р В.П. Алексеева работала летом 1967 г. По характеристикам внешнего облика и системам групп крови (ABO, MN, Rh) русские Индигирки («метисы индигирские») отличаются от северной енисейской группы старожилков, отклоняясь в сторону сибирских народов, главным образом, якутов.

В результате проведенного нами антропологического обследования потомков старожильческого населения на Индигирке были получены следующие материалы: выборки мужчин (57 чел.) и женщин (44 чел.) по классической расоведческой программе описания физической внешности (длина тела, размеры головы и лица, пигментация, детали строения мягких частей лица). Большинство обследованных сфотографировано в соответствии с методом антропологического портрета.

Эти полевые материалы в настоящее время полностью статистически обработаны, к ним подобраны необходимые сравнительные данные по литературным источникам (якуты, юкагиры, русские и коми группы, национально-смешанные выборки – см. табл. 1-3). Мужская выборка просчитана по двум подгруппам в зависимости от наличия или отсутствия у индивида нерусской примеси. Установлены доли каждого антропологически значимого компонента на основе генеалогий при анкетировании. В суммарной мужской выборке доля русского этнического компонента составила 77% генофонда (в т.ч. 63% собственно русскоустыинского), другого европейского компонента 6,5% (предки украинцы, белорусы, поляки и др.). Доля азиатского монголоидного компонента суммарно составила примерно 15%, из них 11% якутского, ок. 3% юкагирского. Источником азиатского монголоидного компонента являются матери обследованных лиц (28%).

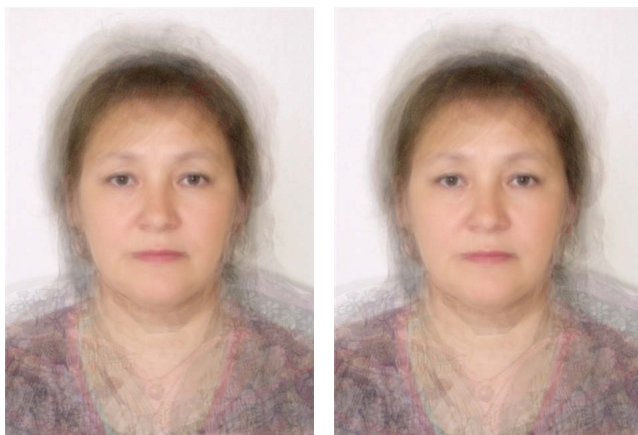
Обобщенные портреты потомков русскоустыинцев (ПМА_2013 г.); портреты выполнил А.М. Маурер (МГУ).

Мужчины: Русские 23 чел. (без указанной инородной примеси);
Русские 28 чел. (есть в родословной представители других национальностей, в основном азиатских):

В женской выборке доля азиатского компонента выше (24%), этнически русского (67%, в т.ч. собственно русскоустыинского примерно 54%).

Обобщенные портреты потомков русскоустыинцев (ПМА_2013 г.); портреты выполнил А.М. Маурер (МГУ)

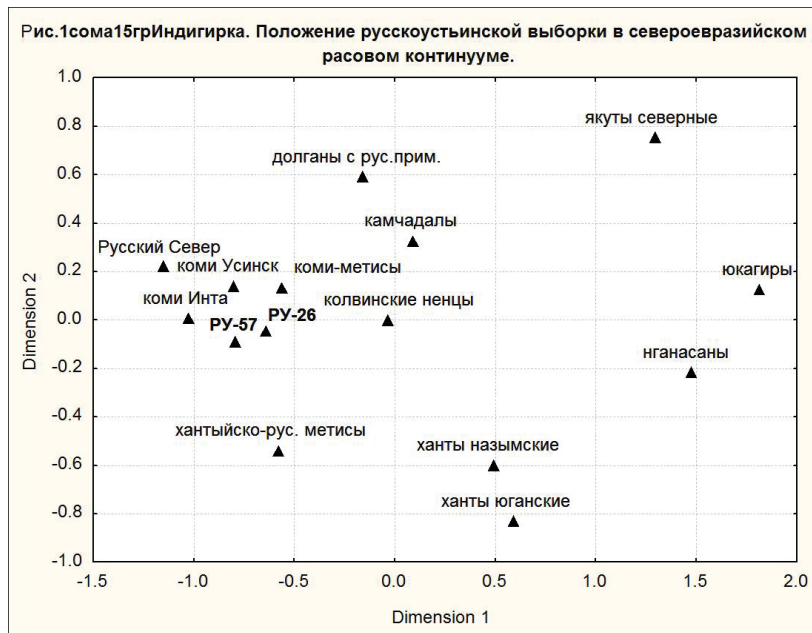
Женщины: Русские 12 чел. (без указанной инородной примеси);
Русские 24 чел. (есть в родословной представители других национальностей, в основном азиатских).

Кроме этой основной методики, проведен анализ полового диморфизма по расовым маркерам, фамильного состава мужской и женской выборки. У мужчин наиболее распространенными в выборке фамилиями являются Киселёв, Чикачёв, Портнягин, (по 14-16% выборки), у женщин по девичьим фамилиям – Киселёва, Портнягина, Черёмкина (9-20%). Абсолютное большинство обследованных взрослых лиц при анкетировании на открытые вопросы о национальности идентифицировали себя как «русский/русская», в качестве родного назвали русский язык.

По расовой комплексной характеристике проанализированная выборка мужчин может оцениваться как смешанная с безусловным преобладанием европеоидного компонента, близкая по суммарной оценке, по-видимому, к некоторым группам северных русских и северных коми (ижемцев). Последние также имеют монголоидную примесь через этнически ненецкие включения. В то же время у русскоустыинцев и их потомков отмечены исключительные для такого уровня смешения признаки монголоидности, возможно связанные с повышенным чис-

лом близких родственников в выборке (очень слабое развитие бороды, достаточно высокая частота монгольской складки века «эпикантуса»).

Аналогичная оценка получена по таким отдельным генетическим маркерам как тип ушной серы – значительное сходство с выборкой северных коми с известной ненецкой примесью.

Группа отдельных биологических маркеров у мужчин

Таблица 1.

**Антропологическая характеристика физической внешности
русских старожилков Индигирки (группа русскоустыинцы)
(Аллаиховский улус Респ. Саха (Якутия)_2013 г.;
расовая морфологическая программа)**

Прочерк означает нулевое значение признака

Признак		Русские /без зарегистриро- ванной примеси/	Русские /национально- смешанные/ *	Русские /суммарно/ *	Русские /суммарно/ *
Исследователь – Г.А. Аксянова		мужчины	мужчины	мужчины	женщины
Численность выборки		26	31	57	44
Возраст, %:					
I 18-24 года		11,5	29,1	21,1	4,5
II 25-39 лет		42,3	41,9	42,1	40,9
III 40-х лет		46,2	29,0	36,8	54,0
Средний возраст, лет		38,1	34,9	36,4	41,0
Длина тела, см	X	168,7	169,8	169,3	156,9
	S	6,7	7,7	7,2	6,4
Продольный диаметр головы, мм	X	196,9	196,5	196,7	184,3
	S	7,4	6,8	7,0	5,8
Поперечный диаметр головы, мм	X	154,2	155,0	154,6	149,3
	S	5,3	5,5	5,3	4,0
Наименьшая ширина лба, мм	X	111,5	110,4	110,9	108,2
	S	3,6	4,6	4,2	4,6
Скуловой диаметр, мм	X	143,7	143,3	143,5	137,1
	S	6,0	5,3	5,6	4,7
Нижнечелюстной диаметр, мм	X	108,7	110,5	109,6	104,2
	S	4,8	5,1	5,0	3,6
Физиономическая высота лица, мм	X	196,3	196,8	196,6	185,3
	S	9,7	7,2	8,4	7,9
Разность: продольный диам. – физ. высота лица, мм		+ 0,3	- 0,3	+ 0,1	- 1,0
Морфологическая высота лица (от нижнего края бровей), мм	X	127,4	130,5	129,1	122,4
	S	6,3	5,0	5,8	6,6
Высота лба, мм		68,9	66,3	67,5	62,9
Высота носа (от нижнего края бровей), мм	X	58,2	59,9	59,1	57,3
	S	3,4	3,4	3,4	3,2
Высота носа (от переносья), мм	X	52,7	52,9	52,8	48,9
	S	2,9	3,2	3,1	2,9
Нособровное расстояние, мм		5,5	7,0	6,3	8,4
Ширина носа, мм	X	37,7	37,1	37,4	33,8
	S	3,1	2,4	2,7	2,3
Ширина рта, мм	X	53,2	53,8	53,5	49,8
	S	4,4	3,9	4,1	3,4
Высота верхней губы, мм	X	17,6	17,5	17,6	16,7
	S	2,3	2,0	2,1	2,0
«Толщина» обеих губ, мм	X	15,6	17,6	16,7	15,3
	S	3,0	3,4	3,3	2,3

Признак		Русские /без зарегистриро- ванной примеси/	Русские /национально- смешанные/ *	Русские /суммарно/ *	Русские /суммарно/ *
Длина крыла носа, мм	X	33,5	32,8	33,1	30,0
	S	2,3	2,2	2,3	1,8
Выступание кончика носа, мм		14,7	14,2	14,4	13,1
Модули, мм					
– головы		175,6	175,8	175,7	166,8
– лица (физиономич.)		170,0	170,1	170,1	161,2
– лица (морфол. от бровей)		135,6	136,9	136,3	129,8
– лица (морфол. от переносья)		132,8	133,4	133,2	125,6
– носа (от бровей)		48,0	48,5	48,3	45,6
– носа (от переносья)		45,2	45,0	45,1	41,4
Указатели, %					
– головной		78,3	78,9	78,6	81,0
– челюстно-лобный		97,5	100,1	98,8	96,3
– лицевой физиономический		73,2	72,8	73,0	74,0
– лицевой морфологический от нижнего края бровей		88,7	91,0	90,0	89,3
	от переносья	84,8	86,2	85,6	83,2
– носовой от нижнего края бровей		64,8	61,9	63,3	59,0
	от переносья	71,5	70,1	70,8	69,1
– челюстно-скуловой		75,6	77,1	76,4	76,0
– носо-скуловой		26,2	25,9	26,1	24,7
– губо-лицевой		13,8	13,4	13,6	13,6
Волосной покров на груди (у лиц с 22 лет), %					
N		23	29	52	
1 — очень слабый		78,3	75,9	76,9	
2 — слабый		17,4	6,9	11,5	
3 — средний		–	10,3	5,8	
4 — сильный		4,3	6,9	5,8	
5 — очень сильный		–	–	–	
средний балл		1,30	1,48	1,41	
Рост бороды (с 22 лет), %					
N		23	29	52	
1 — очень слабый		53,9	69,0	59,6	
2 — слабый		26,9	6,9	17,3	
3 — средний		11,5	17,2	15,4	
4 — сильный		7,7	6,9	7,7	
5 — очень сильный		–	–	–	
средний балл		1,73	1,62	1,71	
Рост бровей, % (ширина)					
1 — слабый		–	6,5	3,5	27,3
2 — средний		53,8	54,8	54,4	54,5
3 — сильный		46,2	38,7	42,1	18,2
средний балл		2,46	2,32	2,39	1,91
Рост бровей (густота), %					
1 — слабая		7,7	9,7	8,8	38,6
2 — средняя		84,6	77,4	80,7	61,4

Признак	Русские /без зарегистриро- ванной примеси/	Русские /национально- смешанные/ *	Русские /суммарно/ *	Русские /суммарно/ *
3 — сильная	7,7	12,9	10,5	—
средний балл	2,00	2,03	2,02	1,61
Сращение бровей, %				
0 — отсутствует	61,6	54,8	57,9	
1 — слабое	34,6	29,1	31,6	
2 — среднее	3,8	16,1	10,5	
3 — сильное	—	—	—	
Средний балл	0,42	0,61	0,53	
Форма волос, %				
1 — тугие	7,7	6,5	7,0	9,0
2 — гладкие и плосковолнистые мягкие	73,2	74,1	73,7	77,3
2ж — то же, жесткие	11,5	6,5	8,8	11,4
3 — волнистые мягкие	3,8	9,7	7,0	—
3ж — волнистые жесткие	3,8	3,2	3,5	2,3
волнистые суммарно	7,6	12,9	10,5	2,3
жесткие суммарно (1, 2ж, 3ж)	23,0	16,2	19,3	22,7
Цвет волос, % (шкала Фишера-Заллера)				
N	26	31	57	44
Y — иссиня-черные	11,5	12,9	12,3	6,8
X — черно-каштановые	23,1	41,9	33,4	25,0
W — темнокаштановые	30,8	35,5	29,8	31,8
V — каштановые	23,1	6,5	14,0	18,2
U — каштановые с пепельным оттенком	7,7	6,5	7,0	6,8
T — темнорусые	3,8	3,2	3,5	2,3
S — темнорусые	—	—	—	6,8
R — темнорусые	—	—	—	—
Q — темнорусые	—	—	—	—
P — темнорусые	—	—	—	—
O, N, M — русые	—	—	—	—
L — F — светлорусые	—	—	—	—
E — A — белокурые	—	—	—	—
рыжие	—	—	—	—
балл 4 — черные (Y — U)	96,2	96,8	96,5	88,6
балл 3 — темнорусые (T — P)	3,8	3,2	3,5	9,1
балл 2 — русые (O, N, M)	—	—	—	—
балл 1 — светлорусые (L — F)	—	—	—	2,3
балл 0 — белокурые (E — A)	—	—	—	—
средний балл	3,96	3,97	3,97	3,86
Цвет глаз, % (шкала Бунака)				
№ 1 — черный	—	—	—	—
№ 2 — темнокарий	15,4	12,9	14,0	25,0
№ 3 — светлокарий	19,2	29,0	24,5	36,4
№ 4 — желтый	7,7	16,1	12,3	2,3
№ 5 — желто-буро-зеленый	7,8	16,1	12,3	9,0
№ 6 — зеленый	—	—	—	—

Признак	Русские /без зарегистриро- ванной примеси/	Русские /национально- смешанные/ *	Русские /суммарно/ *	Русские /суммарно/ *
№ 7 – серо-зеленый	11,5	–	5,3	11,4
№ 8 – серый с венчиком	23,1	9,7	15,8	11,4
№ 9 – серый	7,7	3,2	5,3	–
№ 10 – серо-голубой	3,8	3,2	3,5	4,5
№ 11 – голубой	3,8	9,7	7,0	–
№ 12 – синий	–	–	–	–
балл 2 – темные (№ 1-4)	42,3	58,1	50,8	63,7
балл 1 – смешанные (№ 5-8)	42,4	25,8	33,4	31,8
балл 0 – светлые (№ 9-12)	15,3	16,1	15,8	4,5
средний балл	1,27	1,42	1,35	1,59
Ширина глазной щели, %				
1 – малая	19,2	12,9	15,8	6,8
2 – средняя	80,8	80,6	80,7	77,3
3 – большая	–	6,5	3,5	15,9
средний балл	1,81	1,94	1,88	2,09
Наклон осей глазной щели, %				
1– наружный угол вниз	–	–	–	–
2– горизонтально	80,8	80,6	80,7	81,8
3– наружный угол вверх	19,2	19,4	19,3	18,2
средний балл	2,19	2,19	2,19	2,18
Эпикантус, %				
0 – отсутствует	80,8	80,6	80,7	68,2
1 – слабо развит	19,2	19,4	19,3	31,8
2 – средне развит	–	–	–	9,1
3 – сильно развит	–	–	–	–
% наличия	19,2	19,4	19,3	40,9
средний балл	0,19	0,19	0,19	0,50
Складка верхнего века, %				
проксимальный отдел «р»				
0 – отсутствует	30,8		28,1	6,8
1 – слабо развита	38,4		43,8	43,2
2 – средне развита	30,8		22,8	36,4
3 – сильно развита	–		5,3	13,6
средний балл	1,00		1,05	1,57
медиальный отдел «т»				
0 – отсутствует	7,7		7,0	4,6
1 – слабо развита	19,2		26,3	31,8
2 – средне развита	38,5		36,9	38,6
3 – сильно развита	34,6		29,8	25,0
средний балл	2,00		1,90	1,84
дистальный отдел «д»				
0 – отсутствует	7,7		8,8	6,8
1 – слабо развита	38,5		42,1	38,6
2 – средне развита	30,8		26,3	34,1
3 – сильно развита	23,0		22,8	20,5
средний балл	1,69		1,63	1,68

Признак	Русские /без зарегистриро- ванной примеси/	Русские /национально- смешанные/ *	Русские /суммарно/ *	Русские /суммарно/ *
средний балл «рmd»	1,56		1,53	1,70
Складка отсутствует на всем протяжении «abs»	7,7	6,5	7,0	4,6
Высота верхнего века				
1 — малая	30,8	38,7	35,1	6,8
2 — средняя	65,4	58,1	61,4	68,2
3 — большая	3,8	3,2	3,5	25,0
средний балл	1,73	1,65	1,68	2,18
Глубина глазного яблока				
1 — большая	15,4	6,5	10,5	—
2 — средняя	53,8	70,9	63,2	25,0
3 — малая	30,8	22,6	26,3	75,8
средний балл	2,15	2,16	2,16	2,76
Наклон лба, %				
1 — сильно наклонный	—	—	—	—
2 — средне наклонный	19,2	9,7	14,0	18,2
3 — слабо наклонный	80,8	90,3	86,0	81,8
средний балл	2,81	2,90	2,86	2,82
Развитие надбровья, %				
1 — слабое	46,2	58,1	52,6	97,7
2 — среднее	50,0	41,9	45,6	2,3
3 — сильное	3,8	—	1,8	—
средний балл	1,57	1,42	1,49	1,02
Горизонтальный профиль лица, %				
1 — плоский	—	3,2	1,8	20,4
2 — средний	15,4	22,6	19,3	36,4
3 — выступающий	84,6	74,2	78,9	43,2
средний балл	2,85	2,71	2,77	2,23
Выступление скул, %				
1 — слабое	88,5	100,0	94,7	56,8
2 — среднее	11,5	—	5,3	36,4
3 — сильное	—	—	—	6,8
средний балл	1,12	1,00	1,05	1,50
Выступление подбородка, %				
1 — убегающий и прямой	34,6 все прямые	25,8 все прямые	29,8 все прямые	9,1 все прямые
2 — средне выступающий	57,7	71,0	64,9	84,1
3 — сильно выступающий	7,7	3,2	5,3	6,8
средний балл	1,73	1,77	1,76	1,98
Форма мочки уха, %				
1 — треугольная	7,7	19,4	14,0	11,4
2 — округлая или квадратная	77,0	74,1	75,4	68,1
3 — язычковая	11,5	6,5	8,8	20,5
4 — оч. сильно отвисающая	3,8	—	1,8	—
средний балл	2,11	1,87	1,98	2,09
Высота переносья, %				

Признак	Русские /без зарегистриро- ванной примеси/	Русские /национально- смешанные/ *	Русские /суммарно/ *	Русские /суммарно/ *
1 — малая	3,8	9,7	7,0	31,8
2 — средняя	73,1	87,1	80,7	65,9
3 — большая	23,1	3,2	12,3	2,3
средний балл	2,19	1,94	2,05	1,71
Поперечный профиль спинки носа, %				
1 — плоский	—	—	—	2,3
2 — средний	30,8	29,0	29,8	45,5
3 — выступающий	69,2	71,0	70,2	52,2
средний балл	2,69	2,71	2,70	2,50
Профиль костной части спинки носа, %				
1 — вогнутый	—	—	1,8	4,5
2 — прямой	76,9	—	68,4	84,1
3 — выпуклый	23,1	—	29,8	11,4
средний балл	2,23	—	2,28	2,07
Профиль хрящевой части спинки носа, %				
1 — вогнутый	30,8	—	29,8	31,8
2 — прямой	69,2	—	70,2	68,2
3 — выпуклый	—	—	—	—
средний балл	1,69	—	1,70	1,68
Общий профиль спинки носа, %				
1 — вогнутый	19,2	22,6	21,1	31,8
2 — прямой	53,9	45,1	49,1	56,9
3 — выпуклый	11,5	12,9	12,3	2,3
4 — извилистый	15,4	19,4	17,5	9,0
Положение кончика носа, %				
1 — поднятое	19,2	—	17,5	47,7
2 — горизонтальное	69,3	—	77,2	50,0
3 — опущенное	11,5	—	5,3	2,3
средний балл	1,92	—	1,88	1,55
Положение основания носа, %				
1 — поднятое	38,5	—	35,1	45,5
2 — горизонтальное	61,5	—	61,4	54,5
3 — опущенное	—	—	3,5	—
средний балл	1,62	—	1,68	1,55
Выступление носовой перегородки, %				
1 — отсутствует	23,1	29,0	26,3	27,3
2 — слабое	42,2	48,4	47,4	59,0
3 — среднее	26,9	9,7	17,5	11,4
4 — сильное	3,8	12,9	8,8	2,3
средний балл	2,11	2,07	2,09	1,89
Наклон осей ноздрей, %				
1 — поперечный	23,1	—	22,8	18,2
2 — средний	57,7	—	57,9	59,1

Признак	Русские /без зарегистриро- ванной примеси/	Русские /национально- смешанные/ *	Русские /суммарно/ *	Русские /суммарно/ *
3 — сагиттальный	19,2		19,3	22,7
средний балл	1,96		1,97	2,05
Форма ноздрей, %				
1 — круглые	30,8	16,1	22,8	27,3
2 — треугольные	30,8	38,7	35,1	31,8
3 — овалыные	38,4	45,2	42,1	40,9
средний балл	2,08	2,29	2,19	2,14
Высота верхней губы, %				
1 — малая	3,8	—	1,8	2,3
2 — средняя	77,0	83,9	80,7	72,7
3 — большая	19,2	16,1	17,5	25,0
средний балл	2,15	2,16	2,16	2,23
Профиль верхней губы, %				
1 — прохейлия (выступает вперед)	23,1	6,5	14,0	34,1
2 — ортохейлия (вертикальная)	57,7	87,0	73,7	52,3
3 — опистохейлия (отступающая)	19,2	6,5	12,3	13,6
средний балл	1,96	2,00	1,98	1,80
«Толщина» верхней губы, %				
1 — малая	53,9	35,5	43,8	56,9
2 — средняя	42,3	45,1	43,9	38,6
3 — большая	3,8	19,4	12,3	4,5
4 — очень большая («вздутая»)	—	—	—	—
средний балл	1,50	1,84	1,68	1,48
«Толщина» нижней губы, %				
1 — малая	7,7	—	3,5	6,8
2 — средняя	65,4	48,4	56,1	79,6
3 — большая	26,9	51,6	40,4	13,6
4 — очень большая («вздутая»)	—	—	—	—
средний балл	2,19	2,52	2,37	2,07

ПРИМЕЧАНИЕ. * Выборки, отмеченные звездочкой, включают несколько человек с якутской самоидентификацией (1 муж. и 3 жен.), юкагирской (1 муж. и 2 жен.), татарской (1 муж.). Все они потомки национально-смешанных браков с русскоустьинским компонентом.

Таблица 2

Рустье. Сравнительные соматологические материалы по русским, якутам, юкагирам и другим народам Севера (мужские выборки)

Морфол. высота лица (от бр.), мм	129,1	138,2	134,6	134,8	130,4	130,6	128,9	130,0	128,4	129,6	130,7
Скуловой диам., мм	143,5	149,1	148,0	148,2	142,7	141,9	143,6	144,2	142,2	142,3	142,4
Лицевой указ. морф. (от бр.), %	90,0	92,7	90,9	90,9	91,4	92,0	89,8	90,2	90,3	91,1	91,9
Модуль лица (от бр.), мм	136,3	143,7	141,3	141,5	136,6	136,2	136,3	137,1	135,3	136,0	136,6
Ширина носа, мм	37,4	37,6	39,2	37,7	36,5	35,9	36,9	37,5	36,2	36,1	36,4

Носовой указатель (от бр.), %	63,3	54,7	59,8	57,2	63,5	62,3	62,8	63,1	61,4	61,1	59,4
Толщина обеих губ, мм	16,7	17,7	17,1	17,3	16,1	14,3	15,1	14,4	14,9	14,8	15,7
Черные волосы, % *	96,5	99,0	100,0	85,6	92,4	69,1	89,8	59,8	56,0	55,6	76,7
Рыжие волосы, %	0,0	0,0	0,0	0,0	1,3	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Цвет волос, ср. балл *	3,97	3,99	4,00	3,86	3,92	3,69	3,89	3,41	3,15	3,25	3,65
Цвет глаз, ср. балл	1,35	1,73	1,75	1,32	1,60	1,00	0,94	0,56	0,42	0,59	0,73
Рост бороды, ср. балл	1,71	1,45	1,05	1,33	2,31	2,67	2,42	2,94	3,23	3,29	1,95
Эпикантус % наличия	19,3	56,8	59,1	27,0	20,2	4,0	9,0	5,4	2,2	7,8	13,3
Мочка уха треугольная %	14,0	36,9	65,9	31,8	25,0	21,4	23,0	21,7	15,2	14,0	13,3
Горизонт-тальный профиль лица, ср. б.	2,77	1,31	1,11	1,68	1,40	1,98	2,38	2,69	2,71	2,56	2,36
Выступание скул, ср. балл.	1,05	2,15	2,32	2,00	2,09	1,86	1,28	1,14	1,03	1,14	1,24
Высота переносья, ср. балл.	2,05	1,29	1,09	1,68	1,88	2,34	1,92	2,15	2,33	2,19	1,93
Попереч. профиль спинки носа, ср. б.	2,70	2,24	1,98	2,55	2,12	2,64	2,42	2,65	2,77	2,78	2,42
Вогнутая спинка носа, %	21,0	12,3	34,1	9,1	15,6	6,0	31,3	24,4	16,7	12,9	20,9
Выпуклая спинка носа, %	12,3	23,3	2,3	22,7	10,0	11,0	4,0	8,9	14,4	11,3	11,6
Тугие волосы, %	7,0	55,4	63,3	9,5	32,4	11,5	8,9	1,1	0,0	6,2	4,4
Волнистые волосы, %	10,5	8,2	3,3	19,0	12,7	27,0	20,8	25,0	8,7	14,1	17,8
Проходимость, %	14,0	76,5	95,1	50,0	44,5	27,7	31,9	14,1	12,9	20,6	31,8

ПРИМЕЧАНИЕ. * Якуты представлены суммарной выборкой уроженцев Центральной Якутии, Индигирки и Колымы. Юкагиры – суммарная группа нижнего течения Индигирки и Колымы. // В источнике приведен не средний возраст выборки, а частоты трех возрастных когорт (Дебец, 1951. С. 123). Черные волосы: №№ 27, 4, 5 по шкале Фишера или №№ Y–U по шкале Фишера-Заллера. При расчете среднего балла цвета волос учтен % рыжих оттенков, который вычитался из % черных.

Таблица 3

РусУстье. Сравнительные соматологические материалы по русским группам европейского Севера (мужские выборки)

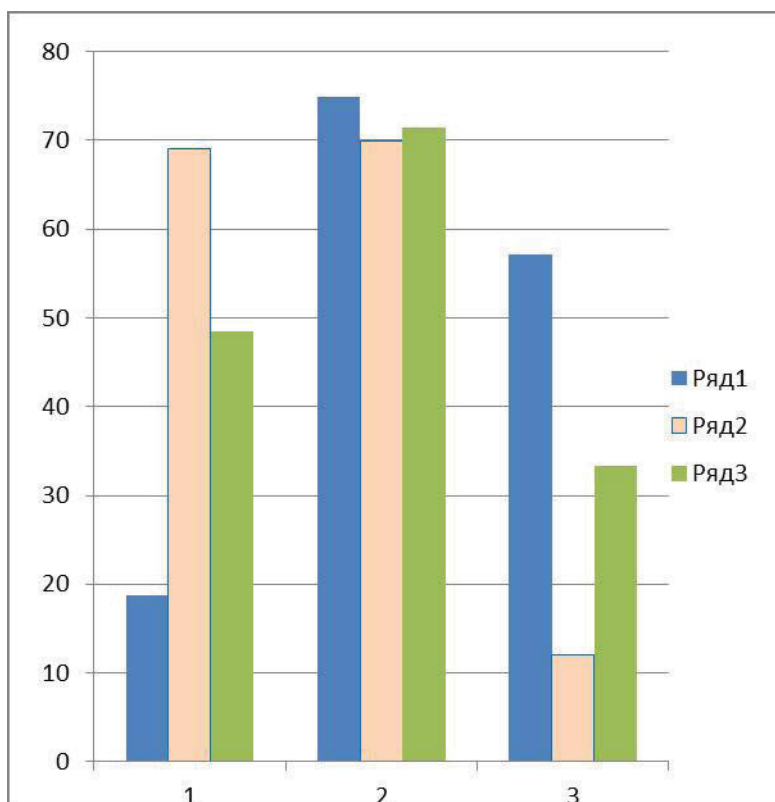
Признак	Русские Холмогоры Сев. Двина	Русские Емецк С. Двина	Русские Карголары - р. Пинега	Русские Карголары (Сура) - р. Пинега	Русские Мезень – р. Мезень	Русские Лешуконь – р. Мезень	Русские Нарьян-Мар – р. Пенора	Русские Усть-Цильма – р. Пенора	Русские Севера 8 групп	Русские вологодские, 3 группы
Исследователь	Витов, 1997	Витов, 1997	Витов, 1997	Витов, 1997	Витов, 1997	Витов, 1997	Витов, 1997	Витов, 1997	Витов, 1997	Zolotareva, 1993
Численность	108	101	94	94	102	100	89	97	785	271
Средний возраст, лет	35,5	38,1	35,3	36,9	37,8	38,3	38,3	36,6	37,1	33,5

Признак	Русские Холмогоры - Сев. Двина	Русские Емецк - С. Двина	Русские Карлогоры - р. Пинега	Русские Карлогоры (Сура) - р. Пинега	Русские Мезень - р. Мезень	Русские Лешуконь - р. Мезень	Русские Нарьян-Мар - р. Печора	Русские Усть-Цильма - р. Печора	Русские Севера 8 групп	Русские вологодские, 3 группы
Длина тела, см *	170,9	169,8	170,2	168,6	168,5	168,8	167,8	168,1	169,1	171,7
Продольный диам. головы, мм	191,8	192,0	188,9	188,0	190,7	189,6	192,0	187,3	190,0	189,0
Поперечный диам. головы, мм	153,4	155,8	155,5	154,8	153,3	154,8	150,5	152,9	153,9	156,2
Головной указатель, %	80,0	81,1	82,3	82,3	80,4	81,6	78,4	81,6	81,0	82,6
Модуль головы, мм	172,6	173,9	172,2	171,4	172,0	172,2	171,3	170,1	172,0	172,6
Наим. ширина лба, мм	107,9	107,8	108,2	107,2	105,1	105,6	105,1	104,6	106,4	106,7
Нижнечел. диам., мм	107,8	111,7	107,5	110,5	109,9	109,6	109,1	110,2	109,5	109,5
Челюстно-лобный ук., %	100,0	103,6	99,3	103,1	104,6	103,9	104,8	106,3	103,2	102,6
Морфол. высота лица (от бр.), мм	126,3	127,5	125,6	125,4	128,0	127,8	128,5	127,9	127,1	124,6
Скуловой диаметр, мм	139,3	140,6	140,4	139,6	139,7	140,4	139,9	140,8	140,1	141,7
Лицевой указ. морф. (от бр.), %	90,7	90,7	89,5	89,8	91,6	91,0	91,8	90,8	90,7	87,9
Модуль лица (от бр.), мм	132,8	134,1	133,0	132,5	133,9	134,1	134,2	134,4	133,6	133,2
Ширина носа, мм	34,8	35,5	34,3	34,6	36,3	36,5	36,8	35,6	35,6	35,7
Носовой указатель (от бр.), %	61,1	63,0	60,7	62,1	61,3	62,7	62,2	59,7	61,6	61,3
Толщина обеих губ, мм	17,0	15,2	16,0	15,7	16,1	15,6	16,4	15,8	16,0	15,1
Черные волосы, %	6,8	3,4	15,7	7,6	9,4	6,4	21,4	22,4	11,6	18,7
Рыжие волосы, %	1,0	1,1	0,0	3,3	0,0	3,2	0,0	0,0	1,1	1,2
Цвет волос, ср. балл	2,26	2,41	2,66	2,48	2,38	2,62	2,76	2,67	2,53	3,19

Признак	Русские Холмогоры - Сев. Двина	Русские Емецк - С. Двина	Русские Каргогоры - р. Пинега	Русские Каргогоры (Сура) - р. Пинега	Русские Мезень - р. Мезень	Русские Лешуконь - р. Мезень	Русские Нарьян-Мар - р. Печора	Русские Усть-Цильма - р. Печора	Русские Севера - 8 групп	Русские вологодские, 3 группы
Цвет глаз, ср. балл	0,50	0,43	0,81	0,61	0,53	0,57	0,75	0,44	0,58	0,48
Рост бороды, ср. балл	2,97	3,07	2,77	2,93	2,97	2,78	3,02	3,04	2,94	2,57
Эпикантус % наличия	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	3,7
Мочка уха треугольная%	10,8	10,8	11,1	21,0	9,6	8,7	4,1	8,8	10,6	14,4
Горизонтальный профиль лица, ср. б.	2,40	2,33	2,23	2,29	2,43	2,30	2,41	2,43	2,35	2,58
Выступание скул, ср. балл.	1,26	1,26	1,48	1,49	1,42	1,47	1,58	1,42	1,42	1,13
Высота переносья, ср. балл.	2,37	2,71	2,31	2,39	2,72	2,62	2,76	2,70	2,57	2,37
Попереч. профиль спинки носа, ср. б.	2,78	2,77	2,78	2,72	2,80	2,71	2,80	2,90	2,78	2,65
Вогнутая спинка носа, %	19,1	27,4	29,3	30,0	16,3	25,9	24,7	12,8	23,2	26,1
Выпуклая спинка носа, %	22,7	17,7	18,2	5,0	17,3	12,5	15,5	24,5	16,7	13,8
Тугие волосы, %	0,0	1,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,1	0,0
Волнистые волосы, %	31,5	30,3	22,8	20,2	26,3	20,8	52,2	27,3	28,9	21,0
Прошеяния, %	11,3	10,5	14,7	15,9	6,8	12,0	9,1	8,3	11,1	13,3

ПРИМЕЧАНИЕ. *Данные М.В. Витова с сотрудниками, которые получены в 1954-1956 г., увеличены по длине тела на 3 см.

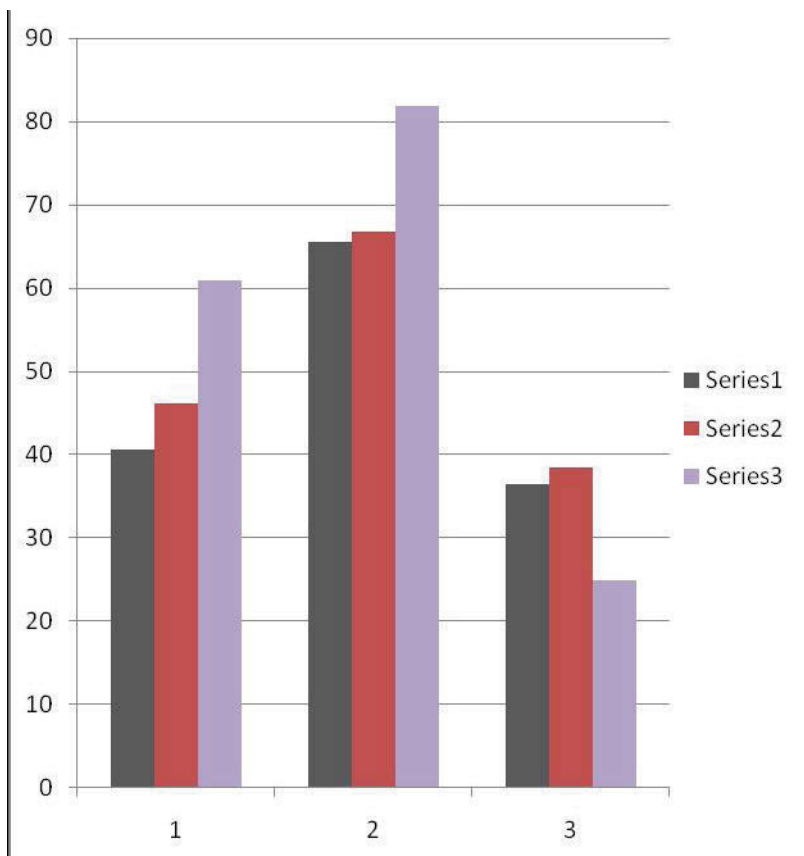
По зубной (одонтологической) программе обследовались местные дети школьного возраста (115 чел.), среди которых преобладают русско-сибирские метисы разного состава (из них 33 чел. русско-якутские). Материал не обрабатывался, но в целом нуждается в пополнении.

***1 и 2 - лопатообразность первого и второго верхнего резца,
3 - бугорок Карабелли***

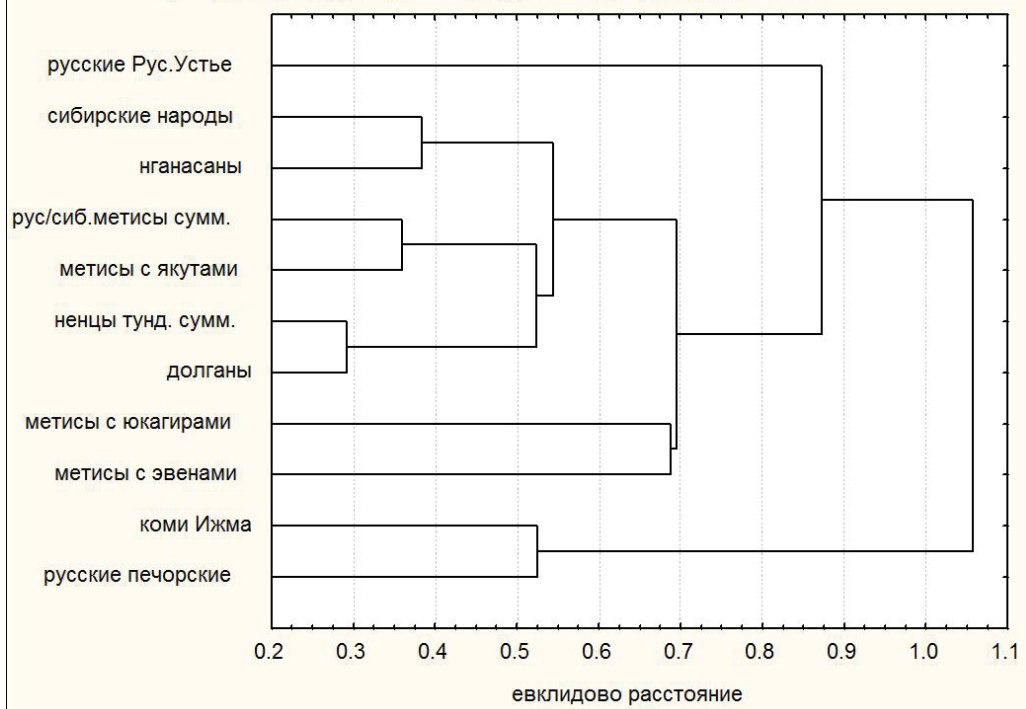
Ряд 1 - русские, ряд 2 - сибирские народы, ряд 3 - русско-сибирские метисы

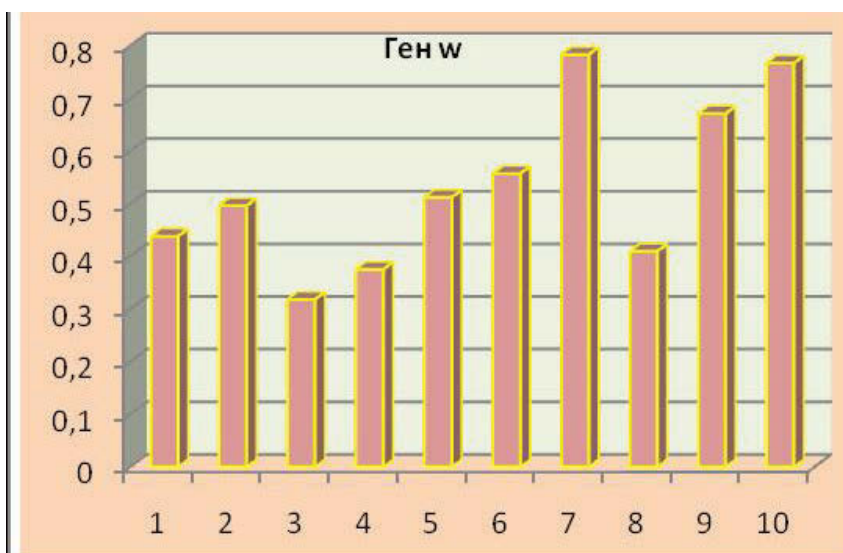
Лопатообразность резцов и бугорок Карабелли в трех подгруппах выборки русско-сибирских метисов

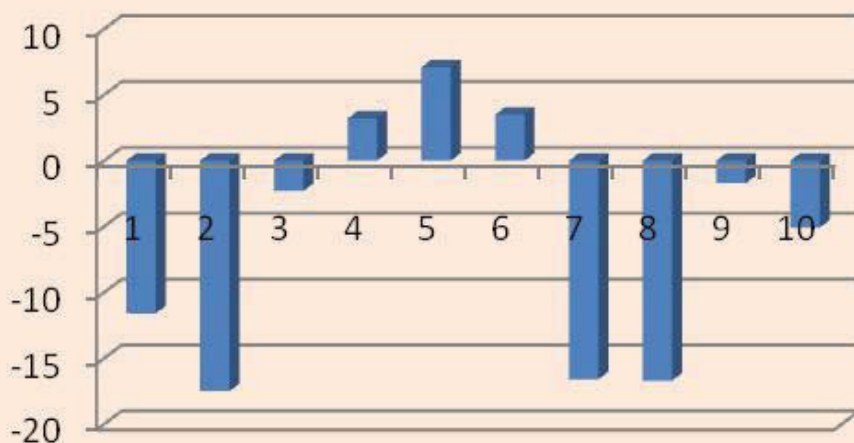
Ряд 1 - метисы русско-якутские , ряд 2 - метисы с юкагирским компонентом, ряд 3 - метисы с эвенским компонентом

Рис. 2зубы. Кластеризация 11-ти групп по пяти зубным признакам.

% правый палец - правая рука

$2 < (4) + (2 < 4), \%$

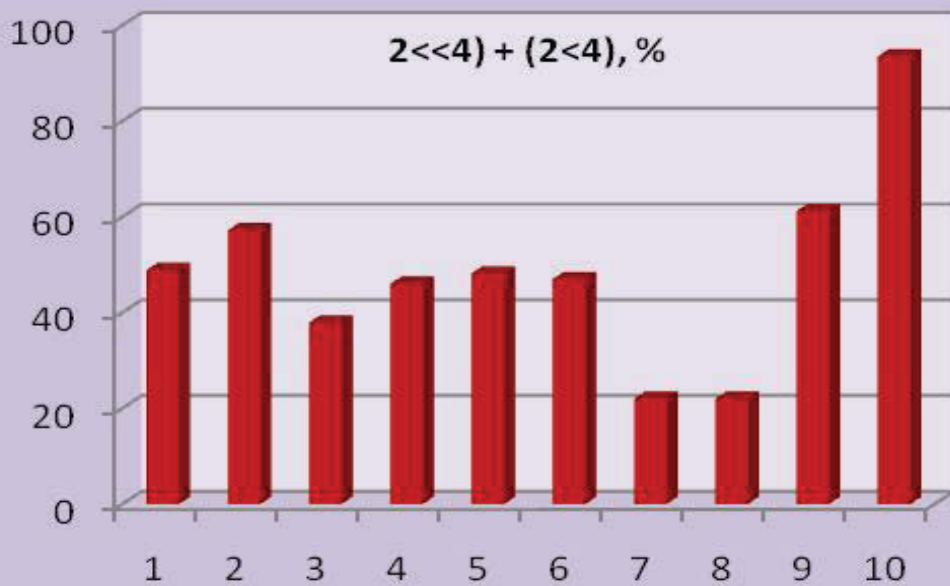
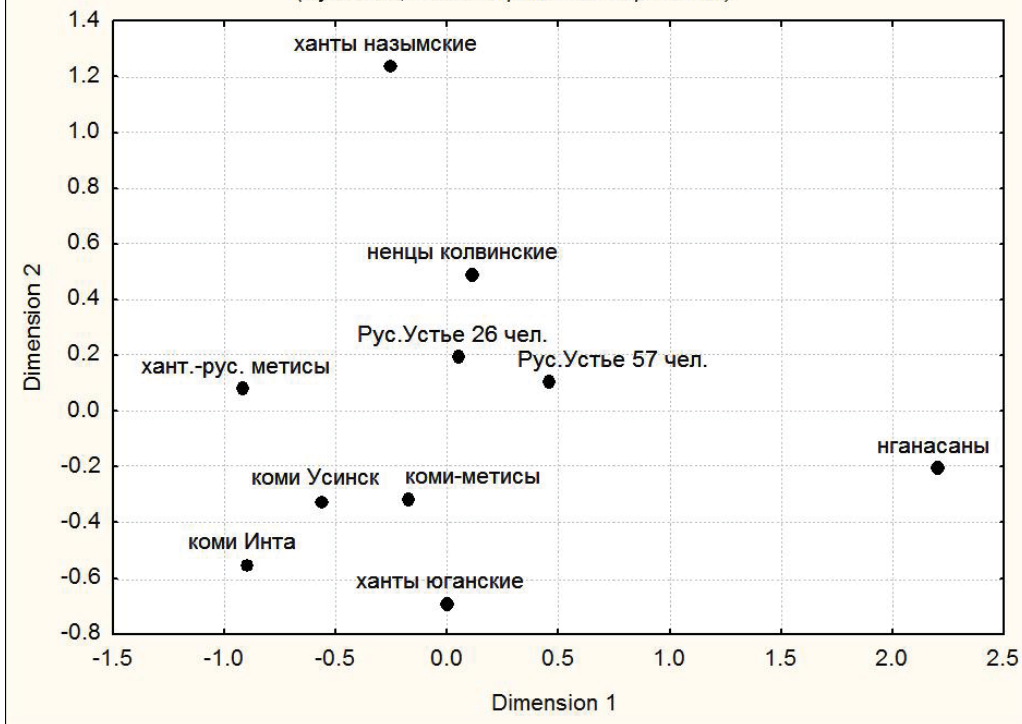

Рис. 2. Распределение групп Субарктики по набору отдельных биологических маркеров (мужчины; многомерное шкалирование)

Республика Саха (Якутия), Нижнеколымский улус/район, пос. городского типа Черский и село Походск. Август 2014 г. Г.А. Аксяновой по соматологии в пгт. Черский и с. Походск в августе 2014 г. было обследовано 94 человека в возрасте 17-70 лет, из них 51 мужчина и 43 женщины.

Для каждого пола расчеты выполнены по двум выборкам: в первую включены лица с русской этнической самоидентификацией, во вторую – потомки русских старожилов с любой идентичностью (русские, якуты, чукчи, юкагиры и др.). У мужчин численность этих выборок составила соответственно 39 и 51 человек, у женщин 32 и 43 человека.

Ниже представлен фамильный состав этих выборок и коэффициент фамильного разнообразия ($K_{ФР}$ =количество разных фамилий в выборке /численность выборки).

Мужская выборка 1 – этнические русские, 39 чел. – всего 25 фамилий

Наиболее распространенные:

Бережнов – 6 чел. – 15,4%; **Борисов** – 4 чел. – 10,3%; **Котельников** – 3 чел. – 7,7%; **Кузаков, Налётов, Суздалов, Третьяков** – по 2 чел. – по 5,1%.

Все остальные по 1 чел. – по 2,56%:

Арбатский, Бандеров, Глушенков, Ерёменко, Матвейчев, Медутин, Озёрский, Островидов, Попов, Потапов, Протопопов, Руднев, Сокоиков, Сухарев, Филипенко, Шкулёв, Шматов, Ясинский.

Коэффициент фамильного разнообразия (КФР) = 25 фам. / 39 чел. = **0,641** значение близкое к категории «высокий».

Родной язык: русский = 100%

Мужская выборка 2 – потомки русских старожил любой национальности, N=51 чел.:

Наиболее распространенные:

Бережнов – 6 чел. – 11,8%; **Борисов** – 5 чел. – 9,8% (в том числе 1 чел. с неопределенной идентичностью); **Котельников** – 4 чел. – 7,8% (в т.ч. 1 чел. с идентичностью «эвен»); **Дьячков** (идентичность «якут»), **Кузаков, Налётов, Попов** (идентичность «чукча»), **Слепцов** (идентичность «якут»), **Суздалов, Третьяков** – по 2 чел. – по 3,9%.

Все остальные по 1 чел. – по 1,96%:

Арбатский, Бандеров, Берёзкин (идентичность «якут»), **Востриков** (идентичность «якут»), **Габайдулин** (идентичность «татарин»), **Глушенков, Ерёменко, Матвейчев, Медутин, Мильман** (идентичность «юкагир»*), **Озёрский, Островидов, Потапов, Протопопов, Руднев, Сокоиков, Сухарев, Филипенко, Шкулёв, Шматов, Ясинский.**

Коэффициент фамильного разнообразия (КФР) = 31 фам. / 51 чел. = **0,608** средний

Родной язык: русский = 98%, русский+якутский = 2%

Примечание. * В последней переписи населения (2010 г.) свою национальность человек назвал юкагир, но ранее в паспорте всегда записан был русским.

Женская выборка полная (N=43 чел. паспортные фамилии) – потомки русских старожил любой национальности (боль-шинство «русские»): – всего 35 фамилий

Наиболее распространенные:

Берёзкина, Борисова (в т.ч. у 1 чел. идентичность «татарка») – по 3 чел. – по 7,0%, **Бережнова, Копылова** (2 чел. идентичность «якутка»), **Котельникова** (в т.ч. у 1 чел. идентичность «эвенка»), **Курилова** (2 сестры, идентичность «юкагирка») – по 2 чел. – по 4,65%.

Все остальные по 1 чел. – по 2,3%:

Алексеевко, Арбатская, Атласова (идентичность «чукча»), **Балдина, Геги, Дизова** (идентичность «башкирка»), **Дьячкова, Ерёменко, Зубко, Казначеева** (идентичность «эвенка»), **Корсун** (идентичность «чукча»), **Костюк, Кузакова, Куликова, Налётова, Поккель, Попова, Потапова, Протопопова, Слепцова, Суздalова, Фирсова, Фомина** (идентичность «татарка»), **Чиркова, Шевалова, Шкулёва, Шматова, Щеколдина, Яковлева.**

Коэффициент фамильного разнообразия (КФР) = 35 фам. / 43 чел. = **0,814** высокий.

Родной язык: русский = 97,7%; русский+юкагирский = 2,3%

Женская выборка полная (N=43 чел. девичьи фамилии) – потомки русских старожилов любой национальности (большинство «русские»): – всего фамилий

Наиболее распространенные:

Берёзкина, Борисова (в т.ч. у 1 чел. идентичность «татарка»), **Суздalова** (в т.ч. у 2 чел. идентичность «якутка») – по 3 чел. – по 7,0%, **Агафонникова, Котельникова** (в т.ч. у 1 чел. идентичность «эвенка»), **Курилова** (идентичность «юкагирка»), **Потапова, Спирина, Шкулёва** – по 2 чел. – по 4,65%.

Все остальные по 1 чел. – по 2,3%:

Атласова (идентичность «чукча»), **Балдина, Бережнова, Дьячкова, Казначеева** (идентичность «эвенка»), **Копылова** (идентичность «якутка»), **Костюк, Кузакова, Куликова, Мингажева** (идентичность «башкирка»), **Миронова, Налётова, Попова** (идентичность «чукча»), **Проневич, Сергеева, Соковикова, Тоёнто, Третьякова, Фомина** (идентичность «татарка»), **Чиркова, Шматова, Щеколдина.**

Коэффициент фамильного разнообразия (КФР) = фам. 31 / 43 чел. = **0,721** высокий.

Родной язык: русский = 97,7%; русский+юкагирский = 2,3%

Мы выделяем две антропонимические модели:

- 1) общность закрытого типа, когда значение КФР менее 0,350;**
- 2) общность открытого типа, когда значение КФР более 0,650.**

Эта модель характерна для женской выборки – по паспортным и девичьим фамилиям.

При соматологическом обследовании взрослого населения во время заполнения анкетных данных мы задавали вопрос: «Считаете ли Вы себя походчанином / походчанкой?». Вопрос не вызывал затруднений практически у всех обследованных лиц – 51 мужчина и 43 женщины в возрасте 17–70 лет. Ответ звучал однотипно и свидетельствовал, что данный термин отражает территориальную идентичность индивидов вследствие проживания в Походске сейчас или в детстве (с рождения или летом), наличия там родственников сейчас или в прошлом, признания села и его окрестностей своей малой родиной; ответы отражали причастность к определенной территориальной общности. Признание себя походчанином, характерное для многих людей, означает реальность единого территориального самосознания у части местного населения с разной этнической идентичностью, чьи генеалогические корни – в Походске. Наименование «походчанин» воспринимается ими позитивно либо нейтрально. Родословные обследованных нами лиц в разной степени связаны со старожильческим населением – казаками нижнего течения Колымы (со стороны любого из родителей). В настоящее время значительная часть походчан проживает в райцентре пос. Черском (40-45 км) и в г. Якутске. Их социальное единство сейчас базируется в основном на родственных и дружеских связях жителей села и выходцев из него, на представлениях об общей территории их предков, а также об особенной культуре и речипринесенных первыми русскими землепроходцами в колымскую тундру. Культурологическая специфика потомков русских старожилов в большинстве сфер бытия теперь, в век унификации культур, имеет фольклорную доминанту. В подтверждение сказанного приведем ответы мужчин и женщин на поставленный выше вопрос. В конце списка приводим отрицательные ответы.

**Антропологическая характеристика
физической внешности русских старожилов Колымы и Индигирки
(группы походчане и русскоустынцы)**

Прочерк означает нулевое значение признака

Признак		<u>КОЛЫМА</u> <i>Походчане</i>	<u>КОЛЫМА</u> <i>Походчане</i>	<u>ИНДИГИРКА</u> <i>Русско-устынцы</i>	<u>ИНДИГИРКА</u> <i>Русско-устынцы</i>
		этнические русские	потомки старожилов с любой нац-тью	потомки старожилов с любой нац-тью	этнические русские (без зарегистрирован- ной примеси)
Исследователь – Г.А. Аксянова		мужчины 2014 г.	мужчины 2014 г.	мужчины 2013 г.	мужчины 2013 г.
Численность выборки		39	51	57	26
Средний возраст, лет		38,9	38,6	36,4	38,1
Длина тела, см	X S	167,7 7,1	167,8 7,4	169,3 7,2	168,7 6,7
Продольный диаметр головы, мм	X S	193,3 7,9	193,9 8,0	196,7 7,0	196,9 7,4
Поперечный диаметр головы, мм	X S	151,8 6,7	152,1 6,7	154,6 5,3	154,2 5,3
Наименьшая ширина лба, мм	X S	109,6 5,5	109,3 5,2	110,9 4,2	111,5 3,6
Скуловой диаметр, мм	X S	141,5 6,8	142,1 6,5	143,5 5,6	143,7 6,0
Нижнечелюстной диаметр, X мм S		109,6 5,8	110,4 5,6	109,6 5,0	108,7 4,8
Физиономическая высота X лица, мм S		195,3 8,5	196,0 8,8	196,6 8,4	196,3 9,7
Разность: продольный диам. – физ. высота лица, мм		-2,0	-2,1	+ 0,1	+ 0,3
Морфологическая высота лица (от нижнего края бровей), мм	X S	130,7 5,8	131,2 6,1	129,1 5,8	127,4 6,3
Высота лба, мм		64,6	64,8	67,5	68,9
Высота носа (от нижнего края бровей), мм	X S	59,8 3,6	60,1 3,6	59,1 3,4	58,2 3,4
Высота носа X (от переносья), мм S		52,9 3,4	52,8 3,6	52,8 3,1	52,7 2,9
Нособровное расстояние, мм		6,9	7,3	6,3	5,5
Ширина носа, мм	X S	36,5 3,5	32,5 2,5	37,4 2,7	37,7 3,1

Признак		КОЛЫМА	КОЛЫМА	ИНДИГИРКА	ИНДИГИРКА
		<i>Походчане</i> этнические русские	<i>Походчане</i> потомки старожилов с любой нац-тью	<i>Русско- устьинцы</i> потомки старожилов с любой нац-тью	<i>Русско-устьинцы</i> этнические русские (без зарегистрирован- ной примеси)
Ширина рта, мм	X	53,1	53,4	53,5	53,2
	S	4,8	4,6	4,1	4,4
Высота верхней губы, мм	X	18,1	18,3	17,6	17,6
	S	2,2	2,2	2,1	2,3
«Толщина» обеих губ, мм	X	16,4	16,6	16,7	15,6
	S	3,8	3,7	3,3	3,0
Длина крыла носа, мм	X	32,6	36,5	33,1	33,5
	S	2,5	3,5	2,3	2,3
Выступление кончика носа, мм		14,4	14,3	14,4	14,7
Модули, мм					
– головы		172,6	173,0	175,7	175,6
– лица (физиономич.)		168,4	169,1	170,1	170,0
– лица (морфол. от бровей)		136,1	136,7	136,3	135,6
– лица (морфол. от переносья)		132,7	133,0	133,2	132,8
– носа (от бровей)		48,2	48,3	48,3	48,0
– носа (от переносья)		44,7	44,7	45,1	45,2
Указатели, %					
– головной		78,5	78,4	78,6	78,3
– челюстно-лобный		100,0	101,0	98,8	97,5
– лицевой физиономический		72,5	72,5	73,0	73,2
– лицевой морфологический от нижнего края бровей от переносья		92,4 87,5	92,3 87,2	90,0 85,6	88,7 84,8
– носовой от нижнего края бровей от переносья		61,0 69,0	60,7 69,1	63,3 70,8	64,8 71,5
– челюстно-скуловой		77,5	77,7	76,4	75,6
– носо-скуловой		25,8	25,7	26,1	26,2
– губо-лицевой		13,8	13,9	13,6	13,8
Рост бороды (с 22 лет), %					
N		37	47	52	23
1 — очень слабый		37,9	38,3	59,6	53,9
2 — слабый		29,7	36,2	17,3	26,9
3 — средний		21,6	17,0	15,4	11,5
4 — сильный		8,1	6,4	7,7	7,7
5 — очень сильный		2,7	2,1	–	–
средний балл		2,08	2,02	1,71	1,73
Форма волос, %					
1 — тугие		5,1	7,8	7,0	7,7

Признак	КОЛЫМА <i>Походчане</i>	КОЛЫМА <i>Походчане</i>	ИНДИГИРКА <i>Русско-устыинцы</i>	ИНДИГИРКА <i>Русско-устыинцы</i>
	этнические русские	потомки старожилов с любой нац-тью	потомки старожилов с любой нац-тью	этнические русские (без зарегистрированной примеси)
2 — гладкие и плосковолнистые мягкие	82,1	76,5	73,7	73,2
2ж — то же, жесткие	2,6	5,9	8,8	11,5
3 — волнистые мягкие	5,1	3,9	7,0	3,8
3ж — волнистые жесткие	5,1	5,9	3,5	3,8
волнистые суммарно	10,2	9,8	10,5	7,6
жесткие суммарно (1, 2ж, 3ж)	12,8	19,6	19,3	23,0
Цвет волос, % (шкала Фишера-Заллера)				
N	39	51	57	26
Y — иссиня-черные	5,1	11,8	12,3	11,5
X — черно-каштановые	46,1	43,0	33,4	23,1
W — темнокаштановые	20,5	21,6	29,8	30,8
V — каштановые	15,4	13,7	14,0	23,1
U — каштановые с пепельным оттенком	2,6	2,0	7,0	7,7
T — темнорусые	2,6	2,0	3,5	3,8
S — темнорусые	5,1	3,9	—	—
R — темнорусые	—	—	—	—
Q — темнорусые	—	—	—	—
P — темнорусые	—	—	—	—
O, N, M — русые	—	—	—	—
L — F — светлорусые	2,6	2,0	—	—
E — A — белокурые	—	—	—	—
рыжие	—	—	—	—
балл 4 — черные (Y — U)	89,7	92,1	96,5	96,2
балл 3 — темнорусые (T - P)	7,7	5,9	3,5	3,8
балл 2 — русые (O, N, M)	—	—	—	—
балл 1 — светлорусые (L — F)	2,6	2,0	—	—
балл 0 — белокурые (E - A)	—	—	—	—
средний балл	3,82	3,90	3,97	3,96
Цвет глаз, % (шкала Бунака)				
№ 1 — черный	—	—	—	—
№ 2 — темнокарий	17,9	23,5	14,0	15,4
№ 3 — светлоккарий	30,8	27,5	24,5	19,2
№ 4 — желтый	10,2	7,8	12,3	7,7
№ 5 — желто-буро-зеленый	12,8	15,7	12,3	7,8
№ 6 — зеленый	—	—	—	—
№ 7 — серо-зеленый	7,7	5,9	5,3	11,5
№ 8 — серый с венчиком	10,2	7,8	15,8	23,1
№ 9 — серый	5,2	3,9	5,3	7,7
№ 10 — серо-голубой	2,6	5,9	3,5	3,8

Признак	КОЛЫМА <i>Походчане</i>	КОЛЫМА <i>Походчане</i>	ИНДИГИРКА <i>Русско-устыинцы</i>	ИНДИГИРКА <i>Русско-устыинцы</i>
	этнические русские	потомки старожилос с любой нац-тью	потомки старожилос с любой нац-тью	этнические русские (без зарегистрированной примеси)
№ 11 – голубой	2,6	2,0	7,0	3,8
№ 12 – синий	–	–	–	–
балл 2 – темные (№ 1-4)	58,9	58,8	50,8	42,3
балл 1 – смешанные (№ 5-8)	30,8	29,4	33,4	42,4
балл 0 – светлые (№ 9-12)	10,3	11,8	15,8	15,3
средний балл	1,49	1,47	1,35	1,27
<i>Эпикантус, %</i>				
0 – отсутствует	71,4	70,2	80,7	80,8
1 – слабо развит	25,6	27,8	19,3	19,2
2 – средне развит	–	2,0	–	–
3 – сильно развит	–	–	–	–
% наличия	25,6	29,8	19,3	19,2
средний балл	0,26	0,30	0,19	0,19
Горизонтальный профиль лица, %				
1 – плоский	5,1	5,9	1,8	–
2 – средний	25,6	23,5	19,3	15,4
3 – выступающий	69,3	70,6	78,9	84,6
средний балл	2,64	2,65	2,77	2,85
Выступание скул, %				
1 – слабое	82,0	84,2	94,7	88,5
2 – среднее	15,4	11,8	5,3	11,5
3 – сильное	2,6	2,0	–	–
средний балл	1,21	1,16	1,05	1,12
Выступание подбородка, %				
1 – убегающий и прямой			29,8 все прямые	34,6 все прямые
2 – средне выступающий			64,9	57,7
3 – сильно выступающий			5,3	7,7
средний балл			1,76	1,73
Форма мочки уха, %				
1 – треугольная			14,0	7,7
2 – округлая или квадратная			75,4	77,0
3 – язычковая			8,8	11,5
4 – оч. сильно отвисающая			1,8	3,8
средний балл			1,98	2,11

Признак	КОЛЫМА <i>Походчане</i> этнические русские	КОЛЫМА <i>Походчане</i> потомки старожилов с любой нац-тью	ИНДИГИРКА <i>Русско- устынцы</i> потомки старожилов с любой нац-тью	ИНДИГИРКА <i>Русско-устынцы</i> этнические русские (без зарегистрирован- ной примеси)
Высота переносья, %				
1 — малая	7,7	11,8	7,0	3,8
2 — средняя	71,8	70,6	80,7	73,1
3 — большая	20,5	17,6	12,3	23,1
средний балл	2,13	2,06	2,05	2,19
Поперечный профиль спинки носа, %				
1 — плоский	–	2,0	–	–
2 — средний	17,9	25,5	29,8	30,8
3 — выступающий	82,1	72,5	70,2	69,2
средний балл	2,82	2,71	2,70	2,69
Общий профиль спинки носа, %				
1 — вогнутый	25,6	27,5	22,8	23,1
2 — прямой	64,1	58,8	49,1	53,9
3 — выпуклый	7,7	9,8	12,3	11,5
4 — извилистый	2,6	3,9	15,8	11,5
Профиль верхней губы, %				
1 — прохейлия (выступает вперед)	23,1	27,5	14,0	23,1
2 — ортохейлия (вертикальная)	56,4	56,8	73,7	57,7
3 — опистохейлия (отступающая)	20,5	15,7	12,3	19,2
средний балл	1,97	1,88	1,98	1,96

ПРИМЕЧАНИЕ. Выборка походчан с численностью 51 чел. включает лиц с разной этнической самоидентификацией: 39 чел. русские, 6 чел. якуты, 2 чел. чукчи, по 1 чел. эвен, татарин, юкагир и невыраженное самосознание. Выборка русскоустынцев с численностью 57 чел. включает помимо этнических русских (54 чел.) по 1 чел. с самоидентификацией юкагир, якут и татарин.

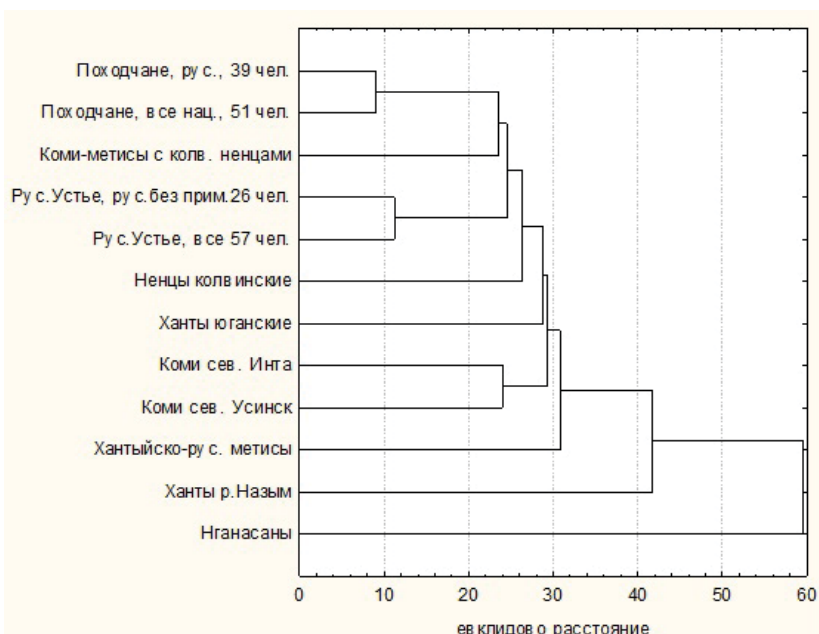

Рис. 3. Кластеризация северных этнотерриториальных групп по 8-ми биологическим маркерам (мужские выборки).

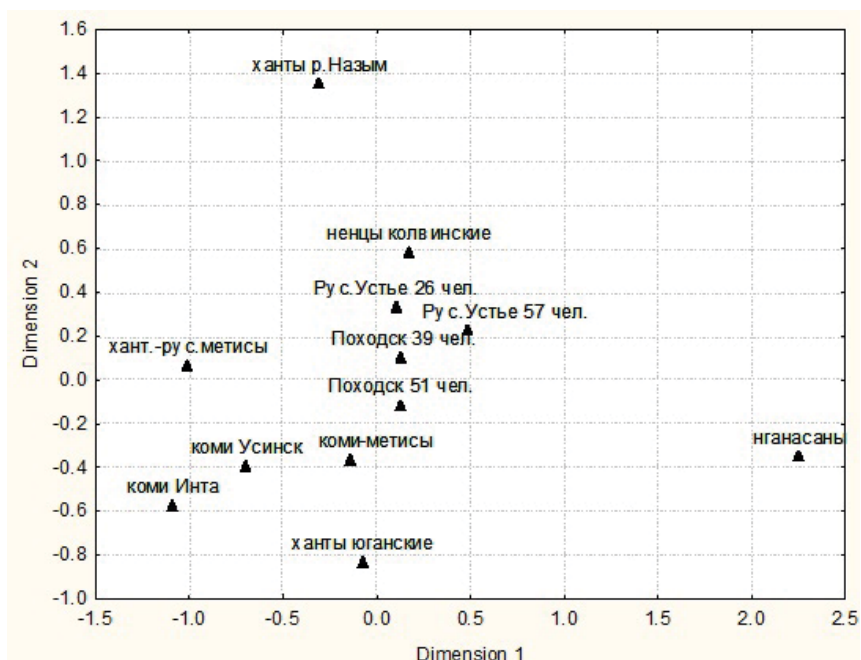

Рис. 4. Распределение мужских северных групп по 8-ми биологическим маркерам (многомерное шкалирование).

**Генеалогический состав мужских выборок
по данным устного опроса обследованных лиц(в %).
12окт 2014 см текст ниже**

ВЫБОРКА (численность)	Этническая самоидентификация							Доля этнического компонента в генофонде				
	русские %	якуты %	чукчи %	юкагиры %	прочие %	русский %	из них старожиль ческий, %	другой европей- ский, %	якутский %	чукот- ский %	юкагир- ский %	другой азиат- ский %
Русские старожилы, нижняя Кольма (походчане), только этнические русские N = 39 чел.	100	0	0	0	0	69	(57)	9*	8	4,5	5	0
Русские старожилы, нижняя Кольма (походчане), все нац- ти. N = 51 чел.	77	12	4	2	татарин, эвен, не выра- жено по 2%	65	(55)	8*	12	6	5	эвены 0,5%
Русские старожилы, нижняя Индиگیرка (русскоустынцы) N = 57 чел.	95**	2	0	2	татарин 2%	77	(63)	7**	11	0,6	3	эвены 0,3%, буряты 0,3%

Таблица 1а. Генеалогический состав мужских выборок по данным устного опроса обследованных лиц (в %).
ПРИМЕЧАНИЕ.

* У походчан 39 чел. в числе предков есть украинцы, белорусы, поляки, татары, норвежцы и азербайджанец,
а в группе 51 чел. кроме того еще евреи.

**У русскоустынцев отдельные случаи украинской или белорусской идентичности. В числе предков есть укра-
инцы, белорусы, молдаване, поляки, немцы, татары, цыгане.

Выборки потомков русского старожильческого населения (походчан, или колымчан) взрослого и детского населения в Нижнеколымском улусе были получены Г.А. Аксяновой в августе – начале сентября 2014 г. в пгт. Черский и селе Походск. Сравнение родословных по доле разных национальностей в составе походской выборки показало меньшую, чем у русскоустыинцев долю этнически русского населения. Это касается и доли собственно старожильческого компонента. Тем не менее и на нижней Колыме в обеих мужских выборках он определяет не менее 55% генофонда популяции. Две территориально близкие группы старожилков немного различаются и по доле азиатских компонентов. У походчан в целом доля азиатской (монголоидной антропологически) примеси несколько выше, причем особенно за счет вклада чукчей, в меньшей степени и юкагиров. Доля якутского компонента в полных выборках различается незначительно.

Выводы.

Большая или меньшая интенсивность смешения популяций, народов и рас свойственна всем этапам истории современного человечества. Данный феномен рассматривается как один из ведущих факторов расообразовательного процесса наряду с наследственной изменчивостью, отбором (естественным и социальным), изоляцией.

Полиэтническим и социально стратифицированным обществам нередко свойственна и антропологическая гетерогенность, в том числе на уровне хорошо различимых расовых таксонов. В городах и сельской местности складывается картина культурно-языкового и этно-расового многообразия населения.

По всему миру сформировались группы исторически известного смешанного происхождения: ногайцы, башкиры и чуваша, чалдоны, гураны и русские якутяне, долганы, казахи и туркмены, фульбе, креолы Кабо-Верде и рехоботские бастарды, кабокло, сертанежу и кафузю, евразийцы, индо и топассы...

Антропологический состав населения всех территорий с течением времени изменяется по социальным и биологическим причинам. Объективной реальностью является полная генетическая совместимость представителей любых географических рас современного человечества. Межгрупповые и личностные проблемы, причина которых может лежать в сфере феномена метисации, имеют психологическую и социальную природу.

Основной характеристикой антропологических процессов в многонациональной среде является одновременное присутствие разнонаправленных тенденций развития – дифференцирующей и интегрирующей биологическую информацию.

Антропологические данные дают основание говорить уверенно о двух жизненных моментах местного полиэтничного сообщества: во-первых, о наличии сибирской примеси в составе всех выделенных нами подгрупп русскоустыинцев, обследованных летом 2013 г. (независимо от указаний в своей родословной смешения с сибирскими народами); во-вторых, о широкой распространенности межэтнических брачных контактов в среде местных сибирских групп, а следовательно и большого числа аборигенных внутрисибирских национально-смешанных потомков не только в настоящее время, но и в прошлом.

Проведенное в 2013 году антропологическое исследование русской старожильческой популяции формирует научно документированную базу для следующего общего заключения. На севере Якутии, в низовьях Индигирки, на протяжении последних столетий развернулся и успешно реализован биосоциальный феномен, который за рубежом назвали «плавильным котлом» разных национальных культур и разных антропологических типов.

Литература

1 Геккер Н.Л. К характеристике физического типа якутов. (Антропологический очерк). Иркутск, 1896. 90 с. (Записки Восточно-Сибир. отд. Рус. географич. об-ва по этнографии. Т. III. Вып. 1).

2 Золотарева И.М. Антропологическое исследование нганасан // Сов. этнография, 1962. № 6. С. 131-136.

3 Золотарева И.М. Антропологическое исследование долган // Сов. этнография, 1965. № 3. С. 27-39.

4 Золотарева И.М. Юкагиры (антропологический очерк) // Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии. М.: Наука, 1968. С. 148-177.

5 Золотарева И.М. Антропология некоторых народов Северной Сибири // Юкагиры (историко-этнографический очерк). Новосибирск: Наука, 1975. С. 97-110, 154-192.

6 Левин М.Г. Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока. М.: Изд. АН СССР, 1958. 360 с. (Труды Ин-та этнографии АН СССР. Нов. сер. Т. 36).

7 Левин М.Г. Основные итоги и очередные задачи антропологического изучения Сибири в связи с этногенетическими исследованиями // Науч. конф. по истории Сибири и Дальнего Востока. Иркутск, 1960. С. 7-12.

8 Левин М.Г. Этнографические и антропологические материалы как исторический источник: (К методологии изучения истории бесписьменных народов) // Сов. этнография, 1961. Вып. 1. С. 20-28.

9 Майнов И.И. Помесь русских с якутами // Русский антроп. журн., 1900. № 4. С. 37-57.

10 Майнов И.И. Русские крестьяне и оседлые инородцы Якутской обл. // Записки Рус. географич. об-ва. Отдел статистики. Т. XII. СПб., 1912. 29 с.

11 Русские старожилы Сибири: Историко-антропологический очерк. М.: Наука, 1973. 188 с.

12 Ярхо А.И. Алтае-саянские тюрки. Антропологический очерк. Абакан: Хакоблнациздат, 1947. 148 с.

УДК 001.891(571.56-37)

С.Е. Никитина

**Научно-исследовательские результаты
«Лингвокультурологической экспедиции в с. Походск
Нижнеколымского улуса (района) Республики Саха (Якутия),
с. Русское Устье Аллаиховского улуса (района)
Республики Саха (Якутия)»²³**

Аннотация. В 2012–2014 гг. в рамках Государственного целевого проекта Республики Саха (Якутия) состоялась комплексная научно-исследовательская экспедиция, предпринятая сотрудниками Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН с привлечением сотрудников Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая по исследованию феномена русских арктических старожилов рр. Индигирки и Колымы (сс. Русское Устье и Походск). В статью вошли результаты исторических, антропологических, социокультурологических, диалектологических исследований современной ситуации русских старожилов Республики Саха (Якутия).

Ключевые слова: русские арктические старожилы, Республика Саха (Якутия), Русское Устье, Походск, язык, культуры, фольклор, этническое самосознание, сохранность традиций, научные экспедиции.

²³ Статья подготовлена в рамках исполнения ГЦП «Лингвокультурологическая экспедиция в пос. Походск Нижнеколымского улуса (района) Республики Саха (Якутия), пос. Русское Устье Аллаиховского улуса (района) Республики Саха (Якутия)» контракта № 198 от 3 сентября 2013 г.

²³ This article was prepared in the project of implementation of STP“Linguistic and cultural expedition in the village Pokhodsk of the Nizhnekolymskyulus (district)of the Republic of Sakha (Yakutia), the village RusskoyeUstyeAllaikhovskiyulus (district) of the Republic of Sakha (Yakutia)” of the contract No. 198 dated September 3, 2013

The results of the linguistic and cultural expedition research in Pokhodsk village of the Nizhnekolymsky district and Russkoye Ustye in the Allaikhovskiy ulus ödistrictö in the Republic of Sakha (Yakutia)

Abstract. In 2012–2014, as the state target project of the Republic of Sakha (Yakutia), a comprehensive research expedition was carried out by the staff of the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences with the staff of the Institute of Ethnology and Anthropology named after N.N. Miklouho-Maclay the study of the phenomenon of Russian Arctic old-timers of Indigirka and Kolyma rivers. The article includes the results of historical, anthropological, socio-cultural, dialectological studies of the current situation of Russian old-timers of the Republic of Sakha (Yakutia).

Keywords: Russian Arctic old-timers, Republic of Sakha (Yakutia), Russkoye Ustye, Pokhodsk, language, cultures, folklore, ethnic consciousness, save of traditions, scientific expeditions.

В 2012–2014 гг. в рамках проекта научно-исследовательских работ «Лингвокультурологическая экспедиция «Русские старожилы на Северо-Востоке России в 17-21 вв.: опыт культурно-созидательного освоения Арктики (пос. Русское Устье, Походск Республики Саха (Якутия))» были предприняты экспедиции отдельных отрядов для проведения полевых исследований на территории проживания русских арктических старожилов севера Республики Саха (Якутия). Исследователи руководствовались целью: на основе изучения историографических, архивных, выявления новейших лингвистических, исторических, антропологических, фольклорных материалов показать этнокультурный феномен хозяйственного и культурного освоения Арктики русскими арктическими старожилыми Республики Саха (Якутия), исторический опыт их успешной адаптации в чуждой природной среде, в изоляции от генеральной русской цивилизации.

В комплексном междисциплинарном исследовании приняли участие ученые: антрополог, кандидат биологических наук Аксянова Галина Андреевна (Институт этнологии и антропологии им. Н.Н.Миклухо-Маклая, г.Москва); кандидат исторических наук, аудиовизуальный антрополог Н.В. Плужников (Институт этнологии и антропо-

логии им. Н.Н.Миклухо-Маклая, г.Москва); кандидат филологических наук Бердникова Татьяна Александровна (СВФУ им.М.К. Аммосова, г.Якутск); кандидат исторических наук Никитина Саргылана Егоровна (ИГИиПМНС СО РАН, г.Якутск); вице-президент Ассоциации коренных малочисленных народов Севера РС (Я), старейшина юкагирской общины Вячеслав Иванович Шадрин (ИГИиПМНС СО РАН, г. Якутск); кандидат исторических наук Антонов Егор Петрович (ИГИиПМНС СО РАН, г.Якутск); кандидат исторических наук Строгова Екатерина Алексеевна (ИГИиПМНС СО РАН, г. Якутск); кандидат филологических наук Чарина Ольга Иосифовна (ИГИиПМНС СО РАН, г. Якутск). Перед экспедицией были определены задачи исследования исторической, лингвистической, этнографической, культурологической, антропологической адаптации русских старожилов в инокультурном, иноязычном и чуждом географическом ландшафте арктического северо-востока России.

Индикаторы научно-исследовательской деятельности исполнителей проекта: 6 экспедиций, 1 Всероссийская конференция (5–6 декабря 2013 г.), публикации в журналах Scopus, ВАК, РИНЦ [Аксянова, 2015; Антонов, 2014; Бердникова, Чарина, 2015; Никитина, 2015 – 3 статьи]. Подготовлен сборник материалов конференции, не изданный по причине отсутствия финансирования со стороны Министерства образования РС (Я).

В соответствии с поставленными задачами в 2012–2014 гг. были выполнены экспедиции в 2012-2014 гг.:

– антропологический отряд в Аллаиховский улус (район) пос. Чокурдах, с. Русское Устье (25.07-10.08.2013 г.), Нижнеколымский улус (район) пос. Черский, с. Походск (22.09-03.10.2014 г.) – исполнители Г.А. Аксянова, Н.В. Плужников;

– диалектологический отряд в Аллаиховский улус: пос. Чокурдах (03.10-15.10.2014 г.) – исполнитель Т.А. Бердникова;

– историко-филологический отряд в Нижнеколымский улус (район) пос. Черский, с. Походск (19.11–30.11.2013 г.) – исполнители Е.А. Строгова, О.И. Чарина;

– историко-этнографический отряд в Аллаиховский улус (район) пос. Чокурдах, с. Русское Устье (20.07–15.08.2012 г.; 25.07–10.08.2013 г.), Нижнеколымский улус (район) пос. Черский, с. Походск (25.10–16.11.2013 г.) – исполнители С.Е. Никитина, Е.П. Антонов, В.И. Шадрин;

– исторический отряд в г. Санкт Петербург (04.11–14.11.2014 г.) – исполнители С.Е. Никитина, Е.П. Антонов.

Так как в научном и общественном пространстве наиболее остро обсуждается проблема сохранности и сохранения, а также определения статуса старожильческого говора арктических русских северо-востока России, то важными представляются выводы диалектологического исследования. В определении современного состояния сохранности имели важную научную значимость степень изученности и наличие опубликованных трудов предшественников, с одной стороны, позволяющих выявить динамику языковых особенностей, происходивших вследствие активных социально-экономических трансформаций второй половины XX века. С другой стороны, уже потерявших актуальность по давности исследований, предшествовавших потрясениям конца, рубежа и начала нового тысячелетия, послуживших рубежом кардинальной цивилизационной модернизации российской действительности. Был проведен анализ лингвокультурологической ситуации в сопоставлении с материалами последних диалектологических экспедиций М.Ф. Дружининой, Н.Г. Самсонова, Г.И. Поповой (1958-1986 гг.). На мой взгляд, ответвление в XV–XVI вв. и консервация в изоляции такого гибкого, динамичного культурного элемента, как язык, во времена эпохальных трансформаций перехода к новому времени, становления государств, промышленной экономики, формирования современных наций, а, следовательно, формирования языка, менталитета, культуры, вывели арктических русских на путь самостоятельного формирования и, представляется, независимого от генеральной русской цивилизации, языковой культуры.

Диалектологический отряд, представленный Бердниковой Татьяной Александровной (к.ф.н., доцент кафедры общего языкознания и риторики СВФУ им. М.К. Аммосова) провел исследования в пос. Чоккурдах, с. Русское Устье Аллаиховского улуса РС (Я). Были сделаны следующие выводы:

– диалектологический материал русского старожильческого говора собирался в 1958-1986 гг. М.Ф. Дружининой, Н.Г. Самсоновым, Г.И. Поповой, ими были отмечены своеобразие лексики и фразеологии русских арктических говоров, отнесенных к северо-русским диалектам. По истечении более 20 лет, в 2014 г. было выявлено, что диалектологический материал сохраняет свою жизненную силу в повседневных практиках в бытовой, топонимической и фольклорной сферах;

– особенность арктического диалекта проявляется в чувстве общности языковых норм, в общем словарном запасе, общей фонетике и грамматике, невыделении себя из своего социума. По определению московской диалектологической школы мог быть отнесен к диалектологическому языку.

Исследователем было проведено анкетирование: анкета № 1 по выявлению современной этнокультурологической ситуации в районе совместного проживания арктических русских старожилов с народами Республики Саха (Якутия) и специальная диалектологическая анкета № 2. Результаты которых позволили сформулировать следующее заключение: частые контакты с носителями генерального русского языка 1970-х–первой половины 1990-х, общеобразовательные требования правильного литературного русского языка в школе привели к сосуществованию двух языков. Сохранение традиционных промыслов явилось объективной сферой функционирования диалекта в ситуациях обиходно-бытового общения. При этом свой говор носителями позиционируется как местнорусский. Метаязыковое сознание проявляется также и в отношении говорящих к своей речи: в отличие от носителей других диалектов, русскоустыинцы не считают свой говор не престижным. Русскоустыинцы любят и уважают свой язык.

Получены следующие сведения: В школе дети (диалектные) слова не употребляют. Когда приезжали в Русское Устье сразу же бросается в глаза употребление местнорусских слов в среде школьников (зам. директора по ВР, приезжая); Дети не говорят, но свои корни знают (директор основной школы, местная, не-русскоустыинка); Дети занимаются, интересуются вопросами краеведения, выступают на конференциях, участвуют в конкурсах, на диалекте не говорят (учитель математики, русскоустыинка); Дети в Чокурдахе не говорят, В Русском Устье говорят больше (завуч начальной школы, русскоустыинка); Дети не говорят, но ходят на занятия по русскоустыинской культуре, изучают в том числе диалектные слова (учитель начальных классов, мама – русскоустыинка).

Исследователем обозначены факторы сохранности языковых особенностей русских старожилов Арктики:

– русскоустыинский диалект долгие годы находился практически в изоляции, избегая влияния как со стороны литературного русского языка, так и других русских диалектов в силу территориальной удаленности;

– русскоустыинский диалект за счет ведения специфических форм хозяйствования остался в более выгодном положении, нежели другие русские диалекты, где смена социального устройства привела практически к полной утрате деревенского быта;

– причину в сохранении диалекта видим в проявлении научного интереса к феномену Русского Устья. В село неоднократно приезжали ученые в составе разных научных экспедиций, известные в стране личности (например, В.Г. Распутин), среди русскоустыинцев появились свои ученые (А.Г. Чикачев). Статьи и заметки, книги о Русском Устье и его жителях стали всеобщим достоянием. Это поддерживает атмосферу уважения и любви к своей культуре среди русскоустыинцев.

Сделанный вывод о сохранении жизненной силы русской старожильческой культуры Индигирки сделан на основании полученных данных, которые, по мнению Т.А. Бердниковой, позволяют предположить, что младшее поколение русскоустыинцев ориентировано на сохранение территориального диалекта как в своей речевой практике, так и в передаче диалекта последующим поколениям. Современная ситуация диглоссии показывает, что диалект стал средством обиходного, домашнего общения. Современные русскоустыинцы совершенно свободно вступают в речевую коммуникацию с любыми русскоговорящими людьми. Однако в ситуациях неофициального общения (дома, в магазине, на улице, в больнице, иногда даже в рабочем коллективе, если он состоит из выходцев-русскоустыинцев) переходят на диалект: Когда захотим, то можем и баить (Малышева З.А., 36 лет). Метод включенного наблюдения, проживания и участия в повседневных занятиях с носителями культуры, позволил исследователю внести следующее замечание: происходит четкая смена диалекта на литературный язык при участии в общении нерусскоустыинцев.

Антропологический отряд работал в пос. Чокурдах и с. Русское Устье Аллаиховского улуса (район), пос. Черский и с. Походск Нижнеколымского района РС (Я). Исполнитель к.б.н., антрополог, в.н.с. Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая (г. Москва) Г.А. Аксянова. Антропологическое исследование по обоим анклавам русских старожиллов Арктики было проведено по одной Программе одним специалистом, что обеспечивает корректное сравнение полученных данных. Удачным в методологическом отношении фактом является также наличие ранних хорошо сопоставимых опубликованных материалов по научному описанию антропологическо-

го типа сибирских народов тех же районов Якутии И.М. Золотаревой (1959г.) во время Юкагирской экспедиции (Колымской) комплексной экспедиции. В Аллаиховском улусе собраны данные по выборке мужчин (57 чел. в возрасте 17-70 лет), женщин (44 чел. в возрасте 17-86 лет), дети школьного возраста (115 чел. 7-17 лет), всего 216 человек. В Нижнеколымском улусе всего было обследовано 239 чел. из числа местного населения, среди них мужчины (51 чел. в возрасте 17-70 лет), женщины (43 чел. в возрасте 17-66 лет), дети школьного возраста (145 чел. 7-17 лет). Были сделаны следующие выводы:

– обе группы по расовому комплексу сближаются прежде всего с ослабленно европеоидными группами коми и русских северо-востока Европы, различаются вследствие большей доли азиатского компонента на Колыме и, важно, разного удельного веса коренных сибирских народов в каждой территориальной группе;

– результаты антропологического исследования походчан показали меньшую, чем у русскоустыинцев долю русского этнического самоопределения и вклада собственно русского населения в генофонд группы;

– две территориально близкие группы заполярных старожилов различаются и по доле азиатских компонентов, походчане немного более монголоидны, чем русскоустыинцы. У походчан в целом доля азиатской (монголоидной антропологически) примеси несколько выше, причем особенно за счет вклада чукчей, в меньшей степени и юкагиров. Доля якутского компонента в полных мужских выборках походчан и русскоустыинцев различается незначительно, всего на 1%. Среди доли азиатской примеси у русскоустыинцев превалирует компонент северных якутов нежели юкагирский. В Походске проявляется увеличение чукотского и юкагирского влияния, в Русском Устье – якутского;

– исследование показало, что в настоящее время большинство выходцев из с.Русское Устье и с.Походск живут в улусных центрах, часть населения выехали за пределы улуса и республики, но сохраняют территориальную идентичность, признавая село своей малой родиной. Культурологическая специфика потомков русских старожилов Арктики в большинстве сфер бытия в настоящее время унификации культур, имеет фольклорную доминанту.

– проведена малая анкета по этнической самоидентификации арктических русских старожилов Якутии в пос. Чокурдах, с. Русское Устье

Аллайховского улуса (района); пос. Черский и с. Походск Нижнеколымского улуса (района) РС (Я). В качестве национальной идентификации были предложены варианты «русские», «местные русские», «русскоустыинцы/походчане», на что русскоустыинцы идентифицируют себя однозначно «русскими», старшее поколение (60 и более лет) – «местные русские», в качестве родного назвали русский язык; походчане, в большинстве своем, подчеркивают свою принадлежность к социальной страте «казаки»: «местные русские, мы казаки».

Историко-филологический отряд работал в составе к.и.н. Е.А. Строгова и к.ф.н. О.И. Чарина, которые давно ведут постоянные исследования по теме формирования арктических анклавов русского населения и русского старожильского фольклора соответственно. Е.А. Строгова на археологическом, историческом и этнографическом материале убедительно делает выводы, что основой для образования постоянного русского населения на севере Якутии стали промышленники, которые открывали и осваивали эту территорию с 30-х годов XVII в.

– Подавляющее большинство мигрантов на север Якутии этого времени были выходцами из восточных районов Русского Севера, среди них больше всего устюжан и поморов.

– Ко второй половине XVIII в. постоянное русское население на Колыме и Индигирке образует уже сравнительно мощный слой, который, конечно, тоньше, чем на средней Лене, но значительно больше, чем на нижней Лене и Яне;

– в течение второй половины XVII–начала XVIII в. в низовьях Лены, Оленека, Яны, Индигирки и Колымы из осевших здесь промышленников и казаков стала складываться группа населения, считавшаяся верхоянскими, зашиверскими и нижнеколымскими мещанами, но ведущая образ жизни рыбаков и охотников. В конце XVIII в. здесь сформировалось крестьянство, сложившееся из тех же мещан, переписанных в крестьянство согласно законодательству того времени;

– в XVII–начале XVIII в. основную роль в формировании и приросте русского населения Центральной Якутии играли мигранты из России и Сибири. Особенностью северного района является то, что со второй половины XVIII в. основная роль в формировании русского населения переходит к естественному приросту, что способствует высокой степени метизации;

– в то же время старожильское население арктической зоны – «индигирщики», «колымчане», при практически полной утрате ан-

тропологического типа смогли сохранить своеобразный русский говор, значительную часть материальной культуры, религиозные представления и национальное самосознание. Речь не идет здесь об отсутствии заимствований, они имели место в области как материальной, так и духовной культуры и языка – дело в интенсивности и уровне «творческой переработки» заимствований. Ярким примером такого пути адаптации можно считать группу русских старожилов, проживающую в селе Русское Устье в низовьях Индигирки и в с. Походск в низовьях Колымы.

Изучение фольклора О.И. Чариной позволило ей сформулировать следующие выводы:

– К сожалению, и это неизбежно, русский традиционный фольклор Колымы и Индигирки утрачивается. В ряд произведений прозаических жанров входят иные слова, меняются образы, заимствуются сюжеты и некоторые жанры у соседей – эвенов, юкагиров, якутов;

– Современный фольклор значительно отличается от бывшего традиционного устного народного творчества. Тем не менее, сохраняется то небольшое, что осталось от когда-то обширного репертуара (гномические жанры, обряды, андыльщины). Есть попытки передавать свои знания детям, сочиняются собственные песни – все это дает надежду на сохранение своей культуры русских переселенцев в устье двух холодных рек: Индигирки и Колымы.

Е.П. Антонов в ходе исследования пришел к выводу, что идентичность русских старожилов республики включала в себя общерусскую и региональную – русскоустинцы – индигирщики и походчане – колымчане. При этом символическое понятие «Шендуха», или «Сендуха», ими преподносилось в качестве образа «малой родины». Семья, традиционная культура, религиозные воззрения, историческое сознание русских старожилов Нижней Колымы в XX–XXI вв. претерпели трансформацию. Взамен патриархальной семьи пришла нуклеарная семья с сохранением принципа общинности и взаимопомощи.

– Под прямым воздействием учебных заведений, СМИ, современной культуры и т. д. оказался практически разрушенным механизм ретрансляции традиционной культуры и русского старожильского говора, что вызывает высокую озабоченность среди людей пожилого возраста.

– Возникла потребность совместного с учеными Москвы, Новгорода и Архангельска комплексного изучения русских старожилов ар-

ктического побережья России, включая марковцев и камчадалов. Следует обратить внимание на подготовку кадров из числа выходцев из с. Русское Устье, с. Походска, которые продолжили бы академические исследования русских арктических старожилов.

– Русские старожилы Якутии, как и все сибиряки, отличались сдержанностью в проявлении своих чувств, немногословностью. Внимание и забота о человеке проявлялись у них неброско, незаметно и бескорыстно. Бытовало мнение, что отказаться сделать добро – грех, а сделать и укорить – тяжелый грех. Взаимопомощь и поддержка остались доброй традицией, которая до сих пор передается из поколения в поколение. Объясняется это природно-климатическими условиями, когда в пургу и холод первым делом нужно приютить, обогреть и накормить человека. Среди походчан и русскоустинцев отсутствовал брань и сквернословие, обычным обращением в речи служили ласкательные имена: «золотце», «крошечка», «нянечка», «Мишенька», «Дунечка» и т.д. На Нижней Колыме по-прежнему сохранилось уважительные и дружелюбные взаимоотношения между русскими старожилыми и представителями коренных народов Якутии.

– Треть русских старожилов из числа мужчин была занята профессиональным рыбным промыслом, что является одним из важных показателей изменения направления их трудовой деятельности под влиянием глобализационных процессов. Остальная часть мужского населения имела другие источники существования. В действительности же каждый мужчина, начиная с подросткового возраста, занимается ловлей рыбы. Четверть женщин трудилась в сфере образования, а десятая часть – в муниципальном управлении. Более 40 % походчан считали родным местнорусский говор [Антонов, 2014].

Обобщая проведенные исследования 2012–2014 гг., С.Е. Никитина считает, что современное этническое самосознание русскоустинцев опирается в основном на общность происхождения, языка, традиций и культуры. Географическая изоляция в условиях Арктики Якутской области способствовала сохранению в течение четырех веков старорусской культуры XVI–XVII вв., уникальный феномен которой так привлекал научный интерес исследователей. Адаптации русских старожилов к суровым природным и климатическим особенностям арктических районов Северо-Востока способствовало их происхождение из Русского Севера, т.е. они были достаточно приспособлены к морозам, системе жизнеобеспечения, трудовым занятиям.

– С 1990-х годов у русских арктических старожилов наблюдается рост этнического самосознания, повышение интереса к истории, фольклору, песням своего народа, семейным родословиям. В этнических процессах прослеживается наличие нескольких уровней их менталитета, что выражается в самоидентификации «русскоустинцы–рыболовы», «походчане» (идентифицирующие себя территориально «русскоустинцы/индигирщики», «походчане/колымчане», «местные русские»), «поселковые русскоустинцы/походчане» («русские/русскоустинцы/походчане») и русские старожилы городских общин Якутии и России (г. Якутск, г. Нерюнгри и др. «русские»).

– Наблюдается процесс этнокультурной консолидации. Основными носителями культуры русских арктических старожилов являются жители Русского Устья, Походска и представители диаспор в других местах. В целях сохранения оригинальной и самобытной культуры и традиционных форм хозяйствования следует принять срочные меры для официального признания их особой уникальной субэтнической культуры, обладающей языком, фольклором, материальной и духовной культурой, религиозными воззрениями. Прецедент имеется – это чуванцы – потомки русских старожилов с. Марково, и камчадалы – потомки русских казаков и ительменов.

– Уникальность лингвокультурологического материала Русского Устья и Походска определяется сохранностью архаичной северорусской культуры. Язык и фольклор красочно демонстрируют то, что русские арктические старожилы являются самобытной моделью российской цивилизации. На протяжении последних 150 лет исследователями собран многочисленный фольклорный материал, который позволяет изучить трансформаций уникального феномена сохранившейся старорусской культуры вдали от генеральной материковой русской цивилизации под влиянием советской и постсоветской модернизации. Современный фольклор по большей части носит презентационный характер, но нужно заметить наиболее сохранившейся в бытовании являются элементы материальной и духовной культуры, связанных с трудовыми занятиями.

Феномен старожильской культуры Арктики вызывал научный интерес у многочисленных экспедиций, прибегавших к помощи арктических русских Индигирки, Колымы в отдаленных иноязычных территориях России по снабжению и сопровождению своих исследовательских отрядов, при этом оставивших свои впечатления об этом

культурологическом островке Руси XVI в. В архивах РАН, РГИА, Архиве восточных рукописей изучались документы по научным экспедициям В. Беринга, Ф.П. Врангеля, К.К. Неймана, А.А. Бунге, И.Д. Черского, В.И. Иохельсона, В.Г. Богораза, барона Э.В. Толля, Лено-Колымской (Е.Ф. Скворцов), КЯР (Д.Д. Травин). В РНБ были изучены опубликованные материалы научных экспедиций и этнографические заметки путешественников о русских старожилах Индигирки и Колымы досоветского времени и побывавших в поселениях Русское Устье, Походск и Нижнеколымск в советский период. Выявлены документы, об участии населения устья р. Индигирки в научном освоении Арктики, так в экспедициях Витуса Беринга (1739–1743 гг.), И.И. Билингса (1797 г.), М.М. Геденштрома (1809–1811 гг.), Г.Л. Майделя (1869–1970 гг.), Е.Ф. Скворцова (1901 г.), К.А. Воллосовича (1899–1902 гг.), Д.Д. Травина (1929 г.), Т.А. Шуба (1942 г.); о русских старожилах р. Колымы оставил свои наблюдения В.Г. Богораз (1889, 1902–1904 гг.), В.И. Иохельсон (1902 г.), Н.И. Спиридонов (1929 г.), И.Д. Черский (1891 г.) и др. »[Никитина, Якутский архив, 2015].

В Архиве РАН в изданной описи документов экспедиций РАН Г.Ф. Миллера обнаружена карта Трускотта*: «Карта печатная побережий Северо-Востока Азии и Северо-Запада Америки с маршрутами русских мореплавателей» (приблизительно может быть отнесена к 1758 г.), где нанесена р. Индигирка, в устье с пометой «русское жило»[Архив РАН]. Все эти материалы представляют собой неопубликованные уникальные архивные документы, и даже те из них, что опубликованы, почти сразу стали библиографической редкостью. Хотелось бы отметить их научную значимость и необходимость публикации.

Важным представляется исторический вклад русских старожилов Арктики в научное освоение северо-востока Азии, участие русских старожилов в научных экспедициях, когда определялись географические очертания континента. С их слов наносились береговые линии северных границ России, как свидетельствуют документы, русскими мореходами отрядов Д. Лаптева, М. Геденштрома, А.А. Бунге, И.Д. Черского и др. Многочисленные дневниковые записи морских экспедиций содержат упоминания о помощи местных русских устья р. Индигирки и р. Колымы в нанесении береговых линий на картах, помощи в качестве проводников и материальной поддержке экспедиционных отрядов меховой одеждой, собаками, провизией.

Основная историческая миссия русских арктических старожилов в хозяйственном освоении, географической колонизации Арктического побережья, и в государственном утверждении на северо-востоке российских границ. Как обозначил В.Г. Богораз в рукописи «Русские поселения на Крайнем северо-востоке Азии. Затерянная Русь» значимость самых северных поселений русских на Индигирке и Колыме в освоении северных окраин России: «Затерянная Русь, затерянная на северо-востоке Ultima Thule российского племени... Первый элемент – это потомки казаков завоевателей и разных других пришельцев из России. Так вместе с казаками явились промышленники» [Богораз, л. 2]. Проведенные опросы и анкетирование показывают, что в устной памяти русские старожилы сохраняют важность своего пребывания на арктических территориях Северо-Востока России в качестве форпостов российской государственности, т.е. ими подчеркивается геополитическое значение русских старожильческих населенных пунктов в этих широтах как маркеров границ российского государства.

Феномен самобытности сложившейся культуры арктических русских старожилов как результата взаимодействия русской и традиционных культур народов окружающего геокультурного ландшафта в контексте их идентификации изучался генетиками [9]. Мы считаем важными сделанные ими выводы по генетическому компоненту генофонда русских старожилов арктических территорий Республики Саха (Якутия). Генетический анализ позволил ученым подвести заключение о приоритете юкагирского генетического заимствования у русскоустыинцев и чукотского – у походчан, что подтверждается социокультурной историей и географией региона. Антропологические исследования, проведенные нашими экспедициями в селах Русское Устье и Походск, аргументировано доказывают научную состоятельность выводов новосибирских генетиков. В настоящее время можно по праву считать русских арктических старожилов отдельной этнографической группой, заселяющей определенный географический ареал – низовья р. Индигирки и р. Колымы на побережье Северного Ледовитого океана, занимающейся традиционными промыслами, жизнеобеспечение которых полностью находится в зависимости от продуктов традиционных занятий. В данный момент этническая специфика стойко сохраняется в хозяйственной деятельности (преимущественно в рыболовстве) и в духовной сфере. Признание за «русскими арктическими старожилами», жизнеобеспечение которых все-

цело определяется традиционным природопользованием, правового статуса, включенного в «Перечень ... народов Севера», гарантирующий правовую защищенность для традиционного природопользования, позволит им более успешно осуществлять свою экономическую деятельность в сфере рыболовства и охоты, пользоваться такими же льготами, как другие арктические этносы. Сохранение традиционного природопользования, хозяйственного уклада является необходимым условием бытования языка и культуры.

Следует принять срочные меры по разработке с помощью ведущих специалистов–диалектологов учебной и методической литературы для преподавания «национальной культуры русских старожилов Арктики», что станет гарантом сохранения их уникального языка и фольклора, введения его преподавания в школах с. Русское Устье и с. Походск. Без принятия этих экстренных мер грозит нивелирование особенностей культуры русских арктических старожилов в условиях глобализации и унификации культур, полное исчезновение языка и фольклора народа в ближайшем будущем.

Литература и источники.

1. Аксянова Г.А. Русскоустыинский антропологический феномен. // Археология, этнография и антропология Евразии. 2015. Том 43. № 3. 142–155.
2. Антонов Е.П. Самосознание русских старожилов Нижней Колымы в контексте экономической и социокультурной трансформации. // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2014. Т. 7. С. 122–128.
3. Архив РАН. Р.IX. Оп. 1а. Д. 210.
4. Berdnikova T.A., Charina O.I., Larionova A.S., Vasileva R.I. The Experience of Linguistic and Folklore Interaction in the Circumstances of the Single Cultural Space of Yakutia // Mediterranean Journal of Social Sciences. Rome, Italy. 2015. Vol. 6. № 1.4. Supplement 4. August. 2015. P. 72–81.
5. Богораз В.Г. Русские поселения на Крайнем северо-востоке Азии. Затерянная Русь.// Архив РАН. Ф. 250. Оп. 2. Д. 50.
6. Никитина С.Е. Трансформации культуры русских арктических старожилов Якутии. // Гуманитарные науки в Сибири. 2015. № 1. С. 102–106.
7. Никитина С.Е. Документы архивов г. Санкт-Петербурга как источник по истории русских арктических старожилов Якутии.// Якутский архив. 2015. № 1. С. 34–41.
8. Никитина С.Е. Европейцы вне Европы: проблемы сохранения культуры русских арктических старожилов Республики Саха (Якутия). // Европа. Международный альманах. Том XIV/1–2. Тюмень, 2015. С. 125–138.
9. Сукерник Р.И., Володько Н.В., Мазунин И.О., и др. Генетическая история русских старожилов Полярного Севера Восточной Сибири по результатам анализа изменчивости мтДНК.// Генетика. 2010. Т. 46. № 11, с. 1571–1579.

РАЗДЕЛ 2:

ЯЗЫК И ФОЛЬКЛОР РУССКИХ АРКТИЧЕСКИХ СТАРОЖИЛОВ

УДК 81'272

Т.А. Бердникова

Проблема сохранения народных говоров как объект языковой политики

Аннотация: в статье рассматривается история отношения к народным говорам как к формам национального языка со времен публикации «Толкового словаря живого великорусского языка» В.И. Даля (1863–1866гг.) до настоящего дня. В качестве носителей территориальных вариантов русского языка представлены две локальные субэтнические группы русских арктических старожилов – носители русскоустынского, нижеиндигирского говора и походского, нижеколымского говора.

Ключевые слова: диалекты русского языка, языковая политика в области диалектов, русские старожилы Якутии, Музей русских старожильческих говоров, языковое самосознание.

T.A. Berdnikova

The Problem of Conservation of National Dialects as an Object of the Language Policy

Abstract. The article deals with the history of the attitude to folk dialects as forms of the national language since the publication of the “Explanatory dictionary of the living great Russian language” by V.I. Dal (1863-1866) to the present day. Russian speakers are represented by two local sub-ethnic groups of Russian Arctic old-timers-speakers of the RussoyeUstye, Nizhneindigirsky dialect and Pokhodsky, Nizhnekolymsky dialect.

Keyword: Russian dialects, language policy in the field of dialects, Russian old-timers of Yakutia, Museum of Russian old-timers dialects, language self-consciousness.

Русский язык на разных своих территориях представлен устойчивыми разновидностями – говорами (диалектами).

По замечанию известных исследователей народной речи О. Крючковой и В. Гольдина, русские народные говоры – это не только территориальные варианты русского национального языка, составляющие его собственно лингвистическое богатство и многообразие, но и ценнейшее культурное достояние России. Так как русское языковое пространство формируется совокупностью диалектов, то и русское культурное пространство сформировано совокупностью культурных пространств определенных территорий. Уделяя внимание изучению только лишь литературного языка, мы тем самым обедняем не только национальный язык, но и всю национальную культуру, ведь язык является организующим стержнем культуры, способом хранения и передачи последующим поколениям информации.

На территории Республики Саха (Якутия) функционируют территориальные диалекты русского языка, которые согласно типологии М.Ф. Дружининой можно разделить на 2 зоны: 1) приленскую (населенные пункты Ленского, Олекминского, Хангаласского районов, частично Амгинского, город Якутск) и 2) колымо-индигирскую (арктическая зона и селения Усть-Янского района). Обе группы представляют собой говоры вторичного образования, они разнородны по своему происхождению, что связано с особенностями освоения русскими Северо-Востока России.

Неоднократно отмечено, что говоры арктической зоны менее подвержены влияниям извне, нежели говоры приленской зоны. Оказавшись на Крайнем Северо-Востоке Азии, говорящие не испытывали влияния литературного языка и вынуждены были пользоваться тем запасом лексики, который они перенесли вместе с собой. В их речи можно заметить довольно заметное влияние языков малочисленных коренных народов Севера, прежде всего в лексике, имеется также ряд черт, не свойственных русскому языку в области фонетики и грамматики. Всех переселенцев отличало большое пристрастие к старине и традициям дедов, а оторванность от «большого мира», обособленная жизнь среди узкого и ограниченного круга людей вынуждала сохранять старорусский язык и культуру своих предков.

Среди говоров арктической зоны выделяют 2 локальные субэтнические группы русскоустыинцев и походчан, которые в свою очередь являются носителями русскоустыинского, нижеиндигирского гово-

ра и походского говора. Эти группы появились в результате длительного – почти 4 века – и сложного смешения русских с аборигенами и представляют сегодня особую этническую популяцию – арктических русских старожилов. Сравнительно-типологические исследования лексики новгородских, архангельских и колымо-индигирских говоров дают возможность предполагать, что русские арктические говоры Якутии в основе своей имеют северновеликорусское наречие.

Изучение территориальных диалектов не должно сегодня сводиться только лишь к фиксации тех или иных особенностей (фонетических, лексических, грамматических и т.п.), а представлять собой комплексное лингвокультурологическое исследование, в результате чего станет отчетливо видна специфичность языковой картины мира, воплощенной в диалектной речи, что и позволит оценить ее как компонент общей национальной культуры. Безусловно, что без специальной помощи государства и широкого общественного движения за сохранение русских народных говоров и популяризацию знаний о них существенно изменить отношение к ним едва ли удастся.

Отметим, что отношение к народным говорам как к незначимым, второсортным формам национального языка сформировалось в отечественной лингвистике с 20-х гг. XX века. Веком ранее, в XIX веке, в российском обществе, напротив, наблюдался бурный рост интереса к народной культуре и к русским диалектам в том числе. Специалисты, филологи-любители, многие просто грамотные люди увлеченно собирали местные слова, описывали региональные особенности быта, обычаи, верования и другие элементы народной культуры. Мощным толчком для понимания красоты и величия родной речи стал выход «Толкового словаря живого великорусского языка» в 4 томах (1863–1866 гг.) В.И. Даля. На говоры стали смотреть как на самую богатую форму русского языка и живое воплощение русских национальных черт, воплощение духа народа. В образовательных учреждениях рекомендовалось наряду с литературным языком изучать и диалектную речь, знакомить учащихся с богатствами местных говоров, с народной культурой. Такое положение дел было и в советской школе в начальный ее период. При определении границ «стандартного», литературного языка предлагалось «расширять изучение стандартного языка... изучать диалекты... которыми наш стандартный язык окружен, от которых он питается». В эти годы рекомендовалось уважительное отношение к речи учащихся, говорящих на диалектах. Изу-

чению диалектов способствовали и повышенный интерес в 20-е годы к народному творчеству и краеведению. Положительно оценивалось критикой использование диалектных слов в художественной литературе. Так, романы «Тихий Дон» М.А. Шолохова, «Бруски» Ф.И. Панферова и «Лесозавод» А.А. Караваевой характеризовались как «крупные достижения» литературы».

В 30-е годы отношение к народной диалектной речи резко изменилось в связи с изменением отношения к крестьянству как основному носителю диалектов. Крестьянству отводилась роль попутчика, тянувшего пролетариат в прошлое. Всем известны результаты социальных преобразований в деревне в 20-70-е годы, что по сути привело к изменению в самих русских диалектах. Говоры многих деревень перестали существовать вместе с самими деревнями, нарушилась естественная языковая связь поколений. В конце 1933 г. началась организованная по инициативе М. Горького дискуссия о качестве языка художественной литературы, где одним из главных вопросов было соотношение литературного языка и диалектов, использование диалектизмов в художественной литературе. Сам Горький отрицательно относился к «местным речениям», «провинциализмам», что неоднократно высказывал в статьях и выступлениях. Его требование к литератору «писать по-русски, а не по-вятски, не по-балахонски» многократно цитировалось и представлялось непрекаемой истиной. М. Шолохов переделывал романы «Тихий Дон» и «Поднятая целина» в соответствии с критикой, убрав из них большое количество диалектизмов. Идея формирования единой социалистической культуры и единого языка, в основе которого будет лежать русский литературный язык, провозглашала быстрое отмирание диалектов русского языка, они объявлялись пережитком прошлого. Провозглашалась необходимость обучения школьников лишь на «безукоризненных образцах литературной речи», диалекты объявлялись пережитками, извращением литературного языка. Использование народных слов считалось ошибочным.

Но не следует забывать о такой категории языка, как его богатство, что прежде всего выражается в его синонимии, возможности один и тот же смысл передать разными способами. А диалекты как раз и дают такую возможность в силу разнообразия словарного состава, грамматических и фонетических средств. Языковое богатство русских диалектов отражает и различное видение говорящими окру-

жающего мира. Одно и то же семантическое пространство в разных говорах может члениться по-разному, что проявляется в разном количестве слов-названий элементов этого пространства и в различии их взаимосвязей.

Надо прямо сказать, что языковой политики относительно диалектов русского языка в РФ сегодня не существует. Как отметит Л.Л. Касаткин, ближайшая задача, стоящая перед лингвистами, – пропаганда нового отношения к диалектам. Признавая диалекты русского языка реальностью настоящего времени, мы должны четко осознавать, что они памятники культуры и нуждаются в бережном, любовном отношении к ним. Необходима и наиболее полная фиксация их современного состояния.

В местах компактного проживания потомков русских старожилов с конца 50-х до начала 90-х гг. 20 столетия силами преподавателей и студентов филологического факультета университета проводились научные изыскания. Собранный материал был подвергнут обработке, результатом чего явилось издание «Словаря русских старожильческих говоров на территории Якутии» (1997-2007гг.) М.Ф. Дружининой. Однако уже более 20 лет не производится дальнейшее целенаправленное, всестороннее изучение языкового богатства русских старожилов Якутии. Причина кроется, прежде всего, в отсутствии финансирования подобного рода исследований.

В целях сохранения накопленного материала на филологическом факультете университета им М.К. Аммосова в 2008 году при поддержке Министерства науки и профессионального образования РС (Я) и Совета по языковой политике при Президенте РС(Я) по материалам диалектологических экспедиций М.Ф. Дружининой и Н.Г. Самсонова был создан учебный Музей русских старожильческих говоров. На сегодняшний день Музей выполняет не только учебные функции, но и проводит ряд мероприятий, направленных на сохранение русских народных говоров и поощрение интереса к народно-речевой культуре. Методическое сопровождение функционирования Музея готово к проведению и других мероприятий, например, образовательного характера, таких, как издание методических материалов для включения в программу школьного курса русского языка тем о местных разновидностях русской речи; издание сборника очерков об исследователях речи старожилов Якутии; организация конкурсов по языковому краеведению, др.

Важно отметить и рост языкового самосознания диалектоносителей. В поселке Чокурдах, районном центре Аллаиховского района республики, для учащихся средней школы была разработана и выпущена в печать «Рабочая тетрадь», содержащая материалы по языку и традиционной культуре русскоустыинцев. Община при поддержке специалистов в течение ряда лет ведет активную работу по сохранению среди молодежи языковых традиций, песен и других форм фольклора, реконструкции народных костюмов, восстановлению связи с исторической родиной – Великим Новгородом. Отраднo осознавать, что «сколок русской старины» продолжает жить, развиваться, планировать научное освещение своих нематериальных богатств.

Отраднo осознавать, что сегодня люди стали приходить к пониманию, что родная речь – одно из наиболее сильных начал, объединяющих людей, прежде всего – родственников и земляков, это важный субстрат патриотизма и хранитель специфики национальной культуры. Человек с вытесненной родной речью оказывается эмоционально и интеллектуально обедненным, лишенным своих корней, теряющим прочную социальную ориентацию.

УДК 811.161.1'282

Т.А. Бердникова

**О проведении диалектологического исследования
языковой и этнокультурной ситуации
русских старожилов устья р. Индигирка²⁴**

Аннотация: В статье представлены предварительные результаты лингвистического исследования современного старожильского нижнеиндигирского (русскоустыинского) диалекта. Приводятся статистические данные, позволяющие сделать вывод о сохранности диалекта и перспективах его существования как территориального ва-

²⁴ Статья подготовлена в рамках исполнения ГЦП «Лингвокультурологическая экспедиция в пос. Походск Нижнеколымского улуса (района) Республики Саха (Якутия), пос. Русское Устье Аллаиховского улуса (района) Республики Саха (Якутия)» контракта № 198 от 3 сентября 2013 г.

²⁴ This article was prepared in the project of implementation of STP “Linguistic and cultural expedition in the village Pokhodsk of the Nizhnekolymskiy ulus (district) of the Republic of Sakha (Yakutia), the village Russkoye Ustye Allaikhovskiy ulus (district) of the Republic of Sakha (Yakutia)” of the contract No. 198 dated September 3, 2013

рианта русского языка. Описаны особенности проявления языкового самосознания диалектоносителей.

Ключевые слова: нижеиндигирский (русскоустыинский) старожильческий диалект, уровень самосознания, сохранение языка, сферы функционирования диалекта, языковая ситуация.

T.A. Berdnikova

Dialectological Study of the Linguistic, Ethnic and Cultural Situation of the Russian Old-Timers in the Indigirka River Mouth

Abstract. The modern dialect of Nizhneindighirsk old-timers (Russkoye-Ustye) was linguistically studied. Statistical data are presented that make it possible to draw about the preservation of the dialect and the prospects for its existence as a territorial variant of the Russian language. The features of manifestation of language consciousness of dialect speakers are described.

Keywords: Nizhneindigirsky old-timers dialect (Russkoye-Ustye), level of self-consciousness, language preservation, spheres of dialect functioning, language situation.

С 3 по 15 октября 2014 года в п. Чокурдах Аллаиховского улуса было проведено лингвистическое исследование с целью описания современного состояния и условий бытования нижеиндигирского (русскоустыинского) русского старожильческого диалекта. По погодным условиям совершить поездку в п. Русское Устье не представлялось возможным.

Для достижения цели исследования были сформулированы следующие задачи:

1. Выяснить степень сохранности русского старожильческого диалекта у носителей разных возрастных групп.
2. Выявить условия бытования современного русскоустыинского диалекта.
3. Провести анкетирование младшей возрастной группы носителей.

При проведении исследования были опрошены более 40 носителей диалекта из числа взрослых жителей п. Чокурдах, которые сохраняют постоянную, прежде всего, родственную связь с носителями диалекта п. Русское Устье. В ходе бесед с информантами были сделаны

записи от руки (общим объемом 88 страниц) и аудиозаписи (общей продолжительностью 13ч. 30 мин.), сделаны фото бесед с учениками старшей и младшей школы. Также при сборе диалектного материала учитывались печатные материалы и видеозаписи из фондов Музея природы тундры и охотничьего промысла им. Д.А. Лебедева, архива телестудии «Розовая чайка» филиала НВК «Саха» (переведено в цифровой формат около 1 часа записи телепрограммы с носителем диалекта).

Считаем, что нижеиндигирский (русскоустыинский) старожильческий диалект продолжает функционировать и развивается по своим внутренним законам, несмотря на возникшие внешние, экстралингвистические факторы (в первую очередь, развитие научно-технического прогресса и, как следствие, исчезновение некоторых традиционных форм хозяйствования). Выдвинуть такое утверждение позволяют многочисленные высказывания информантов, которые, говоря о большей степени сохранности диалекта у лиц старшего поколения, стараются и сами использовать диалектные слова и выражения. В современных условиях п.Чокурдах старожильческий диалект по-прежнему функционирует в семейном кругу, а сфера его распространения – обиходно-бытовое общение, что характерно для всех современных территориальных диалектов русского языка. В ситуациях официального или полуофициального общения русскоустыинцы используют разговорную форму русского литературного языка. Отмечаем четкую смену диалекта на литературный язык при участии в общении нерусскоустинцев.

Люди, считающие себя русскоустыинцами, составляют среди жителей улусного центра примерно 1/8 (включая детей). Эта группа обладает высоким уровнем самосознания и ответственным отношением к сохранению традиционной русской культуры, фольклора и языка. При этно-культурном центре «Инди» в 2007г. создана общественная организация «Общество русских арктических старожил (русскоустыинцев)» (председатель с 2010г. - Яковлева Е.Ю.), которая ведет постоянную работу по сохранению и пропаганде культуры, фольклора и языка русскоустыинцев. Членами общества предпринята попытка реконструкции избы-землянки с атрибутами быта. Активно в культурной жизни поселка участвуют члены фольклорно-этнографического ансамбля «Русскоустыинцы» и детской группы «Рустиночка». Участники ансамблей исполняют старинные песни, частушки,

соблюдая орфоэпические и фонетические особенности русскоустынского диалекта, ставят постановки, стараясь максимально использовать диалектные слова и выражения.

По мнению жителей поселка – представителей других национальностей, русскоустынцы отличаются сплоченностью, способностью прийти на выручку, целеустремленностью. Неоднократно отмечено, что, входя по разным причинам в коллектив русскоустынцев (например, брачные отношения), человек быстро перенимает диалектные слова и выражения и использует их уже в своей речи, не испытывая языкового барьера в общении.

В школах (младшей и старшей) под руководством Кузьмичевой Ю.Г. для всех желающих учащихся проводятся факультативные занятия по дисциплине «Русская национальная культура», в рамках которой дети знакомятся с диалектными словами и выражениями, особенностями быта русских старожилов, традиционными видами хозяйствования.

Для детей, считающих себя русскоустынцами (по самоопределению) или интересующихся культурой и бытом жителей п.Русское Устье (1 чел.) была разработана и предложена следующая анкета.

1. *Укажите, пожалуйста, свой возраст.*
2. *Укажите, пожалуйста, свой пол: мужской, женский (подчеркните).*
3. *Ты считаешь себя русскоустынцем? да нет (подчеркните)*
4. *Если да, то почему?*
 - *потому что я там родился*
 - *потому что там родились мои родители (мама, папа)*
 - *потому что там родились мои бабушка, дедушка*
 - *(свой вариант) _____*
5. *Ты по-русскоустынски:*
 - *говоришь свободно*
 - *мало говорю, но многое понимаю*
 - *понимаю иногда*
 - *не говорю и не понимаю*
6. *Где и с кем ты в разговоре употребляешь местнорусские слова? _____*
7. *Ты хочешь свободно понимать и говорить по-русскоустынски? да нет (подчеркните)*
8. *Ты бы хотел, чтобы твои дети свободно понимали и говорили*

по-русскоустински? да нет (подчеркните)

В анкетировании принимали участие 24 ребенка в возрасте от 8 до 16 лет (8 лет – 2 уч., 9 лет – 5 уч., 10 лет – 2 уч., 11 лет – 2уч., 13 лет – 2 уч., 14 лет – 6 уч., 15лет – 3 уч., 16 лет – 3 уч.).

Вопросы 7 и 8 были направлены на выяснение перспектив функционирования диалекта. Подавляющее большинство респондентов (19 уч.) высказались положительно, таким образом изъявляя свое желание продолжать языковую традицию и, в свою очередь, передавать ее следующему поколению. 3 респондента (9-и, 14-и и 15-и лет) не выразили желания самим говорить на диалекте и передавать это знание своим детям. Предварительные данные анкеты позволяют предположить, что младшее поколение русскоустинцев ориентировано на сохранение территориального диалекта.

Предварительный анализ собственно языкового материала показывает, что диалектные слова и выражения продолжают функционировать в сфере обиходного и профессионального общения (особенно семантическое поле 'Рыболовство'), что позволяет оценивать современное состояние русскоустинского диалекта как удовлетворительное. Сохранности диалекта в большой мере способствуют и сами носители диалекта, которые предпринимают попытки языковой реконструкции (уроки под руководством Ю.Г. Кузьмичевой, кружковая деятельность, деятельность общины, изучение краеведческой литературы, обращение к «Диалектному словарю Русского Устья» А.Г. Чикачева, намеренное общение со старейшими жителями п. Русское Устье, др.).

Возможно, что долго существовавшая (до 30-х гг. XX века) неграмотность русскоустинцев породила особую атмосферу для словотворчества. До сих пор характерно наличие прозвищ-кличек у людей, чаще всего диалектных; многие сочиняют стихи, используя диалектные слова и выражения; отмечен высокий процент слов с эмоционально-экспрессивной окрашенностью.

Для выяснения архаичности записанных диалектных слов и выражений следует провести сравнительный анализ записей и словариков «Диалектного словаря Русского Устья» А.Г. Чикачева, «Словаря русских старожильческих говоров на территории Якутии» М.Ф. Дружиной и словариков региональных диалектных словарей (например, «Архангельского областного словаря», МГУ, 1980-2014 (продолжающееся издание), «Новгородского областного словаря», НГУ, 1995 (за-

конченное издание), «Псковский областной словарь с историческими данными», ЛГУ, 1967–2007 (продолжающееся издание), др.), «Толкового словаря живого великорусского языка» В.И. Даля.

Для полноты описания бытования диалекта в современных условиях желательно провести типологическое сравнение с нижнеколымским (походским) говором.

Также отмечаем, что в п. Чокурдах, на наш взгляд, сложилась уникальная языковая ситуация полилингвизма, которая требует своего самостоятельного описания.

УДК 811.161.1'282:001.891(571.56)

Р.И. Васильева

**М.Ф. Дружинина как исследователь
русских старожильческих говоров на территории Якутии**

Аннотация. Русские старожилы Якутии, сохранившиеся до настоящего времени, разделяются на две территориальные локальные группы, имеющие общее происхождение, к ним относятся жители приполярных районов русскоустыинцы и походчане (колымчане) и жители таёжных районов ленские крестьяне. Одним из крупных исследователей русских старожильческих говоров является лингвист и лексиколог М.Ф. Дружинина, которая собрала большой пласт диалектных слов и систематизировала их, выявив их лексические особенности.

Ключевые слова: русские старожилы, говоры, лексика, диалектные особенности,

R.I. Vasileva

**M.F. Druzhinina as a Researcher of Russian
Old-Timers Dialects in Yakutia**

Abstract. Russian old-timers of Yakutia, preserved to the present time, are divided into two territorial local groups, having a common origin. They include residents of the polar regions of RusskoyeUstye and Pokhodsk(Kolymsk) and residents of taiga areas: Lena peasants. One of the major researchers of Russian old-timers dialects is a linguist and

lexicologist M. Druzhinina, who collected a large layer of dialect words and systematized them, revealing their lexical features.

Keywords: Russian old-timers, dialects, vocabulary, dialect features.

Поиск стратегий и принципов, гарантирующих витальность малочисленных и малоиспользуемых языков в полиэтнических государствах, в условиях объективного расширения языкового пространства доминирующих языков, требует научного и профессионального подхода с учетом лингвистических и экстралингвистических факторов. В этом контексте сохранение и возрождение языка традиционной культуры русских старожильческих говоров Якутии – одна из важнейших и фундаментальных задач современной гуманитарной науки.

Кафедра общего языкознания филологического факультета СВФУ в этом плане ведет большую, кропотливую работу по сохранению и изданию полевых материалов, собранных Н.Г. Самсоновым, М.Ф. Дружиной и другими исследователями, собранных в различных районах республики, в том числе в Русском Устье Аллаиховского района. Арктические русские старожилы не включены в категорию малочисленных коренных народов Российской Федерации, хотя наряду с отличительными социальными характеристиками, культурным обликом, характерных для коренного населения сохраняют традиционную систему жизнеобеспечения, прежде всего, такие специфические формы хозяйственной деятельности как охота, собирательство и др.

На формирование современной языковой ситуации в Республике Саха (Якутия), отразились процессы, сопровождающие глобализацию и, связанные с нею проблемы, такие как интенсивное промышленное освоение северного региона, изменения в государственно-политическом устройстве РФ в постсоветский период, существенные социальные и экономические, демографические преобразования, непосредственно повлиявшие на установление нового языкового соотношения в республике. Данные процессы неблагоприятным образом отразились на социально-экономическом положении сельского населения и коснулись также старожильческого населения п.Русского Устья. В современных реалиях глобализационные процессы интенсивно влияют на образ жизни, быт, язык, фольклор локальных субкультур, и в настоящее время остро возникла проблема их сохранения и возрождения.

Крупным исследователем русских старожильческих говоров является Мария Федоровна Дружинина, главный итог ее многолетней работы четырехтомный «Словарь русских старожильческих говоров на территории Якутии», последний том, которого вышел в 2013 г. Как отмечает А.А.Бурыкин в словаре представлен материал, отражающий говоры девяти улусов (районов) Якутии, где проживает русское старожильческое население (верховья Лены, окрестности г.Якутска, нижнее течение Яны, Индигирки и Колымы, а также другие территории), объединенных в две группы – приленскую и колымо-индигирскую. В словарных статьях словаря представлены определения значений слов, грамматические пометы, фразовые примеры и географические пометы, отражающие место фиксации слов. В отдельных случаях в статьях даются пометы, указывающие на сферу употребления слов и их эмоционально-экспрессивную окраску, а также на степень употребительности [1].

М.Ф. Дружинина кропотливо, долгие годы занималась расшифровкой ручных записей, отбором и обработкой устной разговорной речи, тем самым ввела в широкий научный оборот собранные полевые материалы. В изданных словарях проанализирована диалектная лексика русского старожильческого населения Якутии. Это уникальный памятник духовной культуры русских на северо-востоке России на протяжении четырех столетий. В нем нашли отражение быт, самобытная культура, нравы, обычаи, миропонимание, верования, языковые, культурные контакты с другими народами Сибири. Последний четвертый том включает материалы для фразеологического словаря русских говоров и дает широкие возможности для дальнейших исследований, как в области русской диалектологии, так и русистики в целом.

Во фразеологическом словаре М.Ф.Дружининой, представленные лексические единицы, иллюстрируются фрагментом из устной разговорной речи русскоустыинцев:

например – Ты хочешь туды яхать, аль че, да? Темно ехать-то, да и пурга. Собачкам-то чижало будет. Подумай, хочешь, яхать, яхай. Аль че да? (РУ. Фед.ЯР);

– Пурги-ти бувают страсные, недавно гнев-гневная булла (РУ.Як. Жат.)

– Не то я, однако, поела, с обеда меня жготой жготит, измучилась вокшу да. (Ру.Як.Жат.Юрт).

В устной разговорной речи русскоустыинцев встречаются лексические единицы тюркского происхождения:

– Большая потопа т.е. наводнение приносит дрова-ти к нам, тогда имаем, заготовку на зиму делаем. Дрова-ти большой потопой идет, мы их ловим. Из воды вытаскиваем да урусой ставим, а то зимой-то снегом занесет (РУ Фед.Бур.);

– А когда этому Ваське Долгому нову юрту-то построить. У него еще конь-то не валялся. В этой своей развалюхе оне давно живут. Лень им мешает строить (РУ. ЯК.ЖАТ. Стан.);

Встречаются вклинивания лексических единиц из финно-угорского происхождения, например:

– Оленка-то торопилась, с глупых глаз села на нарту и погнала собачек, даже не подумала, вечер настал, темно стало (РУ.Яр);

– Ехать по нарте хорошо, конечно, нарта скользит да и все, а не по нарте летом по кустам да калтусам трудно (РУ. Кузьм.Бур.) [2].

Основу традиционного хозяйства русскоустыинцев составляет рыболовство и песцовый промысел. Ни коневодство, ни оленеводство не укладывалось в традиции оседлой земледельческой русской культуры, поэтому вместо оленьей, как у северных народов, русскоустыинцы использовали только собачьи упряжки.

К началу XXв. таких мест, где русские сохранили самобытность и передавали последующим поколениям свою культуру, оказалось три: на реке Индигирка в районе села Русское Устье, в нижнем течении реки Колыма в районе Нижнеколымска, а также на верхней Лене (в районе г.Киренска) и по ее притоку Киренге. Индигирский диалект развился из севернорусских говоров XVI в. вдали от торговых путей и почти в изоляции, в результате чего в языке русскоустыинцев присутствуют севернорусские архаизмы. Также он подвергся некоторому влиянию юкагирского и якутского языков. Во фразеологизмах, собранных М.Ф.Дружининой, обнаруживается связь с языковой картиной мира русских старожилов, обнаруживаются общерусские фразеологические параллели. Исследователем собран огромный пласт диалектной лексики, фразеологии и данный труд представляет неоценимый вклад в изучение языка, фольклора, традиционной культуры, образа жизни, религиозных верований, межэтнических взаимоотношений русского старожильского населения арктических районов Республики Саха (Якутия).

Литература.

1. [Рец. А.А.Бурыкина на кн.] Дружинина М.Ф. Словарь русских старожильческих говоров на территории Якутии. Учебное пособие по русской диалектологии.

А-В. Якутск, Издательство ЯГУ им. М.К.Аммосова, 1997. – 137 с.

2. Дружинина М.Ф. Фразеологизмы в старожильческих русских говорах на территории Якутии: материалы для фразеологического словаря русских говоров / М.Ф.Дружинина;[науч.ред Н.Г.Самсонов] . – Якутск: Издательский дом СВФУ, 2013. – 280 с.

УДК 811.512.157'282

И.А. Чикачёв

Займствования из аборигенных языков в русскоустыинском диалекте

Аннотация. Феномен русской старожильческой культуры на арктическом побережье Якутии – в сохранении в течение длительного времени старорусского языка XVI века. Автор обращает внимание на объективный процесс обогащения лексики за счет заимствований названий предметов, действий, общепринятых в определенной экосистеме. В русскоустыинском диалекте за несколько столетий проживания небольшой русской общины в дельте реки Идигирки и контактов с аборигенными народами закрепилось определенное количество слов из аборигенных языков. Речь идёт о прочно закрепившихся словах, употребляемых в повседневной жизни.

Ключевые слова: русские старожилы, устье Индигирки, Русское Устье, старорусский язык, взаимовлияние народов севера, словарь заимствований.

I.A. Chikachev

Borrowings from Aboriginal Languages in the Dialect of Russkoye Ustye

Abstract. The phenomenon of Russian old-timer culture is on the Arctic coast of Yakutia in the preservation for a long time of the old Russian language of the XVI century. The author draws attention to the objective process of enriching vocabulary by borrowing the names of objects, actions generally accepted in a particular ecosystem. In the RusskoyeUstye dialect over several centuries of residence of a small Russian community in the Idigirka River Delta and contacts with indigenous peoples, a certain number of words from indigenous languages have been fixed. We are talking about well-established words used in everydaylife.

Keywords: Russian old-timers, the mouth of the Indigirka, Russkoye Ustye, the Old Russian language, the mutual influence of the peoples of the North, a dictionary of borrowings.

В русскоустыинском диалекте за несколько столетий проживания небольшой русской общины в дельте реки Идигирки и контактов с аборигенными народами закрепилось определенное количество слов из аборигенных языков. Речь идёт о прочно закрепившихся словах, употребляемых в повседневной жизни. Принимая и включая в себя аборигенное население, т.е. постепенно метисизируясь, община продолжала разговаривать на старорусском языке. При этом происходило включение в язык отдельных терминов из юкагирского, эвенского, чукотского, а позднее и якутского языков, в основном тех, которым не было аналогов на своём языке.

Например, перенимались элементы материальной культуры и соответствующие им термины. Как отмечал И.С.Гурвич: «Тесно соприкасаясь с коренным населением, старожилы переняли у него целый ряд элементов материальной культуры, но почти повсеместно (за исключением усть-оленёкских и усть-янских крестьян) сохранили родной язык и черты русского крестьянского быта». [«Этническая история северо-востока Сибири»]

А.Г. Чикачёв писал: «Исторические судьбы русских групп населения Севера складывались по-разному, что привело к различной степени сохранности полярного варианта северно-русской материальной и духовной культуры. Наиболее полно сохранили традиционные формы хозяйствования, языка, культуры и фольклора старожилы Колымо-Индигирского края.

Основной причиной высокой этнической устойчивости старожильческого населения этого региона можно считать его значительную изолированность. Не меньшее значение имело и то, что коренные народы Севера – чукчи, эвены и юкагиры – вели кочевой образ жизни, специализировались в оленеводстве, контакты с пришлым русским населением долгое время оставались ограниченными из-за различий в социально-экономическом развитии». [«Диалектный словарь Русского Устья»]

Вместе с этим, необходимо отметить, что ранее в низовьях Индигирки проживали оседлые юкагирские племена, основным занятием которых было примитивное рыболовство. Охотились они так же на

олений на переправах во время их сезонных миграций. Причём селились они не на основной реке, а на берегах протоков и висок вытекающих из сточных озёр – лайд. Именно в этих местах сохранились остатки их жилищ – чандалов, примитивных землянок и полуземлянок. Чандолу(юкаг.) – лезть во что-то тесное. Рыбачили они в основном во время хода рыбы с помощью тальниковых ловушек и изгородей.

По преданиям русскоустыинцев именно «сидячие юкагиры» стали со временем частью их общины, поскольку были рыбаками и вели сходный образ жизни. От них русские переняли способы охоты: на переправах – поколки оленей копьями на ветках-байдарках и на ленных гусей с помощью загона. От них же, скорее всего, переняли использование собак в виде транспорта, при этом значительно его усовершенствовал. Название в русскоустыинском диалекте собачьей упряжи – алык имеет явно юкагирское происхождение от аликтэ – запрягать.

Сохраняя свой строй языка, причем в старом его варианте - считается, что сохранили северно-русский говор 15-16 веков, русскоустыинцы заимствовали и использовали хозяйственные, промысловые термины юкагиров и эвенов, аналогов которым не было в их родном языке. Многие такие термины сохранились в русскоустыинском диалекте практически без изменений, поскольку тесное общение и товарный обмен в хозяйственном смысле с юкагирскими и эвенскими племенами продолжались на протяжении длительного времени.

Это название элементов одежды и обуви, орудий труда для выделки шкур и кожи, частей нарты и т.п. Например такие как: агеды – высокие дорожные меховые сапоги из камусов, акляны – летние домашние женские сапожки из ровдуги, алачики – легкая обувь из юфты, кокол(ь)ды – большие дорожные рукавицы мехом наружу. Части нарты: вардина - продольная жердь, дендюор – поперечная дощечка, соединяющая копылья нарты, ильчича – плетёная из кожи верёвка, кинара – ремень для крепления копыльев к полозьям, няпуг – шип на копыле, который вставляется в углубление на полозе.

В повседневную практику и соответственно в русскоустыинский диалект попало слово нимат – обычай делиться добычей, а так же слова выражающие сожаление – хареен (юкаг. – хайрэнь), легкой зависти – иилуга (юкаг. – иилугульэ). По подсчетам А.Г.Чикачёва иноязычных слов в лексике Русского Устья было сравнительно немного, чуть более полусотни. Кроме товарно-обменных операций, заим-

ствованию отдельных слов способствовали браки с представителями этих народов, в основном с женщинами. При этом отмечались, хоть и редкие, браки по мужской линии. Молодых женщин русскоустыинцы старались выдавать замуж за представителей соседних русских общин. Это можно объяснить большой сложностью для русских женщин приспособиться к кочевому образу жизни.

Гурвич И.С. зафиксировал факт браков русских старожилов в основном с юкагиркам, объясняя такую выборочность препятствиями со стороны государства: «Административные барьеры препятствовали слиянию юкагиров с русскими старожилами. Переходившие в русские поселки юкагиры продолжали числиться в своих родах и по своим ведомствам отбывать повинности и платить ясак. Русские старожильческие общества пополнялись лишь женщинами-юкагирками, на правах жен, переходивших в ведомства своих мужей». [«Этническая история северо-востока Сибири»]

Вот эти женщины и привносили в русскую среду некоторые слова, термины, элементы фольклора. Например, применяемые в основном женщинами предметы быта имеют юкагирско-эвенское происхождение. Такие как: алгажни– скребок для обработки шкуры, кыдыран - кожемялка, неньба – доска для обработки шкуры, тыган – кусок кожи на котором разделявают мясо или рыбу. Ласковое обращение у русскоустыинок к ребенку – аму (амо) и обращение к мальчику – тятя (юкаг. - тьятья). При этом последнее слово у некоторых исследователей вызывает удивление, как мальчика можно звать «тятей», ведь он не отец. Здесь, думается, некоторая путаница из-за звукового совпадения, которая усугубляется ещё и особенностями произношения. Русскоустыинцы произносят порой «тьятья» как «чача» или «чачу», когда обращаются к младшему ребёнку мужского пола и смешивают два слова в одно, не зная их фактического происхождения.

Гурвич отмечает, что: «Следы юкагирского происхождения сохранили детские песни и сказки у русских старожилов». [«Этническая история северо-востока Сибири»] Несомненно, что напеваемые матерями детям песенки и пересказываемые уже на русском языке сказки, не могли не оставить след в фольклоре русскоустыинцев. Такие сказки оставляли после себя следы юкагирских слов в русскоустыинском диалекте. Например, слова: атикан (ачикан, эчикэн) – старик, пинкендеи – икры ног и некоторые другие. Один из старинных танцев, так называемый «досельный танец», носит ещё вто-

рое параллельное название «омуканчик». Существует легенда, что его любил напевать и пританцовывать старик - юкагир Омукан. С другой стороны, не кроется ли в этом названии не имя, а юкагирское слово, междометие: амуг(к)а-йуо – выражающее безмерную радость, восхищение: о, страсть как хорошо! Восхищение этим ритмичным танцем, исполняемым под русские припевки и, возможно, имеющим юкагирские корни.

Словом амука русскоустыинцы ласково обращались к матери, здесь возможна так же некоторая путаница связанная со звуковым совпадением: амука – мамука. По аналогии иногда обращались к отцу: папука, тятяка, титяка.

Широкое распространение среди русских старожилов получили так называемые андыльщины (андыль, юкаг. – юноша) – любовные песенные импровизации исполняемые на русском языке под влиянием юкагирского поэтического творчества. Андыльщины привнесли в диалект многие слова в уменьшительно-ласкательном произношении – колымочка, индигирочка, чукчаночка, чухмаречка и другие, имеющие явно эвенско-юкагирские корни. Некоторые слова аборигенного происхождения сами русскоустыинцы ошибочно считают старорусскими, например: шигиры – мелкие стружки, а это скорее от эвенского – хигри (тальниковые стружки). Об этом же фактически пишет Н.Курилов в книге «Юкагиры» (стр. 110): «... явно юкагирского происхождения, без искажения на манер тундренных слов использовались 14 слов: шаткари (дорожные меховые ботинки, подошвы которых сшиты из олених щёток, словарь Р.У.) – саскари, тубурка – чобурха (деревянная застёжка И.Ч.), тул (колчан, словарь Р.У.) – туул, шухума (зря, напрасно, словарь Р.У.) – сукинъ (попусту), уда – уда, нямгаться (капризничать, словарь Р.У.) – ньямгаанул (болтовня), норило (тонкий шест для установки сетей подо льдом, словарь Р.У.) – нориль, кунелга – куньилга, илуга – иилуга, андыльщина – адил и др.». С этим можно вполне согласиться, хотя часть этих слов сами русскоустыинцы справедливо считают юкагирскими, а например такие как: тубурка, шаткари, шухума, норило - считают старорусскими или производными от созвучных русских слов: бур, щётка, шум, нырять.

Г.Н. Курилов писал в предисловии к своему словарю: «Юкагирский язык в своё время, а именно в первой половине 30-х годов, чисто условно был отнесён к группе палеоазиатских языков, хотя ни с одним из входящих в эту группу языков он не имеет родственных

связей. Вместе с тем исследования последующих лет, как у нас, так и за рубежом, показали, что юкагирский язык тяготеет к финно-угорским и самодийским языкам. Неясно лишь одно: являются ли выявленные соответствия результатом древнего родства этих языков или это лишь следы бывшего контактного проживания этих языков». Исходя из вышесказанного, в словарь используемых русскоустыинцами заимствований, прилагаемый к статье, мной включено небольшое количество слов финно-угорского, самодийского или не совсем ясного происхождения, которые имеют повсеместное распространение.

Кроме юкагирско-эвенских, в русскоустыинский диалект попали слова якутского происхождения, которые приобрели или несколько искаженный смысл или произношение. Например, балбах – замороженная тушка гуся, внутри которой помещалось мясо других гусей. По-якутски это мёрзлая коровья «лепёшка». Барча – толченая сушеная или вяленая рыба, в т.ч. юкола, залитая рыбьим жиром. По-якутски это, сваренный и высушенный на солнце гольян или другая мелкая рыба, затем толчёная. Ураса – пирамидальная промысловая избушка типа голомо, покрытая землей (иногда по-русски называли «поварня»), и второе значение слова «ураса» - дрова составленные конусом для просушки (дровяная ураса), а по-якутски это конусообразное летнее жилище, покрытое берестой. Урун – лежанка, нары, кровать. По-якутски - орон. Коспох – плуземлянка-сарай для хранения утвари. По-якутски – хоспох это сарай, кладовка. Китах, по-русскоустыински – деревянное корытце, в котором разделявают рыбу, а по-якутски китах - большая деревянная чаша. Небольшое количество якутских слов и заимствование с несколько искаженным смыслом, подтверждает плохое знание русскоустыинцами якутского языка. Якутский язык хорошо знали русские поречане проживающие в с. Аллаиха и южнее.

Постепенному смешиванию в общине азиатского и европейского начал течение нескольких веков, в дополнение к которому происходил отбор женщин-аборигенок в состав общины и образованию метисизированного населения, науке ещё предстоит дать оценку, используя современные генные исследования, поскольку, как известно, многие наследственные признаки предаются исключительно по женской линии. Недаром многие исследователи конца 19, начала 20 веков путали русских старожилов Индигирки и Колымы с оседлыми юкагирами, которые по их словам порой не отличались друг от друга ни одеждой, ни бытом, ни способом ведения хозяйства.

В.И. Иохельсон и В.Г. Богораз не раз в своих работах нижнеколымских русских называли русифицированными юкагирами, что не далеко от истины, имея в виду их происхождение, одежду и бытовые особенности и если не принимать во внимание упорное сохранение ими русского языка, фольклора, традиций, религии. Небольшое количество аборигенных слов в русскоустыинском диалекте в принципе не меняет его строй и структуру, но при этом придаёт языку некоторые характерные региональные особенности, выделяют его среди других русских диалектов.

Со сменой экономического уклада, ликвидацией песцового промысла, ездового собаководства, исчезновением соответствующих этим видам хозяйственной деятельности орудий труда, происходит вымывание из русскоустыинского диалекта многих ранее употребляемых слов, в том числе и аборигенного происхождения. Под влиянием образования, телевидения и переезда в более крупные населенные пункты, где происходит нивелирование языка, русскоустыинцы переходят на современный русский язык.

Статья содержит Словарь заимствований из аборигенных языков в русскоустыинском диалекте, составленный на основе рабочих материалов А.Г. Чикачёва (см. Приложение).

Литература.

1. Аникин А.Е., Этимологический словарь русских диалектов Сибири: заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. – 2-е изд. - М.; Новосибирск: Наука, 2000. – 758 с.
2. Биркенгоф А.Л., Потомки землепроходцев. Воспоминания-очерки о русских поречанах низовьев и дельты реки Индигирки. М., «Мысль», 1972. - 222 с.
3. Гурвич И.С., Этническая история Северо-Востока Сибири. – М., Наука, 1966. - 276 с.
4. Дружинина М.Ф., Нижнеиндигирский старожильческий говор: Учебное пособие. Якутск: изд. ЯГУ, 1988. – 104с.
5. Зензинов В.М., Старинные люди у холодного океана. Русское Устье Якутской области Верхоянского округа. М., Типография Рябушинского, 1914. - 136 с.
6. Иохельсон В.И., Юкагиры и юкагизированные тунгусы.- Новосибирск: Наука, 2005. – 675 с.
7. Курилов Г.Н., Юкагирско – русский словарь, Якутск, Якутское книжное издательство, 1990. – 356 с.
8. Курилов Н.Н., Юкагиры: неразгаданная загадка человечества (размышления юкагира). Якутск: «Северовед», 1999. – 128 с.
9. Петрова Т.И., Краткий якутско-русский словарь. – 2-е издание, доп. – Якутск: Бичик, 2006. – 256 с.
10. Роббек В.А. и др. Эвенско-русский и русско-эвенский словарь: пособие для учащихся нач.шк., Л.: Просвещение. Ленинградское отд., 1988. - 263 с.

11. Сомоготто (Николаев Семён Иванович), Пища якутов: (в свете соседних культур). – Якутск: Якутский край, 2010. – 168 с.

12. Фольклор Русского Устья. – Л.: Наука, 1986. – 283 с.

13. Чикачѳв А.Г., Диалектный словарь Русского Устья. Новосибирск, Наука, 2005 – 75 с.

14. Циниус В.И. и Ришес Л.Д., Эвенско-русский словарь. Л., Издательство Минпроса РСФСР, 1957. – 276 с.

Приложение

СЛОВАРЬ ЗАИМСТВОВАНИЙ ИЗ АБОРИГЕННЫХ ЯЗЫКОВ В РУССКО-УСТЫНСКОМ ДИАЛЕКТЕ

Агеды – высокие дорожные меховые сапоги из оленьих камусов. Сравните эвенское: огидэ – верхняя эвенская дорожная меховая обувь (по сведениям В.Кеметинова).

Акляны – летние домашние женские сапожки из замши (ровдуги). Сравните эвенское: аклан – воротник праздничной женской одежды, вышитой бисером. (Цинциус, стр. 19)

Акипинок – детёныш нерпы, белёк. Сравните эвенское: а) акипа – тюлень (Цинциус, стр. 18) б) нерпичый, нерповый, тюлений. У В.Даля есть слово: акипка – тюленевый щенок (Даль, стр. 8)

Алачики – башмачки из юфты, к которым пришивались голенища из ровдуги. Сравните эвенское: алаачик – лёгкая обувь из старой продымленной покрывки чума. У В.Даля есть слово – аларчики – якутские башмачки из тёмной юфты или чёрного сафьяна. Пришиваемые к голенищам из жёсткой оленьей кожи.

У В.А.Роббека в эвенском словаре: олачик – летняя обувь из ровдуги.

Аму (амо) – ласковое обращение к ребёнку. Информатор: Кузьмичёва Ю.Г. (Русское Устье). Сравните юкагирское: аммуо – ласковое обращение к детям мужского пола: милый, миленький, милый человек. (Г.Курилов, словарь, стр. 28)

Андыльщина – а) песенное предание б) лирическая песня, сочинённая для себя. Сравните юкагирское: андыль – юноша. Андыльщины – это юношеские любовные песни.

Алгажни – деревянная палка из тальника, в которую вставляется металлический круглый скребок без зубьев для снятия мездры со шкуры. Сравните юкагирское: алганьии – держать (Г.Курилов, стр.19), ангариин (н) – скребок (стр.29).

Алгуй – большой котёл. Сравните юкагирское: олгии(н) – большой котёл (Г.Курилов, стр. 200), тоже что олгуй (як.).

Аллясить – бредить, спятить с ума, впасть в ребячество (як.).

Алык – собачья упряжь для езды на нартах. Сравните эвенкийское: алаг, алиг – запрягать. Юкагирское: алик – собачья сбруя. В.Даль: алак, алык, аляк – оленья или собачья ляпка, сибирское, архаическое.

Аманат – заложник, пленник (тюркское – залог, доверенный другому)

Амыскаться – жадничать. От якутского – жадный, алчный.

Амука – обращение к матери. Информатор: Кузьмичёва Ю.Г. (Русское Устье). Заимствование из юкагирского: амука, амуга – межд. От амуо – восхищение, радость, прелесть, прекрасно, хорошо. (Г.Курилов, стр. 28)

Аргабас – старая потёртая ровдуга. Сравните якутское: ветхая доха.

Ачикан (атикан) – старик, от юкагирского – ачикан.

Аян – небольшое круглое полузасохшее озерко. От якутского – старое русло реки с водой, соединяющееся с рекой только в полоую воду. Эвенкийское: айан – старица, протока. Эвенское: айан – протока.

Бадаран – топкое, болотистое место (от як. бадараан).

Балаган – жилище типа якутской юрты (от якутского: жилище, летний, зимний балаган).

Балбах – тушка гуся, из которого удалены кости и внутренности, а мясо оставлено на коже с перьями. В этот своеобразный мешок складывали для хранения мясо других разделанных гусей для хранения в замороженном виде. Сравните якутское: балбаах – замороженная глыба навоза.

Барча – толченая в ступе вялена рыба, как вариант юкола, залитая рыбьим жиром. От якутского бурса, возникшего от самодийского: порса, пуорса (Сомоготто, стр. 80). Кроме того, барча, варёная в рыбьем жиру – это отдельное блюдо, называемое варка.

Батас – большой охотничий нож. Сравните якутское: батаас – пальма, копьё с короткой рукояткой

Бергенях – небольшой серый гусь (М.Ф.Дружинина, якутское, стр.77)

Бугул – копна сена (як. бугул)

Вардина – одна из двух продольных жердей нарты, прикрепляемых к верхней части копыльев, нащеп. Сравните эвенкийское: орзина – борт нарты. Юкагирское: варинэнь, варвардьэ – крепко, прочно (Г.Курилов, стр. 43)

Ганза – курительная трубка, от эвенского ганча – маленькая оловянная курительная трубка.

Дендюор – поперечная дощечка на задней части нарты. По сообщению В.А.Кей-метинова в эвенском языке есть слово дендюор (дандур) – дощечка, соединяющая между собой копылья нарты.

Депша- шкура молодого оленя для камлания (якутского дёпсё – подстилка, монг. дебсе - чепрак).

Дугдушка – любовница. Сравните эвенское: дудгун – пара, чета.

Дундук – шуба, кухлянка, глухая меховая рубаха из олених шкур. Сравните эвенкийское: дуди – одежда.

Дюкак – сосед. От якутского: сожитель, сосед, проживающий в одной юрте.

Ё, брат! – междометие, выражающее боль, изумление, сильное чувство. От юкагирского: йо! – больно.

Ильчича – сплетенная особым образом из кожи верёвка. Сравните эвенское: ильчача а) плетение, вязание б) заплетённый в) связавший

Илуга – выражение легкой зависти. Сравните юкагирское: а) иилугеульэ – приятно тягостная грусть, тоска по кому-либо. б) иилуги – тосковать о ком-либо (Г. Курилов, стр.53) в) печаль, горевать, печалиться.

Индигирка, река. От эвенского: индэвур – жить, поживать, здравствовать. (В.А.Кеметинов, стр.128)

Капкар – дорожная сумка. Сравните якутское: хаппар – женская сумочка на ремешке.

Кекур – каменная скала в виде столба. Возможно якутского происхождения.

Келемча – протухшая рыба или мясо. Не ясного происхождения.

Кенчи (тяги, чижы) – меховые чулки. От якутского - кянчи.

Кунел(ь)га – наклонная палка, к которой привязывается настороженная петля для ловли куропаток. Сравните эвенское: кунялга а) направляющий заборчик из

веток для ловли куропаток б) направляющие жерди в корале (по сведениям В. Кейметинова).

Кораль – загон для оленей. Сравните юкагирское: а) загон для оленей б) загон для ленных гусей (Г.Курилов, стр. 90).

Коспох – земляной шалаш, полуземлянка для хранения утвари. Сравните якутское: хоспох – кладовая, чулан.

Крадчи – украдкой, тайком. Сравните юкагирское: харатчи, харичэрэ – обманывать (Иохельсон, стр. 465).

Кинара – верёвка или ремень скрепляющий копылья нарты с полозьями. По сведениям В.Кейметинова: эвенское слово кенур означает веревку, ремень что-то стягивающий. По утверждению Г.Курилова: кин – два, няра – бугорки. Дословно – два бугорка (два отверстия – А.Ч.), соединённые между собой ремнём.

Китах – деревянное корытце, в котором разделяваю рыбу. Сравните якутское: кытах – самая большая деревянная чаша, из которой ест вся семья.

Кирбен – поплавок-чурочка. По сведениям В.А.Кейметинова: эвенское корбен – поплавок. Дословно означает – бычок.

Кокол(ь)ды – большие дорожные рукавицы из камусов оленя, мехом наружу, обычно соединённые между собой на лямке. Сравните эвенское: охотничьи рукавицы особого покроя, с прорезью на ладони, в которую свободно проходят пальцы при стрельбе.

Колыма, Кулума – юкагирского происхождения (возможно, имеет финно-угорские корни: кола-рыба, ма – вода, река). Сравните финно-угорские названия рек и озёр: Колва, Коломенка, Кола, Коломна.

Кухлянка – длинная, ниже колен, не распашная верхняя и зимняя одежда из пыхика оленя, шерстью наружу с капюшоном. Возможно юкагирского происхождения

Кукашка – пальто из оленей шкуры в виде рубашки. Возможно от куклянки, уменьшительного - кукляшки.

Кукуль – большой дорожный мешок на нарту. Сравните эвено-юкагирское: кукуль – меховой спальный мешок.

Кулумшане – жители Колымы, колымчане. От Колыма, Кулума – юкагирского происхождения (возможно, имеет финно-угорские корни: кола-рыба, ма – вода, река).

Курма – женска куртка, полупальто. Тунгусо-мнчжурского происхождения: курумэ – куртка, верхняя одежда до колен, полукафтан

Кутога – ремень для плетения кузова нарты. Не ясного происхождения.

Кыдыран (кидыран) – деревянная серпообразная дуга с зубьями (не скобель). От эвенийского: кэдэрэ – кожемялка. В якутском варианте подобным словом называется скобель для выделки кож. В русско-устыинском диалекте имеется отдельное слово для кожемялки: скомодверье – приспособление в виде двух складывающихся бревен с зубьями, при помощи которых мнут кожи.

Лабыкта – олений мох, ягель. По сведениям В.Кейметинова: якутское слово лабыкта произошло от эвенкийского слова набукта – ягель. На эвенском языке навта, близкое по звучанию наукта, тоже означает – ягель.

Лахтак – а) разновидность тюленя б) большой лоскут шкуры, материала. У В.Даля: лахтак – сибирский вид большого тюленя, шкура сивуча, тюленя, снятая вместе с салом. Лоскут вообще имеет явное тунгусо-манчжурское происхождение.

Макун – багор. Сравните эвенское: мэкун – крючок (Цинциус, стр.240)

Малахай – меховая шапка, головной убор эвенкийско-юкагирского фасона.

Малкан – годовалый олень. Сравните эвенское: молкан – домашний олень 1-2 лет.

Мандарка – замша, выделанная нерпичья, оленья или тюленья кожа, выкрашенная ольхой.

Маняло (моняло) – содержимое желудка оленей, каша из полупереваренного мха, употреблялось в пищу чукчами, юкагирами, ламутами. От юкагирского, мониль – живот.

Маут – аркан, лассо или плетёная из кожи верёвка со скользящей петлёй для ловли оленей. Эвенское, мавут – аркан для ловли оленей (Х.Дуткин, стр. 36).

Мугулёк – мешочек для хранения нагрудной иконы. От слова - магиль, возможно коми-зырянское происхождение.

Могун – живот. Может происходить из юкагирского: мониль - живот.

Мотылёк (мучилёк, мутылёк) - почка гуся, птичий желудок. От юкагирского: мочиль - желудок птицы.

Нарва – углубление в виде канавки, надрез, выруб на бревне, куда вставляется клин. Сравните якутское: нарбе – брус для скрепления досок, эвенкийское: нарви – шпонка. Вероятно происхождение от русского варианта.

Нарта – сани с широкими полозьями из лыж. Сравните эвенкийское: нартэ, натэр – сани. Возможно заимствование из финно-угорского.

Недрес – шкура летнего оленя, т.е. более тонкая с коротким и не лезущим ворсом. Возможно, что произошло от эвенского слова наргас – шкура нерпы-ларги (А.Ч.). Эвенское слово недрес, недрас – шкура летнего оленя. (Аникин, стр. 406)

Нен(ь)ба – специальная доска для обработки шкур. Сравните юкагирское: нинбэ, означающее то же самое (Г.Курилов, стр. 168).

Норило – тонкий шест для протягивания сетей подо льдом. Сравните юкагирское: нориль – означающее то же самое (Н.Курилов, стр.110). Возможно заимствование.

Няпуг – конусовидный шип на копыле, который вставляется в конусовидное углубление на полозе нарты. Сравните юкагирское: ньаппу – углубление (Г.Курилов, Юкагири-русский словарь, стр. 183).

Нямгун – капризный человек. Сравните юкагирское: ньамгаанул – болтовня.

Нимат – обычай безвозмездно делиться добычей со спутниками, напарниками, соплеменниками. Сравните юкагирское: ньимат – друг к другу относиться (по сообщению Г.Курилова).

Омоки - древнее, оседлое вымершее племя юкагириков. Сравните юкагирское: омок – племя (Г.Курилов, стр.201). Омук – юкагир. Якутское омок означает люди вообще, народ, племя, род, чужой, инородец, иноземец (тунгус, ламут, юкагир, чукча).

Олдон – шест на котором подвешивался котёл над костром, очагом. Сравните эвенское, эвенкийское: олдон, оллон, олдан – крюк для подвешивания чайника над костром. Якутское олдон, оллон – горизонтально подпертый шест для подвешивания котлов над костром. Напротив юкагирского пигонда - крюк для подвешивания котла.

Ойяви (ояви, айви) придти – переродиться в потомках (об умершем, возвращающемся с того света под видом новорожденного). Сравните юкагирское: ойяви – душа (по сообщению Г.Курилова).

Па – междометие, выражающее отвращение. От якутского – па.

Пальма – холодное оружие, рогатина, короткое копьё, большой нож с деревянной ручкой. Селькупское: пальма - тунгусское копьё.

Палемка – небольшой тонкий нож с полукруглым лезвием.

Пангил – шпангоут в лодке. Юкагирское: пануил - перекладина распорка (в нарте), пануилтэ – приделать распорки к челноку (Биркенгоф, 1972 г.: 172; Аникин, 439).

Парка (парга) – вид одежды мехом наружу, короткая доха из оленей шкуры, не распашного типа. Общий сибирский термин (коми, ханты, якутский, русский).

Пинкендеи – икры ног. Сравните юкагирское: пёнкычезн – быть округлым, выпуклым (Г.Курилов, стр. 231).

Плеки – короткие дорожные меховые сапоги из камусов (ботинки). От чукотского: плекыт - обувь, плеэкт – сапоги из оленей шкуры.

Пыжик – шкура оленя до года. Общесибирское. Из фино-угорского (коми, ханты).

Ровдуга – оленья замша. Общесибирское. Из фино-угорского (карелы, саамы).

Сайба – надземное сооружение для временного хранения рыбы. От эвенкийского: сайба – амбарчик, лабаз на сваях. Якутское: сайба – невысокий сруб на берегу для хранения ряпушки.

Сары – сапоги из конской кожи. Из якутского: сары, непромокаемые сапоги из кожи лошади.

Сата – камень, осколок метеорита, обладающий по поверью, магическими свойствами. От якутского: сата – безоаровый камень из желудка или печени крупных животных или глухаря, обладающий волшебными свойствами.

Семах – прядь конского волоса для вязания сетей. От якутского: сюмэх кыл – прядь конского волоса.

Сиика (сика) - сырое, слегка посоленное, мелко нарезанное филе свежей рыбы (тоже, что тала). Употребляется в пищу. От якутского: сикэй – сырой, сырое.

Сутуры – короткие, до колен меховые шаровары. Из эвенкийского: сотуро – наколенники, ноговицы, якутского: сотуруо, сутуруо – наколенники, ноговицы, штаны, шаровары меховые.

Тайбола – далёкая необитаемая глушь. Скорее финно-угорское происхождение: дремучий лес, старая заросшая тропа, обширные лесные пространства. Сравните якутское: тайга – даль, далёкое расстояние.

Тала – кушанье из мелко нарезанной сырой рыбы. Сравните эвенкийское: тала – строганина (мелко нарезанное сырое мясо или рыба, употребляемые в пищу).

Томар (тамар) – а) стрела с тупой деревянной головкой для охоты на куропаток б) тупая стрела черкана (як.)

Тах-тах – направо, команда собачьей упряжке. От эвенского: тэ-тэ – направо.

Торбаза, торбаса – меховые сапоги из камусов оленя. От якутского: этэрбэс – обувь на мягкой подошве. Торбоски – сапожки на пораненные лапы собак.

Тордох – охотничья конусовидная палатка, переносное жилище с каркасом из жердей и покрытием из олених шкур, ровдуги, бересты. Из якутского: тордох – копоть, сажа, старое поношенное кожаное платье, палатка, ураса, балаган, покрытый выделанной оленей кожей.

Тыган – специальный кусок шкуры, на котором разделявают мясо или рыбу. Сравните эвенское: а) тэгин – подстилка б) тэгэн – нижняя часть крыши чума (сообщение В.Кейметинова).

Тырга - свернутый из тальника круг, овал, к верхней части которого привязывается петля для ловли куропаток. По сообщению В.Кейметинова по-эвенски ты-

рга означает – полдень. Т.е. ловушка напоминает небесный свод, а петля подвешена на полдень.

Тубурка – деревянная или костяная застёжка. Юкагирское – чобурха (Н.Курилов)

Туктуй (тухтуй) – топор-колун. От якутского: дуктуй – старинный топор, дуксуй – ударить, поразить.

Тунтай – маленький деревянный бочонок. От якутского: тумтай – круглая или овальной формы посуда из бересты, с крышечкой или без крышки.

Турсук – кожаный мешочек для хранения дробы и пистонов. Сравните якутское: турсук – небольшое ведро (подойник) из кожи.

Тусах – нитка, обычно волосяная, для привязывания грузил и поплавков к сети. Из якутского: тусах – верёвка, шнурок, ссученные из конских хвостовых волос, волосяная петля на зайцев, путы для связывания передних ног лошади.

Тятя (чача, чачу) – отец, батюшка; обращение к младшему по возрасту, мальчику. Сравните юкагирское: тьятя – старший брат.

Угах – место возле печки, где хранится кухонная утварь. Из якутского: югёх – кладовушка внутри юрты, чулан в юрте у входа.

Удаганка – ведьма. Из якутского: удоган – шаманка.

Уледи – плохо сшитая обувь, переды и подошвы которых сшиты из одной кожи. Эвенкийское: улады – охотничьи унты. Возможно от финно-угорского – разного типа обувь, в старину обозначало лыжную обувь.

Урос – каприза, причуда. Возможно из финно-угорского: урёс – хилый, неопрятный, замухрышка; капризничать (о ребёнке).

Уросить – капризничать. Возможно из финно-угорского.

Ураса – промысловая избушка пирамидальной формы, покрытая дёрном. От юкагирского: ураса – конусообразное жилище из жердей, обтянутых шкурами или обложенных мхом. Эвенское: уран – летний чум. Из якутского: ураса – наклонно поставленные жерди летней юрты, остов урасы; конический шатер из жердей, покрытых берестой.

Урох – затупившийся нож. Из якутского: юрюёх – род выгнутого ножа для соскабливания шерсти с кож при их выделке, скребок для выделки шкур.

Устугас – сухая рыба (чир), отметавшая икру. Из якутского: устугас – плавленый, рыба вроде чира, отметавшая икру.

Утунга – торф. Эвенское слово утэнгэ означает – торф. По сообщению В.Кей-метинова дословно значит: незатухающий, тлеющий, долгогорящий. Сравните эвенкийское: утун – тундра, болото (Э.Мурзаев, Словарь народных географических терминов).

Унты – меховые сапоги из камусов оленя. Сравните эвенское: унта – а) обувь б) меховая обувь (Цинциус, стр. 203)

Упаван, упуван – подол, подзор, кайма, нижняя часть у одежды. Юкагирское: апаван – обшивка нижней части дохи.

Хабур, хубур – весенний лёд на реке или озере. От якутского: хобур – время первого появления весеннего пупырчатого льда (жирный лёд).

Халя – гарь, обгорелая часть чего-либо. Юкагирское: хаальэ – пригорелое, догореть, обуглиться. Соответственно: халить – палить, халенный – палёный

Халенный – обожженный.

Хаёс, хоёс – деревянная лопата в виде весла для закапывания гусей в бадаране, а так же снеговая лопата. Из якутского: хойуос – копаруля, заострённый (остроконечный) кол для добывания корней черноголовника.

Хамьяк – деревянная поварёшка. От якутского: хамыях – деревянная ложка, хамыиах – большая деревянная ложка.

Хареен! – восклицание, выражающее сожаление. Сравните юкагирское: хай-рэнъ – междометие, означающее: ой, как жаль или какая жалость! (Г.Курилов, стр. 294).

Хаттышка – однолетняя самка оленя, сырица. Сравните эвенское: хатти – однолетняя самка оленя, не имеющая телёнка (Х.Дуткин, стр. 38)

Харгин – чукотская порода оленей. Сравните эвенское: хэргин – низкий, низкорослый (по сведениям В.Кейметинова).

Хахта – юкола из крупной рыбы, высший сорт юколы. От якутского: хохту, хоохту – вяленая рыба, юкола (Сомоготто, стр. 76.). Сравните якутское: хахту – карасья мелюзга и мундушка (продымленные).

Хэдэ, хедэ – эвенский хороводный танец. Сравните эвенское: хээдьэ – народный танец, хоровод, пляска.

Чандалы – остатки жилищ древних юкагиров (омоков) в виде землянок и полуземлянок. Сравните юкагирское: чандолу – лезть во что-то тесное. Чандала представляет собой очень тесное примитивное жилище. (Г.Курилов, стр.319).

Чаут (маут) – аркан, лассо, веревка со скользящей петлёй для ловли оленей. Сравните эвенское: чаут, означающее то же самое.

Чажи (чижи, тяжи) – меховые носки. Происхождение не ясно.

Чеканить – писать, мочиться. Сравните эвенское: чикан (чикэн) – моча (Аникин, 651). Эвенское: очака – детский комбинезон с вырезом внизу (для того, чтобы ребёнок мог писать. Ребёнок обчеканился – ребёнок описался. И.Ч.)

Чопка - глубокое место в реке, озере. Возможно от якутского: чуопка или юкагирского: чопко.

Чум – мешок особого покроя, для складывания вещей на нарте. Юкагирское: чум – большой мешок.

Чукачан (чукучан) – круглоротый чукачан. Из якутского: чукачан – мелкая рыба.

Чукчи – чукча, оленевод. От юкагирского – чача, название одной из групп оленных чукчей.

Чучуна – худой чукча, полуреальный-полуфантастический обитатель тундры. Сравните эвенкийское: сучана – беглец. Якутское: чучуна – дикарь, одичавший беглец.

Шабиш – вещи и покупки, кроме продовольствия. От якутского: сёбис, сёбас – имущество, состояние, имение.

Шаглы – рыбы скулы, щёки, жабры. Возможно финно-угорского происхождения.

Шигиры – стружки. Якутское: сигири – тальниковые стружки для мытья посуды и как мочалки, эвенкийское: хигли – то же самое.

Шиликун – водяной демон. От якутского сүллюкюн – водяной дух, водяной, водяник, водяной чёрт.

Шухума (шухумо) баять – говорить ерунду. От юкагирского: сукумэ(шукумэ) – бесполезно, напрасно, зря.

Юкола – сушеная, вяленая рыба; верхний слой жирной рыбы, на коже, снятый без костей, с частыми надрезами, высушенный (вяленый) на солнце. Йукола, йукала - самодийское (наганасанское) слово: Йу - сушеная, кола – рыба (Сомоготто, стр. 79)

Юрта – изба, дом. Сравните общетюркское слово: юрта – переносное жильё кочевых народов.

Юртушка – название заимки в устье Индигирки.

Юхала – вяленая рыба, идущая для привады песцов.

Яна, река – от эвенского: ингадук эйэнэ – с гор текущая (В.А.Кейметинов, стр. 129)

Ясырь, ясырка – пленник, пленница. Общетюркское. Якутское: дьасырка, дьасырка – пленница, незаконная жена.

УДК 811.161.1

Н.П. Киселева

Русскоустыинский словарь как элемент национальной культуры

Аннотация. Жители Русского Устья сохранили почти в неприкосновенности родной язык, устное народное творчество и, главное, истинно русское самосознание. С болью автор отмечает снижение актуальности знания своего родного языка. Утратив свое назначение, уходят из бытования традиционные слова. Приведена часть авторского словаря, которым автор занимается длительное время.

Ключевые слова: Русское Устье, родной язык, устное народное творчество, русскоустыинский словарь.

N.P. Kiseleva

Russkoye Ustye Dictionary as an Element of National Culture

Abstract. Russkoye Ustye residents have preserved almost intact native language, oral folk art and the most importantly, a truly Russian identity. The author notes with pain the decrease in the relevance of knowledge of his native language. The purpose has lost leaving the existence of the traditional words. Part of the author's dictionary is given, which the author has been engaged in for a long time.

Keywords: Russkoye Ustye, native language, oral folk art, Russkoye Ustye dictionary.

Разнообразие форм и проявлений этнических культур народов Севера уникально. Три сотни тысяч человек сохраняют этнические и локальные особенности около двух сотен различных говоров и

языков. Каждый из языков, называемых по имени перечисленных сорока народов Севера, делится на несколько локальных наречий и говоров или диалектов. Так, в языке чукчей лингвисты различают 5 диалектов, в языке коряков 7 диалектов, и это народы, живущие компактно. В языке эвенков, проживающих в 11 субъектах Российской Федерации, на просторах от Енисея до Камчатки насчитывается более 30 говоров.

Такая проблема, как языки этнических групп Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока интересует многих в самых разных регионах России.

Русские старожилы Якутии разделяются на две территориальные группы, имеющие общее происхождение, но длительное время развивавшиеся обособленно друг от друга в разном иноэтническом окружении, в разных природных условиях и с разной степенью изоляции от основного русского населения Сибири. К ним относятся жители приполярных районов (русскоустыинцы и походчане (колымчане)) и жители таёжных районов (якутяне или ленские крестьяне).

Русскоустыинцы входят в группу русских старожилов, проживающих в двух регионах на северо-востоке Якутии в арктической области. По антропологическим чертам они метисы, по способу ведения хозяйства близки к юкагирам и северным якутам, по верованиям православные христиане, сохраняющие некоторые языческие традиции, по языку и этническому самосознанию русские. Русскоустыинцы, как и походчане относятся к типу русских субэтнических групп, для которых характерны - малочисленность, островное проживание в областях расселения северных народов. Вследствие общности происхождения и тесных культурных связей, общей исторической судьбы походчане и русскоустыинцы обладают культурным единством.

Мы, жители с. Русского Устья, живя в окружении местных народностей, отчасти смешиваясь с ними, тем не менее сохранили почти в неприкосновенности родной язык, устное народное творчество и, главное, истинно русское самосознание. Видимо, поэтому многих путешественников удивляла одна, на первый взгляд, странная особенность: чем дальше на север едешь по Якутии, тем большее распространение имеет знание русского языка среди аборигенов.

Язык русско-устыинцев забывается. В настоящее время уже практически не используются, либо используются очень редко, в большинстве своем слова, которые вышли из обихода в современном

мире, но которые ещё очень часто могут использовать в общении наших бабушек и дедушек. Есть возраст людей, от 35 лет до 60 лет, у которых «проскальзывают» русско-устыинские слова. И это здорово. Это слова и выражения, требующие перевода и правильного произношения. Как быть? Как сохранить интерес к русско-устыинскому языку? В современное время дети уже не говорят на родном говоре. Я думаю, что словари, в которых собраны русско-устыинские слова и выражения, помогут нынешнему и будущему поколению, знать слова и выражения родного диалекта. Таких словарей несколько. Есть словарь Чикачева А.Г., словарь Кузьмичевой Ю.Г. Я думаю, и мой словарь будет не лишним. Ведь в совокупности они представят, пусть не полный перечень русско-устыинских слов и выражений, но в большинстве своем они помогут обогатить словарный запас всех желающих, которые захотят сохранить этнокультурную самобытность родного края, изучать русско-устыинскую культуру, хоть немного говорить и понимать на своем родном диалекте.

Словари являются элементом национальной культуры, ведь в слове запечатлены многие стороны народной жизни.

Всё богатство и разнообразие лексического запаса языка собрано в словарях. Трудно представить себе, что было бы в нашей жизни без словарей и справочников. Где и как мы находили бы значение незнакомого нам слова, правильного написания, произношения, объяснение какого-то события? Словарями и справочниками пользуются многие: переводчики, ученики и студенты, специалисты, работающие в различных сферах деятельности.

Предлагаю вашему вниманию лишь часть слов и выражений из своего словаря, в который я собираю и записываю слова уже третий год.

А

Алгуй- большой котёл
Агнищо- место кострища
Акляны- обувь из ровдуги
Алык- собачьи лямки

Б

Буч- быть
Буйница- форточка в стене или в потолке
Броння- летняя обувь (вместо сапог)
Будунёнки- обувь из шкур нерпы

В

Вишала, вишилина- сооружение для сушки невода, сетей или ещё чего-либо

Выпуск- верёвка для крепления сети за тычку

Варка- измельченная рыба, приправленная рыбьим жиром

Востроноска- очень маленькая мышь с острым носом и длинным хвостом

Г

Горловой платок- платок заменяющий шарф

Гарносталь- горностай

Горлянка- растение со съедобным корнем

Голубица- голубика

Д

Дуга- загнутая талина, привязана стоймя на середине нарты

Дундук- большая рубаха из оленьих шкур

Е-Ё

Едома- длинная возвышенность (гора)

Ж

Жарина- жареная рыба

Жилижница- жук

Жирибес- жеребец

З

Здрастующ- ответ на приветствие

Зостойка- справа от входа в дом- жилище хозяйственный угол

Замет- начало тани

Завертки- портянки

Задок- задняя часть нарты

Завороннишок- жаворонок

Зараштель- склон берега где глубоко занесен снегом

И

Изба- дом

Имо- имя

Ильчича- плетеная веревка из шкуры

Иверень-очень большой

Илуга- что- вроде зависти

К

Коспох, коспошник- шалашеобразное жилище, построенное из дров, обнесенное дерном (летнее жилище)

Кибашша- грузила

Кирбаны- поплавки

Кутаги- шнуровка боковин нарты

Л

Логда- большой поплавок на матне

Лопач- одежда

Ляжжой –неповоротливый

Люша- очень мокрый

Лодуга- обсохшее место

М

Мудряца, мудроной, измудрялся- хитрит хитрый, изхитрил

Мечица, намечился- целится, нацелился

Месной- местный

Мокрой- мокрый

Мижиумно- ни туда, ни сюда

Н

Найдушка- маленькая находка

Намет- лекало

Нямгун, нямгаться- плакса, нюня

Наузнуцах- неустойчиво, не плотно сделано

О

Оптопок- рваная обувь (изношенная)

Обоконнё- что-то очень грубое, громоздкое

Озорко- страшно

Обзодорился- рассердился

П

Поличел- полетел

Падат- падает

Пашник- ряд поставленных пастей

Парка- платье из ровдуги

Полоченсо- полотенце

Р

Ральди- ради чего-то

Расчаралаш- растерялась

Рубловка- деревянная шумовка (мешалка)

Рубудель- виде стола на улице для ведер с водой летом, зимой для льда.

Раштение- растение

С

Силимчик- щепотка табака

Сиспаччиху- потихонько, тайно

Стрески вокшу- совсем

Скобель- от слова скоблить

Стукоток- беспорядочный стук

Страш- старсть

Т

Токовосто- почти что

Табанич, притабанёвоч- придерживать ход лодки в нужном месте

Такач- поддерживать , соглашаться

Таич- скрывать

Туха- польза

У

Укусара- чуб

Упуштить- снять шкуру с животного

Утунга- типа торфа

Утолока- утоптанное место

Ужечич- подсмотреть, выследить, заметить

Х

Харен- означает жалость

Харчит- хрипит, хрипота

Халадес- холодец

Хандахарка- трубка

Хула, хулич- плохо отзываться о ком-либо

Ч

Чикошка- палочка для очekoшивания рыбы

Чуки- близко навстречу

Чачу- обращение к мальчику, молодому человеку

Чашишник- посудное полотенце

Чустуй, почустуй- чувствуй, почувствуй

Ш

Шогуду- в этом году
Шитница- мастерица
Шаяч, шаят- тлеть, тлеет
Ширица, ширунчик- хвастаться
Шоровно- всеравно

Э

Эдак- так
Эштилько- столько

Ю

Юхала-небольшая рыба, разрезанная вдоль хребта, провяленная на приманку (обычно сторожат на них пасть)

Я

Яхач, яхали- ехать, ехали
Ямарина- яма

Выражения на русско-устыинском диалекте:

голову обнисло - головокружение
До пристатку дошли - очень устали
Какада монная - странная
От добра ума - от нечего делать
Одигу ни даёт- нет покоя
Патпетна жила астала - растяжение
Пусто мешто баять - пустословить
Позовоччу гавреч
Уяхал по паишчам - уехал проверять пасти
Угаль да писок - нищита
Хайло драть - орать, горло драть
Шаки концы - всякие выходки
Шерсо ни радует- нет желания
Шаки концы - всякие выходки

Словари и справочники – постоянные спутники нашей жизни, служащие нам для расширения знаний и повышения языковой культуры. Их заслуженно называют спутниками цивилизации. Словари – это поистине неисчерпаемая сокровищница национального языка, а так же это и инструмент познания, и интеллектуальный путеводитель, и просто увлекательное чтение, которое

поможет сохранить этнокультурную самобытность родного края, изучить русско-устыинскую культуру.

Литература.

1. Азбелев С.Н.. Фольклор Русского Устья. Л., 1986.
2. Васильева А. Н. Основы культуры речи. М., 1990.
3. Максимова В. И.. Русский язык и культура речи. М., 2003.
4. Черняк В.Д.. Русский язык и культура речи для технических вузов. Изд. «Высшая школа», М. 2003 г.
5. Чикачев А.Г.. Русское сердце Арктики. Якутск, 2010.

УДК 811.161.1'282.2(571.56)

А.М. Суздалова

Походский говор: исследования учащихся Походской средней общеобразовательной школы с. Походск Нижнеколымского улуса (района) РС (Я)

Аннотация. В статье показана деятельность по изучению истории освоения русскими Арктики, значения колымского казачества и сохранению традиционных языка и культуры в средней школе учащихся под руководством учителя по предмету «Национальная культура». Приведены интересные сведения по языку русских старожилов с. Походска.

Ключевые слова: Арктика Республики Саха (Якутия), русские старожилы, с. Походск, краеведение.

А.М. Suzdalova

Pokhodsky Dialect: Students Studies of Pokhodsky Secondary School, Pokhodskof Nizhnekolymsky Ulus (District) RS (Y)

Abstract. The article shows the activities of studying the history of Russian Arctic exploration and also the significance of the Kolyma Cossacks and the preservation of traditional language and culture in the Secondary school by students on the subject “National Culture”. Interesting information on the language of Russian old-timers of Pokhodsk is given.

Keywords: Arctic of the Republic of Sakha (Yakutia), Russian old-timers, village Pokhodsk, local history.

В программу обучения средней общеобразовательной школы с. Походск входит предмет «Национальная культура», где учащиеся знакомятся с историей, культурой, фольклором своей «Малой родины». Учащиеся принимают участие в улусной и региональной конференциях федерального научно-исследовательского проекта «Шаг – в будущее». Большую помощь в проведении учебных и факультативных занятий оказывает сотрудник филиала Нижнеколымского улусного краеведческого музея в с. Походск Ирина Петровна Борисова. В Походском филиале собраны предметы традиционной утвари, предметов быта, орудий труда и охоты, одежда русских старожилов устья р. Колымы. Фотографии трудовых успехов заслуженных людей села, альбомы, посвященные проведению культурных мероприятий в селе, являются экспонатами памяти и передачи истории села подрастающему поколению. Вот некоторые факты из нашей истории...

Вместе с новгородскими отрядами казаков с незапамятных времен шли на восток промышленные люди. По своему происхождению эти промышленники были главным образом потомками славных новгородских ушкуйников или выходцами из русского Поморья. В Сибирь шли холмогорцы, мезенцы, онежане, живущие близ моря и по устьям больших северных рек.

Второе место среди промышленников занимали жители крупных центров торговли пушниной на Печерском пути – Устюга Великого и Соли Вычегодской с их уездами.

Попадая в Сибирь, торговые и промышленные люди, особенно в дальних северо-восточных областях, по словам профессора Г.В. Вернадского, «несут все обязанности служилых людей, так, что иногда трудно установить грань между теми и другими»[Вернадский].

В XVII веке землепроходцы не придавали большого значения христианизации ясачного населения Колымы. Их не смущало то, что юкагиры были безбожниками, верившими во всевозможных духов гор, тайги и тундры. Но при случае землепроходцы не упускали возможности приобщить юкагиров к своей вере [Третьяков].

«Заезжали якутские торговцы, – которые по словам Миддендорфа, – по подвижности, сметливости и ловкому знанию людей они не уступают евреям, по части их хитрости иной якут, может быть, еще перещеголяет еврея»[Миддендорф].

Походский говор близок лексике архангельского и новгородского диалектов. Встречаются в нем якутские и юкагирские слова. Говор

окающий, плавный, певучий, протяжный, с повышением в конце фразы, слушать его приятно. «Муж-то и работишки-чи приехали, айдан учинили».

Вот первое впечатление Зензинова, который проживал в Русском Устье. Это поселение на Индигирке очень близко Походску и как считает один из старожилов этого села, краевед А. Чикачев: «Русское Устье и Походск – родные братья с едиными корнями и одинаковой судьбой» [Чикачев]. Вот, что пишет Зензинов: «Когда за чаем завязался разговор, я не мог понять не совсем понятных, но несомненно русских слов, которых никогда до того не приходилось встречать в живой речи, некоторые почему-то смутно напоминали старинные русские книги. Все эти впечатления были особенно ярки в первые дни и недели моей жизни в Русском Устье, и я не мог отделаться от мысли, что попал в какой-то старинный уголок Древней Руси, сохранившийся на далеком севере как обломок далекой и чужой для нас жизни» [Зензинов].

«Важные языковые изменения произошли после вхождения Колымского края в Российское государство и постепенного знакомства с русским языком. Возникло много новых слов, связанных с орудиями труда, средствами общения, разными продуктами потребления. Постепенно происходили процессы языковой ассимиляции, связанные с внедрением разнообразных элементов русской народной культуры и многочисленными смешанными браками» [Колесов].

В процессе освоения Колымы промышленники сближались с местным населением, вступали в брак, создавались интернациональные семьи. Таким образом, население Колымы, в частности Походска, было образовано из потомков юкагиров, эвенов, эвенков, русских и якутов и других национальностей. (М.И. Колесов)

Колымчане не только передавали им свой опыт охоты, рыбной ловли, езды на оленях и собаках, но и менялся при смешанных браках, внешний вид, характер, мировоззрение, говор русских и местных народов. И это способствовало появлению отдельного самостоятельного народа – походчане.

Н.Г. Самсонов отметил, что уже в XVIII веке походчане внешне потеряли чисто русские национальные черты: они темноволосы, кареглазы, скуласты – сказывалась юкагирская и тунгусская кровь жен первопроходцев. И говорили они по-особому, окая, слова удлинняя, будто удивляясь [Самсонов].

В.Г. Богораз же отмечал диалектные особенности колымского русского говора, указывал на так называемое «сладкоязычие» [Богораз]. Оно, как утверждают многие исследователи, появилось здесь в результате на говор русских старожилов влияния юкагирского языка. Сладкоязычие выражается в следующем: «Л» перед гласными произносится как «Й» («гойова», «зойото», «Койыма»). «Р» перед гласными и твердыми согласными произносится как «Й» («дойога», «хойосо»). Шипящие звуки заменяются свистящими («сапка», «пассафир», «суба», «пуснина», «дее»). Над несладкоязычием в Походске посмеивались. А если кто-нибудь из местных старался говорить литературным языком, то его упрекали, что он «бает свысока».

Как писал Теки Одулок: «Потомки казаков сохранили старорусский язык, имеющий свои корни в древней киевщине и новгородчине. Так, например, окна, натянутые рыбьей кожей и мочевым пузырем собаки вместо стекол, они называют «решетчато оконце», пыльный немоющийся пол – «кирпищат пол», внутренность своей избушки – «светья гойница». Говорят они сладкоязычным, сюсюкающим говором: «Пъиходите, позаюста, в светья гойницу» – встречают гостя» [Теки Одулок].

В «Очерках Колымского края» исследователи-этнографы в 1887 г. написали так: «Наряду с юкагирскими и чукотскими сказками нижнеколымский бахарь рассказывал множество сказок старой Москвы, старинных рыцарских рассказов, перекроенных на старорусский лад, даже сам сочиняет такие сказки по готовому образу.

На вечерах поются старинные «игровые» песни, разыгрываются хороводные игры, никогда не имевшие место на лугу, но загнанные морозом в избу. Из уст какого-нибудь молодца, нередко несмотря на светлые волосы и голубые глаза, пишущегося инородцем бродячего такого-то рода Омоцкого, можно услышать отрывки богатырской старины, в ярких чертах описывающий быт и время, неизвестных и непонятных для жителей центральной европейской России, не говоря уже об убогом рыболове на краю азиатского Северо-Востока».

«С обрядами юкагирского шаманства перекрещиваются поверья и обряды старорусских верований: суседко – домовый, дедушка – водяной, леший – лесной еретик сталкиваются с таинственными шайтанами, выходящими по ночам из омоцких гробовых сайб, рассыпанных по глухим едомам колымских и анюйских берегов и т.п.

Память колымчанина обнаруживает большую цепкость и упорство в сохранении этих остатков. Непонятные термины земледельче-

ской, городской военной жизни, названия неизвестных рек и городов: Волга-матушка, Дон-Иванович, Тамбов, Чернигов, Саратов, Кострома, имена исторических лиц Скопин, император Петр Алексеевич, Егор Чернышов, Абрам Лопухин, казак Платов – все произносится совершенно правильно, несмотря на то, что смысл целых периодов песенной или сказочной речи остается совершенно непонятным для рассказчика, как будто выраженный словами с другого языка. Например, не понятна колмчанину от первого до последнего слова распеваемая на вечерах песня:

*Лен мой пригорел,
Лен мой призатуск,
Уж я сеяла, сеяла ленок*

Нижнеколымчанин исполнен робкого и почтительного обожания к таинственной Отчизне, откуда вышли его предки 250 лет тому назад. «Русь мудрена» – гласит старинная колымская поговорка, сложенная еще дедами, и постоянно звучала на устах убогого рыбака при встречах с той или иной хитроумной выдумкой. В числе таких выдумок для колымчанина является, увы: хлеб, выращенный человеком из земли, материя, так искусно составленная из тонких волокон, железный котел, глиняная чашка, топор, огниво...

Поэтому несмотря на то, что при столкновении с инородцами колымский поречанин настаивает на своем русском православном происхождении, даже присваивает многим предметам своего обихода названия русских (русанки – сеть из конопли, русский дом – в отличие от юрты и т.п.) он никогда не причисляет себя собственно к этой «мудреной Руси». В глубине души он давно уже принял себя неравным с прочими отраслями и отпрысками русского имени и уравнил себя в собственном мнении с чукчами и прочими «дикими азиатами... Спустя целые столетия потомки казаков сохранили искаженный, по теперешним понятиям, русский язык», – пишет Г.К. Вагнер [Вагнер].

Особенно это было заметно в Походске, жители которого вместо слова «шарф» говорили «сарф», вместо «широкий» – «сырокий». Они часто употребляли как присказку слова «Ой-да», «мольча кипелек», «Ой-да, мольча поехали на ту сторону» – говорят о человеке, поехавшем на ту сторону. В разговоре сильно растягивают гласные звуки: «дай пи-ить, куда дее-ошь?» Употребляют такие выражения, как «светья гойница» (светла горница) и т.п.

Наряду с русским языком в лексиконе походчан имеются якутские слова, например: «абатай» (горячо), «ычака» (выражает эмоции при холоде), «мяля» (попусту), «хая» (возглас удивления).

Встречаются так же непонятные выражения и слова, например: по В.Л. Серошевскому, «вяленая или сушеная рыба, для чего обыкновенно берут лучшие жирные сорта, зовется по-колымски юкола – название, судя по произношению, иностранное, позаимствованное, нужно полагать, от самоедов, у которых ю (ju') значит «жир», а «коля» (kola) «рыба». Так-то встречаются и чукотские слова, например: «каллипки» национальная обувь.

В наши дни походчане, естественно, почти утратили особенности своего говора и перешли на общелитературный язык.

Как отметил А.Г. Чикачев, вот так звучит В. Маяковский на походском диалекте [Чикачев]:

*Онним поспойтам – уйибка у йта,
Дьюгим относение – пьевое.
С постеньем беют, напоимей, паспойта
С двуспайным английским евою.*

В словарном запасе моих земляков, в наши дни сохранились специфические слова и выражения:

*Кулумчане – (колымчане),
Солонник – (юго-западный ветер),
Уза – (погоди, постой),
Урос – (каприз),
Суседко – (добрый дух домашнего очага),
Тайница – (задушевная подруга),
Сендушный – (хозяин тундры),
Сбоимся – (сговоримся),
Ругательный – (неуживчивый человек),
Мудренный – (хитрый),
Хлеско – (быстро),
Углуха – (тьма),
Сумареть – (облачность),
Охольной – (большой),
Нароком – (умышленно),
Кликать – (звать),
Затишь – (спокойный участок воды),
Градко – (полка для сушки обуви и дров),*

Амбар – (кладовка),
Сени – (наружный коридор),
Заструга – (небольшая снежная горка),
Доспеть – (сделать, изготовить),
Туравить – (торопить),
Досель – (в старину, давно),
Выпученный – (гордый),
Басник – (сплетник),
Весновать – (промышлять весной),
Алясничать – (бредить, болтать),
Алырыть – (бездельничать),
Баёт – (говорит),
Забуль – (правда),
Ляхтеть – (учащенно дышать),
Осинец – (подводный лед),
Улово – (место на реке, где метают сети),
Шаткары – (дорожные меховые обушки),
Ушкан – (заяц),
Вешала – (деревянные брусья, куда вешают сети для сушки),
Передовик – (вожак),
Кух – (налево),
Костерка – (осетр),
Сардонка – (щука),
Лейка – (свеча),
Как брат деяния – (как дела),
Проходите садися, рассказывай – (проходи садись, рассказывай),
Мольча – (просто так),
Работишки – (дети),
Неуемные работишки – (непослушные дети),
Ой, чём да? – (почему),
Дехка – (девка),
Чайник-то навесь – (поставь чайник),
Карбас – (лодка),
Соёнка – (солныца),
Хлебочек – (хлеб),
Сахарочек – (сахар),
Гоёхка – (голова),
Руйта – (юрта),
Вайвайка – (вор),

*Годохка – (неряха),
Агаливаться – (кривляться),
Рыбоёхка – (шумовка),
Табань – (гребни),
Ворёхка – (веревка),
Коска – (кошка),
Мысы – (мышь),
Моёдые жоны – (молодожёны),
Пугличка – (пуговица),
Ёхко – (ловко),
Радиккуль – (маленькая сумка),
Сирбит ухо – (ухо тешется),
Ачики – (холодно),
Абатай – (горячо),
Ахто – (кто),
Поет – (собачий корм),
Почево – (зачем),
Анаманенье – (на днях, недавно),
Вечёрося – (вечером),
Занавеску – (шторку),
Похлебку варил – (суп варил),
Пипка – (булавка),
Подди – (иди),
Славно – (ничего себе),
Тихонько – (поосторожнее),
Куды пошло – (куда пошла),
Маненько – (маленько),
Выдери – (накажу),
Однако – (наверно),
Куды сарапаешся – (куда лезешь),
Кава – (что),
Помаленьку – (потихоньку).*

Сейчас в мире существуют ни мало, ни много, 5661 языков. Как свидетельствуют ученые, самостоятельных и хороших изученных языков насчитывается 500. В категорию почти неизученных отнесены полторы тысячи языков. Более трех с половиной тысяч языков – это белое пятно на лингвистической карте мира. Это языки безписьменные.

Язык моего народа входит в категорию почти неизученных языков. В своей работе «Этнопсихологические особенности народов в воспитании детей» психолог А.П. Оконешникова пишет: «Ведение всей учебно-воспитательной работы на языке другого народа, по чужим образцам, приводит к снижению умственной деятельности детей, особенно их аналитических способностей. Человек, воспитанный и обучаемый на своем родном языке, лучше и легче усваивает, значит, у него богаче воображение, крепче логическое мышление, он и душевнее, и только, ему легче других развивать творческие возможности, таланты, так как родной язык помогает постоянно находится в родной сфере, не порывать связи с ней»[Оконешникова].

Я полностью солидарна с автором этих строк и хочу, чтоб сохранился и развивался мой родной язык, неповторимый по своему богатству и красочности фольклора, вековой религии. Хочу, чтобы наши дети воспитывались в духе творчества, стремились обогащать и развивать родную культуру и язык.

Литература.

1. Богораз В.Г. Областной словарь колымского русского наречия. СПб, 1901.
2. Вагнер Г.К. Десять лет Колымы за Сухареву башню // Слово: В мире книг. 1989. № 10. С. 74–77; № 12. С. 59–65.
3. Вернадский Г.В. Государевы служилые и промышленные люди в Восточной Сибири XVII в. // Журнал Министерства народного просвещения. Пг., 1915. № 4. С. 332–354.
4. Зензинов В.М. Старинные люди у холодного океана. / Сост. И авт.пердисл. А.Г. Чикачев, И.А. Чикачев. 3е изд. Якутск, 2001.
5. Колесов М.И. История Колымского края. Ч. I. Якутск, 1991.
6. Миддендорф А. Ф. Путешествие на Север и Восток Сибири: Север и Восток Сибири в естественно-историческом отношении. СПб.: Типография Императорской Академии наук. Ч. 1, отд. 1: География и гидрография. 1860; Ч. 1, отд. 2: Орография и геогнозия. 1861; Ч. 1, отд. 3: Климат Сибири. 1862; Ч. 1, отд. 4: Растительность Сибири. 1867; Ч. 2, отд. 5: Сибирская фауна. 1869; Ч. 2, отд. 5: Сибирская фауна (окончание). Домашние и упряжные животные, повозки, суда, рыболовство и охота. 1877; Ч. 2. отд. 6: Коренные жители Сибири. (Окончание всего сочинения). 1878.
7. Оконешникова А.П. Этнопсихологические особенности народов в воспитании детей. Пермь, 1996.
8. Самсонов Н.Г. Два языка – два родника. Якутск, 1993; Самсонов Н.Г., Самсонова Л.Н. Русские говоры в Ленском крае // Дружинина М.Ф. Словарь старожильческих говоров на территории Якутии (Р–Я): Учебное пособие. Якутск, 1997. С.171-173.
9. Текки Одулок. На Крайнем Севере: Юкагир-одулы Север. М., 1933.

10. Третьяков А.А. Русские на Колыме в конце XIX–нач. XX вв. // Полярная звезда. 1984. № 3. С. 106–111.

11. Чикачев А.Г. Походск, старинное русское село на Колыме. Иркутск, 1983.

УДК 398.8(=161.1)(571.56-22)

О.И. Чарина

Русский фольклор на Колыме и Индигирке²⁵

Аннотация. В данной статье рассматриваются особенности бытования русского фольклора на Северо-Востоке Якутии. Показана краткая история фиксации и изучения русского фольклора. Отмечены локальные особенности исполнения былины «Садко». Прослежена судьба песни «Виноградье». Русская сказка «Раз юкагиры жили» сравнивается с юкагирской «Об одной поднявшейся» сказкой. Таким образом, статья посвящена вопросам изучения русского фольклора на Колыме и Индигирке с учетом влияния иного языка и фольклора.

Ключевые слова: сравнительное изучение фольклора, былина, календарная песня, сказка, двуязычие.

O.I. Charina

Russian Folklore along the Kolyma and Indigirka Rivers

Abstract. This article discusses the features of the existence of Russian folklore in the North-East of Yakutia. A brief history of fixation and study of Russian folklore is shown. Local features of performance of epic “Sadko” are noted and the fate of the song “Vinograd’e” is traced. The Russian fairy tale “Once Yukagir lived” is compared with the Yukagir “About one risen” tale. Thus, the article is devoted to the study of Russian folklore in Kolyma and Indigirka, taking into account the influence of another language and folklore.

²⁵ Статья подготовлена в рамках исполнения ГЦП «Лингвокультурологическая экспедиция в пос. Походск Нижнеколымского улуса (района) Республики Саха (Якутия), пос. Русское Устье Аллаиховского улуса (района) Республики Саха (Якутия)» контракта № 198 от 3 сентября 2013 г.

²⁵ This article was prepared in the project of implementation of STP “Linguistic and cultural expedition in the village Pokhodsk of the Nizhnekolymsky ulus (district) of the Republic of Sakha (Yakutia), the village Russkoye Ustye Allaikhovskiy ulus (district) of the Republic of Sakha (Yakutia)” of the contract No. 198 dated September 3, 2013

Keywords: comparative study of folklore, epic, calendar song, fairy tale, bilingualism.

Русские начали селиться в Якутии с XVII в., а в устье реки Индигирки русские пришли с Европейского Севера. Фольклор русских старожилов представляет особую часть русского фольклорного наследия.

Остановимся на перечне экспедиций нашего института. Фольклорная экспедиция научно-исследовательского института языка, литературы и истории при Совете Министров Якутской АССР осуществлялась в 1946-е гг. XX в. в составе: Т.А. Шуба, Н.М. Алексеева – этнографа, Н.А. Габышева – тогда учителя русского языка в Чокурдах.

В рамках совместной фольклорной экспедиции ИРЛИ (Пушкинский Дом), Института языка, литературы и истории Якутского филиала СО АН СССР в 1977 г. для подготовки сборника «Фольклор Русского Устья» работала с ленинградским ученым С.Н. Азбелевым Ю.Н. Дьяконова. В 1888 г. посещала Русское Устье с экспедицией сотрудница института Л.Н. Скрыбыкина.

Следующие экспедиции Института гуманитарных исследований ЯНЦ состоялись в 2001 г. и в 2005 г. силами сотрудников института. Они показывают, что устное народное творчество русских старожилов своеобразно, оно прежде всего связано с характером связей русских старожилов с аборигенным населением. В начале декабря 2001 г. мы побывали в поселке Чокурдах – административном центре района – и в селе Русское Устье. Летом 2005 г. экспедиция института работала в Нижнеколымском улусе: в с. Походск, Колымское, а также, собственно – в Черском. В первой таблице показаны годы, места сбора русского фольклора и естественное уменьшение фиксируемого материала.

Таблица 1

Экспедиции в Русское Устье и Походск

Экспедиции	Русское Устье	Походск
1940-1941 гг.	19 песен, сказок и былин	18 песен, сказок, былин
1946 г.	134 песни и былины	
1977 г.	31 песни и былины	
2001 г.	12 песен	
2005 г.		10 (песни)

Фольклор русских старожилов низовьев реки Индигирки долгое время бытовал в отрыве от материнского фольклора, не имел открытых связей с фольклором автохтонных народов, но в последнее время многое изменилось. Фольклор русскоустыинцев утрачивает те старинные жанры, которыми он ранее располагал, это – былины, исторические песни. Однако мы записывали воспоминания пожилых людей о прежней жизни: особенности календарного обряда, характер повседневной жизни; рассказы о животных, в основном, о собаках.

Село Русское Устье, расположенное при впадении в Северный Ледовитый океан реки Индигирки, является местом паломничества исследователей традиционной русской духовной культуры, поскольку обособленная жизнь русскоустыинцев долго оставалась нетронутым самобытным явлением в окружении других этносов.

Немного остановимся на других записях фольклора в низовьях Колымы и Индигирки.

В научной литературе довольно подробно сообщается о времени записи былин на Колыме и Индигирке, указываются имена собирателей. Записи фольклора на Индигирке в конце XIX – нач. XX в. проводили И.А. Худяков, В.М. Зензинов, Н.Д., Д.Д.Травины, М.А. Кротов [20].

Подробный отчет об экспедиции Института общественных наук Бурятского филиала Сибирского отделения АН СССР под руководством Л.Е. Элиасова 1973 и 1978 гг. делают Л.П. Кузьмина, З.А. Миронова в статье «Современный русский фольклор на Крайнем Севере» [8, 177-204]. В этот период, заметили исследователи: «Традиционный фольклор живет полнокровной жизнью». Таким образом, эта экспедиция еще застала традиционный фольклор в живом бытовании. Далее они писали: «Большой интерес представляет репертуар традиционных произведений, записанных в поселках Полярный и Походск. За очень короткий срок были сделаны записи хорошо сохранившихся текстов исторических песен, сказок, легенд, преданий и даже былин, хотя ив отрывках. Очень интересен цикл песен о Степане Разине: “Вниз по матушке по Волге”, “Песня про Степана Разина”, “Из-под камешка речка проливается” и др. Записано несколько вариантов песни “Соловей кукушку уговаривал” и такие, редко встречающиеся сейчас песни, как “Монашенка” (вариант записи В.Г.Богораза-Тана), “Скакал Скопин с горы на гору”, а также лирические песни с оригинальными мелодиями “У зори-то, у зореньки”, “Куда идти, тоску нести”, “Ханочка”, “Соловей во саду”» [8, 183].

Но уже после большой совместной экспедиции Института языка, литературы и истории Якутского филиала СО АН СССР и Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР в 1977 г. в ходе подготовки академического издания «Фольклор Русского Устья» Ю.Н.Дьяконова отмечала, что «выветривание традиционного фольклора <...> в наше время не менее интенсивно, чем на Севере Европейской России» [20, 13].

Большую часть репертуара индигирцев записали Н.А.Габышев и Н.М. Алексеев, но Ю.И. Смирнов насчитал всего 121 запись 37 эпических сюжетов [17, 30]. В сборнике «Фольклор Русского Устья» приведено 648 произведений фольклора, из них былин – 25, исторических песен – 23, балладных песни – 23, лирических песни – 14, игровых и плясовых – 16, свадебных песен – 25 [20]. В фольклоре нижнеколымчан – 21 произведение фольклора в 27 записях [17, 35].

Отметим публикации русских песен в Якутии в серии «Памятники фольклора Сибири и Дальнего Востока». Так, в сборнике «Русские лирические песни Сибири и Дальнего Востока» серии «Памятники фольклора Сибири и Дальнего Востока» представлены 5 песен, записанных на Нижней Индигирке: «По мосту, мосточку, по калиновому», запись Зензинова, «Ваня белой, кудреватый», «Во саду ли, в огороде», «Еще есть-то у меня-то, у молодца», «Из-под камешка речка разливалась» из сборника «Фольклор Русского Устья»; 2 песни – с Колымы: «Из-под камению, из-под камению», «Что не ласточка с моря прилетала», записи Богораза [13, 484].

Что касается сборника «Русский календарно-обрядовый фольклор Сибири и Дальнего Востока», то составители его обращаются к записям В.Г.Богораза, Н.А.Габышева, Ю.И.Смирнова – «Виноградье» – 4 произведения, одна песня из сборника «Фольклор Русского Устья – «Уходили, походили коледушечки» [12, 559].

Составители сборника «Русский семейно-обрядовый фольклор Сибири и Дальнего Востока» привлекли материал из сборника «Фольклор Русского Устья – 5 песен: «У Сарфеи, у премудрой», «Не вылетай, утка, из острова», «Хорош был жемчуг в ожерельях», «Ой вы, улички, метитесь», «Во дворе, дворе» [14, 452].

Ю.И. Смирнов в сборнике «Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока» также пишет об исполнителях фольклора, собирателях, и подытоживает: «Русские первопоселенцы, как видно, обособывались в устье Индигирки поодиночке или мелкими группами.

Общий фольклорный материал у них поэтому формировался постепенно, по мере установления тесных, зачастую родственных связей друг с другом» [15, 27]. Что касается записей фольклора на Колыме, то Смирнов также указывает собирателей, а относительно местного репертуара пишет: «Как и в других местах Сибири, эпический репертуар Колымы и Анадыря по происхождению – смешанный. Самой заметной частью его являются былины и исторические песни, также, наверное, занесенные из восточной части Русского Севера <...>». – Далее он пишет: «Примечательно, что по сравнению с репертуаром Индигирки среди эпических текстов Колымы и Анадыря нет собственно казачьих песен, чьи корни уходят к традициям Дона, Терека и других казачьих мест юга России» [15, 36].

Ю.А. Новиков рассматривает ряд вариантов известных былин и исторических песен, привнесенных в Русское Устье из северных регионов европейской части России, например, сюжет «Наезд литовцев» [11, 7]. Он, как и многие исследователи, останавливается на фигуре сказителя: «В конце XIX – начале XX столетия такие сказители, как Л.Г. Тупицын или Михаил Соковиков, были в Сибири редким явлением, но их искусство по-прежнему притягивало людей. Михаила Соковикова прозвали на Колыме “Кулдарем” – так принято называть колодцы в Средней Азии: старины и сказки текли из уст былинщика как из чудесного источника “«кулдара”, живительной влагой утолявшего путников» [2, 23].

В другой книге Ю.А. Новиков, рассматривая магию слова, пишет, что «по свидетельству Н.А. Габышева, жители Русского Устья на реке Индигирке придавали магическое значение исполнению былины о Садко, считая, что она благоприятно влияет на погоду (РУ, 320)», – и в связи с этим задается вопросом – «Не приписывалась ли когда-то магическая сила и знаменитой былинной концовке “Синему морю на тишину...”, зафиксированной в разных районах бытования русского эпоса – от Кижей до Печоры и Урала (Гильф., № 6; Онч., № 20; КД, № 3 и др.)?» [10, 37]. Речь идет об «Онежских былинах» Гильфердинга, «Печорских былинах» Ончукова, «Древних российских стихотворениях, собранных Киршею Даниловым».

Ю.И. Смирнов в сборнике «Русская эпическая поэзия» вначале приводит запись В.Г. Богораза былины «Садко» на Колыме от М. Соковикова [17, № 85]. Затем относительно следующего варианта былина «Садко», записанного от Ф.М. Голыженского, он сообщает,

что «Н.М. Алексеев и Н.А. Габышев получили достаточно определенные сведения о бытовании этой былины среди русскоустыинцев в качестве заговора от дурной погоды. Будучи на Индигирке летом 1982 г., – добавляет он, – мы настойчиво опрашивали об этом едва ли не всех пожилых жителей. Так, стало ясно, что раньше они использовали былину как заговор для того, чтобы прекратилась пурга или перестал дуть очень сильный, пронизывающий ветер. Наряду с этим индигирцы, что и отметил Т.А. Шуб, избегали петь былину в хорошую погоду, чтобы пением не вызвать пургу или ветер» [20, 398; 17, 22–27].

Когда мы в 2001 г. побывали в Аллаиховском улусе, информаторы с некоторой долей колебания согласно кивали головами, соглашаясь с тем, что эта былина, по-видимому, их родителями исполнялась не всегда, а зимой в пургу.

Ю.А. Новиков также пишет об отражении местного колорита в былинах: «О снеге говорится также в двух записях из Русского Устья (Алеша Попович молится, чтобы нанесло “тучу грозную, с тема белыми снегами <...> дождями со мокрыми” и подмочило перед боем бумажные крылья Тугарина – РУ, 100, 101» [10, 47].

Так, проводя комплексный анализ по огромному своду былин, Ю.А.Новиков наметил важные особенности, проявившиеся в русскоустыинских былинах Якутии.

Л.Н. Скрыбыкина в своей монографии «Былины русского населения северо-востока Сибири» также сообщает о собирателях, исполнителях былин на «Оленеке, Яне, Индигирке, Колыме, Анадыре» [16, 3].

В.Л. Кляус и С.В.Супряга провели сравнительный анализ фольклора семейских Забайкалья и русскоустыинцев, они использовали опубликованные материалы, нотные записи, предоставили новосибирские музыковеды. Кляус и Супряга отметили и характер добрых половых отношений, и смешанные браки, и, конечно, «влияние аборигенных традиций на обрядовую жизнь русскоустыинцев» [7, 13].

При выявлении имен собирателей особенно важны два: В.Г.Богораза и Д.И. Меликова. Оба записывали фольклор на Колыме в рамках Сибиряковской экспедиции. Меликов – в 1893 г. В.Г. Богораз, как пишет Ю.И. Смирнов: едва попав на Колыму, «в 1895–1896 гг. объехал почти все поселения, где, между прочим, занимался собиранием фольклора и лексики колымчан <...> В.Г. Богораз, по существу, стремился представить отдельными образцами возможно более

широкий круг фольклорных произведений, бытовавших среди русских старожилов [16, 33]. Им записано более 150-и произведений фольклора разных жанров: 19 былин, балладных и исторических песен, игровые, плясовые, детские песни, свадебные, любовные и семейные, 10 разбойничьих, 13 песен, так называемые «улишные, андыльщины» [1, 178–346].

Очень обстоятельны и крайне интересны путевые записи этнографического характера, которые проводил в рамках сибиряковской экспедиции, продвигаясь по Нижнеколымскому краю, Д.И. Меликов. Он писал, что на Колыме: «среди жителей много певцов импровизирует. Певцы-импровизаторы, куда бы не поехали, идут и поют, связывают различные истории и мысли, без всякой связи, стараются чтобы только подходило под какой-нибудь размер» [24, 423]. Меликов при помощи среднеколымчанина Власова Семена Герасимовича записал 13 произведений русского фольклора, из них 2 былины про Добрыню Никитича и Змея («Оставалось у Никиты все житье-бытье», и про малолетнего богатыря Михаила Даниловича («Тит Харафонтьевич», 3 исторические песни: про Михаила Скопина («Скопину-то родна матушка выговаривала», про сына Степана Разина («Заявился в камен город детинушка», про Захара Чернышева и Прусского короля («Ты талан ты мой таланчик», балладная песня про Ваньку-ключника («Про ключника», 6 лирических песен: «Прощай, радость, жизнь, веселье», «Солнце красное, катися за леса», «На заре было на зореньке», «Течет речка, течет быстра», «Сказали про молодца», а также три андыльщины [24, 423–436].

Таблица 2

**Сравнение записей Меликова и Богораза.
Фольклорный материал, собранный в конце XIX в.**

		всего	эпические	лирические
1	Меликов	13	6	7
2	Богораз	150	19	131

При сравнении количества текстов у Меликова и Богораза, видно, что при общем количестве, записанного Богоразом, имеется несколько вариантов произведений фольклора, зафиксированного в одно время. Также отметим, что нам стали известны варианты произведений фольклора, записанные от Соковикова [24, 75–83].

Находясь в п. Черский в Нижнеколымском районе, мы разговаривали с Паклиной Евдокией Михайловной, Борисовой Лилией Романовной, Роббек Зоей Михайловной, Никифоровой Ириной Васильевной – работниками отдела культуры района. Паклина (45 л. на момент записи) исполнила песню «Кукша»), Третьякова Екатерина Дормидонтовна (64 л.) рассказала нам, в частности, байку. Коржавина Валентина Лукинична (67 л., уроженка с. Мальчиково), Ольшанцева Мария Петровна (уроженка с. Русское Устье), близкая родственница Чикачева Алексея Гавриловича, вместе рассказывали о жизни в Походске и Русском Устье в начале XX в. Затем Третьякова и Коржавина с Е.М. Паклиной исполнили песню «Виноградье»:

*Сударь-хозяин,
Виноградье красно-зелёное,
А мы ходили,
Виноградье красно-зелёное,
Во двор,
Да, виноградье красно-зелёное.
Господина во двор
На семи-десяти...
Виноградье красно-зелёное,
На семи лесинах,
Виноградье красно-зелёное!*

Данное «виноградье», несомненно, наследует традиции, усвоенные у предшественников. Так, мы имеем пример записи русского фольклора, произведенный в 1893 г. Д. И. Меликовым, где историческая песня «Скопину-то родна матушка говаривала» приводится с повторением припева «Виноградье красно-зеленое!»[24, 424].

В пос. Чокурдах и с. Походск Нижнеколымского района носители фольклора, повествуя нам рассказы о прошлом, время от времени опираются на якутскую лексику, хоть заимствованных слов немного. Можно отметить, что это влияние значительно меньше, чем в русских фольклорных произведениях потомков ямщиков в Приленье.

В русских произведениях на Колыме и Индигирке общим заимствованием лексики являются следующие слова: «юрта», «сордонка» (щука), «доһоор» (друг, заим. из рус.), которые встречаются в ткани в основном прозаических произведений (сказки, былички), в частушках, современных песнях.

Встречаются некоторые мотивы, образы и сюжеты. Известен пример записи И.А.Худяковым сказки в Верхоянском округе от уроженца с. Русское Устье «Ворон» («Сюжет типа “Победитель змея” (по Указателю № 300А); вместо змея, которого побеждает младший брат, – ворон) [19].

По поводу заимствования жанров, несомненно, это яркие примеры заимствования в якутский фольклор – частушек, а в колымском и индигирском русском фольклоре – андыльщин, их изучает Т.С.Шенталинская [27, 140-151;28, 97-111], в меньшей степени упоминали А.Г.Чикачев [25, 7-8], Ж.К.Лебедева [9, 36-48].

Не только русско-якутские влияния прослеживаются в русских сказках. Есть на Колыме очень красивая, но малопонятная песня «Кукша». Записывали ее и в XIX в. и в XX в., и совсем недавно, в 2005 г., мы записали ее в п. Черский Нижнеколымского района от Е.М.Паклиной (Дауровой).

Предварительно приведем примеры записи песни и связанной с ней сказки, которые записывались на протяжении столетия несколько раз от русских Колымы и юкагиров. Вот указатель записи, представленный в таблице.

Таблица 3

Песня «Кукша» и сказка

	песня	сказка
Богораз	Ай, кукша, ты, кукша	Раз юкагиры жили
Иохельсон		Об одной поднявшейся сказке (юкагирская)
Дружинина	«Кукша»	
Чарина	Кукша, ты, кукша	

Представим текст песни, записанной в 2005 г.

– Кукша ты, кукша,
 Кукша-икроекда.
 Не на когти не попасти,
 На камен не попасти,
 Детушек достасти.
 Я о чем тебе-ка дам.
 Как же с мужем, ты же, я.

– Я на явод прилечу,
Стану икру исти.
Ты меня ругала,
Палками стреляла.
Не дам тебе когти
Детушек достасти.

– Кукша ты, кукша.
Кукса-икроедка,
Дай мене-ка когти
На комени попасти.
Как же с мужем, как же я?
–Я о чём тебе не дам.
Я на явор прилечу,
Стану икру исти.
Ты меня не ругая,
Пайкой не стлеляя.
На тебе-то поисти,
Детушек достасти [30].

В заключение Е.М. Паклина добавила, что «это – колыбельная песня».

Песня поется размеренно, спокойно. Она построена так, как обычно строятся русские песни. Это двухчастная композиция, где кукша вначале не выдает девушке предмет, который ей нужен, «когти». В следующий раз кукша отвечает, что принесет исполнительнице искомые «когти». Здесь, видимо, героиня предстает как мать, которая должна попасть к «детушкам». Также речь идет о муже, видимо, этим певица подчеркивает мысль о том, что нужно попасть к детям в то время, когда муж отсутствует. Однако многое в песне непонятно, особенно в сравнении приведенной записи с той, которую зафиксировал В.Г. Богораз.

М.Ф. Дружинина в пояснениях к главам, толкующим русскую старожильческую лексику в «Словаре русских старожильческих говоров на территории Якутии» привела часть песни «Кукша», записанную в том же Нижнеколымском р-не, где мы зафиксировали эту песню. Из приведенного ею отрывка варианта песни, записанного ранее в с. Походск, видно, что смысл песни был яснее, видно, что происходили перипетии среди птиц – гагары и кукши. К сожалению, у нас нет это-

го варианта песни. Так, М.Ф. Дружинина писала: «КУКША, – и, ж. Лесная птица с хохлаткой на голове, с серыми крыльями. – Ай, кукша ты, кукша, дай ты мне когти На камень попасти, гагалью достаста (из песни) (Н.–Кол. Пох.) [4, 40]. В другой статье, посвященной гагале, М.Ф. Дружинина указано, что «ГАГАЛЯ, – и, ж. Гагара. – и опять – приводит этот отрывок, – Ай, кукша, ты, кукша, ты дай мне когти на камень, гагалью достаста? (из песни) (Н.– Кол. Пох. Лаб.) [3, 3].

Однако Богораз иначе объясняет слово «гагаглия». Так, у нас имеется запись этой же песни В.Г. Богоразом в конце XIX в. от Елены Дауровой, она приведена в «Областном словаре Колымского русского наречия»:

Ай, кукша, ты, кукша,
Ты дай мне когти,
[1, 224-225].

В.Г. Богораз объяснил в словаре: «Гагаглия (гагагйя) – верхняя одежда из оленьих шкур (женская)» [1, 37]. Он относит эту песню «к робачьим, которые поются при убаюкивании, или при пестовании детей», – и добавил, что они «сохранили явный след юкагирского происхождения» [1, 12].

Кстати, в «Эвенско-русском словаре» В.А. Роббек и М.Е. Роббек объясняют слово «Гагагли (<коряк.) кухлянка (женская, мехом внутрь) [29, 71]. Как видим, слово не только русское, эвенское, но и корякское.

Из примера, приведенного В.Г. Богоразом, становится ясно, что в первом куплете исполнительница обращается к «кукше», а второй куплет начинается с обращения к «пэтишке». Таким образом, песня строится на противопоставлении образов «кукши» и некой «пэтишки». «Кукша» не помогает героине достать когти для приобретения «гагагли». В свою очередь «Пэтишка», видимо, помогает героине. Третий куплет, где героиня противопоставляет себя «кисловатым», которые «пропали», всячески подчеркивается мысль, что героиня выпуталась из какой-то сложной ситуации, здесь нет никаких намеков на детей, мужа. Интересен припев «Кэйом, кэйом», который не привязан к юкагирскому языку.

В.Г. Богораз также приводит юкагирскую сказку, где есть в рамках этой сказки и известная нам песня. Вот начало сказки:

«Раз юкагиры жили: у них була одна дочка. Она вышла по снег. Пришел вихор и унес ее. Поднесло к камню: от земли до неба стоит камень. Тут ии принесло и бросило, она сидит. Видит: летит кукша.

Она кукше и говорит: – “Полети моему отцу-матери; говори: ваша дочка говорит, пошлите мне клей да клейницу, ремэшок да когти!” – Она отозвалась: “Ты когда у отца, у матери была, я прилетала, маско клевала, так ты меня гоняла!” – Тут летит пэтишка. ...» <...> «Потом ей присол молодой парень ночевать, – на дворе увидела его. Вот она вошла и говорит ему: – “Ты кто такой?” Он говорит: “Я твой муж!” – “Врошь! Ведь мой муж односторонной, има ему Лыгынака. А ты о-хто, о-хто?”

Он вышел, на лесину попал, три раза на солнце обернулся, стал опеть односторонной. – “Вот ты, говорит, – не веришь мне, вот я опеть твой муж!” Вошли домой; обрадовалась, значит, правду ии муж. Поутру покочевали вместе. Кочуют, видят: на озере ламутки играют, мечь катают. Один из них кричит: – Бегите, князю скажите, что ваша дочи кочует. – Передня руйта стоит черный чум, печальный такой, – ии отец-мати живут, прикочевали. Старуха и старик выскочили, обрадовались; тут же сразу разсыпались как пепелок. Только» (Зап. от крестьянки Марии Вилигиной на Сухарной) [1, 342–345].

Мы видим, что данное произведение, рассказанное на русском языке, действительно юкагирского происхождения. Сюжет связан с темой поисков жениха, созданием семьи, так как мы располагаем вариантом сказки, записанным В.И.Иохельсоном и опубликованным в 1900 г. «Об одной поднявшейся сказка». По поводу этого произведения он сам пишет: «русско-чукотская». И далее отмечает, что эта и другие сказки «рассказываются гораздо красивее и обстоятельнее колымчанами русскими и даже чукчами» [6, 20].

Указанная сказка соответствует сюжету СУС 431 Лесной дом, где младшая сестра устраняет животных – слуг жениха; СУС 400{1} Девушка ищет исчезнувшего жениха (мужа) с мотивом нарушения запрета и поисками жениха (мужа), а также СУС 425С Аленький цветочек с мотивом превращения чудовища в красавца [19].

Юкагирская сказка небольшая, это скорее строгий рассказ о перипетиях в жизни героини, в котором говорится о трех сестрах. При помощи «икры» и «шила» девушка спасается с «обрыва горы Ибол», а затем находит дом, куда после «пришел парень» [6, 36]. Здесь нет песни девушки, нет мотива кочевания, поисков родных и – таким образом – возвращения к началу сказки. Однако многое становится понятно: использование клея и острых предметов для спасения с горы, устранение сестер-соперниц, слуг-соперниц (мышки, лягушки).

Л.Н. Жукова считает, что и работники в доме «лягушка-девушка», «мышка-девушка» – представители иного народа. Анализ, проделанный Жуковой, основанный на сравнении с якутским и чукотским фольклором, интересен и многое проясняет, однако мы не знаем путей перехода сказки в русский фольклор колымчан, выбора песни из всего произведения. Вместе с тем, совершенно ясно, что икра – это клей, который девушка «к колену прилепила. Шило взяла, на Ибол поднялась» [6, 35]. Жукова отмечает, что указанные «икра» и «шило» – «предметы традиционной культуры» [5, 121]. В то время как в русских вариантах песни и сказки икра – это тот образ, который связывает девушку и птицу в их переговорах о передачи когтей. В целом, юкагирская сказка информативная, без украшательств и повторов.

Примечательно, что Вилигина рассказывает сказку «о других» – о юкагирах. Они кочуют с табунами, ставят временные юрты, постоянно общаются с родным миром тундры. Общение с птицами, умение лазать по скалам, вести домашнее хозяйство – всё это характерно для народов тундры, не только юкагиров, но и ламутов (эвенов).

В исследуемой песне речь все-таки идет не о кукушке, а о кукше – это – «птица с хохлаткой на голове», заметила М.Ф. Дружинина, Но благодаря юкагирскому варианту сказки становится понятна ситуация, приведенная в русской песне: в ней рассказывается о девушке, которую вихрь унес и посадил на камень. Затем она просит кукшу помочь ей спуститься, та не согласна помогать, но иная «пэтишка» согласна, так как девушка не гоняла ее в молодости, а кормила «икоркой». Девушка просит птицу принести из дому «рэмешок да когти, клей да клейницу». По «клочку пэтишка» всё приносит, и девушка спасается. Героиня идет далее и находит дом, а в нем свою судьбу – жениха, до поры не открывающего свою истинную внешность [1, 124-127].

У Богораза в сказке песня девушки звучит три раза, имеет продолжающуюся сюжетную ситуацию, которая перекликается с сюжетом самой сказки: девушка побеждает конкуренток при помощи обычных предметов; девушка выдерживает первое испытание от мужа – первая юрта; девушка строит юрту перед встречей с мужем. Сказку завершает типичный для юкагирского фольклора прием: «Старуха и старик выскочили, обрадовались; тут же сразу рассыпались как пепелок». По лексике песен, по эмоциональному характеру мотивов, где девушка торжествует, видно, что песня была далеко не колыбельной, а эмо-

ционально окрашенной, живой, энергичной, однако она сохранилась только в лирическом, спокойном ритме.

Таким образом, можно заключить, что русская песня заимствована из юкагирской сказки, но стала исполняться самостоятельно, при этом «пэтишка» и «кукша» слились в один образ. Песня приобретает композицию, характерную для русских песен, где в первом куплете обращение девушки к кукше безуспешно, а во втором – кукша приносит требуемое. В юкагирской сказке не совсем ясны диалоги девушки-героини с ее подругами на камне: «Там ереститься будем или нет?». Здесь – «ереститься и ерэститься – ссориться, браниться» [1, 50]. Очень колоритна характеристика неудачливых соперниц в песне девушки-героини: «Кисловаты-те пропали», и в данном случае важна точность и емкость образов, привнесенная переводчиком. Здесь «кисловаты» – «кислой человек, кисляк, кисловатой парень – плохой. Неповоротливый работник, апатичный и недеятельный человек» [1, 66].

Видимо, с течением времени обстоятельства способствовали тому, что песня приобрела самостоятельность.

А.Г. Чикачев пишет: «Русскоустыинцы и походчане с незапамятных времен поддерживали между собой экономические и родственные связи. Их песцовые ловушки располагались между Колымой и Индигиркой, по берегу Ледовитого океана. Ездили друг другу в гости за 700 км, обменивались невестами» [27, 26].

К сожалению, и это неизбежно, русский традиционный фольклор Колымы и Индигирки утрачивается. В ряд произведений прозаических жанров входят иные слова, меняются образы, заимствуются сюжеты и некоторые жанры у соседей – эвенов, юкагиров, якутов.

Таким образом, современный фольклор значительно отличается от бывшего традиционного устного народного творчества в низовьях рек Колымы и Индигирки. Тем не менее, сохраняется то немногое, что осталось от когда-то обширного репертуара (гномические жанры, обряды, андыльщины). Есть попытки передавать свои знания детям, сочиняются собственные песни – все это дает надежду на сохранение своей культуры русских переселенцев в устье двух холодных рек: Индигирки и Колымы.

Литература.

1. Богораз В. Г. Областной словарь колымского русского наречия / Собрал на месте и составил В. Г. Богораз // Сб.: ОРЯС: Типография Императорской Академии Наук, 1901. –Т. 68, № 4. – 346 с.

2. Былины Печоры. Свод русского фольклора. Т. 1. – Спб.: Наука; М.: Классика, 2001. – М., 2001. – 776 с.
3. Дружинина М. Ф. Словарь русских старожильческих говоров на территории Якутии. – Якутск: Издательство Якутского университета, 2002. – 118 с.
4. Дружинина М. Ф. Словарь русских старожильческих говоров на территории Якутии. – Якутск: Издательство Якутского университета, 2007. – 245 с.
5. Жукова Л. Н. Пространственный образ мира лесных юкагиров (по материалам устного народного творчества) // Языки коренных малочисленных народов севера в начале III тысячелетия. – Новосибирск: Наука, 2008. – С. 115-127.
6. Иохельсон В. И. Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе / сост. Л. Н. Жукова; предисл. З. И. Ивановой-Унаровой. – Якутск: Бичик, 2005. – 272 с.
7. Кляус В.Л., Супряга С.В. Песенный фольклор русскоустынцев Якутии и семейских Забайкалья: Материалы к изучению бытования в иноэтническом окружении. – Курск: Изд-во Регионального открытого социального института, 2006. – 213 с.
8. Кузьмина Л.П., Миронова Э.А. Современный русский фольклор на Крайнем Севере // Современный русский фольклор Сибири. – Новосибирск: Наука, 1979. – С. 177-205.
9. Лебедева Ж.К. Песенная традиция субэтносов полярного ареала Севера—Востока Сибири // Культурное взаимодействие народов Республики Саха (Якутия): история и современность. – Якутск: ИГИ АН РС(Я), 1995. – С. 36-48.
10. Новиков Ю.А. Сказитель и былинная традиция. – Спб.: Дмитрий Буланин, 2000. – 374 с.
11. Новиков Ю.А. Эпический мир и способы его художественного воплощения. (Из текстологических наблюдений над былинами). – Вильнюс: Издательство Литовского эдукологического университета «Эдукология», 2013. – 360 с.
12. Русский календарно-обрядовый фольклор Сибири и Дальнего Востока / Сост. Ф.Ф.Болонев, М.Н.Мельников, Н.В.Леонова. – Новосибирск: Наука, 1997. – 605 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока).
13. Русские лирические песни Сибири и Дальнего Востока / Сост. С.И.Красноштанов, В.С.Левашов, В.М.Щуров. – Новосибирск: Наука, 1997. – 524 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока).
14. Русский семейно-обрядовый фольклор Сибири и Дальнего Востока: Свадебная поэзия. Похоронная причеть / Сост. Р.П.Потанина, Н.В.Леонова, Л.Е.Фетисова. – Новосибирск: Наука, 2002. – 551 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока).
15. Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока / Сост. Ю.И.Смирнов. – Новосибирск: Наука, 1991. – 524 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока).
16. Скрыбыкина Л. Н. Былины русского населения северо-востока Сибири. – Новосибирск: Наука, 1995. – 364 с.
17. Смирнов Ю. И. Былина «Садко» – как заклинание дурной погоды // Фольклор народов РСФСР. Межвуз. науч. сб. – Уфа, 1986. вып.13. – С.22-27.
18. Смирнов Ю. И. Колымское виноградьё // Русский фольклор Сибири Элементы архитектоники. Отв. ред. Р. П. Матвеева. – Новосибирск: Наука, 1990. – С.5-28.
19. Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / сост. Л. Г. Барга, И. П. Березовский, К. П. Кабашников. Н. В. Новиков. Л.: Наука, 1979. – 430

c.<http://www.ru-skazki.ru/barag-comparative-index.html>(дата обращения 15.12.2019)

20. Фольклор Русского Устья / Сост. С.Н.Азбелев, Г.Л.Венедиктов, Н.А.Габышев и др. – Л.: Наука, 1986.–384 с.

21. Фольклор юкагиров. Памятники Сибири и Дальнего Востока / сост. Г. Н. Курилов. – Новосибирск: Наука, 2005.– 594 с.

22. Чарина О. И. Новые материалы экспедиции И. М. Сибирякова: былины и исторические песни в записи 1893 г. От конгресса к конгрессу // Материалы Второго Всероссийского конгресса фольклористов / Отв. ред. А. С. Каргин. – М., 2010. Том 1. –С. 248-263.

23. Чарина О. И. Записи фольклора, произведенные Д. И. Меликовым в Нижнеколымском крае в 1893 г. // Из истории русской фольклористики. Выпуск 8. (ИРЛИ). – Спб.: Наука, 2013.–С.419-437.

24. Чарина О. И. Сказители с. Походск XIX в. // Материалы Всероссийской научно-практической конференции Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова: Серия Эпосоведение. – 2017. Т. 2.– № 6. – С. 75-83.

25. Чикачев А.Г. Андыльщина (к вопросу о взаимодействии русской и юкагирской культуры) // Взаимодействие культур народов Якутии в XVII-XXI вв. – Якутск: ИГИ АН РС(Я), 2003. – С.7-9.

26. Чикачев А.Г. Русские в Арктике: полярный вариант культуры: историко-этнографические очерки. – Новосибирск, 2007. – 303 с. (Памятники этнической культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока; Т. 12).

27. Шенталинская Т. С. Андыльщина – местный песенный жанр русских колымчан // Сохранение и возрождение фольклорных традиций. – М.: Гос. респ. центр рус. Фольклора, 1995. Вып.6.–С. 140-151.

28. Шенталинская Т. С. Андыльщина как эндемик // Экспедиционные открытия последних лет. Народная музыка, словесность, обряды в записях 1970-1990-х гг. Ст. и мат-лы. – Спб.: Дмитрий Буланин, 1996.– С.97-111.

29. Эвенско-русский словарь / сост. Роббек В.А., Роббек М.Е. – Новосибирск: Наука, 2005.– 356 с.

30. Экспедиционные материалы, записанные в Нижнеколымском районе в 2005 г. Личный архив О. И. Чариной.

УДК 908(571.56)

Ю.И. Смирнов

О людях, засыпающих на всю зиму

Аннотация. В качестве члена Главной редколлегии серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» автора привлекал глубокий интерес к живому бытованию фольклора у народов Сибири. Автор не упускал возможности встреч с носителем фольклорных

знаний. Сюжет о людях, засыпающих на всю зиму, вызвал исследовательский интерес. В данной статье приведен фольклорный материал, собранный в 1982 г. автором в с. Полярное (Русское Устье).

Ключевые слова: Русское Устье, русский фольклор, былины, предания, кумандинские и алтайские параллели, чандалы

Yu.I. Smirnov

About People Falling Asleep for the Whole Winter

Abstract. As a member of the Main Editorial Board of the series “Monuments of Folklore of the Peoples of Siberia and the Far East”, the author attracted a deep interest in the living existence of folklore among the peoples of Siberia. The author did not miss the opportunity of live meetings with a native-speakers people of folklore knowledge. The plot of people falling asleep for the whole winter aroused keen interest. This article presents folklore material collected in 1982 by the author in settle Polyarnoe (RusskoyeUstye).

Keywords: RusskoyeUstye, Russian folklore, epics, traditions, Kumandin and Altai parallels, chandals

О бытовании этого рассказа мне было известно ещё до того, как я всё-таки попал в 1982 г. в п. Полярное (ныне опять Русское Устье) на нижней Индигирке. Жёстко ограниченный временем, я старался расспросами выявить по возможности полное эпический репертуар, а всё остальное я записывал постольку, поскольку это позволяло расшевелить носителей традиции и настроить их на доверительное отношение ко мне. К остальному относилось и предание о людях, подобно медведям засыпающих на зиму. Я иногда спрашивал о нём исполнителей, но лишь однажды услышал и записал сравнительно внятный рассказ: «Были такие племена, которые обнаружены, называемые чандалы. И во время холода они засыпали, как медведи, спали до потепления.

Один якобы имел юрту постоянную, от них дочь была, но она же – тепло, не спит. И он поехал своих проведать, её родителей. Посмотрел – у двоих сопли замерзли, протянулись [показывает до колен –Ю.С.], и он у них отломил.

Когда он приехал [к себе], к ней рассказал. Она говорит: «Раз ты это нарушил, они помрут». И якобы получилось действительно правильно. Весной, когда стало, растаяло, то люди померли.

Рассказы были»[10, л. 12-13].

Рассказчик М.И. Чихачёв был несколько начитан и постоянно общался с участниками разных экспедиций, непрерывно посещавших посёлок. Он наслышался речи приезжих людей, перенял у них произношение и многие слова и неизменно старался говорить, подражая усвоенному. Его нельзя отнести к фольклорным исполнителям. Он отнекивался от традиционных фольклорных текстов: разумеется, слышал их, но не считал нужным запоминать и тем более исполнять. Рассказ о чандалах он передал после некоторых раздумий и без охоты. В его рассказе заметно отождествление, некие «племена» наделены этнонимом «чандалы», которого в этом качестве они явно не знали. Уже после рассказа, в ходе расспросов Чихачёв сделал ещё одно отождествление: «Чандалы – дровяная уруса», они и по сей день кое-где «стоят на веретях» в тундре. И в подтверждение он назвал несколько мест, где виднеются деревянные остовы примитивных жилищ.

Мне была непонятна связь замёрзших соплей с жизненной силой человека. Я попытался добиться объяснения у Чихачёва, но тот не нашёл ответа. Он не сам придумал эту ключевую часть предания.

Это подтверждается записью от другого Чихачёва, Семёна Егорыча, 90-летнего жителя заимки Лобазно. Публикация его текста не сопровождается точным указанием на время записи. По некоторым беглым упоминаниям в той же коллективной монографии, где помещён текст, запись от него сделана в 1959 г. Текст включил З.В.Гоголев в свою главу «Раскопки чандалов – жилищ юкагиров»: «Земля ещё была неполной (!). Были песок и вода, горки и высокий песчаный берег. Зверь был диким (!). Люди ловили зверя и убивали его. Огня не знали. Одевались в звериные шкуры. Орудия делали из камня и кости. Деревья при сооружении жилища ставили как попало, корнем вверх и вниз, лишь бы спастись от холода. В чандалах жили, как тарбаганы [сурки], дикие люди, у которых из носа спускались сосульки. Зимой сосульки появляются, и люди спят, весной сосульки исчезают – они пробуждаются»[7, с.88].

Этот Чихачёв, по-видимому, тоже испытал влияние неких просвещённых людей, поведавших ему о дикарях и обработавших по литературному его рассказ. Чихачёв удержался от того, чтобы отожде-

ствить юкагиров с дикарями, – рассказчик, вероятно, встречался с юкагирами и потому не мог допустить такого отождествления. Чандалами он назвал только жилище, останки которых он, наверное, видел не единожды. И именно к таким жилищам он привязал людей, зимою спящих с сосульками, спускающимися из носа.

Среди рассказов, опубликованных З.В. Гоголевым, только в тексте этого Чихачёва пусть скупое, но всё-таки явно передана суть предания о людях, засыпающих на зиму.

В других текстах, также записанных исключительно от русских старожилов нижней Индигирки, речь идёт о чандалах, как о жилищах, при этом в двух рассказах из пяти обитателями чандалов названы именно юкагиры [7, с. 89–90].

Этнонима «юкагиры», как ни удивительно, не знал путешественник и этнограф Д.Д. Травин, посетивший нижнюю Индигирку в 1928 г. В своём пространном трактате, до сих пор не опубликованном, он признавал «чандала» отдельной народностью. Он услышал в Русско-Устьинском районе предание о засыпающих людях, однако не потрудился назвать хотя бы одного рассказчика и записать предание полностью. Травин сжато передал его своими словами: «В Русско-Устьинском районе мы уже упоминали о народности «чандала». «Чандала», по преданию, засыпали на зиму. У них текли сопли: у которого тянулись, тот оживал весной; у которого ломались, тот умирал» [11, л. 36].

Привыкший непременно объяснять всё, о чём он писал, Травин попытался связать предание с так называемой «сонной болезнью», тогда распространённой на северо-востоке Азии, однако его попытку нельзя признать доказательной.

Видимо, рассказы местных жителей позволили Травину непреклонно утверждать: «Сама народность «чандала» не легендарная. В Русско-Устьинском районе находятся остатки их жилищ. Жилище «чандалы» сделано из не обрубленных «дров»(!). У них не было никаких орудий, кроме каменных топоров и ножей из рёбер оленя» [11, л. 36].

Из осторожности Травин предпочёл связывать остатки старинных жилищ с народностью, которую он сам назвал по тому именованию этих остатков, которые он услышал от русских старожилов. В отличие от Травина, В. М. Зензинов, опираясь на суждения самих юкагиров, в работе, опубликованной в 1912 г., утверждал соответственное:

«Ещё теперь в некоторых местах, обязательно возле реки, находят остатки старинных землянок, где местным жителям, забредшим в них случайно, попадались каменные и костяные ножи и топоры. Эти остатки древнего юкагирского жилья называются здесь «чандала»» [9, с. 41]. Зензинов ни словом не упомянул о предании про людей, засыпающих на зиму. Поэтому самую раннюю его фиксацию на Индигирке надо связывать с Д.Д. Травиным.

Судя по известным описаниям, уцелевшие остатки были двух основных типов жилищ: наземных и земляночных, очевидно, летних и зимних. Они, наверное, сооружались в разное историческое время, что ныне можно установить по остаткам предметов из кости и дерева. Исследования этого, разумеется, имеют отношение к этнической истории обитателей бассейна Индигирки. Предание о людях, засыпающих на зиму, конечно же, не покрывает даже этногенез юкагиров. Оно лишь привлекалось отдельными русскими старожилами для объяснения остатков чандалов.

В бассейне Колымы чандалов не находили или по крайней мере не замечали. Поэтому там не бытовали рассказы о таких древностях, а предания о людях, засыпающих на зиму, получило иную привязку. Его знал В.И. Востряков, до революции «староста юкагирского общества» («носил нагрудной медаль от губернатора»). Все свои 77 лет он прожил в Походске на левобережье нижней Колымы и наслушался рассказов о разных народах. Несколько рассказов он передал якутскому собирателю С.И. Боло [3, ед. хр. 444]. Один из них на бумаге получился следующим образом: «Дальше рассказывали о существовании каких-то сказочных людей Вансы, которые ничего себе не имели, варить тоже не умели, поймают зверя и едали в живом (!).

Летом они сами, будто ища счастья, потонули на воде. Гонялись между собой. Плавали на лодке и гонялись безрезультатно.

Зимой, когда река встанет, то они сидяче, опуская с носа сосульки по земле, помирали, а летом, когда река растает, то они снова поживают. Если кто-нибудь зимой трогает или ломает ихние сосульки, то они помирают уже совсем.

Они были дикие, не знали огня и орудия <...>. Где они и когда они жили, об этом подробные рассказы я ни от кого не слышал, а просто прежде старики рассказывали, что якобы когда-то где-то существовали такие люди Ванцы. Вроде сказки чево ли?» [3, ед. хр. 444, л. 77 об. – л. 78 об.].

Зная о двух разных привязках предания, нужно ожидать и другие. И действительно они существовали. Ещё одну привязку предания нечаянно узнали в 1931 г. от ожогинцев, небольшой группы русских старожилов, живших в районе озера Ожогоино, соединённого короткой протокой с Индигиркой, и несколько ниже по течению реки. Эту привязку открыл гидрограф А.Л. Биркенгоф. Она просто удивительна: «Тарбаган, «это ламуты [эвены – Ю. С.] к нам сказывают», на зиму «пропадат» в земле, и из носу у него «сосок» до земли висит. Но весной тарбаган оживает. Если же тарбагана найти зимой и «сосок» его сломать, то тарбаган «вовсе пропадат»» [2, с. 41].

Вчитываясь, нетрудно увериться, а затем уверять и учёный мир в том, что ожогинский текст содержит первоначальную версию предания: русские услышали от эвенов рассказ о зимовке тарбагана. В ходе передачи уже в русской среде собственно тарбагана как персонажа, сменило сравнение с тарбаганом, переданное в частности С.Е. Чихачёвым: «В чандалах жили, как тарбаганы, дикие люди» (полностью текст см. выше). С появлением в тексте «диких людей» в роли главных персонажей сравнение с тарбаганом вскоре становилось излишним. Более продуктивным оказалось прикрепление к «диким людям» этнонима, каким помечался местный этнический предшественник. Такие изменения предания могут представляться вполне приемлемыми до тех пор, пока остаётся неизвестным контрольный материал. А этот материал существует прежде всего в виде записей в якутской среде. Пространный текст был записан однажды в Таттинском улусе, достаточно далёком от полярных рек: «Один тунгус откочевал на запад. И доехал до людей. Там он женил своего сына. В то же лето вернулся назад. Тесть при возвращении своего зятя сказал: «Сынок, ты не вздумай бывать у нас зимой, никогда не приезжай к нам зимой». Услышав это, зять удивился и подумал: «Почему они не хотят, чтобы я приезжал зимой? погоди же, я всё-таки приеду!» Затем он стал кочевать недалеко от них.

Когда настала зима, он, ничего не сказав жене, верхом на олене приехал (к тестю). Приехал и увидел, что около домов снег ни в одном месте не был протоптан, никто по нему не ходил. Увидев это, он очень сильно испугался. Влетел он в дом и увидел, что все домашние сидели, понуриив головы и скрестив ноги калачиком, а ледяные сосульки из носа нижним концом примёрзли к полу. Зять, заметив это, испугался и разбил сосульку, примёрзшую к носу тестя. Тесть, не сказав

ни слова, упал на спину. Испугавшись, зять выпрыгнул во двор, вскочил на своего верхового оленя и возвратился обратно. По приезде рассказал жене о том, как он съездил. Выслушав его, она заплакала и сказала: «Это значит, ты убил моего отца».

Вот какие странные люди бывали. Они зимою, когда из носа опускались вниз сосульки, умирали; весною же, когда льдинки оттаивали, воскресали [13, № 25, с. 114].

Хотя текст излагал якут, персонажами выступают не якуты, а тунгусы (эвенки). Это побуждает полагать, что текст попал к якутам от эвенков. И это произошло давно. Запись датируется 1908 г. и, следовательно, оказывается самой ранней фиксацией предания на северо-востоке Азии. Раннее время записи позволяет даже подумать, будто это якуты создали предание. И при этом можно ссылаться на то, что по ходу бытования якуты создавали свои версии предания, о чём свидетельствует пересказ иной якутской версии, к сожалению сухо переданной в примечании к только что приведённому тексту: «один парень-якут женился на хоролорской девушке и, не зная обычая хоролоров [загадочного племени – Ю. С.], вернувшись зимой с охоты, сломал у своей жены сосульку из носа; жена его погибла» [13, с. 14].

Представленные здесь тексты – всего лишь отдельные образцы произведения, получившего, по-видимому, широкое распространение на северо-востоке Азии. Можно довольствоваться ими и выстраивать соображения об этнической среде, которая породила это предание и благосклонно передавала его этническим соседям. В этом случае ставится ограничитель, по существу обрекающий плодить исключительно субъективные решения. Избежать этого можно, для чего нужно прежде всего поинтересоваться, за пределами северо-востока Азии не находили ли такое же предание или что-то ему подобное.

История бытования текста зависит и от масштаба его распространения: чем шире бытовал текст, тем менее вероятно, что он возник в каком-то из современных этносов.

Но даже если не выказывать пренебрежения к широким поискам сходных форм, поневоле придётся столкнуться с другой бедой или, что то же, с другим ограничителем в виде скромных результатов собирания. Ведь это предание, как, впрочем, и многое другое, никто осознанно не искал. Случайность его обнаружения в прошлом очевидна. Отыскание его в какой-либо этнической среде – даже в ходе целенаправленных расспросов – ныне маловероятно. Ограничен-

ность материала обуславливает характер возможного решения о том, где, когда и в какой этнической среде создавался текст.

Теоретически допустимо полагать, что это предание в какой-то форме бытовало и в других местах Сибири. И этому отыскивались подтверждения, сами по себе чудноватые.

Н.П. Дыренкова старательно записывала среди кумандинцев былички об отношениях охотника с хозяйкой или с дочерью хозяина горы (леса). В одной из быличек рассказывается о том, как охотник исполнением эпических сказаний («кай») привлек некую «жёлтую девицу», оказавшуюся дочерью хозяина горы. Охотник и девица стали жить вместе. Очевидно, не без помощи девицы охотник стал очень удачливым. И вдруг: «Потом та девица сказала: «я лягу и семь дней буду спать. Ты ко мне близко не подходи, меня не шевели». Три дня, храпя, спала. После лёд у неё из носа вытек и замёрз. Шесть суток спала. Тот человек на шестые сутки лёд у её носа обломал. Тогда она проснулась.

Та девица сказала: «Я к моему брату ходила. Мой брат нам скот дал. Я от брата долю взяла и скот сюда гнала. Тот скот я могла бы сюда пригнать. Ты меня разбудил. Теперь у нас доли нет...» [8, № 12, с. 122].

Сравнивая эту часть былички с версиями северо-востока Азии, легко заключить, что она – результат контаминации, соединения частей разных произведений в единый текст. А контаминация, разумеется, есть более поздняя форма, нежели те произведения, из которых её построили. Следовательно, здесь налицо вставка.

Рассказчик, может быть сам, или его предшественник знал предание в виде самостоятельной формы, но почему-то счёл возможным усилить волшебные чары дочери хозяина горы. Для этого он перенёс только на неё способность засыпать чудесным образом и притом не на всю зиму, а всего лишь на одну неделю. У рассказчика получилось раздвоение девицы: она спит в становище и одновременно перемещается в пространстве – отправляется к своему брату, получает от него скот и гонит скот к становищу. Рассказчику это раздвоение, наверное, представлялось вполне естественным, но простым смертным вроде учёных мужей это непонятно. Вряд ли это было понятно и для собирательницы. Но даже если ей это мнилось понятным, она была обязана раскрыть понимание для читателей.

Это тем более важно, поскольку Дыренкова записала ещё один кумандинский вариант, где тоже описывается сон желтой девицы, сон

тоже на одну неделю, во время которого девица получает скот от отца и пригоняет его. Но в этом варианте отсутствует самая важная деталь, – в нём не упоминаются сосульки, спускающиеся из носа девицы. Без сосулук эту часть текста можно принять не за вставку, а за изначальные эпизоды былички.

К настоящему времени К.В. Яданова (Горно-Алтайск) собрала целый корпус алтайских быличек и преданий об охотнике и сверхъестественном женском существе. Это как опубликованные, так и извлечённые из архивов тексты. Кроме показанных здесь кумандинских, в иных алтайских текстах следы предания о засыпающих на зиму людях не обнаруживаются. В связи с этим можно задаваться любыми вопросами, – любые ответы будут только гадательными. Наверное, нужно было бы, вопреки собственному предубеждению, заняться на Алтае поиском этого предания.

Более выразительная быличка, нежели кумандинская, отыскалась среди хакасов: «Вся мебель у них из камня, но кроватей у них нет. <...> стол на маленьких ножках полностью сделанный из камня. Посуда также изготовлена из камня.

Зимой они уходят в спячку. Спят стоя и даже не шелохнутся. Из носа у них вытекает водичка. Зимой она замерзает и превращается в сосульки. Если их обломать, то они умрут.

Про горных людей говорили, что пешком на дальние расстояния они не ходят. Они летают на своих скакунах над верхушками деревьев. <...> Все таёжные звери являются их скотом...» [4, с. 151].

Как видно, тут, подобно кумандинскому рассказу, но чётче и яснее речь идет отнюдь не о каком-то настоящем народе. Тут прямо говорится о «горных людях», т. е. о сверхъестественных хозяевах – жителях горных краёв. Принадлежностью к миру духов персонажи кумандинской и хакасской быличек ясно отличаются от персонажей из текстов северо-востока Азии. Кумандинская и хакасская былички в этом отношении подтверждают друг друга. В хакасской быличке не одна девица, как у кумандинцев, а все «горные люди» на зиму погружаются в спячку, и описание спячки почти не отличается от соответствующих описаний в текстах северо-востока Азии.

Подметив фиксацию предания у якутов, кумандинцев и хакасов, нетрудно провозгласить, что предание создавалось в тюркской среде и притом раньше, чем тюрки разошлись в разные стороны Евразии. Против этого можно тотчас возразить. Ведь для такого заключения

недостаточно столь малого числа случайных тюркских записей. С той же убеждённостью можно утверждать, что тюркоязычные народы, наряду с другими, были всего лишь переносчиками предания. Не следует также забывать и о русских людях в роли передатчиков предания своим этническим соседям.

О роли русских людей напоминает сказание «О человецех незнаемых в Восточной стране». Самый ранний список сказания датируют концом XV в., самый поздний – 1696 г. До нашего времени сохранилось чуть более десятка списков, – впрочем, нельзя исключать, что в недрах наших архивов таятся ещё какие-то списки.

По мнению А.Т. Шашкова, написание текста произошло благодаря рассказам югорских князей, которые пребывали в Усть-Выме зимой 1484–1485 годов. Они будто бы рассказывали, в частности, о землях, лежащих за Югрой. Их слушали люди пермского епископа, и кто-то из слушателей осмелел и написал сказание [12, с. 52]. Мнение Шашкова выглядит искусительным, но, увы, слабо подкреплённым доказательствами.

Сомнительно, чтобы югорские князья всех ближних и дальних этнических соседей считали исключительно самодийцами. Они несомненно лучше русских различали соседей. Это только русский человек мог все народы, живущие за Уралом, наделить одним этнонимом «самоедь». Русские уже так поступали по мере продвижения по северу, именуя «чудью» подряд всех встреченных обитателей. Вот и в сказании «О человецех незнаемых...» к самоедам отнесены несколько народов, фантастически описанных. Среди них, пятой по счёту (даже девятой в одном из списков) названа самоедь, засыпающая на зиму: «В той же стране есть иная самоедь, яко же и прочии человеци. Но зими умирают на два месяца. Умирают же тако: как где которого застанет в тем месяце, тот там и сядет, а у него из носа вода изойдёт, как от потока, да примёрзнет к земли; и кто человек иные земли невидением [неведением ? – Ю.С.] поток той отразит у него и сопхнёт с места, и он умрёт, то уже не оживёт. А не сопхнёт с места, той оживёт, и познает и речет ему: «О чём мя еси, друже, поуродовал?» А иные оживают, как солнце на лето вернётся. Тако на всякий год оживают и умирают» [1, с. 8–9].

Куда красочнее это предание описывалось в 1696 г.: «В зимние ж время в странах Сибирския земли во многих местах мраза ради и тяжких воздухов никто же обитати и жительствовати [не] может в то

время, но бывают пусты и бесчеловечны. Глаголют же нецыи, яко за тою рекою Обью великою под самый север есть человеци дикие безгласни, точию рычат и шипят, зимою же егда мразы настанут, человецы же (те) пускают от ноздрей своих сморг или соплю, и егда сии замёрзнут, тогда стоят ови яко о древесах, к весне же вся сопля растаивают, человецы же паки оживают, но не вем о сих аще истинна суть» [1, с. 50, в качестве отдельной редакции этот текст не выделен А.И. Плигузовым].

Этнограф Д.Н. Анучин счёл, что возникновение такого представления о засыпающих людях «было вызвано видом человекообразных идолов, которые, по многим старым известиям, существовали в самодской земле» [1, с. 53]. Затем он развил эту свою мысль: «чело­веко­образные идолы, стоявшие «яко о древесах» или одетые в костюм, и могли, особенно зимою, когда они стояли обле­денелые и покрытые снегом, – вызвать представление, что это замёрзшие люди, чему могли способствовать и неверно понятые рассказы туземцев, например, что эти идолы их предки и родичи» [1, с. 59–60].

Этнограф почему-то не обратил внимание на то, что идолы выстав­лялись на открытых местах, а не в тесных жилищах. Он не объяснил появление сосул­ек. Вместе с тем Анучин справедливо заметил, что русские люди могли неверно понимать какие-то части рассказов и, добавим, почти сразу их переделывать на свой лад.

Некоторое число списков сказания «О человецех незнаемых» несомненно свидетельствует о распространении предания как на письме, так и в устной передаче. Распространение шло параллельными течениями. Если признавать, что исходным источником было именно сказание «О человецех незнаемых», то надлежит объяснить, отчего по меньшей мере в нескольких местах, от Хакасии до северо-востока Азии, из сказания настойчиво вычленялось только предание о засыпающих на зиму людях, и затем это предание закреплялось в бытовании. Это пока остаётся загадкой.

Помимо сказания «О человецех незнаемых», по-видимому, существовал ещё какой-то исходный источник. Быть может, об этом напоминает бытование предания у хакасов и кумандинцев.

Уже в XVI в. своими познаниями о Сибири русские люди делились с иноземцами, приезжавшими из Западной Европы. По имеющимся сведениям, первым из них, кто запечатлел на бумаге и опубликовал услышанное, был австриец С. Герберштейн. В его книге открывается

иная, чем в сказании сводка услышанных сведений о Сибири. Австриец описал читателю, в частности, некую страну Лукоморию, находящуюся в горах «по другую сторону Оби»: «Сказывают, что с людьми Лукомории происходит нечто удивительное и невероятное, весьма похожее на басню: как носится слух, они каждый год умирают именно 27 ноября, когда у русских празднуется память св. Георгия, и потом оживают, как лягушки, на следующую весну, большею частью около 24 апреля» [5, с. 248].

Неизвестно, кто составил описание пути от устья Иртыша и далее вверх по Оби, – именно в нём попутно приведён краткий рассказ о жителях Лукоморья. Это могла быть рукопись, наскоро, с пятого на десятое переведённая Герберштейном. Это могли быть несколько русских рассказчиков, прослушав которых, австриец сделал свой сводный текст. Как бы там ни было, но текст Герберштейна имел несколько иной исходный источник, нежели сказание о «О человецех незнаемых». Только у Герберштейна приведены даты, когда, «умирают» и «оживают» лукоморцы. Только у него же приведено название Лукомория, данное явно русскими людьми. Никаких настоящих этнонимов он тут не приводит. Местоположение Лукоморья по тексту австрийца скорее угадывается, чем опознаётся со всей определённо-стью, – по-видимому, подразумевалось северо-западная часть Алтая или даже горы Хакасии.

Самое примечательное в тексте Герберштейна – это отсутствие хотя бы упоминания о сосульках, тянущихся из ноздрей спящих людей. Он, конечно, мог и слышать о сосульках, но чувство брезгливости или отвращения не позволило ему увековечить хотя бы упоминание о них. Герберштейну могли почему-то и не рассказать о сосульках. Найти ответ уже никогда не удастся.

Никому, конечно, не возбраняется рассуждать о месте рождения предания и о его бытовании ещё до конца XV в., когда его сумели занести на бумагу, включив в сказание «О человецех незнаемых». Однако этим рассуждениям надлежало бы опираться на бесспорные факты, а они по известным отечественным источникам не обнаруживаются. Тут можно было бы поставить точку, если бы нечаянно не открылся стародавний и далёкий источник: это – Геродот.

Этому любознательному «отцу истории» не позже первой четверти V в. до н. э. случилось пожить в Ольвии, греческой колонии на берегу лимана, образованного слиянием с морем Буга и Днепра. Там

Геродот расспрашивал не только о скифах, но и об их соседях. И ему, в частности, поведали о том, что к востоку от скифов после долгого перехода по каменистому краю, у подножия высоких гор обитают люди, все «лысые от рождения, плосконосые и с широкими подбородками» [6, с. 242]. Далее, похоже к северу («выше» лысых) – «По словам лысых, на горах обитают, хотя я этому не верю, козлоногие люди, а за этими горами – другие люди, которые спят шесть месяцев в году (!). Этому-то я уж вовсе не верю» [6, с. 243].

Навсегда останется неизвестным, сколь подробно или, напротив, сколь кратко рассказывали Геродоту о народах, живших на краю тогдашней Ойкумены. Ему могли рассказывать и довольно подробно, но его собственное неверие, в чём он искренне признался, превращалось в автоцензуру, в собственный запрет на воспроизведение услышанных рассказов. Как бы там ни было, но в беглом упоминании о людях, спящих подряд по полгода, всё же усматривается переключка с сибирскими преданиями. Геродоту рассказали явно некую версию предания о людях, засыпающих на зиму, – это само по себе поразительно! И рассказывали греку тогда, когда в тех далёких краях за высокими горами (очевидно, за Уралом), обитали совсем не те этнические общности, какие давно все привыкли там видеть. За почти две с половиной тысячи лет там происходило немало этнических перемен. Но с каждой переменной от этнического предшественника оставалось что-то, хотя бы в виде фольклорных текстов, благодаря чему и предание о засыпающих на зиму людях получало какое-то бытование на месте и распространение вширь.

Опираясь на сообщение Геродота, можно утверждать, что предание зародилось в народе, который позже не сохранился. Этому народу, вероятно, были присущи какие-то представления о связи сосулек в ноздрах с жизнью или смертью человека. По ходу распространения предание, наверное, утратило сопровождение в виде какого-то объяснения мотива сосулек. Ни в письменных источниках XV–XVI вв., ни в записях XX в. нет даже хотя бы нелепой попытки объяснить связь сосулек с жизнью или смертью человека, а это значит, что и рассказчики не слышали какого-либо объяснения.

Предание и этническая общность, его породившая, напоминают свет погасшей звезды. Давным-давно, едва вообразимо сколь давно, звезда почему-либо исчезла, но свет от неё мы видим даже теперь. Так и с фольклором былых этнических общностей. Они исчезли, но успе-

ли передать какие-то фольклорные произведения своим соседям или приемникам. Этих этнических общностей уже давно нет, а созданные ими тексты, преобразуясь, продолжают бытовать в иной этнической среде, откуда могут расходиться всё дальше и дальше от изначальных мест бытования.

Возраст фольклорных произведений обычно придумывают. Для предания о людях, засыпающих на зиму, не нужно измышлять возраст. Его возраст, если отталкиваться от Геродота, по меньшей мере две с половиной тысячи лет. Оно, следовательно, старше едва ли не всех современных народов нашей страны.

Реалии

Веретье – пологая возвышенность в тундре.

Лобазно – так в местном произношении звучит былое название заимки Лабазное от слова «лабаз». В 1982 г. она была последним жильём «в один дым» на Русской протоке Индигирки. Ниже по течению считалась пограничная зона, запретная даже для местных жителей.

Ожогоино – Зензинову говорили, что Ожогоино находится в 380 верстах от Русского Устья, вверх по Индигирке [9, с. 154].

Уруса – временное жилище из жердей, поставленных конусом и накрытых каким-нибудь покровом. Рассказчик женат на якутке и ему не чуждо знание каких-то якутских слов.

Литература.

1. Анучин Д.Н. К истории ознакомления с Сибирью до Ермака. Древнее русское сказание «О человеках неизвестных в Восточной стране». Археолого-этнографический этюд. М. 1890. С. 8-9. Позже этот список был утрачен. Ср. со списками этой и других редакций: Плигузов А.И. Текст – кентавр о сибирских самоедах. М.; Ньютонвиль. 1993. С. 88 и 79-80, 101. См. также: Титов А. Сибирь в XVII в. Сборник старинных русских статей о Сибири и прилежащих к ней землях. М. 1890. С. 4.

2. Биркенгоф А.Л. Потомки землепроходцев. Воспоминания – очерки о русских поречанах низовьев и дельты реки Индигирки. М. 1972. С. 41. Насколько известно, никому из фольклористов не довелось попасть к этим русским старожилам, ныне, по-видимому, исчезнувшим. В 1982 г. мне случилось найти в Чокурдахе женщину, перебравшуюся из Ожогоина. Она, обладала к сожалению, сильно обеднённым фольклорным репертуаром.

3. Боло С.И. Легенды и предания о народах юкагир, омоки, саяки, ванцы, записанные с уста (так!) Вострякова В.И. 77 л., с. Походск Нижнеколымского района, 1/XI-40 г. // Материалы по говорам русского населения (колымчанов) нижней Колымы. Полевые записи С. Боло 18 сентября – 28 ноября 1940 г. // Архив Якутского научного центра СО РАН, ф. 5, оп. 3, ед. хр. 444, л. 73-78 об. Сохранено правописание оригинала.

В день рыбака в 1982 г. я встретил в Походске И.В. Вострякова, явно сына это-

го рассказчика. Он не без гордости называл себя юкагиром, однако, как и отец, не знал юкагирского языка. Он вдохновенно пропел жестокий романс «На Муромской дорожке», но не отзывался на расспросы о том, что мне хотелось записать. Впрочем, он по случаю праздника был порядочно под хмельком и более рвался продолжить приятственное занятие, нежели общаться с заезжим занудой.

4. Бурнаков В.А. Духи Среднего мира в традиционном мировоззрении хакасов. Новосибирск. 2006. С. 151. Далее к этому рассказу прибавлен другой – о том, как охотник убил косулю – «корову» горных духов, после чего духи «забрали» у него лошадь. Благодаря контаминации представления о горных духах осовременились и таким образом продолжили своё бытование.

5. Герберштейн С. Записки о московитских делах. // В книге: Россия XVI века. Воспоминания иностранцев. Пер. с англ. М. Белозерской, Ю. Готье. Пер. с нем. И. Анисимова, И. Полосина. Смоленск. 2003. С. 248. Книгу Герберштейна читывали и другие иноземцы, посещавшие Московское государство. Кое-кто из них писал свою книгу впечатлений и при этом не удерживался от искушения перенести в неё прочитанное у Герберштейна. Заимствованным оказывалось и предание о засыпающих людях. Эта боковая линия распространения предания требует отдельного рассмотрения.

6. Геродот. История в девяти томах. Пер. и прим. Г.А. Стратановского. М. 1999. С. 242.

7. (Гоголев З.В.). Раскопки чандалов – жилищ юкагиров. // В кн.: Юкагиры (историко-этнографический очерк). Отв. ред. А.П. Окладников. Новосибирск. 1975. С. 84–97. Здесь же приводятся сведения о тех местах в дельте Индигирки, где местные жители находили чандалы. Название «чандала», наверное, идёт от юкагирского выражения «кандэлэ мимэ» (зимний дом). Так юкагиры называли «полуземлянку – шалаш из плах или тонких брёвен, крытых дёрном, наполовину врытых в землю»: Туголуков В.А. Кто вы, юкагиры? М. 1979. С. 87.

8. Дыренкова Н.П. Охотничьи легенды кумандинцев. // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. XI. М.; Л. 1949. С. 110–132.

9. Зензинов В.М. Старинные люди у холодного океана. Составители А.Г. Чихачёв, И.А. Чихачёв. Якутск. 2001. С. 41.

10. Смирнов Ю.И. Личный архив. Поездка 1982 г., Дневник-2, л. 12-13. Запись 5.07. 1982 г. от Михаила Ивановича Чихачёва, 70 лет, грамотного.

11. Травин Д.Д. Русские на Индигирке. // Архив СПб. научного центра РАН, ф. 47, оп. 2, ед. хр. 171, л. 36. Сведений о рассказчике Травин не привёл. Слово «чандала» он не склонял.

Для вящей убедительности Травин тут же пересказал предание о том, что чандала содрала кожу с живого оленя и отпустили, после чего олени перестали им попадаться, и чандала умерли (там же л. 37). Это предание бытовало в разных этнических средах от Индигирки до Анадыря. С его помощью местные жители объясняли вымирание их этнических предшественников. Здесь нет возможности останавливаться на этом предании.

12. Шашков А.Т. Великий меховой путь. С Камы на Тобол. // Родина. № 5. 2000. С. 52.

13. Исторические предания и рассказы якутов. В двух частях. Ч. 1. Изд. подготовил Г.У. Эргис. Под ред. А.А. Попова. М.; Л. 1960. № 25, с. 114.

Н.Д. Портнягина

Использование русско-устыинского фольклора на уроках литературы

Аннотация. Литература Русского Устья, а именно русскоустыинский фольклор, как предмет изучения, представляет немалый интерес, как для учителя, так и для учащихся. Язык русскоустыинцев почти полностью вышел из употребления. В статье приведен опыт работы с учащимися по изучению родного фольклора на примере сказок, былин, песен. Эти уроки являются важными по воспитанию любви к родному краю, своей культуре.

Ключевые слова: с Русское Устье, учащиеся, урок литературы, фольклор, язык, культура.

N.D. Portnyagina

Folklore of the RusskoyeUstyein the Literature Lessons

Abstract. RusskoyeUstie literature, namely RusskoyeUstye's folklore, as a subject of study, is considerable interest, both for teachers and students. The language of RosskoyeUstye almost completely went out of use. The article presents the experience of working with students on the study of native folklore on the example of fairy tales, epics and songs. These lessons are important for education of love to the native land, the culture.

Keywords: RusskoyeUstye, pupils, lesson, literature, folklore, language, culture.

«Понять литературу, не зная мест, где она родилась, не менее трудно, чем понять чужую мысль, не зная языка, на котором она выражена», – писал Д.С. Лихачев.

Перед учителем – словесником стоят задачи воспитания человека новой формации. Одна из целей литературного образования в современной школе – приобщение учащихся к искусству слова. Оно способствует освоению ими духовных ценностей, развитию художественно-эстетического вкуса и творческого потенциала школьников; формированию их нравственных позиций. Существенна в этой связи роль фольклора, знакомство с которым развивает познавательную де-

тельность школьников, совершенствует культуру мышления, способствует глубокому освоению ими истоков родной литературы. В условиях территориальной разобщенности самобытное искусство имеет право на изучение и сохранение. Мы понимаем, что народ, забывающий культуру своего народа, не оберегающий свою веру, обречен на вымирание, поэтому проблему изучения национальной культуры нужно считать актуальной.

В последнее время значительно обновилось содержание структуры литературного образования, созданы вариативные программы, учебники для всех типов общеобразовательных учреждений. Во многих регионах РФ создаются курсы, связанные с литературным краеведением (в учебный план школ введен региональный компонент).

Фольклор долгое время был предметом общей науки и изучался гораздо больше этнографами, историками, культурологами, чем искусствоведами и собственно фольклористами, а уж тем более не изучался в школе.

Литература Русского Устья, а именно русскоустьинского фольклора как предмет изучения представляет немалый интерес, как для учителя, так и для учащихся. В этом аспекте особый интерес представляет изучение на уроках литературы. Язык русскоустьинцев почти полностью вышел из употребления. Ведь мы знаем, что язык является вершиной развития культуры народа. В языке собрано все: и устное народное творчество, и обычаи, и обряды, традиции, уклад жизни. Время требует от нас поиска новых форм и приёмов работы, чтобы прививать любовь к родному языку, к родной земле. И на этом пути использование фольклора родного народа является одним из ключевых и убедительных средств. В русскоустьинском фольклоре представлены практически все жанры устного народного творчества России. Поэтому изучению словесного русскоустьинского фольклора на уроках литературы, внеклассного чтения и внеучебной деятельности школьников мы придаем большое значение.

Образцы устной народной словесности традиционно включаются в школьные программы по литературе. Однако при изучении фольклорных жанров, обозначенных программой, учащиеся получают достаточно обобщенные сведения о словесной культуре своего народа. Этому способствует небольшой объем учебного времени, отводимого для изучения фольклора. В программе под редакцией Т.Ф. Курдюмовой концепция изучения фольклорных произведений в 5-8

классов представлена наиболее системно. Принцип концентризма, осуществляемый данной программой, предполагает возвращение к отдельным жанрам фольклора на разных уровнях литературного развития.

Основная задача по изучению «малых фольклорных жанров» в 5 классе - дать понятие об их особенностях, проследить место и роль в других жанрах устного народного творчества. После изучения малых форм фольклора в 5 классе изучаются малые жанры русскоустыинского фольклора: загадки, пословицы и поговорки, частушки. Например, пословицы и поговорки русского Устья связаны с трудом и гостеприимством. «За хлеб, за соль завтра спляшем»; «Лентяя все сквозь пальцы смотрят»; «Хлеб на столе руки свои».

Большой интерес привлекают сказки Русского Устья. Русскоустыинская сказочная традиция – особая страница в сказительстве Восточной Сибири, а в науке – предмет специального исследования. Одним из лучших сказочников был Семен Петрович Киселев. Сказки, по его славам, «баяли» мать – Аграфена Петровна и отец – Петр Мокеевич. Сказательный дар семейства Киселевых передался и сыну – Егору Семеновичу. К сожалению, в наше время семейная традиция сказочников утрачена. В школе мы работаем со сказками, взятые из книги «Фольклор Русское Устье», так как в них дети могут услышать тот язык, на котором говорили наши предки.

В 6 классе после изучения новгородского цикла былины «Садко» учащиеся знакомятся с вариантом былины «Садко в подводном царстве» русскоустыинского варианта, так как пользовалась особой популярностью в Русском Устье. Проводится анализ этих двух былин. Отличие состоит в полном отсутствии каких-либо указаний на то, что Садко – гусяр. Здесь нет речи об игре героя на гусях, отсутствуют связанные с ней мотивы и эпизоды.

*Былина в русскоустыинском варианте:
Еще жил Садко купец, гость богатой.
Не мало раз Садко по морю бегивал,
Морского цара ничем не даривал,
Чужие дари-пошлины ничем не оплачивал.
Во славном в Ново-граде
Как был Садко купец, богатый гость.
А прежде у Садка имущества не было:
Одни были гусельки яровчатые.
По пирам ходил-играл Садко.*

На Индигирке с былинной «Садко» связано поверье. В непогоду, чтобы укротить ветер, пургу, дождь и прочее ненастье, русские старожилы пели эту былинку несколько раз. Об этом сообщал И.С. Гурвич, побывав в этнографической экспедиции.

В 8 классе рассматривается проблема времени на страницах литературного произведения, воспроизведение исторических событий в литературе. Исторические песни – это не просто передача фактов истории, это ее народная оценка, выражение души народа. Начиная с середины 16 и до первой четверти 19 века наряду с распространенными песнями, такими как «Соловей кукушечку уговаривал», «На утреннем несходимом красном солнышке», «Стеньки Разина сынок», «Пишет, пишет король шведской», «Казак Платов в гостях у француза», в Русском устье бытовали редкие, а подчас уникальные песни. Среди них в первую очередь следует отметить имеющийся единственном варианте текст «Грозный царь Иван Васильевич»; нет близких вариантов и к песне «Про Азов - город». Очевидно, только в Русском Устье на протяжении долгого времени сохранялась песня «Илья Милковский». К редким относится всего несколько раз записанная за пределами Русского Устья песня о подвигах Михаила Васильевича Скопине. После изучения темы «Исторические народные песни» учащиеся 8 класса знакомятся с темой: «Исторические песни русскоустынского фольклора». Целью является: познакомить учащихся с исторической песней русскоустынского фольклора о князе Скопине-Шуйском В.М.; сделать анализ текста; познакомить с говором русскоустыньских слов, используемых в исторической песне. Проводится словарная работа. Например, такие слова как: Бистрыи – быстрые; Граж- грязь; Ожерья промеж ног пушал – пропускал озера между ног; В юрту съезжую – дом для гостей; По конец стола- возле самого края стояла; Видергивал гумажечку – доставал бумажку; Гербовой лиш – заверенный гербовой печатью лист; Чертаичка аркадская – тетрадь из Аркадии (так называли Грецию); Ярлычки-скрописемки – деревянный конверт; Швятая Русь – Святая Русь. Затем знакомятся с самим текстом.

*Скакал тут Скопин горы на гору,
Он бистрыи речки перепрыгивал,
Он круглые ожерья промеж ног пушал,
Он гража, болота хвостом заштилал. И т.д.*

Эта историческая песня была записана М.Ф. Дружининой со слов Егора Семеновича Киселева (по прозвищу Хунай) 13 июля 1981 г. Довольно редкая песня о ратных подвигах князя М.В. Скопина-Шуйского, освободившего Москву от осады.

Исторические песни верно передают дух эпохи, реальные факты и характерные детали многих событий прошлого. Однако в отдельной песне можно обнаружить также элементы авторского вымысла и народной фантазии. Несмотря на это, историческая песня навсегда останется памятником русского фольклора.

Вот так ненавязчиво, через фольклор вводится на уроках в мир русскоустынской речи, культуры. И не только потому, что это увлекательно, занимательно, но и потому, что это кладезь мудрости, что всё это добыто трудом, выдержало проверку временем, это наши корни, забывать о которых нельзя. Ведь «живое слово земляков и о земляках воспитывает интерес к тому, что называется малой родиной, рассказывает о ее истории, что в конечном счете способствует общей гуманизации школьного образования».

В завершении хотелось бы отметить, что изучая фольклорное краеведение, учащиеся вбирают в себя традиции, выработанные многими поколениями, так как устное народное творчество русскоустынского народа содержит в себе аккумулированные знания и общечеловеческие ценности. Поэтому фольклор, наряду с литературой, способствует когнитивной и творческой активности учащихся, является источником их саморазвития.

Литература.

1. Благова, Н.Г., Коренева Л.А., Родченко, О.Д. О концепции обучения русскому языку с учетом регионального компонента (Для средней общеобразовательной школы) // РЯШ. – 1993. – № 4 – с. 8–19.
2. Венедиктов Г.Л. Фольклоризация памятников древнерусской литературы в Русском Устье // Труды отделения древнерусской литературы (Пушкинский дом) АН СССР. – М., 1985. – Т.40. – С. 400–409.
3. Пахнова Т.М. Текст как основа создания на уроках русского языка развивающей речевой среды // РЯШ. – 2000. – № 4. – с. 6–12
4. Распутин В. На Индигирке, рядом с океаном // Литературно-художественный, публицистический и популярный журнал «Розовая чайка». – 1991. – № 1. – с. 195–201.
5. Скрыбикина Л.Н. Былины русского населения северо-востока Сибири. – Новосибирск: Сиб.изд.фирма РАН, 1995. – 104
6. Старостина М.Е. Фольклор Самарского края как содержание регионального компонента литературного образования в средних классах. Журнал «Педагогика», 2010. – №7. – с. 49–54.

7. Смирнов Ю.И. Былина «Садко» - как заклинание дурной погоды // Фольклор народов РСФСР: Межвуз. сб. – Уфа, 1986. – С. 22–27.

8. Чикачев А.Г. Пережитое: Очерки. - якутск; Литограф. – 1998. – с. 8–9.

9. Чикачев А.Г. Русские на Индигирке: Историко-этнографический очерк. - Новосибирск: Наука.Сиб.отд-ние. – 1990. – с. 189.

10. Русские сказки Восточной Сибири: Сказки.- иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1985. с. 33–38.

11. Сказки Русского Устья// Русские сказки Восточной Сибири. – Иркутск, 1985. – С. 337–420.

12. Фольклор Русского Устья. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1986. – 383 с.

УДК 373.2(571.56-22)

Г.Д. Портнягина

Приобщение детей старшего дошкольного возраста к уникальной культуре с.Русское Устье

Аннотация. Автор делится опытом работы с детьми дошкольного возраста по патриотическому воспитанию любви к родине. Педагогическое общение предполагает разные формы работы по истории и культуре Русского Устья. Здесь проводятся игры с использованием краеведческого материала о животном мире, рыб родной р. Индигирки, знакомство со сказками, пословицами, поговорками.

Ключевые слова: Русское Устье, фольклор, устное народное творчество.

G.D Portnyagina

Introduction of Senior Preschool Age Children to the Unique Culture of the Village RusskoyeUstye

Abstract. The author shares the experience of working with preschool children on Patriotic education of love for the Motherland. Pedagogical communication involves different forms of work on the history and culture of the RusskoyeUstye. There are games with the use of local history material about the animal world, the fish of the Indigirka River, acquaintance with fairy tales, proverbs, sayings.

Keywords: RusskoyeUstye, folklore, oral folk art.

Сейчас в Русском Устье – маленьком поселке в сердце глухой якутской тундры – живет исконно русское население, сохранив-

шее почти в неприкосновенности старорусскую культуру, устное народное творчество, истинно русское самосознание. Поэтому первая задача педагогов нашего детского сада «Северяночка» - передать детям частицу этой чудом сохранившейся культуры.

В настоящее время разработана система ознакомления детей с декоративно-прикладным искусством, устным и музыкальным фольклором, но почти нет разработок по ознакомлению с родным краем, его историей, культурой. Родная культура становится первым шагом в освоении ребёнком богатств мировой культуры. Недостаточность разработанности данной проблемы и её несомненная значимость для практики педагогов ДОУ определила тему нашей работы.

Цель нашего опыта: способствовать развитию творчества детей на основе приобщения к культуре Русского Устья.

В рамках выбранной темы мы выявили, что обращение к отеческому наследию воспитывает у дошкольников уважение, гордость за землю, на которой живешь. Именно акцент на знание истории родных мест, культуры народа поможет в дальнейшем с уважением и интересом относиться к культурным традициям других народов. Ведь живя на краю земли, в своеобразном заповеднике старинной культуры, являясь носителями северного великорусского языка, дети должны не только знать и беречь родную речь, песни и танцы предков, но и передать дальше культуру русскоустыинцев – своим потомкам.

Приобщение детей к родной культуре всегда являлось одной из важнейших задач современного детского сада, ведь детство – самая благодатная пора для привития священного чувства любви к Родине. Эта работа всегда проводилась в аспекте постепенного, неуклонного формирования у детей любви к малой родине. При этом у детей формируются самые прочные патриотические чувства и представления.

Обращение к истокам культуры народов, населяющих Север, позволившей им не только выжить, но и сохранить свою этническую самобытность, является правомерным и актуальным. В связи с хозяйственным освоением окраин и вызванными им массовыми переселениями русского населения в различные исторические периоды происходило, с одной стороны, смешение различных групп, образовавшихся ранее, с другой - формирование новых групп в ходе приспособления переселенцев к новым условиям жизни и в результате контактов их с местным населением. Небольшая группа русских за Полярным кругом, которые переселились сюда из европейской части

России в 16–18 вв., русскоустыинцы, находясь в особых природных условиях, многое восприняли от местного населения: способы охоты и рыболовства, собаководство и оленеводство, некоторые виды одежды. Небольшой группе русских людей пришлось вести трудную борьбу с тяжелыми природными условиями. Они внесли в северный быт элементы более высокой хозяйственной культуры: промысловой инвентарь на соболя и новые средства для рыболовства. Но при этом сохранили национальное самосознание, свой фольклор и язык.

Для воспитания дошкольников важно, чтобы они в своей жизненной практике больше видели доказательства любви к родному краю, к его культуре. Эффективные пути их приобщения к культуре родного края в региональных условиях могут быть реализованы посредством использования педагогики народного быта, песен, танцев, поговорок и пословиц народа, усвоения их значения в передаче нравственного опыта подрастающим поколениям.

Поставив цель приобщения старших дошкольников к культуре Русского Устья, мы реализовали программу воспитания любви к родному краю, которая апробировалась с 2010 г. на базе МБДОУ «Северяночка». В рамках реализации Программы у нас организована и функционирует фольклорная группа «Истоки». Девиз группы: «У моего народа свой быт культура, традиции, и знать их – моя обязанность».

Содержательная часть работы фольклорной группы представлена тематическими блоками. Каждый блок работы завершается праздником, конкурсом, игрой – это определенная точка опоры в развитии интересов дошкольников, демонстрация ребенком своих достижений перед родителями при одобрении родительской и детской аудитории придает детям уверенность в себе, стимулирует потребность роста интереса.

Основное направление работы – знакомство детей с природой, бытом и жизнью населения родного села.

В рамках этого направления проводятся комплексные занятия, включающие в себя не только расширение знаний о родном селе, но и использование произведений декоративно-прикладного искусства, самодеятельного творчества сельчан. Также такие занятия включают в себя просмотр видеозаписей, сюрпризные моменты и элементы драматизации, ознакомления детей с народными праздниками.

В условиях взаимодействия со взрослыми – педагогами, родителями, школьниками, представителями села – дети прочно усваивают,

что характерной особенностью культуры русскоустыинцев является то, что они до последнего времени с особым старанием хранили памятники русской старины, находя большое духовное удовлетворение в рассказывании сказок и исполнении песен.

В старину не было игрушек, взрослые старались своим детям делать сами. Традиционными играми, особенно в зимние вечера, когда холод и пурга не давали выйти на улицу детям, развлекали играми как бирюльки, крючки, камушки, богатый: устраивали соревнования. Важными моральными ценностями являются справедливость и честность.

Каждый год в детском саду проводим недели, посвященные Русскому Устью. Знакомим детей с загадками, пословицами, сказками, также - с животным миром, птицами, живущими в нашем улусе, рыбами, которые обитают в нашей Индигирке. Приглашаем бабушек с интересными рассказами о кулинарных изделиях из рыб. Они с охотой помогают шить национальные костюмы.

II-ое направление - педагогическое общение на основе знакомства с произведениями устного народного творчества.

Ознакомление дошкольников с произведениями русскоустыинского устного народного творчества включало в себя разные формы воспитания и обучения: чтение и рассказывание художественных текстов, разучивание наизусть, драматизация. Вся эта работа проводилась на основе доверительного общения взрослого с ребенком.

Обрядовые праздники тесно связаны с трудом и различными сторонами жизни человека. В них присутствуют тончайшие наблюдения людей за характерными особенностями времен года, погодными изменениями, поведением животных, жизнью растений. Через атмосферу праздников передается детям вся мудрость русскоустыинского народа, сохраненная в веках. Умело продуманный и организованный праздник дает много дополнительной информации для ума и чувств детей (когнитивный и эмоциональный компоненты): о народных костюмах, традициях и обычаях народа, его истории.

Эффективность проведенной воспитательной работы была определена на контрольном этапе. Так для того, чтобы уточнить наличие представлений о родном крае, о его роли в жизни человека была проведена беседа.

При опросе дети показали в ответах широкий спектр полученных знаний и представлений о роли родного края в жизни человека, затрагивающие различные компоненты детских интересов.

Также, в фольклорной группе, благодаря проведению планомерной работы по приобщению старших дошкольников к культуре родного края, с его историей, бытом и занятиями населения села, повысился общий уровень культуры общения - с 53,3 % до 100 % (на 46,7 %)

Таким образом, основным результатом приобщения детей дошкольного возраста к культуре родного края должно стать воспитание патриотических чувств и представлений у детей, формирование базовых элементов всестороннего личностного развития в рамках приоритетов нравственности.

Литература

1. Аполлонова Н.А. Приобщение дошкольников к русской национальной культуре // Дошкольное воспитание. - 2002. - № 5. - С. 5-8.
2. Асмолов А.Г. Концепция толерантности: Теория и практика патриотического воспитания. – М.: Прогресс, 2007. – 276 с.
3. Волков, Г.Н. Педагогика жизни. / Г.Н. Волков. - Чебоксары: Чувашская кн. изд-во, 1999.- 334с.
4. Давыдова О.И., Федоренко В.И. Колыбельные песни как специфический защитный механизм этноса // Психолого-педагогические проблемы современного образования // Сборник научных статей. - Барнаул: БГПУ, 2001. - С.128-133.
5. Даль В.И. Пословицы и поговорки. Напутное // Русское народное поэтическое творчество. Хрестоматия по фольклористике / Сост.: Ю.Г. Круглов. - М.: Высшая школа, 2006. -С.185-193.
6. Мельников М.Н. Русский детский фольклор. - М.: Просвещение, 2007. - 239с.
7. Народное искусство в воспитании детей / Под ред. Т.С. Комаровой. - М.: Педагогическое общество России, 2007. - 256с.
8. Обряды и обрядовый фольклор. – М.: Наука, 1998. – 168 с.
9. Русское народное творчество и обрядовые праздники в детском саду / Под ред. А.В. Орловой. - М.: Академия, 2005. - 185с.
10. Система патриотического воспитания в ДОУ /Сост. Е.Ю. Александрова и др. – Волгоград: Учитель, 2007. – 203 с.

УДК 398.8(=161.1)(571.56-22)

М.К. Бурьяк

Перспективы восстановления народно-песенной традиции села Русское Устье Республики Саха (Якутия)

Аннотация. По преданию стариков, предки русскоустинцев были выходцами из России – Астрахани, Вятки, Великого Устюга. В Русском Устье сумели сохранить уникальные образцы песенного фольклора. Автор указывает на то, что в песенной культуре Русского

Устья в 30-х годах XX в. перестали действовать традиционные этнокультурные трансмиссии, в 50–80-е годы песенная культура претерпела влияние самодеятельного народно-певческого творчества. Современное исполнение показывает, что певцы не владеют вокально-стилевыми технологиями как аутентичной, так и академической школы народного пения. В статье предпринята попытка поиска путей восстановления функционирования русскоустинской народно-песенной традиции в современных условиях.

Ключевые слова: Русское Устье, музыкальная этнопедагогика, этнокультурная исполнительская традиция, трансформации народно-песенной традиции.

М.К. Buryak

The Prospects for Recovery Folk Song Tradition of the Village RusskoyeUstye of the Republic of Sakha (Yakutia)

Abstract. According to the legend of the old people, the RusskoyeUstyeancestors were immigrants from Russia – Astrakhan, Vyatka, VelikyUstyug. In the RysskoyeUstye managed to preserve the unique specimens of the song folklore. The author points out that in the song culture of the RusskoyeUstyein the 30s of the XX century traditional ethno-cultural transmissions ceased to operate, in the 50s and 80s it underwent the influence of amateur folk singing. Modern performance shows that singers do not possess vocal and stylistic technologies of both authentic and academic school of folk singing. The article attempts to find the causes of the village RusskoyeUstyeand ways of its restoration in modern conditions. The article considers the ways of functioning of the RusskoyeUstyefolk song tradition.

Keywords: RusskoyeUstye, musical ethno-pedagogy, ethno-cultural performing tradition, transformations of folk song tradition.

В статье предпринята попытка поиска причин трансформации народно-песенной традиции села и путей ее восстановления в современных условиях.

Село Русское Устье основано в 70-х годах XVII в. (возможно и ранее) русскими переселенцами, находится на крайнем севере Восточной Сибири, на реке Индигирке, в 80-ти верстах от Северного Ледовитого океана. Местность тундристая, болотистая, с массой озёр, протоков и речек.

По преданию стариков, предки русскоустинцев были выходцами из России – Астрахани, Вятки, Великого Устюга: «Спасаясь от тягостей ратной службы, жители разных городов еще при Иване Грозном на ботах и кочах вышли из России морем и двинулись на восток и осели в устье реки Индигирки среди инородцев, назвав свой первый посёлок «Русским Устьем» (или «Русским Жилом»)» [1, 16-17].

В настоящее время население села Русское Устье не только продолжает своё существование в окружении различных иноязычных этносов Якутии (якутов, юкагиров, ламутов, тунгусов, чукчей и др.), но и сохраняет идентичность с русским народом (с новгородцами – по мнению старожилов), его православно-христианским вероисповеданием.

По результатам исследований автора статьи народно-песенная традиция Русского Устья находится в фрагментарном состоянии – разрушены механизмы межпоколенной преемственности, функциональные связи фольклорного творчества, а субъектами традиции являются только старожилы – носители традиции.

Возраст носителей традиции весьма преклонный – старше 70-ти лет; носители частично владеют содержанием традиции (в основном лирическими, отдельными плясовыми песнями, общерусской и локальной частушкой) и её инструментальными механизмами, но в течение многих десятилетий по причине не востребоваемости этнокультурного исполнительства в советский период Российского государства они не передавали этнокультурный опыт новым поколениям²⁶.

Зрелое поколение Русского Устья не унаследовало этнокультурные традиции старожилов (причины – см. выше). Их пение, в отличие от пения современной молодежи и детей, является интонационно качественным. Скорее всего, в младенческом и детско-подростковом возрасте они воспитывались на песенно-игровом материале местного детского фольклора. Зрелое поколение в настоящее время заинтересовано в сохранении песенного фольклора русскоустинцев, сориентировано на его преемственность от носителей – старожилов, но лишено целостных образовательных преемственно-наследственных процессов освоения народно-песенного наследия и этнокультурных традиций в целом. Важно

²⁶ С 20-х годов XX века наблюдается угасающий фактор функционирования русских этнокультурных песенных традиций на фоне развивающегося многогранного песенного фольклоризма: концертно-сценического фольклоризма; имитационной реставрации локальных народно-песенных традиций в условиях практического этномузыковедения; аутентичного фольклоризма; общерусской музыкальной этнопедагогики и локально-регионального вида музыкальной этнопедагогики.

отметить и то, что с 30-х годов XX в. (приблизительно) этнокультурная исполнительская традиция перестала передаваться новым поколениям, при этом разрушились механизмы ее функционирования, а в 50-80 годы XX в. русскоустинцы претерпели влияния самодеятельного народно-певческого творчества. Таким образом, исполнительство зрелого поколения русскоустинцев в настоящее время представляет собой концертно-сценический вид хорового пения любительского уровня, так как освоение песенного репертуара и вокально-стилевых технологий осуществляется без помощи хормейстеров-профессионалов. По этим причинам певцы не владеют вокально-стилевыми технологиями как аутентичной, так и академической школы народного пения на уровне регистрово-фонационных навыков, навыков голосоведения и резонансного пения, певческого дыхания и диалектной артикуляции, ансамблевой фактуры пения и обрядово-пластического поведения. Более того, певцы искусственным способом прививают в пении отдельные элементы локальной фонетики (заучивают их).

Дети и молодёжь находятся ещё в более сложных исполнительских условиях. С одной стороны, они полностью лишены певческого этновоспитания в младенческом и раннем детском возрасте, и по этой причине их интонирование является некачественным. С другой стороны, певцы имитационно перенимают от зрелого поколения певческо-стилевые технологии без помощи хормейстеров – посредников-профессионалов, и тем самым продолжают развивать традиции концертно-сценического вида хорового пения любительского уровня.

Данное состояние народно-певческого исполнительства в Русском Устье можно назвать критическим. И здесь, с нашей точки зрения, необходимо определить пути дальнейшего развития народно-певческого исполнительства русскоустинцев.

Самый простой выход из сложившейся ситуации связан с конструктивным корректированием концертно-сценического фольклоризованного исполнительства на основе русскоустинского песенного репертуара (преимущественно!) и под руководством хормейстеров-профессионалов в условиях и зрелой, и детско-молодёжной среды. Данное направление исполнительства позволит сохранить лишь песенное наследие Русского Устья.

Другой путь является более долгим – на основе исторически сложившейся образовательной модели освоения русской народно-песенной традиции [2, 46-47] – с младенческого возраста до творческого совершенствования детей к 15-20 годам. В данных условиях потребуются скрупу-

лѐзное изучение этнического песенного наследия Русского Устья, его взаимосвязей с родственными этнокультурными традициями России, а также щадящим включением недостающих календарно-обрядовых и песенно-игровых комплексов и соответствующих им певческо-стилевых технологий (например, заимствование этнокультурного наследия Новгородской земли). Данное исполнительское направление относится к локально-региональному виду музыкальной этнопедагогики и предусматривает восстановление и частичное обновление исторически сложившегося в народной педагогике образовательного процесса по освоению народно-песенной традиции в современных условиях.

Локально-региональный вид музыкальной этнопедагогики опирается на сформированную модель фольклоризированной локальной народно-песенной традиции, структуру которой, применительно к певческой деятельности русскоустинцев, составят:

1). Объекты фольклоризированной русской народно-песенной традиции:

– сформированная русскоустинская народно-православная песенно-исполнительская разнополовозрастная среда;

– русскоустинские культурные ценности, культурные тексты с учетом историко-территориальных, этно-социокультурных и образовательно-досуговых региональных особенностей:

– сформированный праздничный и событийный календарь с учётом историко-этнографического и межэтнического контекста (элементы обрядов юкагиров – обряд встречи первого луча солнца в феврале месяце);

– сформированное программно-репертуарное обеспечение образовательного процесса с учетом новообразований песенного фольклора, включающее песенно-обрядовое, хореографическое, инструментальное, театральное исполнительство в их локальной и новгородской жанрово-стилевой специфике (щадяще дополненной) и универсальных певческо-стилевых исполнительских технологиях, а также музыкально-теоретический комплекс предметов, концертно-сценические и празднично-досуговые формы исполнительства;

– разработанное теоретико-методическое обеспечение образовательного процесса – CD-, DVD-, нотные учебные пособия, составленные на основе фольклорно-этнографических записей этнофоров-носителей и с их участием.

2). Субъекты фольклоризированной русской народно-песенной традиции:

– этнофоры – носители традиции, хранители этнокультурных знаний и опыта;

– преподаватели, осуществляющие руководство качественно новым этнопедагогическим процессом, осваивающие этнокультурные знания и опыт этнофоров – будущие современные носители, трансляторы, хранители и передатчики этнокультурной информации в сформированной этнокультурной среде и получившие специализированное музыкально-педагогическое образование в средних и высших учебных заведениях России;

– учащиеся (с годовалого до 15-20-летнего возраста) – преемники/наследники сформированной традиции;

– родители учащихся, включённые в досугово-образовательную среду сформированной традиции;

– формирующийся фольклорно-этнографический коллектив современных носителей русскоустынской народно-песенной традиции, состоящий из этнопреподавателей и выпускников образовательных курсов, способных к концертно-сценической, празднично-досуговой и научно-просветительской деятельности.

3). Инструментальные механизмы фольклоризированной русской народно-песенной традиции:

– сформированный целостный процесс освоения русскоустынской народно-песенной традиции в условиях фольклорной инклюзивности, функциональных связей фольклорного творчества и разработанной этнопедагогической стратегии, инициирующей становление современного носителя этнокультурной информации и исполнительских технологий, а также обретение каждым субъектом традиции идентификации с русским народом;

– сформированный системный и поэтапный трехуровневый образовательный процесс освоения певческих навыков²⁷ на основе разработанной автором статьи новой универсальной методики музыкального этнообразования детей [3], включающей ряд специализированных методик по формированию, развитию и совершенствованию народно-певческой деятельности:

– навыков певческого интонирования на основе этномузыкаведческого интонационно-формульного научного подхода [3: Ч.1, 80-98; 3, Ч. 4];

²⁷ На 3-х отделениях школы/студии русского фольклора: дошкольном отделении – с 1 года до 6-летнего возраста; школьном – с 7 до 13 (15)-летнего возраста; допрофессиональном – с 15-16-летнего возраста, далее – в профессиональном фольклорном коллективе преподавателей и выпускников.

– навыков вокальных технологий народного пения – общестилевых (унифицированных) и специальных (диалектных локально-региональных) на основе педагогического вокально-стилевого научного подхода [3: Ч. 1, 99-114; 4, 130-142; 5, 57-63];

– навыков народного певческо-стилевого исполнительства на основе этномузыковедческого структурно-типологического научного подхода [3: Ч.1, 115-122; 4, 117-129; 5, 54-57];

– навыков ансамблевого многоголосного пения и творческой импровизации на основе этномузыковедческого вариативно-ролевого научного подхода [3: Ч.1, 93-98];

– навыков исполнительского поведения певцов в плясках, обрядах, фольклорных спектаклях, сценических условиях, праздниках народного календаря и пр. на основе комплексного этномузыковедческого синхронно творческого научного подхода;

– интеграции специализированного фольклорного и общего музыкального образования (с учетом ценных теоретико-методологических педагогических технологий) на основе культурологического научного подхода;

– интегративного способа освоения традиции посредством:

– исторически сложившегося устного способа освоения традиции (как правило, в дошкольном и младшем школьном образовательных периодах формирования современного этноисполнителя): пение следом за голосом этнопреподавателя, этнофоров в реальном творческом общении (как правило, в школьном образовательном периоде формирования современного этноисполнителя);

– письменного способа освоения традиции, основанного на пении песенных образцов по нотированным записям и разработанным учебно-методическим пособиям – нотным песенным сборникам, CD- и DVD-материалам и пр.; по нотам и звуковысотным жестам руки преподавателя, с аудиозвучанием фольклорно-этнографических записей; пении голосов ансамблевой фактуры в сопровождении фортепианной партитуры, многоканальных и сводных аудио-многоголосных записей; освоения обрядового поведения певцов по DVD-фольклорно-этнографическим записям и в совместном исполнительстве с ансамблем этнопреподавателей.

Таким образом, в настоящее время русскоустыинскую народно-песенную традицию целесообразнее всего развивать в русле локально-регионального вида музыкальной этнопедагогике. Данный подход в условиях сформированной локальной песенной и певческо-стиле-

вой среды, разработанного целостного образовательного процесса с учетом всех необходимых инструментальных механизмов традиции, позволит обеспечить функционирование русскоустынской фольклоризированной народно-песенной традиции и формирование/становление её современных носителей.

Литература и источники

1. Зензинов В.М. Старинные люди у холодного океана. Русское Устье Якутской области Верхоянского округа. Изд. 2-е, испр. и доп. Репр. изд. М : Типография П.П. Рябушинского, 1914.

2. Бурьяк М.К. Образовательная модель русской народно-песенной традиции в современном музыкальном этнопедагогическом процессе // Этносоциум и межнациональная культура. М.: Международный издательский центр «Этносоциум», 2013. №9 (63). С. 38-52.

3. Бурьяк М.К. Певческое этновоспитание детей (на примере этнокультурных традиций Новгородской земли). Великий Новгород: ЗАО «Новгородский технопарк», 2009–2010. Ч. 1–4.

4. Бурьяк М.К. Певческие традиции региона как фактор оптимизации художественного развития личности : на примере этнокультурных традиций Новгородской земли: дисс. ... канд. пед. наук: 13.00.05. Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств, Санкт-Петербург, 1999. 190 с.

5. Бурьяк М.К. Новгородское народно-певческое искусство: научное исследование. Великий Новгород: ЗАО «Новгородский технопарк», 2000. 120 с.

УДК 398(=161.1)

Т.С. Шенталинская

Андыльщина. Феномен колымского жанра – эндемика

Аннотация. В статье рассматривается уникальное явление взаимодействия русской и аборигенной традиционных культур на крайнем северо-востоке Сибири. Исследование этого явления актуально в связи с проблемой евразийства в русском фольклоре. В колымских селениях взаимодействие разнокультурных традиций привело к появлению нового вокально-поэтического жанра, как андыльщина (андыщина, алдыщина), песня-монолог, лирическая импровизация личного сочинительства. Автором в полевых исследованиях записаны ноты, которые включены в статью.

Ключевые слова: Нижняя Колыма, Походск, русские арктические старожилы, фольклор, песня-импровизация, андыльщина.

Andylschina. The Phenomenon of the Kolyma Genre –Endemic

Abstract. The article considers the unique phenomenon of interaction between Russian and aboriginal traditional cultures in the Far North-East of Siberia. The study of this phenomenon is relevant in connection with the problem of Eurasianism in Russian folklore. In Kolyma villages in the interaction of multicultural traditions led to the emergence of a new vocal and poetic genre, as andylschina (andyschina, aldyschina), song-monologue, lyrical improvisation of personal writing. The author in the field studies recorded notes that are included in the article.

Keywords: Nizhny Kolyma, Pokhodsk, Russian Arctic old-timers, folklore, song-improvisation, andylschina.

Речь пойдет об уникальном явлении, рожденном в процессе сложного и разнонаправленного взаимодействия русской и аборигенной традиционных культур на крайнем северо-востоке Сибири, явлении, исследование которого связано с актуальной проблемой евразийства в русском фольклоре.

Без малого четыре столетия на территории Якутии и Чукотки существуют русскоязычные анклавы потомков первых русских поселенцев и сохраняется в инокультурном и иноязычном окружении русский фольклор, принесенный ими. Центрами этих анклавов являются, прежде всего, селения в нижнем течении Индигирки, Колымы, и среднем течении Анадыря.

Отличительная особенность этих анклавов – то, что хранителями и носителями языка и фольклора русских пришельцев являются люди, живущие на земле своих предков по материнской линии – автохтонного населения края.

С началом русской колонизации стремительно протекала метисация аборигенов. Уже к середине XVIII века сформировалось смешанное потомство, особая общность, в жизни которой равнозначными доминантами стали русский язык, православие, русский фольклор и свойственные аборигенам края материально-хозяйственный быт рыболовов-охотников, почитание духов-хозяев окружающей природной среды, унаследованные от предков материнского рода жизненные каноны и мифологические представления. И если русский язык служит неким стержнем, скрепляющим данную общность, то систему ценностей, влияющих на формирование традиционной этики, можно

признать системой модальной. Духовные и сакральные приоритеты из разных миров здесь сосуществуют, уступая друг другу место в зависимости от ситуации и необходимости.

Путешественников и исследователей края всегда поражал неожиданный контраст между монголоидной внешностью местных жителей, северной бытовой атрибутикой – меховая одежда, каюки и нарты, собачьи и олени упряжки и т.п., их приспособленностью к местным промыслам, сезонным перекочевкам, – и их русским говором, вождением русских хороводов на вечерках, традиционно русским обрядом рождественского обхода домов с пением ритуального винограда и даже былинами, бытующими в их среде. И фольклористов, надо заметить, прежде всего, привлекал феномен бытования здесь русского фольклора и сохранения, как это часто бывает на окраинных территориях, жанров и видов утраченных или почти утраченных в метрополии.

Вместе с тем в традиционной культуре здесь проявляется и автотонный слой. Если говорить о фольклоре, субстрат творческого мышления заметно проступает в нарративных жанрах (космогонические предания, сказки, былички), впеснях местного происхождения.

В.Г.Богораз, который именно на Колыме начал свои этнографические и этнолингвистические исследования, отметил юкагирский след в песнях, обращенных к детям, т.е. в жанрах женского творчества[1: 177]. В середине 80-х годов прошлого века на Колыме, а в 2000-м году на Анадыре, в Маркове мной были записаны, среди прочих образцов русского фольклора, в одном случае песня-сказка со звукоподражанием голосам птиц, в другой сказка с песенными вставками и тоже со звукоподражанием, – о том, как мать выдавала замуж свою дочку «Чаячку». Сказками этими баюкали и пестовали детей. Как выяснилось, это версии сказки о «сватовстве птиц», относящейся к древнему пласту юкагирского фольклора[9].

В том же, 2000-м году мне довелось узнать и зафиксировать факт бытования у марковцев, еще на памяти недавно жившего поколения, пиктографического письма – рисованного на бересте объяснения в любви, что, несомненно, является претворением давней традиции юкагирских берестяных пиктограмм, одни из которых служили картами кочевков по рекам, другие – любовной перепиской[8].

В колымских селениях во взаимодействии разнокультурных традиций суждено было родиться такому уникальному явлению, как

новый вокально-поэтический жанр, выполняющий специфическую функцию и обладающий специфическими, имманентными структурно-типологическими свойствами.

Это – андыльщина (андыщина, алдыщина), песня-монолог, лирическая импровизация личного сочинительства.

Андыльщины обособлены от всех других жанров в сознании носителей традиции. «Да это же даже и не песни, а так пели, кто кого полюбит – любовные песни»; «Андыльщина? – Про все можно спеть. Это как опера: про все, даже про жизнь свою можно спеть»; «Андыльщины – это как сказка, все за сердце берут. Ух! Близко локоть – сто делать – его не достанес...»; «Алдыщина – из своего ума, по одному пели», «Любох это сочиняет. Вот я с тобой путайся, ты уйя от меня – я сочиняй»*, – говорят колымчане²⁸.

Открытие жанра, **первая публикация поэтического текста** (в журнале «Мнемозина» за 1824 г.) и описание андыльщины принадлежит Федору Матюшкину, участвовавшему в экспедиции по северным берегам Сибири и Ледовитому морю 1820-1824 гг. «Нынешние юкагиры, потеряв язык свой, не потеряли охоты к пению, – пишет Матюшкин. – Женщины их имеют дар импровизировать... прославляют своих любовников. Таковые песни называются у них Андыльщинами, от слова Андыль, т.е. молодой человек. Они поются от избытка сердца и редко два раза...». Последнее замечание подчеркивает импровизационный характер поэтического высказывания. «Напев... однообразен, дик, заунывен, но может нравиться» – продолжает Матюшкин.

Отправляю любимого на Большаньку на реку!

Полети, мой златоперенькой, чрез горы, чрез доли,

чрез серые камешки!

А где тебя будет, рассокольчик, темна ночка заставать,

Зараночка будет вечерняя наступать:

Свивай ты тепло гнездышко на сером камешку, на сером серовику!

Во гнездышке, соловушка разжолтенькой, воспевай

²⁸ Здесь и далее приводятся высказывания жителей пос. Аннойск Билибинского р-на Магаданской обл., пос. Нижнеколымск, Черский, Походск Нижнеколымского р-на Республики Саха (Якутия) – Ф.А. Санталовой (1929 г.р.), С.Е. Борисова (1910 г.р.), Ф.Я. Губайдулина (1905 г.р.), И.Д. Реброва (1916 г.р.), Е.М. Шкулевой (1910 г.р.), Е.Г. Семкиной (1928 г.), записанные автором летом 1982 г. Знаком «*» отмечено высказывание жителя Походска П.К. Никулина, услышанное Т.А. Селюковой (Селюкова Т.А. Новые записки произведения устного народного творчества русского нижнеколымского населения (По следам В.Г. Богораза) / Записки Чукотского краеведческого музея. Магадан, 1967. Вып. 4, С 67-68).

*И, златоперенькой, на зараночку возгляни:
Тяжко больно вздохни, размилушку слезою помяни!..
Вечерняя заря была забавушка моя,
Ранняя утренняя заря разлукушка моя!»[2: 386]*

Почти через восемьдесят лет андыльщине будет отведен специальный раздел в «Областном словаре колымско-русского наречия», составленном В.Г. Богоразом, где он опубликует девять текстов – художественно-образных, трогательных, сердечных излияний [1:174-175; №№ 140-147]. Он был явно вдохновлен этими песнями. Андыльщины звучат в некоторых его колымских рассказах, им посвящены поэтические строки: «Девушка тихо напевала сладкую замысловатую мелодию андыльщины, одной из полуимпровизационных любовных песен, которые создались на севере бог знает как и когда, как будто сотканые из прозрачного воздуха и алого отблеска полярной зари на еще не растаявшем снегу. Напевы андыльщин идут в лад и в склон с русской народной песней и вдруг вздымаются на неудержимую высоту, криком внезапной страсти, коротким и стремительным, как дыхание полярного лета, и переливаются тихими струйками, как горные ручьи, выбегающие из-под белых наледей в диких ущельях Яблоновых гор, и долго замирают и тают, как следы дикого оленя, бегущего вдоль низкой речной косы, по влажному песку...» (рассказ «Развязка»).

«Андыщина представляет поэтическое выражение любовного чувства, которое сделало бы честь народу несравненно более культурному, чем Койымской найод (так называют колымчане сами себя)», – заключает этнограф и писатель [1: 175].

Первые звукозаписи на фонограф были сделаны в 1900-1902 гг. В.И. Иохельсоном и В.Г. Богоразом во время работы в регионах Колымы и Анадыря в качестве участников американской Северо-Тихоокеанской экспедиции, носящей имя финансировавшего её президента Американского Музея Естественной Истории²⁹ банкира Морриса Дрезупа³⁰. Из материалов экспедиции известно, что Иохельсон делает записи андыльщин на Станке Кресты (29 декабря 1901г.), в селении Омолон (31 декабря 1902 г.) и в Нижнеколымске (4 января 1902 г.)³¹ На Омолоне андыльщина была записана от Василия Востря-

²⁹ American Museum of Natural History, New York.

³⁰ The Jesup North Pacific Expedition (1897 – 1903 гг.).

³¹ Вместе с другими фонограммами экспедиции запись хранится в Архиве традиционной музыки Университета штата Индиана (Archives of Traditional Music, Indiana Univer-

кова, юкагира «обрусевшего первого Омолонского рода», как сообщает о нем В.И. Иохельсон [4:1]. Иохельсон подчеркивает знание Востряковым родного языка: «На устье р. Омолона в 1-м Омолонском роде, обрусевшем, знают еще родной язык 2 человека: Василий Востряков и женщина, вышедшая замуж за мещанина Ганушина» [4: 27]. «В песне, которая была спета для меня юкагиром с Омолона Василием Востряковым, любимая девушка подобна высокой ели, которую никто не может согнуть, но певец побеждает ее и зеленая трава – перина для них, кусты – их подушка, облако – покрывало», – пишет В.И. Иохельсон [10: 66].

Богораз записал андыльщину на Анадыре, скорее всего от переселенцев с Колымы, так как в анадырских селениях андыльщина не прижилась.

И только еще через девяносто с лишним лет, в 1996 г., появятся **первые публикации напевов** андыльщин. Это были расшифровка архивной записи Богораза, обнаруженная мной в фонограммархиве Института русской литературы (ИРЛИ, Пушкинский дом) в Ленинграде и магнитофонных записей, сделанных мной в селениях на Нижней Колыме и Анюе [6; 7]. Записи с напевом предоставили возможность проанализировать андыльщину в ее полноценном облике, как музыкально-поэтический текст. Впечатление о спонтанности, свободной неорганизованности, производимое исполнением андыльщины на слух и отмеченное в некоторых прежних описаниях, оказалось обманчиво. Обнаружилась регулярная основа их словесно-мелодического строения, структурные элементы жанра сложились в весьма развитый художественный канон. Записи, хоть и малочисленные, убеждают в существовании типовых напевов андыльщины и их традиционной устойчивости. Свидетельствуют об этом и высказывания наших информантов, которые, слушая голос, доносящийся с фоновалика из далёкого прошлого, сразу определяли: «Это по-походски!». «По-анюйски, по-походски – это два колена, анюйския ты пой...» – начала одну из своих андыльщин Ф.А. Санталова из Анюйска [7: № 3, с. 109], и прокомментировала: «Походчане попростражней поют». Андыльщины, записанные в 1982 году, оказались близкими мелодическими вариантами архивной записи начала века.

Подробный анализ андыльщин приведен в указанных публикациях, назову здесь основные, характерные структурные принципы, ставшие признаками жанра.

sity. Bloomington, USA).

Напев соответствует одному стиху.

Мелодико-стиховой период ориентирован на ритмическую канву силлабического стиха типа 8+7 слогов с делением на слоговые группы: 4+4+4+3. Силлабика претворена здесь своеобразно: временная протяженность слоговых групп и конфигурация музыкально-слогового ритма внутри них нередко изменяются на протяжении песни. Эта особенность и приводит к впечатлению, что «андыщина не требует ни рифмы, ни размера... составление ее представляет полный простор выражению индивидуального чувства...» [1: 175].

Проявляется тенденция к позиционной закреплённости моментов рассредоточения основного стиха и наиболее интенсивной слоговой распетости.

Четкими ритмическими и интонационными ориентирами служат четыре главных акцента, что позволяет разнообразно варьировать и размер тактов, и конфигурацию длительностей, а также обеспечивает определенность мелодической графики напева, краеугольными точками которой становятся высотные позиции главных акцентов мелодико-стихового периода.

Характерно увеличение моры, начиная с третьего акцентного слога, в зоне которого происходит наиболее интенсивная слоговая распетность.

Неукоснительно соблюдается троекратное повторение финалиса – заключительного звука.

Главным отличительным знаком андыльщины представляется ее уникальный напев. Причудливый, зигзагообразный рисунок мелодии заполняет предельно широкое для бытового пения звуковое пространство. Терцовые, квартовые шаги, почти вовсе вытеснившие секундовые сопряжения, ходы на широкие интервалы, обороты (восходящие и нисходящие), достигающие ундецимы, – все это создает впечатление стихийной непредсказуемости. Интонационная оригинальность, особая манера пения – не всегда точная высотная фиксированность звуков, характерная особенно для мужчин старшего поколения, в соединении со специфическим говором, тем более трудно понимаемым при пении, поражает непосвященное ухо своей экзотичностью³².

³² Публикацию записей, сделанных автором летом 1982 г. см. в конце статьи. № 1 – андыльщина Февралины Алексеевны Санталовой (1929 г.р.) из пос. Анюиск Билибинского р-на Магаданской обл. № 2 – андыльщина Степана Егоровича Борисова (1910 г.р.) из пос. Походск Нижнеколымского р-на.

Естественно, что поэтические тексты андыльщин, являясь плодом местного сочинительства, обильно насыщены топонимами, словами и понятиями окружающего обихода. Некоторые тексты требуют, чуть ли не перевода для понимания вне пределов традиции. Но что важно для определения жанровой специфики, отдельные явления приобретают значение устойчивых поэтических образов, возникают устойчивые, можно сказать формульные словесные обороты, как надежные и необходимые опоры в импровизационном потоке. Еще Богораз отметил, что «существует ряд оборотов и готовых фраз, которые составляют общее достояние людей, поющих андыщину... Пользуясь этими оборотами, каждый поющий составляет себе особую андыщину»[1: 174].

Например, высокая гора – приметная часть родного пейзажа, верный помощник в сложной ориентации среди безлюдного монотонного пространства тундры, среди многочисленных и похожих одно на другое разветвлений речного русла, становится своего рода «общим местом», это – «серый камень» андыльщины, поэтический символ, словно помогающий найти дорогу к сердцу любимого, любимой.

Жанровая основа (монолог-импровизация, обособление в качестве песен личных, индивидуальной принадлежности), типические ситуации создания-исполнения (в условиях промыслового уединения, в долгом пути или как песенное объяснение любовников), несомненно, сближают андыльщину с культурой аборигенов. Одна из колымчанок так и определила: «Андыльщина – это по-якутски: пою, что думаю, что вижу впереди себя».

В.И. Иохельсон, изучавший юкагирский язык и фольклор, сопоставляет с андыльщинами юкагирские любовные песни-импровизации, называемые адін-јахтак, в которых нередко имена героев были русскими. «По-видимому, песни эти составляют переход к импровизированным романсам, распеваемым колымчанами-русскими и известным под названием андыльщины», – пишет он и тоже, как и Матюшкин, указывает на происхождение названия жанра «от юкагирского слова адил – «юноша», также «любовник»³³[4: XIV].

«Происхождение андыщин имеет прямое отношение к юкагирскому народному элементу, – утверждает Богораз. – Один из основных напевов андыщины считается юкагирским (Андыщина на Юкагир-

³³ Ю.И. Шейкин приводит иную этимологическую трактовку термина андыльщина от юкагирского слова *анаа/анга*, известного в лексике вадулов и одулов в значении «рот» (Шейкин Ю.И. История музыкальной культуры народов Сибири. М., 2002. С. 275).

ский склон)» [1: 174].

Среди немногих публикаций нотированных юкагирских песен нам пока не встретились аналоги напевам андыльщины. Но напрашивается сравнение андыльщины с любовными рисунками, которые замысловато выводили на бересте юкагирские девушки, передавая свои мысли и переживания, сравнение с «шангар-шорилэ» («письмо на коже дерева») [5]. Содержание андыльщин перекликается с содержанием этих рисунков и общим представляется тот сентиментальный, а, возможно, и любовно-магический импульс, который породил их создание.

Вместе с тем множество аналогий связывает андыльщину с традиционной русской песенностью. Это – лексика и весь строй поэтической речи; ритм «чистого» стиха, характерный для хороводных, плясовых, для поздней лирики и частушек; ассоциируемые с плачем – импровизация с опорой на стереотипные словосочетания и образы-символы, «сиюминутное» сочинение как акт душевного излияния и жалостливый стиль словесного выражения. Сольно-импровизационное претворение ритмической основы стиха, одностиховая форма напева, речитация на одном звуке заключительной трехслоговой группы и ритмическое продление третьего от конца слога, что на мелодическом уровне создает дактилическое окончание, – свойства также весьма характерные для п л а ч а. Метание голоса от высоких тонов к предельно низким вызывает ассоциации с достаточно уникальными напевами торопецких плачей Псковщины. В свою очередь приемы ритмо-интонационного развития, в основе которого разрастание формы, слогаобрывы и словоповторы, композиционная закрепленность слоговой и музыкально-временной избыточности, выделение в самостоятельную группу завершения стиха после распевания в зоне третьего ударного слога, регулярное повторение завершающей слоговой группы, напоминающее прием сцепляющего запева, – все это сродни протяжной песне. Знаменательно, что в высказываниях наших информантов и в описаниях исследователей края андыльщины определяются как «тягучие», «проголосные», «протяжные» – традиционный набор названий этого жанра. Выражение любовной истомы с оттенком некоторой иронии, как в андыльщине С.Е. Борисова (№ 2), в сочетании с угловатой размашистостью напева и характерным стиховым ритмом вызывают ассоциации и с частушками – «нескладухами».

Сложившись в селениях Нижней Колымы, андыльщина распространилась и в русских селениях низовья р. Индигирка, где получила даже некую местную интерпретацию, но где совершенно определенно осознается как творческое достояние колымчан. Я давала прослушивать запись Богораза моим информантам из поселка Полярное, и сразу же слышала: «**по-колымски** песня», название андыльщина мало что говорило индигирцам. Сохраняя основную функцию любовного «опевания» (местное определение), андыльщина здесь значительно упрощается и трансформируется, сливаясь в некоторых случаях с жанром поздней лирической песни или короткой частушки. Изменения, произошедшие с андыльщиной на Индигирке хорошо чувствуют сами исполнители. О своей песне М.И. Чикачева (1912 г.р., пос Полярное), предки которой с Колымы, сказала: «Это наша природная, у нас называется “по-колымски”»... «И-эх, как тянется!», – увлеченно воскликнула она после первого стиха, а когда спела всю песню, заключила: «Поколымски-те, тисто колымска». «Есть и по-русско-устьянскому, по-нашему. Одну и ту же песню можно на два голоса спеть. Колымский язык тянется, у нас короче, быстрее обрывается голос»³⁴. В конце прошлого века можно было констатировать, что если на Колыме андыльщина исчезает, то на Индигирке она еще находится в движении, обогащая современную бытовую песенность³⁵.

Совокупность свойств андыльщины позволяет рассматривать ее как самобытный жанр локального происхождения, **жанр - эндемик**. «Такая песня есть прямая принадлежность Нижней Колымы», – уверенно подчеркивал Богораз [1: 174]. Андыльщина вобрала себя черты русской песенности, которые в традиции метрополии существуют автономно. Это жанр, рожденный в специфических условиях жизни в нижнеколымских селениях на перекрестке русской и аборигенной культур, жанр, в самом названии которого объединились **юкагирский корень** и типично **русский суффикс**.

[Ноты: 1, 2, 3]

³⁴ Записано от Е.С. Киселева (1924 г.р.) из пос. Чокурдах Аллаиховского р-на, потомственного знатока индигирских сказок и эпических песен.

³⁵ Песня «Буруглинской серой камень», несомненный поздний «парафраз» на колымскую андыльщину – одна из самых любимых популярных в пос. Полярное лирических песен, см. публ. № 3. Записано автором в январе 1985г. от А.П. Чикачевой (1919 г.р.) и Г.И. Винниковой (1947 г.р.).

НОТЫ 1

1. $\text{♩} = 110$

1. Е - горь с виче с рай - ка жель стаит на при кру - (у) - том,

сто - ит бе - реж - ку.

2. Да бы ло вре - ме, на ша Ду - ня бе - гат как де в - че - (о) - и ка о я
3. Да ло пе - соч - ку, по кус - точ кам бы стра ми на - га - (а) - ми
4. А как жи - мо - ю, то все - но ю ся дет кру ты на - (а) - рты,

бе - да на бо - си - ком.
к не - ва - ду ле - тит.
- ве - се - ло ле - тит.

5. Да ко сло гар - кну, ку хнет, ух - ну т ста ну т за пе - ре - (э) дн я - во да

се - ра - ва хох - ла.

6. Да да кше в мо - ре, дай те в мо - ре то ль ко ло - бо - ва - (а) - тся

мяе бы кра - со - той.

НОТЫ 2

2.

$\text{♩} = 146$

1. Ну куда со-я бу-я, ку-да е-хаймё я ра-ста - ра - (а... вот... а... да, ну
ра-т буй гля те - ба.

2. Ай, по По - хо-т скай-ти гру-бой вк-ске сто-ит три ле - си - (и... вот... и... да
сто - ит на со - ку.

3. Да ну оа - на - та нуле-си - но - чка сто-ит гля ару - (у - у... э... э... да
сто - ит гля ре - баг.

4. Да ну ару - га - то нуле-си - но - чка сто-ит гля ва - ча (да) - а... а... чков,
сто - ит гля боль - сых.

5. Так ну (и) тре - гя-то ле-си - на чка-то за мно - ю, сте - ря - (э... рывой, ну
сте-р... вой за - мя - та.

НОТЫ 3

3.
 1. Бу - ру - гли - нской се - рой ка -мень

ой да, над бы - стра - на - чкой сто - ит.

2. Ой да, над бы - стра - на - чкой сто - ит, да

се - ро - ой да, ма - ма, мо - ё со - мно го - лит.
 - ва - то со ка - му - шка

3. Ой да, как со се - ро... с ка - му - шка

ой да, и - спа - ре - нье по - дмя - лось.

4. Ой, да и - спа - ре - нье - то, во - да

ой да, ма - ма, бо - лит се - рю у не - го.

6. Шенталинская Т. С. Андыльщина – местный песенный жанр русских колымчан / Русский фольклор в инокультурном окружении. Сборник научных трудов. Государственный Республиканский Центр русского фольклора. Вып. 6. М., 1995. С. 140-151.

7. Шенталинская Т. С. Андыльщина (жанр-эндемик) / Экспедиционные открытия последних лет. Народная музыка, словесность, обряды в записях 1970-1990-х годов. Статьи и материалы. СПб., 1996. С. 97-114.

8. Шенталинская Т. С. «Знаки любви». Рисунки на бересте из с. Маркова / Живая старина. Вып. 3, 2003. С. 9-14.

9. Шенталинская Т. С. Элементы традиционной культуры аборигенов в русскоязычных анклавах на северо-востоке Сибири / Славянская традиционная культура и современный мир. Сборник материалов научной конференции. Вып. 6. Государственный Республиканский Центр русского фольклора. М., 2004. С. 68-80.

10. Jochelson W. The Yukaghir and Yukaghirized Tungus / Memoir of the American Museum of Natural History. Vol. 13. Part 3. Leiden; N.Y., 1926.

РЕЗОЛЮЦИЯ
Всероссийской научно-практической конференции
«Язык и культура русских старожил Арктики
как феномен этнокультурного взаимодействия народов
Республики Саха (Якутия)»

5–6 декабря 2013 г. в г. Якутске состоялась Всероссийская научно-практическая конференция «Язык и культура русских старожил Арктики как феномен этнокультурного взаимодействия народов Республики Саха (Якутия)». Организаторами конференции выступили Совет по языковой политике при Президенте Республики Саха (Якутия), Министерство образования Республики Саха (Якутия), Департамент по делам народов Республики Саха (Якутия), Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН. В её работе приняли участие ученые, преподаватели высших учебных заведений, представители органов законодательной и исполнительной власти, активисты общественных организаций из Москвы, Архангельска, Великого Новгорода, Якутска. Всего заслушано 40 докладов и сообщений по различным аспектам историко-этнографического изучения, сохранения и развития традиционных систем хозяйствования, уникальной культуры русских старожил Арктики.

Широкий спектр тем, вынесенных на заседание конференции, позволил обсудить круг вопросов, охватывающих историю формирования научно-го изучения русского населения в арктических районах Якутии; проблемы этнокультурного взаимодействия, сохранности историко-культурного наследия, особенностей языка и фольклора русскоустыинцев и походчан; мировой опыт законодательного закрепления и защиты прав коренных народов Арктики. В рамках конференции проведен Круглый стол «Правовой статус и этническая идентичность арктических русских старожил Республики Саха (Якутия)», выступили 12 чел., в прениях 20 чел., присутствовало 40 чел. В дискуссии были подняты актуальные вопросы современного общественно-политического, социально-экономического и этнокультурного развития этой самобытной этнической общности Северо-востока Азии.

Вместе с тем работа конференция выявила, что необходимо дальнейшее комплексное исследование проблем формирования и сохранения уникальной культуры русских арктических старожил на основе новых теоретико-методологических подходов с привлечением междисциплинарных методов естественных и гуманитарных наук. Участники конференции отме-

тили необходимость разработки правовой основы по сохранению традиционного природопользования и отчуждению территорий традиционных промыслов русских арктических старожилов;

Осознавая важность дальнейшего углубленного изучения поднятых в ходе обсуждения на конференции проблем, её участники рекомендуют:

Правительству Республики Саха (Якутия):

- вынести обсуждение вопросов территорий традиционного природопользования русских арктических старожилов на федеральный уровень;

Департаменту по делам народов Республики Саха (Якутия)

- предусмотреть мероприятия по поддержке этнокультурного развития арктических русских старожилов при реализации государственной программы «Гармонизация межэтнических отношений в РС (Я) на 2012-2016 гг.», в том числе участие в фольклорных фестивалях и конкурсах в г. Великий Новгород и других исторических городах России;

Министерству образования РС (Я), Совету по языковой политике при Президенте Республики Саха (Якутия)

- организовать публикацию учебных и учебно-методических пособий, подготовку мультимедийных изданий по истории, языку и фольклору русскоустинцев и походчан;

- разработать стратегию музыкального этнообразования в местах компактного проживания русских арктических старожилов;

- разработать спецкурсы, программы для школ и учебных заведений республики по изучению духовной и материальной культуры русских старожилов Якутии;

- рекомендовать использовать опыт методической работы республиканской экспериментальной площадки (РЭП) МОУ «Русскоустинская общеобразовательная школа» и МОУ «Чокурдахская средняя общеобразовательная школа им. А.Г. Чикачева в школьной практике;

- предусмотреть обмен детскими фольклорными коллективами с г. Великий Новгород.

Министерству культуры и духовного развития

- проводить ежегодный фестиваль русских арктических старожилов;

Институту гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН

- подготовить к изданию материалы конференции в виде сборника научных статей;

- расширить комплексные научные исследования ареальных групп русского населения Якутии;

– создать научную электронную базу данных нематериального этнокультурного наследия русских арктических старожилов; выпустить диск музыкального фольклора;

– продолжить работу по подготовке публикаций А.Г. Чикачева.

Совместно с Ассоциацией коренных малочисленных народов Севера:

– подготовить и провести научно-практическую конференцию «Традиционный образ жизни и территории традиционного природопользования народов Арктики».

Сведения об авторах

1. **Аксянова Галина Андреевна**, кандидат биологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, г. Москва.
2. **Антонов Егор Петрович**, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории и арктических исследований, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера ФИЦ «ЯНЦ СО РАН». г. Якутск.
3. **Башкиров Михаил Борисович**, кандидат исторических наук, доцент кафедры «Международные исследования». Институт зарубежной филологии и регионоведения ФГАОУ ВПО «Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова».
4. **Бердникова Татьяна Александровна**, кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания и риторики филологического факультета ФГАОУ ВПО «Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова», г. Якутск.
5. **Боякова Сардана Ильинична**, доктор исторических наук, заведующая отделом истории и арктических исследований. Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера ФИЦ «ЯНЦ СО РАН». г. Якутск.
6. **Бурьяк Марина Клавдиевна**, доктор педагогических наук, директор Новгородской детской музыкальной школы русского фольклора, г. Великий Новгород.
7. **Васильева Римма Иннокентьевна**, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела якутского языка. Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера ФИЦ «ЯНЦ СО РАН». г. Якутск.
8. **Винокурова Людмила Егоровна**, кандидат исторических наук, доцент. г. Якутск.
9. **Жукова Людмила Николаевна**, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела археологии и этнографии. Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера ФИЦ «ЯНЦ СО РАН». г. Якутск.
10. **Киселева Наталья Прокопьевна**, учитель истории и обществознания МОУ «Русско-Устьинская основная общеобразовательная школа» Аллаиховский улус, Республика Саха (Якутия).

11. **Маклашова Елена Гавриловна**, доктор социологических наук, зам. директора по науке. Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера ФИЦ «ЯНЦ СО РАН», г. Якутск.
12. **Никитина Саргылана Егоровна**, кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела истории и арктических исследований. Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера ФИЦ «ЯНЦ СО РАН». г. Якутск.
13. **Осипова Ольга Валерьевна**, кандидат политических наук, зав. центром этносоциологических исследований. Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера ФИЦ «ЯНЦ СО РАН». г. Якутск.
14. **Плужников Николай Владимирович**, кандидат исторических наук, научный сотрудник лаборатории аудиовизуальной антропологии, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, г. Москва.
15. **Портнягина Галина Дмитриевна**, воспитатель первой категории, ДОУ «Северяночка» при МОУ «Русско-Устьинская основная общеобразовательная школа» Аллаиховский улус, Республика Саха (Якутия).
16. **Портнягина Надежда Дмитриевна**, учитель русского языка первой категории, МОУ «Русско-Устьинская основная общеобразовательная школа» Аллаиховский улус, Республика Саха (Якутия).
17. **Смирнов Юрий Иванович**, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела фольклора Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН, г. Москва
18. **Строгова Екатерина Алексеевна**, кандидат исторических наук, директор музея истории города Якутска Администрации МО «г. Якутск».
19. **Суздалова Александра Михайловна**, учитель начальных классов МОУ Походская средняя общеобразовательная школа с. Походск Нижнеколымского улуса (района), Республики Саха (Якутия).
20. **Чарина Ольга Иосифовна**, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела литературоведения и фольклора. Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера ФИЦ «ЯНЦ СО РАН», г. Якутск.
21. **Чикачев Игорь Алексеевич**, заслуженный работник народного хозяйства Республики Саха (Якутия), г. Якутск.

22. **Чуракова Ольга Владимировна**, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Северного (Арктический) Федерального университета имени М. В. Ломоносова. Институт социально-гуманитарных и политических наук; зав. кафедрой гуманитарных дисциплин Института управления, профессор, г. Архангельск.
23. **Шадрин Вячеслав Иванович**, I-й вице-президент Ассоциации коренных малочисленных народов Севера РС (Я), научный сотрудник отдела истории и арктических исследований. Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера ФИЦ «ЯНЦ СО РАН», г. Якутск.
24. **Шенталинская Татьяна Сергеевна**, Союз композиторов России, г. Москва.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3

Раздел 1. Исторический опыт адаптации русских арктических старожилов Якутии

Е.А.Строгова ФОРМИРОВАНИЕ ПОСТОЯННОГО РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ И ОБРАЗОВАНИЕ ЭТНИЧЕСКОЙ ТЕРРИТОРИИ НА СЕВЕРЕ ЯКУТИИ В XVII – XVIII ВВ.	7
С.Е. Никитина РУССКИЕ АРКТИЧЕСКИЕ СТАРОЖИЛЫ РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ): ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ УНИКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ	16
В.И. Шадрин, С.Е. Никитина ПРОБЛЕМЫ ТРАДИЦИОННОГО РЫБОЛОВСТВА РУССКИХ АРКТИЧЕСКИХ СТАРОЖИЛОВ УСТЬЯ Р. КОЛЫМЫ	33
Е.П.Антонов СОВРЕМЕННОЕ САМОСОЗНАНИЕ РУССКИХ СТАРОЖИЛОВ ПОХОДСКА В КОНТЕКСТЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ	45
О.В. Осипова, Е.Г. Маклашова ИДЕНТИЧНОСТИ АРКТИКИ (ПО МАТЕРИАЛАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В АЛЛАЙХОВСКОМ РАЙОНЕ)	52
С.И. Боякова ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ XIX – НАЧАЛА XX ВВ. О РУССКИХ ЖИТЕЛЯХ НИЗОВЬЕВ ИНДИГИРКИ	58
Л.Н. Жукова НЕИЗВЕСТНАЯ ЗАПИСКА Д.Д. ТРАВИНА О ХОЗЯЙСТВЕ И БЫТЕ РУССКОУСТЫНЦЕ Л.Е. ВИНОКУРОВА	65
Л.Е. Винокурова ЭКСПЕДИЦИЯ ТЕОДОРА АБРАМОВИЧА ШУБА В РУССКОЕ УСТЬЕ	73
О.В. Чуракова СЕВЕРЯНКА КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН: ОПЫТ РЕТРОСПЕКТИВНОГО КРОСС-КУЛЬТУРНОГО СРАВНЕНИЯ ЖЕНСКИХ МИРОВ ПОМОРЬЯ И ЯКУТИИ	77
М.Б. Башкиров МЕТИСЫ СЕВЕРО-ЗАПАДА КАНАДЫ: ИДЕНТИЧНОСТЬ, ПРАВОВОЙ СТАТУС, ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТРЕБОВАНИЯ	86

Н.В. Плужников
ЭТНОГРАФИЯ МАТЕРИАЛЬНОЙ И ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ РУССКИХ
СТАРОЖИЛОВ РУССКОГО УСТЬЯ97

Г.А. Аксянова
РУССКОУСТЬИНСКИЙ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН 122

С.Е. Никитина
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ РЕЗУЛЬТАТЫ «ЛИНГВОКУЛЬТУ-
РОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ В С. ПОХОДСК НИЖНЕКОЛЫМСКО-
ГО УЛУСА (РАЙОНА) РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ), С. РУССКОЕ
УСТЬЕ АЛЛАЙХОВСКОГО УЛУСА (РАЙОНА) РЕСПУБЛИКИ САХА
(ЯКУТИЯ)» 160

Раздел 2. ЯЗЫК И ФОЛЬКЛОР русских арктических старожилов

Т.А. Бердникова
ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ НАРОДНЫХ ГОВОРОВ КАК ОБЪЕКТ
ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ 174

Т.А. Бердникова
О ПРОВЕДЕНИИ ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫ-
КОВОЙ И ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ СИТУАЦИИ РУССКИХ СТАРОЖИЛОВ
УСТЬЯ РИНДИГИРКА 179

Р.И. Васильева
М.Ф.ДРУЖИНИНА КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬ РУССКИХ СТАРОЖИЛЬ-
ЧЕСКИХ ГОВОРОВ НА ТЕРРИТОРИИ ЯКУТИИ 184

И.А. Чикачѐв
ЗАИМСТВОВАНИЯ ИЗ АБОРИГЕННЫХ ЯЗЫКОВ В РУССКО- УСТЬИНС-
КОМ ДИАЛЕКТЕ188

Н.П. Киселева
РУССКОУСТЬИНСКИЙ СЛОВАРЬ КАК ЭЛЕМЕНТ НАЦИОНАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ 202

А.М. Суздалова
ПОХОДСКИЙ ГОВОР: ИССЛЕДОВАНИЯ УЧАЩИХСЯ ПОХОДСКОЙ
СРЕДНЕЙ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЫ С. ПОХОДСК НИЖНЕ-
КОЛЫМСКОГО УЛУСА (РАЙОНА) РС (Я) 209

О.И. Чарина
РУССКИЙ ФОЛЬКЛОР НА КОЛЫМЕ И ИНДИГИРКЕ 218

Ю.И. Смирнов
О ЛЮДЯХ, ЗАСЫПАЮЩИХ НА ВСЮ ЗИМУ 233

Н.Д. Портнягина ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РУССКО-УСТЫНСКОГО ФОЛЬКЛОР НА УРОКАХ ЛИТЕРАТУРЫ	248
Г.Д. Портнягина ПРИБЛИЖЕНИЕ ДЕТЕЙ СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА К УНИКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ С.РУССКОЕ УСТЬЕ	253
М.К. Бурьяк ПЕРСПЕКТИВЫ ВОССТАНОВЛЕНИЯ НАРОДНО-ПЕСЕННОЙ ТРАДИ- ЦИИ СЕЛА РУССКОЕ УСТЬЕ РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ)	257
Т.С. Шенталинская АНДЫЛЬЩИНА. ФЕНОМЕН КОЛЫМСКОГО ЖАНРА-ЭНДЕМИКА	264
РЕЗОЛЮЦИЯ Всероссийской научно-практической конференции «Язык и культура русских старожилов Арктики как феномен этнокультурного вза- имодействия народов Республики Саха (Якутия)»	279
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	282

Научное издание
РУССКИЕ АРКТИЧЕСКИЕ СТАРОЖИЛЫ ЯКУТИИ
Электронный ресурс

Публикуется в авторской редакции

Издатель:
Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера
Якутского научного центра
Сибирского отделения Российской академии наук
Адрес: 677027, Якутск, ул. Петровского, 1
Тел: +7 (411) 236-14-49
Официальный портал: www.igi.usn.ru

Формат 70x100 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 23,4. Уч.-изд. л. 16,55.